

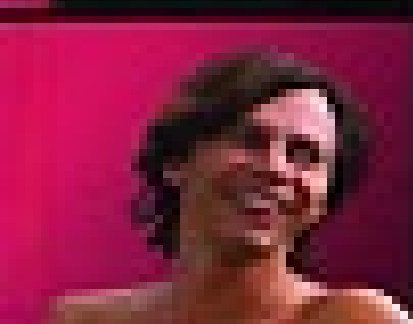
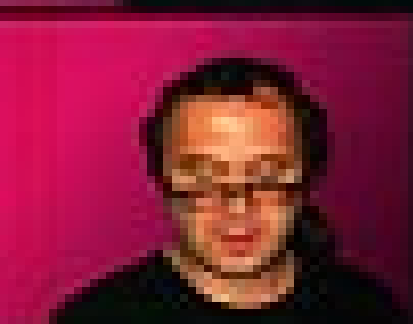
X

Александр Кушнин

едлайнеры

АМФОРА

Музыкальные критикотом и журналист Александр Кушнин

ПО ТУ
СТОРОНУ
БАБЛА
И ЗЛА

ИТЬЯ
НОРМАЛШЕ
КАК РУССКИЙ
БУДДА

ТАКИЕ
ДОКТРИНЫ
ОТЕЧЕСТВЕННОГО
РОКАЛОУСА

Annotation

Их обожают миллионы поклонников. Они собирают стадионы. Их имена пишут на афишах самыми крупными буквами. Они – хедлайнеры.

- [Александр Кушнир](#)
 -
 - [От автора](#)
 - [Глава I Майский чай \(что-то типа концептуального предисловия\)](#)
 - [Глава II Борис Гребенщиков](#)
 -
 - [1. Реальный “Аквариум”: между мифом и легендой](#)
 - [2. Начало сотрудничества](#)
 - [3. Из сияющей пустоты](#)
 - [4. Музыка хулиганов](#)
 - [5. Чуки-чуки банана-куки](#)
 - [6. Эффект sake](#)
 - [7. Чапаев и кислота \(культурологические поиски\)](#)
 - [8. Неизвестные факты из биографии Элвиса Пресли](#)
 - [Глава III Илья Лагутенко](#)
 -
 - [1. Сказка сказок](#)
 - [2. Beautiful Freak](#)
 - [3. Император рокапопса](#)
 - [4. Керамика Шагала](#)
 - [5. Летающие тарелки](#)
 - [6. Кофе и сигареты](#)
 - [7. Васильевский спуск](#)
 - [8. Слияние и поглощение](#)
 - [9. С той стороны зеркального стекла](#)
 - [Глава IV Максим Фадеев](#)
 -
 - [1. Новые технологии](#)
 - [2. Страсти тибетских лам](#)
 - [3. Восхождение](#)
 - [4. Как закалялась сталь](#)
 - [5. Окно в Европу](#)

- [6. Депрессия](#)
 - [7. Джага-Джага](#)
 - [8. Хитмейкер](#)
 - [Глава V Земфира](#)
 -
 - [1. Работая над ошибками](#)
 - [2. Волшебный голос королевства](#)
 - [3. Праздник непослушания](#)
 - [4. Башкирское золото](#)
 - [5. Первый бал](#)
 - [6. Шкалят датчики](#)
 - [7. Одиночество](#)
 - [Глава VI Глюкоза](#)
 -
 - [1. Молчание ягнят](#)
 - [2. Трудности перевода \(в реальность\)](#)
 - [3. Хвост виляет собакой](#)
 - [Глава VII Леонид Бурлаков](#)
 -
 - [1. How Much Is the Fish?](#)
 - [2. Слушая радио](#)
 - [3. Морская мина](#)
 - [4. Под крылом сильной компании](#)
 - [5. Хозяин](#)
 - [6. Кризис? Какой кризис?](#)
 - [7. Фигура сеятеля](#)
 - [8. Музыка нас связала](#)
 - [9. Рыжий бизнес](#)
 - [Глава VIII Илья Кормильцев](#)
 -
 - [1. Погружение](#)
 - [2. Праздник фараонов](#)
 - [3. Связь с общественностью](#)
 - [4. Восход и закат яблокитайцев](#)
 - [5. Музыка для поколения бритых лобков](#)
 - [6. В списках не значился](#)
 - [notes](#)
 -
-

Александр Кушнир

Хедлайнеры

Литературный редактор

Сергей Гурьев

Неоценимая помощь:

Женя Ковалева, Клим Колосов, Ира Миклошич, Марина Подвигина, Юрий Сапрыкин, Ирена Сезина

Плодотворное сочувствие идее:

Кирилл Бабий, Борис Барабанов, Наташа Баранова, Гена Бачинский, Сергей Бобза, Дима Богачев, Денис Борисов, Саша Буров, Майкл Дж. Виллард, Александр В.Волков, Александр С.Волков, Артур Гаспарян, Гриша Гольденцвайг, Олеся Гордеева, Дима Гройсман, Оля Дедова, Боб Дилан, Макс Димов, Лена Димова, Света Доля, Я.Г.Дубенко, Алла Жидкова, Наташа Замараева, Леня Захаров, Илья Зинин, Аня Зубакина, Таня Зыкина, Катя Игнатова, Наташа Инжеваткина, Костя Иоч, Наташа Кабанова, Капа, Миша Капник, Денис Каргаев, Оля Касьяненко, Женя Кацнельсон, Е.Б.Кибиткина, Николь Кидман, Олег Коврига, Сергей Козин, Михаил Козырев, Дима Коннов, Илья Кормильцев, Света Королева, Саша Коротич, Игорь Краев, Масяня Куваева, И.А.Кушнир, Маша Кушнир, Лена Лагутенко, Игорь Лазарев, Илья Легостаев, Саша Липницкий, Света Лобода, Лера Массква, Влад Локтев, Андрей Лукинов, Леша Мажаев, Миша Марголис, Ксения Маренникова, Владимир Месхи, Розин Мерфи, Алена Михайлова, Андрей Московкин, Леша Мунипов, Егор Негин, Макс Немцов, Олег Нестеров, Омар, Леша Певчев, Арина Перепелкина, Слава Петкун, Лена Погребижская, Ира Попович, Леня Порохня, Таня Пустынникова, Роберт Редфорд, Владимир Рудницкий, Павел Руминов, Олег Сакмаров, Роман Самоваров, Санчес из “ГДР”, Валера Саркисов, Макс Семеляк, Таня Сорокина, Команда Сталинград, Ира Старостина, Игорь Степанов, Наташа Суханова, Варя Титова, Андрей Тищенко, Артем Троицкий, Умка, Гриша и Инна Файнбург, Женя Фисун, Женя Ходош, Юра Цейтлин, Аня Черниговская, Олег Чубыкин, Яна Чурикова, Владимир Шевченко, Татьяна Шевченко, Сергей Щураков, А.А.Элиасберг, Эльмира, Юра Яроцкий

Фотофетиши:

Паша Антонов, Гена Авраменко, Сергей Бабенко, Максим Балабин, Олег Беликов, Наташа Буданова, Сергей Головач, Максим Горелик, Вадим Гортинский, дизайн-студия “Дела”, Маша Екимова, Вадим Конрадт, Дмитрий Константинов, Михаил Королев, Саша Коротич, Надя Лебедева, Света Лосева, Аня Макаревич, Ира Масалкина, Олег Михеев, Миша Павин, Саша Питушкин, Володя Преображенский, Кирилл Попов, Олег Ракович, Виктор Сенцов, Сергей Сергеев, Юрий Тугушев, Андрей Усов, Андрей Федечко-Мацкевич, Джейсон Фунари, фото из архивов “Утекай звукозапись” и “Кушнир Продакшн”.

Эвентуальные контакты : www.kushnir.ru

От автора

Как-то раз жизнь заставила меня затеять в квартире ремонт. В процессе этого бедствия строители разнесли антресоль, откуда мне на голову свалились десятка полтора коробок с кассетами. На них были записаны сотни пресс-конференций, интервью и бесед – с музыкантами, продюсерами, менеджерами. Время и место действия были различными, но спустя годы становилось понятно, кто из этих поп-героев оказался богом, а кто – демагогом. В легком замешательстве я вставил в магнитофон одну из кассет, и... что-то внутри перевернулось.

Когда-то, потратив пять лет на “100 магнитоальбомов советского рока”, я дал себе честное слово книг больше не писать. Для этого решения были основания. И долгих семь лет я это слово держал. Но то, что я услышал на кассетах, нельзя было оставлять на антресолях. Это надо было фиксировать и осмысливать. Об этом надо было писать. Решение созрело. Я взял тряпку и начал вытирать пыль с кассет.

Глава I Майский чай (что-то типа концептуального предисловия)

В моей жизни было некоторое количество хитовых историй. Одна из них многие годы пользуется особым успехом у друзей. Это сермяжная повесть о том, как меня занесло в музыкальный пиар и как начинался мой роман с группой “Мумий Троль”.

1994 год. Весна. Через несколько месяцев после того, как в книжных магазинах стала продаваться энциклопедия “Золотое подполье”, у меня дома на Шаболовке нарисовался странного вида мужик, который представился учредителем владивостокского рок-магазина. Его маленькие глазки блестели и бегали по сторонам. “Типичный барыга”, – подумал я.

Гость столицы подарил мне кучу аудиокассет с записями дальневосточных рок-групп: “Опиум”, “Тандем”, “Депеша”, “Туманный стон”, “Третья стража”, Саша Демин. Меня удивили две детали: кассеты были максимально дорогие, и названия песен на них прописывались нереально аккуратным почерком. Как говорится, с любовью.

Из дальнейших рассказов я понял, что гость пожелал взять на себя благородную миссию реализации “Золотого подполья” на Дальнем Востоке. Наверное, решил нести культуру в массы. В кредит. В количестве десяти экземпляров. Возможно, он заказал бы еще больше, но энциклопедии, падла, были тяжелые. Больше двух-трех пачек тащить “своим ходом” не удавалось никому. Когда я спросил про деньги, он ответил, что деньги – завтра. И исчез. Больше я его не видел.

Честно говоря, я сильно не парился. Понимал, что это будет единственный шанс, чтобы правильные люди, кассеты которых мне подарили, ознакомились с книгой во Владивостоке, Магадане, Иркутске, Хабаровске. Всё. Забыли. Конец истории.

Через полтора года, в теплый августовский день, я вернулся в Москву из глухого воронежского села, где трудился над “100 магнитоальбомами советского рока”. Цивилизации в деревне я не видел, поэтому решил сразу же пройтись по столичным пластиночным магазинам: “Они, небось, без меня перестали выполнять план продаж. Непорядок. Надо помочь”. И в девять утра я поперся в ближайшую лавку с компакт-дисками.

Магазин, в который я направлялся, был не простой, а оптовый. Находился он в глубине московских дворов на улице Шухова. Об этом

замаскированном подвале знали только оптовики и “свои люди”. Чтобы войти в этот полуподпольный бункер, надо было несколько раз позвонить и терпеливо ждать, когда тебе откроют. Черную железную дверь с решеткой, находящейся на уровне глаз, могли и не открыть. Как повезет.

Мне повезло. Дверь открыл юркий владелец магазина по имени Тимур, который уже успел заработать на продаже компактв целую иностранную машину. Красавец автомобиль с тонированными стеклами стоял прямо у входа в подвал. Тимур с неземной любовью глянул на свое четырехколесное детище и вежливо впустил меня внутрь.

Я спустился по пыльной лестнице вниз. Кондиционеров в подвале не было и воздуха явно не хватало, но на такие мелочи никто не обращал внимания. Несмотря на раннее время, работа в магазине кипела вовсю. Локальные и региональные продавцы компакт-дисков хватали “новинки” ящиками и выстраивались в очередь в кассу. Энергичный голос из висевшего на стене довоенного радиоприемника с поставленным энтузиазмом вещал утренние новости.

Внезапно я врезался в подозрительно знакомое лицо, которое начало со мной суетливо здороваться. Кто этот человек, я не мог вспомнить ни за какие деньги. “Только больные люди покупают пластинки в девять утра”, – успокаивал я себя. О чем подумало лицо, я не знаю. Но почему-то достало из-за пазухи толстое портмоне и, не глядя в мою сторону, начало отсчитывать деньги. Вначале достало купюру в 100000 рублей. Потом – еще одну, потом – еще. Итого – 300000 рублей. И торжественно вручило их мне.

Я не сопротивлялся. “Это – мой долг тебе”, – торжественно сказал персонаж. Мое лицо начало напоминать неопределенный интеграл, скорее всего – двойной. В непонятном подвале, откуда вообще можно не выбраться, незнакомый человек сует мне бабло. Причем делает это с таким удовольствием, словно вручает Пулитцеровскую премию.

Видимо, мое смятение чувств не осталось незамеченным. Мой новый инвестор понял эту перемену климата по-своему. И решительным жестом протянул еще одну купюру в 100000 рублей. Двойной интеграл на моем сонном лице плавно превратился в тройной. От неожиданности и удивления я не смог сказать ни слова. Тогда человек посмотрел на меня с неподдельным уважением и пробормотал фразу, которая не поддавалась ну никакой расшифровке: “А, я понимаю: дефолт, инфляция...” И с этими словами достал из кошелька пятую сотысячную купюру.

Я туго начал врубаться, что полмиллиона рублей старыми деньгами в первое же утро в Москве – не так уж и плохо. Типа, у меня начался сезон.

“Как тебя зовут, дядя?” – спросил я, надежно спрятав пол-лимона в карман джинсов. “Ты что, не помнишь, что ли? – искренне удивилось лицо. – Я – Леонид Бурлаков!” Провозгласил он это с такой непередаваемой интонацией, словно он как минимум Леонид Брежнев.

Из сбивчивого рассказа коммивояжера я понял, что таким образом он рассчитался за десяток книг “Золотое подполье”. С опозданием в два года. В тот момент меня осенило, что Бурлаков – это, наверное, такой хороший банк. Вложишь один доллар – получишь два.

“Еще раз здравствуйте! – с незначительным опозданием я начал вести светские разговоры. – Как дела?” Из жизнерадостных рассказов Лени следовало, что теперь он будет раскручивать новую рок-группу “Метро”. Дальше состоялся исторический диалог примерно следующего содержания.

– Как-как группа называется? “Метро”?

– Не “Метро”, а “Мумий Троль”!!!

– “Мумий Троль”? Боже мой! И где вы во Владивостоке такие названия находите?

Бурлаков начал оправдываться и почему-то рассказывать про грядущий этой осенью крупный рок-фестиваль во Владивостоке, на который “Мумий Троль” приглашен выступать хедлайнером. Затем Леня ударился в ностальгию и стал вспоминать про школу, в которой они вместе с вокалистом Ильей когда-то учились. “Ну ладно, ладно. Не оправдывайся, – великодушно ответил я. – Деньги вернул – и нормально!”

Но не тут-то было. Леня “включил насос” на тему того, что через несколько недель “Мумий Троль” начнет записывать настоящий компакт-диск в Лондоне. На студии, где за последние десять лет побывала добрая половина английского рока. И американского тоже.

На дворе стоял 96-й год. Напомню, что, кроме “Аквариума”, никто из наших музыкантов в английских студиях еще не работал. Это сегодня все кому не лень записываются в Англии и Америке. А тогда это напоминало выход в открытый космос. Без скафандра.

Поскольку правил полетов не существовало, во всем этом чувствовался какой-то удивительный шарм и непреодолимый соблазн. Это интриговало. Это было приключение, которое манило к себе с нечеловеческой силой. Поэтому прямо у кассы мы с Бурлаковым забили стрелку – попить завтра чайку у меня дома. Явочная трехкомнатная квартира с бесконечными потолками и двумя балконами находилась рядом с шуховской телебашней. Приглашать туда людей было не стыдно. Все бы ничего, но поскольку моя голова оказалась забита “100 магнитоальбомами”, я, как это часто бывает в России, деньги взял, а про

встречу забыл.

На следующий день настойчивый утренний звонок в дверь застал меня врасплох. Плохо соображая, что происходит, я удивился, но дверь открыл. В девять часов утра по московскому времени на пороге моей квартиры стоял цветущий Бурлаков. На нем были кожаные сандалии, белые брюки производства Рио-де-Жанейро и цветастая гавайская рубашка с огромными райскими птицами – скорее всего, попугаями.

Перед собой, словно Библию, Леня держал голубенькую аудиокассету фирмы “Sony”. На обложке красовался нарисованный зверек – предположительно тролль. Сверху шариковой ручкой было аккуратно написано – “специально для А.Кушнир”. По-видимому, по какой-то причине Бурлаков решил мою фамилию не склонять. Может, из суеверия. Хотя обычно мою фамилию склоняют все кому не лень...

На обратной стороне кассеты красовались названия песен и надпись, которая мне запомнилась надолго. Скорее всего, она предназначалась для идеологически неустойчивой целки: “НИКОГДА НИКОМУ”. Я понял, что давать кассету друзьям было запрещено. Категорически.

“Это чё, „Мумий Тролль“, что ли?” – с трудом сканируя ситуацию, спросил я. “Ну да!” – не пытаясь скрыть гордость в голосе, ответил Бурлаков.

Зайдя ко мне в комнату, Леня тут же сунул в кассетную деку фрагменты демо-записи будущего альбома “Морская”. На кассете находилось шесть песен, записанных где-то на кухне, – развязно-похотливый вокал, спетый под детские клавиши и примитивный ритм-бокс. Дешевле бывает только на Арбате под дождь и гитару...

А поскольку аппаратура у меня дорогая – к звуку я отношусь, как к красивой девушке, с уважением, – то слушать эти шедевры серьезно я не мог. Одна песня была ну совсем уж жалостливой: “Проснулась утром девочка, такая неприступная...” Слово промокший под проливным дождем шарманщик загремел в полицейский участок, где эти нелюди насильно заставляют его петь. Как правило, в подобных ситуациях я вынимал кассету из деки и выбрасывал в красное пластмассовое ведро, которое для таких случаев специально купил.

“Ладно, пошли на кухню пить чай”, – обреченно вздохнул я.

И тут я вернулся в лютую московскую реальность и медленно сообразил, что после трех месяцев, проведенных в деревне, у меня не только холодильник пустой, но и чая-то толком нет. В глубине одного из ящичков антикварного комода случайно завалилась помятая упаковка. Надо было что-то придумать – человек приехал в гости черт знает откуда, а я...

“Сейчас мы с тобой будем пить очень хороший, очень крепкий, можно сказать, лучший в мире майский чай”, – торжественно начал я. Куда меня понесло дальше в этой отчаянной пафосности, я, честно говоря, не помню. Несколько неожиданно я стал проявлять недюжинные познания в букетах ароматов и нюансах старинных чайных церемоний. Затем акцентировал внимание гостя на всех существующих в природе достоинствах майского чая. Одну свою фразу я запомнил крепко: “Эксклюзивная особенность этого редкого сорта, Леня, состоит в том, что его надо пить, ничем не закусывая. Даже без сахара”. Сахара, как вы понимаете, в доме не существовало как класса.

Как выяснилось позднее, этот монолог произвел на прожженного человековеда Леонида Бурлакова сильное впечатление. Уже находясь в зените славы, продюсер всемирно известной группы “Мумий Троль” как-то разоткровенничался: “Слушай, Кушнир! Если я когда-нибудь буду писать про тебя книгу, то точно назову ее „Майский чай“”.

...Выпив чаю без сахарку, мы перешли к делу. На демо-записи меня зацепили три песни: “Кот кота”, “Делай меня точно”, а также написанная Бурлаковым “Новая Луна апреля”. По правде говоря, ни “Утекай”, ни “Забавы” меня не впечатлили – какие-то унылые дворовые монологи под гитару. Но больше всего мне не понравилась стоящая на кассете первой “Вдруг ушли поезда”. Я Леню просто достал вопросами: “Что за фигня? Какие поезда? Куда ушли? И зачем ты эту шнягу включаешь в альбом?”

Бурлаков обиделся, но виду не подал. Только спросил резко: “Короче, мы будем вместе работать? Будем группу раскручивать?”

Я сбавил обороты. Еще раз скептически посмотрел на кассету. “У нас в запасе еще восемь хитов”, – гласила надпись на обратной стороне обложки. “Какие наглые, – с возмущением подумал я и не без сарказма спросил: – А если у вас столько хитов, значит, вы, наверное, великая группа?” “Конечно”, – с приморским спокойствием ответил Леня. “Ну и где же эта великая группа была раньше?” – подумал я, внезапно вспомнив, что когда мы с Бурлаковым познакомились и он подарил меня кассетами владивостокского рока, пленки “Троллей” там и близко не было. Но по законам гостеприимства доставать человека не стал. Тем более, после столь сытного завтрака.

Несмотря на раннее утро, во мне каким-то странным образом проснулась способность рассуждать: “Боже мой, какой-то сюрреализм, честное слово. Безумный взрослый мужик бегаёт по Москве, суёт по утрам какие-то деньги и еще хочет раскручивать никому не известную группу. Тут вся страна взхлеб слушает Чиж, „Серьгу“ и Таню Буланову, а мы – какой-

то „Мумий Троль“. Полный бред”.

Но мне было интересно. Только вчера я впервые услышал от русского человека слово “раскрутка”. Я не знал, что такое “маркетинг”, “мониторинг” и “позиционирование”. Не догадывался, что означает термин “систематизированная пресс-поддержка” и что стоит за фразой “продвижение бренда на рынок”. Я не был теоретиком. Скорее – практиком. Провел некоторое количество пресс-конференций, музыкальных семинаров, презентаций. Организовал несколько рок-фестивалей и концертов, написал пару книг.

Жизненный опыт подсказывал, что предложенная затея – авантюра чистой воды. “А откуда у вас деньги на запись в Лондоне?” – перешел я к голой конкретике. Ответ Бурлакова меня, честно говоря, озадачил: “Я продал квартиру во Владивостоке. И одолжил немного денег у мамы. И у бабушки”.

Я не на шутку задумался. С одной стороны, никто не предлагал мне продавать квартиру на Шаболовке, в которой мы только что пили чай. С другой стороны, меня явно прессинговали и приглашали на ответный “майский чай”. Только заварка здесь будет покруче. И ответственности побольше.

Стартовые условия следующие. Группа из Владивостока существует более десяти лет с некой локальной востребованностью. И вдруг, прямо среди бела дня, школьные приятели Леня Бурлаков и Илья Лагутенко решаются поставить на карту всё. Типичная русская рулетка. Только романтическая. Один живет в Лондоне, второй – то ли во Владивостоке, то ли в Москве. Финансирования – ноль. Связей – ноль. Опыта – ноль. По идее, можно и не рыпаться. Вариантов нет. В современной художественной литературе это называется “искать приключения на свою задницу”...

Но я понял кое-что еще. Даже не понял, а почувствовал кожей. Что это – мое. И я сказал: “Да”. По большому счету, с этого все и началось.

Глава II Борис Гребенщиков

При нормальной системе жизни в обществе существует масса людей, для которых возможность заработать деньги одновременно совпадает с удовольствием отрекламировать продукцию любимого артиста.

И на Beatles, и на Rolling Stones работала целая команда, которой было небезразлично, что музыканты делают. Для них удовольствие это рекламировать, удовольствие сделать так, чтобы все остальные люди узнали о новых работах этих групп...

Реклама выходящего в свет произведения искусства нормальна и необходима. Это украшает жизнь. Меня с детства устраивала система, при которой в день выхода нового альбома любимой группы все бегут в лавку и его покупают. Мне хочется заранее знать, когда появится конкретная пластинка, хочется знать, какого числа по этому поводу у меня будет праздник. Для меня это естественная форма поведения.

Если бы я вырос на музыке “Аквариума”, то тоже, естественно, хотел бы знать, когда у группы появится новый диск. И точно так же побежал бы его покупать – это делает интересной мою жизнь, как покупателя.

Борис Гребенщиков, 1995 год

В самом начале 90-х вокруг “Аквариума” постоянно витало напряжение. “Аквариум” распался. “Аквариум” собрался. Опять распался. Вроде бы навсегда. Как Beatles. По-настоящему.

Бесчисленные “последние концерты”. Вот звучит “Пригородный блюз” – перекрашенный в угарного блондина вокалист “Аквариума” падает на колени перед нереально трезвым Майком. Сорванный голос, растоптанные в хлам барабаны, разбитые гитары. Это конец, my friend. Это конец...

Еще не существовало толстых книг про “Аквариум”, видеофильмов, юбилейных концертов, антологий, сайтов, DVD. Утонул в Волге Саша Куссуль, но еще были живы Дюша, Курехин и Миша Из Города Скрипящих

Статуй. Еще не эмигрировали Титов и Фагот, а Мик Тэйлор не нарезал на гитаре “Таможенный блюз”. Вилли Усов уже не клеил на картонные коробки “Аквариума” черно-белые обложки, а обдолбанный The Band еще не догадывался, что будет записывать “Лилит”. Список можно продолжить...

Во главе всей этой глыбы стоит Борис Гребенщиков. К этому человеку всегда было много уважения и любви. Whole Lotta Love. Возможно, это рассказ о любви.

1. Реальный “Аквариум”: между мифом и легендой

Древние мудрецы верно говорили: внутри человека должен быть покой. Только в таком состоянии можно что-то реально сделать.

Борис Гребенщиков

Зимой 93 года с опозданием в несколько лет я впервые увидел Гребенщикова вблизи. В два часа дня в полупустом нетопленном зале ДК Горбунова реанимированный после очередного распада “Аквариум” общался с прессой. Не считая посмертного “Черного альбома” группы “Кино”, это была первая профессиональная пресс-конференция отечественных рок-музыкантов. Информационным поводом для брифинга стала концертная презентация “Русского альбома”, которую проводила фирма “Фили”.

Акцию вела моя хорошая знакомая Оля Немцова, в недалеком прошлом – редактор культурологического рок-журнала “ДВР”. Как человек, воспитанный в лучших традициях филфака Дальневосточного университета, Оля не тянула одеяло на себя и давала возможность музыкантам раскрыться во всей красе. Красы хватало на всех.

Бардачный “Аквариум” нарисовался в зале с получасовым опозданием. Самые кайфовые в мире представители “поколения дворников и сторожей” с легким грохотом сели на стулья, стоявшие перед сценой. Все правильно – глаза в глаза с журналистами, разместившимися в первых рядах партера. Только через несколько лет я начал врубаться, что зрочки у “президиума” и прессы должны быть на одном уровне. А тогда это выглядело хоть и интуитивно, но очень органично. На уровне волн, флюидов, вибраций, если хотите.

На пресс-конференцию, как мне помнится, не было никакой аккредитации. Кто захотел, тот и пришел. Источник информации – народная молва. Не было раздаточных материалов, мерчендайзинга или хотя бы скромного фуршета. Не было микрофонов – ни у музыкантов, ни у журналистов, ни у ведущей. Зачем? Ведь это не концерт! Люди пришли пообщаться. Негласно подразумевалось – мол, кто хочет услышать, может услышать. Так сказать, имеет шанс.

...Гребенщиков сел аккурат между двух Алексеев – по-видимому, чтобы исполнялись желания. Слева от БГ восседал гламурный Леша Рацен – хоть сейчас вешай на стенку его постер в духе “идеальный барабанщик в стиле new wave”. Справа находился гитарист Леша Зубарев, невинный кудрявый ангел в круглых ленноновских очках. Рядом окопался выходец из древней Казани – настоящий пришелец из астрала, дипломированный римлянин и флейтист Олег Сакмаров. На его черной футболке красовался ультрарадикальный слоган “No Sex”. Периодически Сакмаров закатывал глаза к небу и общался с прессой исключительно в эзотерическом ключе. Весь этот колхоз расположился на фоне задника с изображением входа в одну из коломенских церквей – по словам Гребенщикова, “психофизический вектор, магнетически воздействующий на зал”.

После дежурных приветствий Гребенщиков подвинул стул поближе к народу, и... рок-н-ролл стартовал. “Рок-музыка – чудовищное изобретение человечества”, – с философским выражением лица изрек БГ, и стало понятно, что “Аквариум” захватил инициативу. Вопросы не имели для Гребенщикова никакого значения, а это уже признак высокого класса.

“„Аквариум“ – не образ жизни, а знамение. – Борис Борисович достал из запасников весь арсенал заготовок, отточенных им за годы общения с журналистами. – Мы – бурлаки. Это серьезно. Из Небесного Иерусалима вытекает Небесная Ганга. Вдоль ее берегов мы и бурлачим. Кроме того, в каком-то измерении Небесная Ганга пересекается с Волгой”.

Сорокалетний Гребенщиков изящно уходил в сторону от вопросов о пиратстве (“у меня нет юридического сознания”), а затем переносился в область рок-н-рольной мифологизации: “Русского рока не существует, а Россия слишком отличается от всего того, что происходит вокруг. Страна управляется чудесами, и наша музыка должна быть мистической и религиозной”.

С необычайной легкостью лидер “Аквариума” демонстрировал окружающим свою высокую степень погружения в дзен. Похоже, он действительно впервые прочитал “Дао дэ цзин” в 15-летнем возрасте. Поэтому неудивительно, что вскоре игра с представителями массмедиа пошла в одни ворота.

“А с кем из ваших коллег-музыкантов вы больше всех общаетесь?” – спросил кто-то из любознательных журналистов. “Очень мало с кем, – задумчиво произнес БГ. – Мы же монахи...”

Ближе к финалу пресс-конференции откуда-то из-за кулис к группе подвалил басист “золотого состава 80-х” Саша Титов – с бутылочкой воды в руках, эдакий снисходительный Раймонд Паулс от ленинградского рок-н-

ролла. Он конечно же опять банально проспал, но выглядело это как бы символично – “я, мол, снова с „Аквариумом“, но пока еще не на все сто”. Как будто оставлял себе ходы для отступления... Я спросил у него что-то про “Колибри”, дебютный альбом которых Тит активно продюсировал. Басист “Аквариума” что-то ответил.

Гребенщиков не без интереса наблюдал за беседой, а затем как-то торжественно изрек: “Когда восстанет король Артур, это будет для нас сигналом”, и пресс-конференция завершилась на самой жизнеутверждающей ноте – словно лучшие песни Соловьева-Седого.

Я не помню подробностей, но впечатления от общения с “партизанами полной Луны” оказались сильными. Получалось, что в устах Гребенщикова любая фраза начинала приобретать эпический характер – словно высеченная золотом на мраморе. И еще я почувствовал, какая громадная дистанция отделяет его компьютерные мозги от всего внешнего мира. Включая присутствующих на пресс-конференции.

...После окончания акции мне удалось пройти в гримерку и перекинуться с музыкантами парой слов. Олег Сакмаров, к примеру, даже обиделся – мол, почему Титову задали вопрос про “Колибри”, а ему – не задали. “Большой грех такой завершенный образ портить”, – выкрутился я, вручив Олегу толстый гляцевый журнал с моим развернутым материалом по “Русскому альбому”. Еще один экземпляр был презентован директору “Аквариума” Мише Гольду.

В это время Борис Борисович сидел в позе лотоса в углу гримерки и бормотал себе под нос какие-то заунывные мантры. У меня к нему накопилась масса вопросов, но врывать с мирской суетой в этот оазис гармонии было попросту грешно. И я решил не рушить ауру.

...После пресс-конференции стало очевидно, что в медийной плоскости большинство русских артистов находятся по сравнению с “Аквариумом” в каменном веке. А годы подполья, перестройки и пресловутый “американский этап” подарили Гребенщикову психологическую устойчивость к любому мифотворчеству. Мне жутко захотелось покопаться во всем этом Клондайке и по возможности добраться до сути и истоков явления.

Прежде всего я поехал в Питер – с целью пообщаться с креативным окружением БГ. Наиболее продуктивно мы поговорили с автором большинства обложек “Аквариума” 80-х Вилли Усовым. Он был по-питерски гостеприимен и на все вопросы отвечал максимально обстоятельно.

“С самого начала Гребенщиков играл серьезную рок-музыку. – Вилли

сидел в уютной фотомастерской на Васильевском острове и не без удовольствия вспоминал времена “золотого состава” “Аквариума”. – Иногда творчество раннего БГ напоминало Боба Дилана, иногда – Боуи. Примечательно, что на одном из первых концертов Гребенщиков пел „Across the Universe“ не в канонической версии Beatles, а в аранжировке Боуи. Для Бориса творчество и имидж Дэвида Боуи были словно фантом. Но при этом вокалист „Аквариума“ являлся человеком, который, помимо своих очевидных достоинств – глубокой поэзии, свободного английского, интуитивного вокала, – всегда умел быть притягательным для окружающих и мог создать из песен какую-то тайну. Чтобы вопросы сыпались у слушателей один за другим: „а почему?“, „как это?“, „а что?“, „а зачем?“.

Впечатлившись общением с Вилли, я, вернувшись в Москву, по самую макушку влез в домашние архивы, пытаюсь восстановить прерванную связь времен. Листая пожелтевшие от времени самиздатовские журналы, я понял, что лидер “Аквариума” – опытный пиарщик с активной практикой саморекламы лет эдак в тридцать. В 1977 году он был идеологом и одним из создателей первого подпольного рок-журнала “Рокси”. Также выяснилось, что именно Борис Борисович стал автором первого в России музыкального пресс-релиза.

Задумайтесь. Ни Макаревич, ни Майк Науменко, ни Градский, ни Эдита Пьеха пресс-релизы тогда не писали. Шел далекий 1981 год, и Гребенщиков прекрасно понимал, что помощи в продвижении группы ему ждать неоткуда. Поэтому он от руки написал текст, который назывался “Правдивая история „Аквариума“”. Позднее он был опубликован в московском самиздатовском журнале “Зеркало” и сопровождался подзаголовком: “Правдивая история „Аквариума“, предвзято изложенная мною (который далее из скромности упоминается как БГ) при боли в зубе (или в вагоне электрички) – посему часто невнятная, но максимально правдоподобная”.

Любопытно, что молодой вождь “Аквариума” обошел в тексте все острые углы – в частности, не упомянул про скандал на рок-фестивале “Тбилиси-80”, после которого он пулей вылетел из комсомола и лишился работы. Юный БГ еще не был знаком с крылатым высказыванием Пугачевой “не стоит путать интервью и исповедь”, но, судя по всему, чувствовал такие вещи кожей. Одним словом, дипломат.

Еще один аспект “Правдивой истории” – ставшая с годами крылатой фраза о том, что “„Аквариум“ это не музыкальная группа, а образ жизни”. Я всегда был поклонником этого емкого слогана – наверное, до тех пор, пока мне в руки не попался диск Rolling Stones 64 года, на задней обложке

которого ушлый продюсер Эндрю Олдхэм изрек в чем-то похожую мысль: “The Rolling Stones are more than just a group – they are a way of life”. “Хорошая идея, – подумал я. – Так и тянет ее процитировать”.

Выводов было много, но мне стало понятно, какая у лидера “Аквариума” мощная школа самопозиционирования. Причем не только практическая, но и теоретическая...

“Корни мои – в русском городском шансоне”, – признался как-то БГ в одном из интервью. Это противоречило многому из того, что лидер “Аквариума” говорил раньше. Но я даже не удивился. Это как у Борхеса – в загадке про шахматы не должно быть слова “шахматы”...

Вскоре я наткнулся в самиздате на совместное интервью Гребенщикова с Сергеем Курехиным, которое взорвало мой мозг до основания.

“Для нас есть три точки отсчета в теперешней музыке, – с серьезными лицами вещали музыканты “Аквариума”. – Это Псевдо-Дионисий Ареопагит – христианский писатель, один из первых. Это Брюс Ли – не как живая фигура, а как миф. И Майлз Дэвис, но не как музыкант, а как старик негр, который дает самые наглые интервью”.

Интервью БГ датировалось 1983 годом. Даже если сей безумный монолог инициировался гением Курехина или чтением фэнтези Толкиена, это высказывание провоцировало целую культурную революцию в теории музыкальной рекламы. Так легко и изящно никто из российских рокеров себя не позиционировал. Судя по всему, серьезных конкурентов у Гребенщикова в этом вопросе не было. Ни тогда – в 80-х, ни потом – в 90-х...

2. Начало сотрудничества

Я вообще решил не давать большие интервью, потому что авторы пишут не так, как я говорю. В итоге получается, что я вещаю истину в последней инстанции. А это вредит облику группы.

Борис Гребенщиков, 1986 год

Сейчас я понимаю, что с лидером “Аквариума” мы должны были пересечься еще в конце 80-х. Но произошло это лишь летом 1995 года. В тот момент я закончил работу над энциклопедией “Золотое подполье” и без всякой паузы перескочил на “второй том” отечественной субкультуры 80-х – книгу “100 магнитоальбомов советского рока”.

Волею судьбы одним из первых собеседников по данной теме оказался Борис Гребенщиков. В тот момент лидер “Аквариума” вместе с моим другом Александром С.Волковым заканчивал работу над дизайном нового альбома “Навигатор”. В итоге наши пути во времени и пространстве органично пересеклись.

Мы встретились у общих друзей в одном из офисов на Солянке. Я планировал пообщаться с идеологом “Аквариума” на несколько тем – начиная от магнитофонной культуры и заканчивая ролью рекламы в музыкальном бизнесе. Интервью у Гребенщикова я брал впервые, поэтому одел накрахмаленную белую рубашку, что в последний раз делал, кажется, только в день свадьбы.

Борис Борисович прибыл на встречу без опозданий в сопровождении Саши Липницкого, в недалеком прошлом – басиста группы “Звуки Му”. На БГ была холщовая рубашка, волосы собраны в хвост, на носу – беззащитные веснушки. В ухе торчала бронзовая серьга антикварного происхождения, пальцы в старинных перстнях, на груди болталась какая-то буддистская шамбала-мандала. Лидер “Аквариума” только что закончил работу над “Навигатором”, и глаза его прямо-таки светились простым человеческим счастьем.

– Мы, кажется, не представлены, – с безупречной учтивостью произнес Гребенщиков. Визиток “Кушнир Продакшн” у меня еще не было, поэтому пришлось промямливать что-то вроде “самый продажный московский рок-журналист”. Заявление прошло “на ура” – БГ и Липницкий

весело переглянулись. Ободренный столь удачным началом, я включил диктофон.

– Как мы будем общаться? – соблюдая формальности этикета, спросил я у Гребенщикова. – На “ты”? Или на “вы”?

Борис Борисович на секунду задумался, затем внимательно посмотрел на оправу моих очков, улыбнулся и предложил неожиданный вариант:

– Давай я буду называть тебя на “вы”... А ты, то есть “вы”, будете называть меня на “ты”...

Прикол понравился. На том и порешили. И что удивительно, до конца интервью никто из отведенной ему правилами игры роли не вышел.

Вообще-то я добросовестно подготовился к встрече. “Интересно, что ждет меня сегодня: интервью или исповедь?” – волновался я накануне. Угадать это, глядя на Гребенщикова, который внимательно изучал мой список “100 магнитоальбомов” (та еще авантюра!), было невозможно. Вплоть до того самого момента, когда, увидев на 94-й позиции культовую подмосковную группу “Хуй забей”, Борис Борисович обрадовался как ребенок. Глядя на него, как ребенок обрадовался и я.

– Кстати, а как вы “Хуй забей” будете писать в книге? – любопытно спросил я. – Через многоточие? Или как аббревиатуру “ХЗ”?

– Пока не знаю, – беззаботно ответил я. – Наверное, через многоточие. Да хер с ним... Сегодня меня больше волнует “Аквариум”: альбомы “Треугольник”, “Табу”, “День Серебра”, “Дети декабря”. Давай попытаемся вспомнить эмоциональные нюансы из студийной жизни того времени...

Как раз в эти июльские дни мой приятель Сева Гродский подарил мне кассетный диктофон “Sony”, на который БГ с ходу наговорил чуть ли не вторую часть “Правдивой истории „Аквариума“”. Несмотря на безжалостные офисные телефоны, которые звонили каждые три минуты, ответы порой опережали вопросы. В какой-то момент у меня возникло ощущение, что мы находимся на одной волне. “Можно еще кофеечку?” – периодически Гребенщиков тревожил покой томных секретарш. Время летело незаметно.

Не обошлось, что называется, без казусов. В списке “100 магнитоальбомов” присутствовали все культовые релизы “Аквариума” 80-х, но отсутствовал самый главный – “Радио Африка”.

Гребенщиков, несмотря на всю свою отутюженную вежливость, немного прифигел и недоверчиво просмотрел весь список. Потом прочитал его еще раз. Казалось, он не верит собственным глазам.

– А где “Радио Африка”? – немного смущаясь, тихо спросил он. Но я

не растерялся.

Я-то и сейчас не слишком склонен к аналитике, а тогда и вовсе путешествовал по жизни “галопом по Европам”. Причем как в переносном смысле, так и в прямом. В первую очередь, от этого страдала глубина. Глубина восприятия. Согласитесь, что для адекватного прослушивания “Радио Африка” нужна элементарная искусствоведческая подготовка. Это вам не “Табу”. И не “Синий альбом”. Мне же казалось, что в “Радио Африка”, скажем так, маловато драйва и многовато Курехина, всяких шумов и фри-джаза. Общую картину альбома портил безобразно записанный гимн “Рок-н-ролл мертв”. Поэтому я гордо выпятил грудь и с уверенностью современных тигров музыкального интернета вынес вердикт:

– “Радио Африка”? Да что-то он мне не очень... Какой-то этот альбом мутный и непонятный.

В ответ на столь неотразимые аргументы Борис Борисович великодушно промолчал. Дальше было еще смешнее (грустнее). По воле случая мне предложили царский гонорар за эксклюзивное интервью с БГ в “Рекламный мир” – одно из первых российских изданий об “искусстве рекламы”. Тут очень вовремя подвернулся “Навигатор”, который “Аквариум” вроде как собирался раскручивать. В итоге можно было и рыбку съесть, и не простудиться.

Обсудив ретроспективы и перспективы русского рока, мы переключились на другие вопросы. В частности, о роли рекламы в жизни современных отечественных рок-музыкантов. Как я сейчас понимаю, по сути дела мы обсуждали вакуум.

– Откровенно говоря, я считаю новый альбом “Навигатор” лучшим за всю историю группы. Поэтому вполне логично, что *определенные структуры* будут информировать страну о том, что альбом существует. Чем больше людей будут знать о том, что он вышел, тем лучше. В этом и есть смысл рекламы... У нас в стране очень долго ни рок-группы, ни люди, которые рекламировали их деятельность, денег заработать не могли. Если сейчас положение изменится, то будет очень хорошо. Сегодня совершенно очевидно, что рекламная индустрия интенсивно развивается и приобретает все более интересные очертания.

Со стороны картина нашего общения выглядела сюрреалистично – в духе самых безумных полотен Гойи. В респектабельном офисе на Солянке в блаженном состоянии двустороннего гипноза сидят космонавты. Оба – без скафандров и довольно бойко рассуждают о какой-то второй реальности. О том, чего, по сути дела, в России еще нет. О пошаговой

пресс-поддержке, о прямой и косвенной рекламе альбомов, о public relations, наконец. Я типа спрашиваю о специфике рекламной кампании в русском роке, а БГ гипотетически об этой специфике рассказывает:

– Реклама выходящего в свет произведения искусства нормальна и необходима. Это украшает жизнь. Меня с детства устраивала и до сих пор устраивает та система, при которой в тот день, когда выходит новый альбом любимой группы, все бегут в лавку и его покупают. Мне хочется заранее знать, когда появляется конкретная пластинка, хочется знать, какого числа по этому поводу у меня будет праздник. Для меня это естественная форма поведения... Если бы я вырос на музыке “Аквариума”, то тоже, естественно, хотел бы знать, когда у группы появится новый диск. И точно так же побежал бы его покупать – это делает интересной мою жизнь, как покупателя.

Ближе к концу этой футуристической беседы с нами вышел в астрал концертный директор “Аквариума” Миша Гольд, который поведал мне на диктофон о роли Комитета по культуре Санкт-Петербурга, а также о финансовой помощи ряда банковских структур.

– К этому проекту мы готовились давно – и давно искали приемлемые для нас формы сотрудничества, – важно заявил Гольд. – “Аквариум” – существо самостоятельное, никогда не жившее ни с кем вместе и никогда не бывшее кому-то что-то должным. Группа умеет делать музыку, умеет продвигать ее на рынке, но не умеет работать с деньгами.

Выслушав весь этот поток откровений, я предложил Гольду пойти попить пивка и в сжатые сроки научить его работать с деньгами. “Yes!” – с энтузиазмом отозвался на мое предложение топ-менеджер “Аквариума”.

Буквально через сорок минут Гребенщиков оказался на каком-то телеэфире в Останкино, а мы с Гольдом жадно уплетали жареную курицу у меня дома. В ярких красках я расписал своему новому приятелю пресс-конференции, которые провел, рассказал про тиражи журналов и газет, в которых печатался. Меня послушать, так это было охренеть как круто. Просто Дмитрий Дибров какой-то. Или Леонид Парфенов.

Миша Гольд, которому было не чуждо все яркое и театральное, быстро впечатлился. Разрушение сознания питерского гостя довершил авторский экземпляр “Золотого подполья”, подаренный ему прямо на кухне. О пафосе дарственной надписи умолчим.

– Слушай, у нас сейчас в Москве столько дел, а с прессой работать некому, – задумчиво сказал он, просматривая главу “Золотого подполья” про родной Питер. Судя по всему, его мысли витали в каких-то неведомых мне Фудзиямах, что в данной ситуации было не так уж плохо. Глотнув

пивка и подумав еще несколько минут, Гольд наконец-то решился. – А давай-ка ты поработаешь с нами по “Навигатору”, – сказал он, неуверенно почесывая макушку. – Пресса, газеты, журналы – ну, ты сам все знаешь.

Я не сопротивлялся. “Аквариум” мне нравился, БГ – нравился. Гольд, несмотря на всю комичность ситуации, тоже нравился. Для приличия мы чуть-чуть поторговались, но не играя мышцами...

Затем, вручая предоплату, директор “Аквариума” своей заключительной фразой меня чуть не убил:

– Давай договоримся на берегу. Пусть Гребенщиков о нашей сделке ничего не знает. Все равно он в этих делах не слишком понимает – ему бы только песни писать. Ты просто будешь делать публикации, а Боря пусть думает, что все это происходит само собой.

Я настолько охуел от услышанного, что без всяких лишних вопросов согласился.

По радиоприемнику “Божья коровка” в очередной раз пела про гранитный камешек в груди.

3. Из сияющей пустоты

Вспоминая Христа, собирай сокровища там, где никто этого не делал.

Борис Гребенщиков

Как говорят в народе, поспешишь – людей насмешишь. Вспоминаю, что меня абсолютно не смутил тот факт, что единственный вопрос, от которого Гребенщиков свернул в сторону во время нашей встречи, касался коммерческого потенциала нового альбома. “На тему „Навигатора“ у меня никаких прогнозов нет, – жестко отчеканил БГ. – По поводу прогнозов вам лучше обращаться к Илье-пророку”.

Меня интеллигентно послали на хуй, но я не переживал. Я прекрасно помню свои ощущения... Я стоял, покачиваясь, на волне розы ветров, которая несла нереальную вонь с Микояновского колбасного завода. Настроение было приподнятое, а местами – боевое. В тот момент мне казалось, что работа по пресс-поддержке “Навигатора” будет легкой прогулкой.

Как писал журнал “FUZZ”, “особая рекламная кампания в России любому опусу, осиянному вывеской „Аквариум“, не требуется”. Ясен пень, не требуется. Зачем Гребенщикову рекламные кампании – ведь он же не Жасмин, Линда или Алсу! И я наивно полагал, что если я люблю творчество БГ, то его автоматически любят и мои коллеги-журналисты. Но не тут-то было. Аудиторская проверка аквариумовских архивов ввела меня в состояние транса.

Во-первых, в течение зимы-весны 1995 года о группе практически никто не писал. Худо-бедно “Аквариум” упоминался в течение предыдущего, 1994, года. Но мнение прессы о творчестве Гребенщикова носило полемичный характер.

“Последние альбомы „Аквариума“ вызывают неадекватную реакцию как у публики, так и у музыкальных критиков, – писал тогда “Московский Комсомолец”. – Эту группу сейчас любят не за новые песни, а просто за то, что она есть. От музыкантов по большому счету никто не ждет неожиданных высокохудожественных откровений. Публике за глаза хватает того, что было написано несколько лет назад”.

Вряд ли найдется артист, у которого подобные мнения вызвали бы

бурный восторг. Но это были еще цветочки. Ягодки выросли осенью – после совместных выступлений “Аквариума” с Дэвидом Бирном в переполненном зале ДК Горбунова.

“Результат получился ужасным, – писал в “Московской правде” Саша Липницкий. – Я никогда не обнаруживал в раздевалке ленинградцев столь подавленной атмосферы, как после концерта 11 октября 1994 года... Русские в XX веке так растратили себя, что на исходе столетия быстро утомляются и рано стареют. БГ, будучи на год моложе Дэвида Бирна, на концерте выглядел пенсионером на фоне поджарого и ожесточенного ритмом американца... БГ вещает о новых (с его точки зрения) для России истинах с Востока на удручающе старомодном музыкальном языке. Удел „Аквариума“ сегодня – марши и романсы. Но, как вы понимаете, с ленинградским качеством”.

Первое впечатление – уже несколько лет пресса ожидает от “Аквариума” значительно большего, чем группа может предложить. Когда ожидания не оправдываются, наступает элементарное разочарование. В любви. Дальше начинаются многочисленные упражнения по излиянию собственных эмоций на страницах журналов и газет. Победителей, как правило, нет. Как подобную модель мира изменить (желательно в кратчайшие сроки), было непонятно.

...До начала “боевых маневров” я внимательно послушал “Навигатор”. Легкий спектральный анализ показал, что это был уже третий диск БГ, сфокусированный вокруг эстетики “Русского альбома”. Опять переизбыток вальсов и минимум драйвовых рок-номеров. Если они и присутствовали, то исключительно в жанре самоцитирования. Оставалось уповать на то, что журналисты не заметят пересечений структуры “Таможенного блюза” и ностальгического боевика 87 года “Козлы”. “Я боюсь, что у меня все блюзы похожи на „Козлы“”, – как-то в порыве откровенности признался мне Гребенщиков.

Последний негатив от “передачи дел” носил технический характер и состоял в полном отсутствии промо-материалов. В частности, новой фотосессии у “Аквариума” не случалось больше года, а тиражированием промо-кассет заниматься было некому. Времена, когда Саша Титов переписывал “День Серебра” с катушки на катушку, остались в далеком 85 году.

С другой стороны, у нового альбома была масса плюсов. Всех в России реально интриговало то, что “Навигатор” писался в Лондоне – вместе с целой тучей английских музыкантов и, в частности, с бывшим гитаристом Rolling Stones Миком Тэйлором.

“На Тэйлора вышли через общих лондонских знакомых, – не без воодушевления вспоминает БГ. – Позвонили. Тэйлор приехал в студию в драном макинтоше с дешевой японской гитарой за двадцать долларов. Взял в руки чужой „Gibson“, все ручки повернул „вправо на 10“, спросил: „О чем песня?“ – и сыграл резкие блюзовые партии буквально с первого раза. Это была школа Rolling Stones”.

Во всей лондонской эпопее “Аквариума” присутствовали какая-то нетипичная для русских рок-групп легкость и ощущение глобального праздника. “Из околоземного пространства мы наконец-то вышли на орбиту, – говорил тогда Гребенщиков. – Мир стал единым местом, не разделенным на страны и политические округа. Вообще русский становится истинно русским, только перестав зависеть от своего околоточного”.

...Ручки на микшерном пульте в Лондоне крутил легендарный “архитектор звука” Джо Бойд, выставивший “Аквариуму” идеальный для 95 года фолк-саунд. Бойд, жизнелюбивый красавец в духе начитавшегося китайской поэзии Джеймса Бонда, сотрудничал со многими рок-звездами. В 60-е это были лучшие альбомы Fairport Convention и Incredible String Band, в 70-е – гениальный Ник Дрейк, в 80-е – REM и 10000 Maniacs.

Студийные эксперименты Джо Бойда с “Аквариумом” логично было отразить в только-только появившихся на свет журналах про аппаратуру и звук. Тут БГ чувствовал себя в родной стихии – рассуждать про саунд он любил с незапамятных времен. Дай ему волю, он не только про опыты Джо Бойда расскажет, но и про “стену звука” Филадельфии, и про педагогические студийные приемы Джорджа Мартина. От подобного объема теоретической и практической информации возникало ощущение, что “Аквариум” действительно перешел на мировое время – а все упомянутые персоналии имеют отношение к “Навигатору”. По крайней мере, на метафизическом уровне.

После специализированных изданий “Навигатор” начал продвигаться через американские московские газеты – получились заголовки типа “From Leningrad to London” и “Pop Veteran „Navigates“ Familiar Waters”. Развивая шальные “телеги” БГ в “Рекламном мире”, нам удалось сделать интервью в рекламных изданиях и тех бизнес-журналах, в которых существовали рубрики о рекламе. Интервью из серии “рок-музыканты пришли в мир рекламы”. Приветствуйте.

...Новую фотосессию мой приятель Сережа Бабенко делал в процессе интервью – чисто репортажную, но с настроением. С этими фотками мы и работали дальше – в частности, с многотиражными газетами,

анонсирующими сентябрьскую презентацию “Навигатора” в ДК Горбунова.

Вместо трех концертов в “Горбушке” состоялось четыре, которые прошли с невиданным аншлагом. При поддержке “Европы Плюс” новые песни “Голубой огонек” и “Три сестры” активно ротировались по радио, вот-вот должен был появиться видеоклип “Гарсон № 2”. Результат не замедлил сказаться – за первые три дня в России было продано десять тысяч экземпляров “Навигатора”, а еще через неделю на оптовых складах не осталось ни одной копии из всего двадцатитысячного тиража. Для 1995 года это были отличные показатели. Прямо на наших глазах культовые персонажи андеграунда 80-х вылезали из какого-нибудь условного “Джон Смит паба” на божий свет.

...Меньше чем через месяц, обедая в клубе “Московский” на Тверской, Гребенщиков не без удивления листал толстую папку с аккуратными вырезками из журналов и газет. Это был мой первый в жизни пресс-клипинг – расположенная в хронологическом порядке подборка публикаций за истекший период.

Статьи делились на несколько типов: анонсы концертов в Горбушке, развернутые интервью с БГ, аналитические материалы профильного плана, англоязычная пресса и, наконец, многочисленные рецензии на “Навигатор”. “Спасибо за пять звездочек”, – улыбнулся Борис Борисович, близоруко щурясь и разглядывая сквозь стильные очки от Армани мою рецензию на “Навигатор” в одном из центральных изданий.

“Не за что, – пробурчал я. – У автора там первоначально стояло четыре звезды... Еще одну звездочку несанкционированно дорисовали ночью на верстке. По-видимому, твои фанаты-дизайнеры”.

4. Музыка хулиганов

Самурай всегда должен иметь при себе сухие румяна. Может случиться так, что при пробуждении ото сна вид у самурая будет неважным. Тогда следует слегка нарумянить лицо.

Цунэтомо Хагакурэ. Книга самурая

Как-то Гребенщиков признался: “Девяносто пять процентов интервью я несу какую-то нечеловеческую заумь... Последнее, что меня добило, – это журнал „Юность“, где я рассуждаю по поводу русского духа и таким псевдо-Бердяевым выгляжу, что тошно... Мне кажется, что возможен такой конкретно взятый день и такой конкретно взятый журналист, и такое состояние сознания, когда получится интервью, достаточное для всеобъемлющего понимания „Аквариума“ и БГ. Это мой шанс”.

Мой шанс случился где-то в районе десятого интервью – в то весеннее утро наши с Гребенщиковым биоритмы наконец-то совпали. Разговор шел на тему, на которую Борис Борисович рассуждал, кажется, впервые. Мы беседовали о визуальном имидже и сценическом макияже группы “Аквариум”. Хочется верить, что БГ наконец-то встретил “брата по разуму”, – мне показалось, что в тот момент он был максимально доверителен.

Для того чтобы Гребенщиков “раскрылся”, конечно же существуют свои методы. К гадалке не ходи. Но помимо профессиональных секретов есть так называемые “общие места”. Во-первых, артист должен доверять журналисту. Во-вторых, не должно быть суеты – к сожалению, большинство интервью происходит “на бегу”. В-третьих, тема интервью должна волновать не только интервьюера. И, наконец, Гребенщикова, как, впрочем, и любого музыканта, ни в коем случае нельзя перебивать. Иначе мысль просто уйдет.

...Я вспоминаю интервью, которое БГ дал одному маститому питерскому рок-критику. Когда я прочитал его, мне показалось, что худшего монолога отца-основателя “Аквариума” я еще не читал. Ни одной мысли, какие-то обрывки фраз... Долго не мог понять, что случилось, пока не перечитал эту беседу еще пару раз. И тут меня осенило: практически все высказывания БГ заканчивались многоточием.

Я живо представил, как обстояло дело. Собеседники много лет общались друг с другом, поэтому журналист довольно бесцеремонно перебивал музыканта. На правах приятеля. В результате Гребенщиков не успевал не то что закончить свою мысль, а даже ее развить. В силу воспитанности он не делал никому замечаний – в результате это интервью таким кастрированным и получилось.

Другими словами, как делать не надо, я уже понимал. Дело оставалось за малым – сделать, как надо.

...Наша беседа о гриме и макияже в рок-культуре состоялась на уютной крохотной кухне в московской квартире Гребенщикова. Телефоны по-утреннему сонно молчали, мы неторопливо пили чай из огромных чашек и просто болтали. БГ был максимально естественным и домашним – такой себе “Kiss Unmasked”.

Вначале лидер “Аквариума” воткнул в допотопный кассетник новую композицию “Машинист” – то, что впоследствии превратилось в “Великую железнодорожную симфонию”. Обсудили оба варианта названия, и затем я нажал на диктофоне кнопку “record”...

Так получилось, что это интервью с условным названием “Музыка хулиганов” не было опубликовано. По-видимому, ждало своего часа. Дождалось. Литературная обработка монологов БГ образца 96 года сведена к радикальному минимуму.

*

Александр Кушнир: Как у тебя возникла идея поработать с лицом и как ты ее технически воплощал?

Борис Гребенщиков (*максимально доброжелательно*) : Эта мысль была абсолютно естественной. Она напрямую вытекала из того, что рок-н-ролл, если отбросить всю ерунду и называть вещи своими именами, – музыка хулиганов. Так как “не хулиганы” находят свой путь в обществе другим образом. Рок-н-ролл – это настоящее хулиганство, идущее от Screamin’ Jay Hawkins’а, от людей подобного плана. Поэтому чем оторваннее человек выглядит, тем лучше. Когда после “Навигатора” я с Миком Тэйлором ехал домой, он очень правильно сказал, что настоящий блюзмен – это человек, потерянный для общества. То есть цыган – в каком-то глубоком смысле этого слова. Без пристанища.

А. К.: Слово “эпатаж” тут уместно?

Б. Г. (*с жаром*) : Нет-нет, это не эпатаж. Это уходит корнями в

шаманскую традицию. Когда шаман, получивший какую-то связь с духами, какую-то информацию, как бы пересекал реку смерти, был на том берегу иного мира и возвращался назад... И чтобы отделить себя от людей, которые не бывали на том берегу, он должен одеваться очень странно. Чтобы люди знали, что он одной ногой был в том мире. Все идет из этой традиции – у блюзменов происходит то же самое, что и у Screamin' Jay Hawkins'а. Можно, не подумав, сказать, что человек дурачится. Или – что он прибабахнутый. А подумав, или прочитав интервью с ним, или пообщавшись, можно понять, что человек – нормальный. Просто он примеряет на себя маску юродивого.

Быть юродивым – это такое тяжелое служение. И можно большего добиться, если жить “без галстука”. Шаманы слэш юродивые – эта традиция сейчас развивается, к примеру, крестным отцом фанка Джорджем Клинтонном.

...В мире всегда существовало разделение на Beatles и Stones. Beatles были очень красивые, и все их любили. А параллельно есть Rolling Stones, которые с придурью. Которые одеты в красные штаны, всегда размазаны, расписаны – с намеком на то, что они были на другой стороне. И они вернулись, чтобы помочь людям, уже имея это знание... И, естественно, традиция расписывать морды и одеваться черт знает во что – она оттуда и идет. Хиппи – яркий пример этого, хотя они это сами не всегда понимали. Но это сделано для того, чтобы отделить себя от реального мира.

Но когда есть такая задача в советских условиях, понятно, что быть юродивым сто процентов времени – это значит сто процентов времени проводить в “кутузке”. Или просто загреметь в дурдом. Поэтому приходилось наносить на себя грим, который потом надо было снова смывать. Татуировку, которую делали хиппи, на морду не нанесешь. Сразу окажешься в дурке. В силу этого те, кто мог себе это позволить, – мазались. Те, кто готов был идти на крайности. Мы мазались время от времени, с очень большим удовольствием.

А. К.: Очевидцы вспоминают, что на ранних концертах “Аквариума” ты пытался выступать с зеленой бородой...

Б. Г. (с воодушевлением) : Зеленая борода была один раз в жизни. Поскольку краски у меня не было, то приходилось красить бороду фломастером. Это случилось на концерте в “стекляшке”, которая потом стала “Венскими звездами”. Там мы играли вместе с группой Сашки Ляпина “Ну, погоди!”. Был какой-то концерт, который формально можно считать первым выступлением “Аквариума”. Это ранний 74-й год. Джордж Гуницкий играл на барабанах, Файнштейн – на басу, а я – на электрогитаре.

Тогда мы совсем не умели ни петь, ни играть. Энергии тоже было не очень много. Поэтому приходилось компенсировать это всякими цепями...

А. К.: А цепи у вас были?

Б. Г.: Да, я любил ходить... У меня была такая здоровая цепь. Большая, до пояса. Из железа.

А. К.: Ну и где же ты ее достал? Ты же не с бачка туалетного ее снял?

Б. Г. (улыбаясь) : Ты знаешь, у меня дома висела цепь, которая выполняла эстетическую функцию. Кажется, на ней был какой-то колокольчик. И в нужный момент я ее снимал и надевал на себя. А еще у меня была такая красная, типа длинного жилета шотландского, подкладка к плащу. Но, будучи снята с плаща, она как бы успешно заменяла мне концертные одежды.

А. К.:А у тебя какие источники фантазии были? Ты ходил в подпольные театры-студии, смотрел прогрессивные фильмы типа “Blow Up”? Или тебе уже попадались в руки какие-то журналы вроде “Rolling Stone”?

Б. Г.: Тогда не было никакого кино. Не было никаких журналов. Единственное, что было, – журнал “Ровесник”. И польский журнал “Панорама”, где все равно ничего было не понять. Так что все это придумывалось. Из головы.

А. К.:Где-то в самом начале 80-х на концертах у тебя появился продуманный жесткий грим. Какие-то “стрелки” на веках...

Б. Г.: Ну да. Как бы жены есть у всех, девушки есть – поэтому грим доступен. Там уже можно мазаться в полный рост. Я как бы уже знал, как именно глаза подводить.

А. К.: Для этого бралась отечественная тушь?

Б. Г.: По-моему, отечественной тушью никто не пользовался. Всегда были какие-то девушки вокруг, у которых можно было приличную тушь на секунду стрелкнуть. На самом деле у меня дома уже была своя косметичка, мне Джоанна Стингрей привозила из Америки все. То есть я требовал, чтобы она привозила такого, такого и такого.

А. К.: Не могу судить о питерских концертах, но вот эти московские выступления – где-то в районе 82 года, зафиксированные на бутлегах “Арокс и Штер” и “Электрошок”... Там ведь грим применялся очень активно. Это был реальный электрошок...

Б. Г.: Да, у нас был активный грим. И все в кимоно уже были одеты.

А. К.: А один из первых курехинских концертов “Поп-механики”, когда ты играл на клавишах и свое лицо под зомби стилизовал? И Вилли Усов этот снимок увеличил и на его основе создал обложку “Акустики”?

Б. Г.: Я не помню, чем тогда нарисовался... Но что-то я тогда в гримерке нашел. Кажется, это было только один раз.

А. К.: По макияжу еще один вопрос. Просмотр видео, он как-то стимулировал твою творческую активность?

Б. Г.: Я тебе могу сказать одну вещь. В самом начале никакого видео не было. Все это начиналось в Таллине, на рок-фестивале 76 года. Вечером после концерта был полный оттяг, который заключался в том, что в Таллине жил человек, который на 8-мм пленку переснимал с телевизора западный рок-н-ролл. И записывал это на магнитофон.

Естественно, на узкой пленке изображение было очень невысокого качества. Синхронизации не было никакой. То есть звук то сходился с изображением, то расходился. Ну, если не сходился – то простите. Но все равно было понятно, что если это Джими Хендрикс, то это Хендрикс. Даже если звук расходится на два такта, то все равно ясно, о чем идет речь. Я был поражен. Это было первое рок-н-рольное шоу в жизни, которое мы видели. И этот таллинский человек на фестивале устраивал показ таких вот вещей.

А. К.: А технология съемки какая была?

Б. Г.: Телевизор снимается на обычную ручную 8-мм камеру. Параллельно пишется звук на нее. Демонстрировалось все точно так же. Пленка проявляется и как любительское видео показывается на экране при включенном магнитофоне. Естественно, изображение черно-белое. И было очень забавно смотреть, как “Машина времени” выступала в Таллине – до просмотра этого видео и после. До просмотра они на сцене стояли смирно, как положено. Все было замечательно, но они не двигались. На следующий день это была абсолютно другая группа. Маргулис, как паук, передвигался по сцене какими-то чудовищными прыжками. Они извивались, корчились. То есть просмотр видео сразу расковал всех.

А. К.: А когда ты впервые увидел дома у Липницкого видеофильмы?

Б. Г.: Это уже был 82–83 год, фильмы с Брюсом Ли. Мы их смотрели вместе с Витькой Цоем, смотрели всей группой... Но первый раз, когда еще у Липницкого магнитофона не было, он повел меня на мой день рождения к каким-то криминальным ребятам. С трудом оторвал их от просмотра порнухи и сказал: “Ну вы же, ребята, обещали... Давайте, сворачивайтесь”. И показал мне фильм “Вудсток” – про легендарный фестиваль 69 года. У меня тогда крышу, конечно, снесло. Царский был подарок на день рождения. На обратном пути мы с Липницким прошли сквозь массивную железную дверь, даже не заметив, что она заперта”.

5. Чуки-чуки банана-куки

Чем меньше человек думает о себе, чем больше он думает о благе людей вокруг себя, тем он ближе к совершенству. Как говорил один мудрец, свойство Бога – отдавать, свойство человека – брать. Поэтому чем больше человек отдает, тем он ближе к Богу.

Борис Гребенщиков

Спустя несколько месяцев после завершения тура в поддержку “Навигатора” “Аквариум” опять ринулся в Лондон – записывать альбом “Снежный лев”. Из Англии группа вернулась с потерями – там с мутными бытовыми перспективами остался жить басист Саша Титов. Вместе с ним в Лондоне поселилась его жена.

Втроем с Гребенщиковым и Липницким мы попытались составить заявление для прессы, но дальше набросков дело не пошло. Всю ночь мы просидели в артистическом клубе “Сохо” на Красной Пресне, пили сухое вино, а потом по-дзенски решили: пусть все плывет по течению. Никаких заявлений, никаких интервью. И под утро разъехались по домам.

Видимо, этот мозговой штурм и какие-то мои идеи произвели определенное впечатление на Липницкого. Он организовал еще одну встречу, где от лица БГ предложил мне работать с московской прессой по “Аквариуму”. Тем более что скоро в продаже должен был появиться “Снежный лев”.

“Сколько это будет стоить?” – доброжелательно спросил Гребенщиков, чем сильно меня смутил. По нескольким причинам. Я, например, не очень представлял, как буду брать из рук БГ зеленые банкноты. Фантазии не хватало представить себе сцену: “Борис, вот эта купюра справа надорвана. Нельзя ли ее поменять?” Поэтому после короткой паузы я предложил следующую схему: “Давайте сделаем так. Я буду по мере сил вам помогать. А дальше посмотрим...”

Глядя на довольные лица собеседников, я понял, что угадал. Похоже, что в условиях фригидного российского шоу-бизнеса это был единственно правильный ответ.

Во время беседы я узнал несколько любопытных новостей. В частности, о том, что в “Аквариуме” поменялся директор. И что

приглашенные на запись английские музыканты работали в долг. Что называется, “на доверии”. Знали, что БГ не подведет – когда будет возможность, обязательно рассчитается. “Со спонсорами „Навигатора“ мы получили такую головную боль, что больше возвращаться к этому вопросу мне не хочется, – признался Гребенщиков. – Это было одноразовое сотрудничество, и сегодня группа никому ничего не должна. Самое смешное, что за „Навигатор“ мы до сих пор не получили ни копейки...”

“Об этом лучше не говорить, – перебил его Липницкий. – Это не укрепляет имидж группы”.

“А как ты видишь концертную деятельность после ухода Тита?” – чтобы разрядить обстановку, я задал довольно невинный вопрос. Абсолютно не предполагая, какой взрыв эмоций за этим последует.

“После тяжелого концерта в Челябинске, когда я слег, скажем так, с нервным истощением, а нашему роуд-менеджеру вырезали половину желудка... – начал откуда-то сбоку свой монолог БГ. – Почему? От переутомления. Сейчас в России изменился климат. Для меня 18 декабря 1995 года, когда выбрали коммунистов... над Россией в небе что-то изменилось. То, что называется Небесная Россия. И то, в какую сторону это изменилось, – меня не то что перестало устраивать... Это вызывает физическое отвращение. И я, честно говоря, в такой России играть не хочу и не буду. До тех пор, пока не определится мое отношение к этой ситуации. А пока то, что я вижу – когда алкаш-президент в состоянии полного клинического запоя отдает приказы убивать собственных граждан, хладнокровно не замечая этого, – полностью подтверждает, что в Челябинске я был прав. Это случилось на следующий день после выборов – у меня прямо на сцене был сердечный приступ. После концерта меня унесли, хотя я постарался доиграть... Знаешь, Тит свалил очень вовремя. Вместе с нами он создавал новую главу – и вот она закончена. У нас был замечательный период – четыре года полного бардака. Сегодня этот этап для меня закончился абсолютно. Поэтому я не спешу с поисками новых музыкантов – поскольку хочу определиться со своим отношением к происходящему. А отношение будет не мира, но войны – наступает время окопной войны”.

“Как бы это цинично ни звучало, у нас сейчас происходит такая мини-репетиция пресс-конференции”, – грустно сказал я.

“Да-да, – задумчиво и чуточку растерянно пробормотал под нос лидер „Аквариума“. – Но пресс-конференция у нас будет не раньше чем в конце апреля. Через месяц-полтора уже многое выяснится. К этому времени я буду полностью готов”.

На следующее утро мы с БГ и Липницким направились на переговоры в “Триарий”. Договорились, что альбом выйдет 1 мая, а его концертная презентация состоится в “России”. Вскоре Гребенщиков улетел в Катманду – приводить в порядок свое душевное равновесие.

...Через несколько дней я вернулся в мыслях к теме эмиграции Титова. Лично для меня его стремительное исчезновение явилось ударом. Буквально за неделю до записи “Снежного льва” он сидел у меня дома и в течение целого дня давал развернутое интервью для “100 магнитоальбомов”. Вежливо отказался от угощений, зато непрерывно пил воду из литрового пластмассового бутылки. Говорил, что минералка очищает организм от шлаков.

В начале беседы басист “Аквариума” был не слишком разговорчив. “К прошлому я стараюсь не привязываться, – заявил он с эпохальным выражением лица. – Любая мысль о прошлом высасывает много сил. Это мешает жить сейчас. Думать нужно о том, что сегодня. Я стараюсь жить одним днем. Это было бы идеально”.

Затем Тит перестал “включать интроверта”, и беседа пошла повеселее. Я только успевал менять кассеты в диктофоне. В паузах между интервью мы слушали James и Ocean Colour Scene – внешне казалось, что ничто не предвещало радикальных метаморфоз. Тит выглядел умиротворенным и благостным, старательно вспоминая нюансы работы в “Аквариуме”, “Кино”, ранних “Колибри”. Как стало понятно позже, он не просто вспоминал, а сознательно подводил черту под питерским периодом жизни.

Параллельно эмиграции Тита в “Аквариуме” произошла смена барабанщика, что в последние годы стало чуть ли не фирменным знаком группы. При всем махровом непрофессионализме и неотточенности звучания ударники социалистического труда менялись у БГ со скоростью изношенных кроссовок. Другими словами, за месяц до презентации “Снежного льва” в концертном зале “Россия” “Аквариум” оказался без ритм-секции. Вообще.

В учебниках по менеджменту такую ситуацию принято называть кризисной. Но обошлось. С легкой руки Сакмарова в группу влились новые барабанщик и басист, которые буквально через несколько недель уверенно играли свои партии на сцене “России”. Конечно, назвать новичков “носителями аквариумного духа” было непросто (один играл у Капуро, второй – в кабаках на Невском), но как профессионалы они были выше всяких похвал.

“После этих выступлений я стал мистиком, – признавался мне спустя несколько месяцев Сакмаров. – Я не мог поверить, что „Аквариум“ может

так ожить. По ощущениям наши лучшие концерты напоминали Grateful Dead. Я прекрасно понимал, что этого не может быть... Но это именно так и было”.

Если задуматься, то “Аквариум” окончательно превратился из супербэнда 80-х (Ляпин, Титов, Гаккель, Курехин) в некий супербренд 90-х. Порой на афишах можно было прочесть “Борис Гребенщиков” и, чуть пониже (и помельче), – группа “Аквариум”. Басист ушел, барабанщик ушел – какая на фиг разница? Есть сильная креативная идея, а все остальное – оркестр Сержанта Пеппера. Можно сказать и по-другому. “Аквариум” стал одним из костюмов, в которые был одет Гребенщиков 90-х. Внутри группы – никаких столкновений мнений, никаких противоречий, никаких конфликтов. Show must go on.

...Реакция прессы на очередную инкарнацию “Аквариума” была на удивление позитивной. Хочется верить, что не последнюю роль в этой благожелательности сыграл медийный прорыв “Навигатора”. В Интернете начали плодиться первые фанатские сайты. Мало того. В 96–97 годах Гребенщиков становится стабильной персоной на страницах новых гляцевых журналов – пусть не молодежно-кислотных типа “Птюча” и “ОМа”, но мейнстримовых: “Медведь”, “Матадор”, “Стас”, “Алла”. Про консервативные издания типа “Огонька”, где лидер “Аквариума” всегда был одним из главных героев, не стоит даже упоминать.

Порой в статьях о БГ мелькали меткие наблюдения типа “ему до смерти надоели вопросы недалеких, но восторженных журналистов”, но это скорее были исключения из правил. Типичное гляцевое издание того времени писало об идеологе “Аквариума” примерно так:

“БГ записал новый альбом „Снежный лев“. Записал в Лондоне, но живет в Катманду. Все знакомые представляются менеджерами Гребенщикова и говорят: „Этот альбом – особенный“. Невероятно: двадцать лет публика разочарованно фыркает, но продолжает ждать откровений”.

Вспоминаю очередной пресс-день в московской квартире Гребенщикова. В то утро БГ был необычайно бодр и оптимистичен. В девять часов он уже давал первое интервью. Минувшей ночью Борис Борисович спал каких-нибудь сорок минут – почти до самого утра его “Аквариум” нарезал блюзы в одном из столичных клубов. Через несколько часов группа должна улететь в многодневный тур по Дальнему Востоку, и поэтому в московских апартаментах Гребенщикова царила предотъездная суета. Каждые пять минут безжалостно звонил телефон.

– Да, регистрация билетов начинается в семнадцать часов. Больше

ничего не знаю... Лучше свяжись с ребятами.

– Привет. Жутко занят... Да, вчера сыграли нормально. Созвонимся сразу после Владивостока.

– Что сегодня будем пить? Наверное, виски. Извини, у меня интервью.

Живая очередь представителей прессы сидит в гостиной, тревожно поглядывая в телевизор. Интервью проходят в соседней комнате. Ведь не секрет, что интервью с Гребенщиковым долгие годы были мечтой, эдаким Эверестом для каждого вдумчивого журналиста. Неважно, музыкального или не музыкального... Такой пробный камень. Лакмусовая бумажка...

Журналисты волнуются, стараясь не смотреть друг на друга. Кто-то пришел сюда в погоне за сенсацией, кто-то – в поисках истины, кто-то – выполняя редакторское задание. Идет такой бесконечный конвейер – одни люди в комнату входят, другие выходят. Прямо живая очередь к Далай-Ламе. За просветлением. Кто-то после подобного терапевтического сеанса выглядит одухотворенным, кто-то – подавленным. Как сказал один из корреспондентов, “правильность и банальность ответов БГ обезоруживает: нет места для сумасшествия, ошибок и прозрений... Он благожелателен, но недоступен”.

...Пока суд да дело, мы с Гребенщиковым продолжали работать над “100 магнитоальбомами”, реставрируя историю создания культовых релизов 80-х: “Треугольник”, “Табу”, “День Серебра”, “Дети декабря”. Беседы проходили на квартире БГ на Пречистенке, в соседнем баре, в гримерке “Максидрома”, в моей квартире, за сценой “Юбилейного”, в офисах и клубах.

В какой-то момент меня наконец пробило на пресловутую “Радио Африку”, от которой я с такой нечеловеческой силой отрекся. До альбома 83-го года надо было созреть – Гребенщиков предложил пообщаться на эту волнующую тему по дороге на один из подмосковных концертов.

Сказано – сделано. На следующее утро после презентации “Снежного льва” мы с Сашей Липницким поехали с “Аквариумом” в Дубну. Акцию делала наша знакомая Наташа Янчук, дебютировавшая в 18 лет в роли регионального промоутера. С учетом рискованности эксперимента БГ согласился выступить по льготной цене – для поднятия культурологического уровня жителей Подмосковья.

В Дубне группа вместо положенных полутора часов неожиданно отыграла почти три. Не считая выходов “на бис” и, кажется, незапланированного исполнения песни “Китай”. Было ощущение, что после нервной и неровной презентации “Снежного льва” в “России” я

наконец-то увидел подлинный “Аквариум” – раскованный, нелогичный и в чем-то действительно мистический. После такого концерта можно было смело оторваться, что мы с чистым сердцем и сделали.

Всех подробностей этой ночи в Дубне я уже не помню. Какие-то полуподпольные сауны без вывесок, которые мы с Липницким искали по закоулкам с громким московским матом. Массовое курение травы. Какие-то восторженные девушки, которые самозабвенно входили в контакт с живыми культуртрегерами. Водка. Интеллектуальные беседы. Бассейн. Опять беседы. Водка.

В паузах между этими вспышками памяти Гребенщиков поведал мне авантюрную повесть о том, как в 83 году записывался альбом “Радио Африка”. В самом центре Невского проспекта музыкантам “Аквариума” удавалось по ночам проникать в суперсовременную мобильную студию “МСІ”, где по всем правилам конспирации с ними работал московский звукорежиссер Виктор Глазков.

Это был не просто блестящий монолог БГ, а настоящий детектив. С подвигами промоутера Андрея Тропилло, с ворованным электричеством из здания близлежащей филармонии, с взятками коньяком якобы непьющему начальнику звукозаписывающего вагона, с бессонными ночами и бдительными ментами из гостиницы “Европейская”.

Почему об этом никто не писал раньше? Почему БГ об этом никому не говорил? Вопрос. У меня создалось твердое ощущение, что я держу в руках заповедную жар-птицу. Для полноты впечатлений Гребенщиков посоветовал мне пообщаться со звукорежиссером “Радио Африка” Виктором Глазковым. Разбудив телефонными звонками несколько знакомых, я узнал координаты легендарного звукорежиссера. Дело оставалось за малым – застать его на рабочем месте и откровенно поговорить с включенным диктофоном.

...Как мне удалось не проспать утренний визит к Глазкову, не понимаю. Уезжая на рассвете из коттеджа, я увидел в синеватой дымке силуэт БГ, который сидел на берегу реки, задумчиво сжимая в руках бутылку водки. По-моему, в тот момент он находился в состоянии полного душевного равновесия с окружающим миром. В который раз я решил не рушить идиллию – может, человек с богами общается...

В Москву добирался на электричке. Народу было мало – в такое время все еще спят. Во рту пылало, в мозгу пылало, но цель оправдывала средства. История “Радио Африки” того стоила.

Саундпродюсер Виктор Глазков трудился на студии фирмы “Мелодия”, расположенной в стенах древнего костела, находившегося невдалеке от

Большой Никитской. Я назвал условный пароль, и теперь Глазкова можно было брать голыми руками. Что я и сделал.

“Когда запись „Радио Африка“ была закончена и все находились в состоянии легкой эйфории, Борис неожиданно попросил еще раз включить фонограмму, – вспоминал события лета 83 года жизнерадостный и словоохотливый Глазков. – И пока все хохотали, БГ с внезапно посерьезневшим лицом сказал в микрофон: „Чуки-чуки банана-куки“. Непонятно, что Гребенщиков имел в виду, но в этом был такой шарм, что одна из находившихся в студии девушек устроила „танцы без одежды“ прямо у входа в вагон. Было шесть часов утра”.

Я сразу же вспомнил, как впервые услышал эти пресловутые “чуки-чуки”. Затем сработала фантомная память – в мозгу всплыло, как я посылал из глухой воронежской деревушки поздравительную телеграмму знакомой студентке-аквариумистке, текст которой полностью состоял из этого шаманского заклинания БГ. Описать взгляд пожилой телеграфистки, принимавшей эту простенькую мантру для отправки в глубь территории России, у меня, пожалуй, не хватит литературного таланта. Работница сельской почты посмотрела на меня тяжелым взглядом из-под век – как на Кашпировского, цинично изнасиловавшего с экрана черно-белого телевизора ее трепетное подсознание. Что творилось у нее в душе, можно было только догадываться.

...Когда после беседы с Глазковым я вышел на залитую солнцем улицу, первое, что бросилось в глаза, – сиротливо стоящий рядом с костелом звукозаписывающий вагон “МСУ”. В нем, собственно говоря, и писалась по ночам вся “Радио Африка”. Сгорая от любопытства, я заглянул внутрь. Картина была предсказуема. Все техническое оборудование давным-давно было распродано или разворовано. Краска облупилась, а от самой студии остался только покрытый многовековой ржавчиной корпус. Под воздействием солнца, дождей и снега вагон “МСУ” медленно терял неприступный вид, постепенно превращаясь в металлолом – с гордой красно-синей надписью “Mobile Recording Unit” на поцарапанном от времени фюзеляже.

6. Эффект саке

Мое дело провокатора и подрывника – взрывать сложившиеся пласты общественного сознания. Чем больше, тем лучше.

Борис Гребенщиков

Тем временем “Аквариум” продолжал жить своей неритмичной жизнью. Опять распадался, опять собирался. Переиздавал бэк-каталог, менял студии, звукорежиссеров и звукозаписывающие компании. БГ выпускал сольные работы, экспериментировал со стилистикой, эстетикой, саундом.

“Мы попали в ситуацию битловской пластинки „Revolver“ – наконец записали альбом, который на сцене сыграть невозможно”, – не без гордости заявил лидер “Аквариума” после записи “Гипербореи”. Для 97 года этот тезис звучал безумно концептуально.

Какие-то из альбомов “Аквариума” конца 90-х я заслушивал до дыр, какие-то недолюбливал, смутно догадываясь, что уровень Гребенщикова-продюсера не всегда дотягивает до уровня Гребенщикова-поэта. Правда, на все его пресс-конференции я ходил, словно прилежный школьник. Зачем? Возможно, в ожидании новых откровений и ярких фраз. Чтобы услышать что-нибудь из серии “рокер, настроенный на конфронтацию, устарел, как бивень мамонта”. Для 97 года это была целая философия, которая звучала действительно актуально. Правда, очень скоро Борис Борисович свою точку зрения поменял.

Дело было на совместной пресс-конференции БГ с группой “Deadушки”. Акция проходила в пресс-центре издательского дома “Аргументы и факты”, в стенах которого всегда витала грозная оруэлловско-андроповская энергетика 1984 года. Мало света, давящая на психику тишина, красные коврики на полу, подозрительно озирающиеся по сторонам государственные служащие. Тяжелое место. Но, несмотря на неблагоприятные условия, духовно свободный и по-буддистски просветленный Гребенщиков сообщает прессе: “Мы открываем фронт эмоционального освобождения. Мы – это музыканты „Аквариума“, „Deadушек“, „Tequilajazzz“ и „Ва-Банка“. Наша цель – полное уничтожение постсоветской культуры во всех ее проявлениях”.

Кто-то воспринял это как стеб, кто-то – серьезно, но заявление БГ прозвучало как гром среди ясного неба. Затем лидер “Аквариума” призвал кардинально изменить музыку (для того, чтобы изменить жизнь в стране) и прогнал злую “телегу” о том, что если бы наш народ слушал дома “Deadушек”, а не, к примеру, песню “Зайка моя”, путь к абсолютной гармонии был бы значительно короче.

Раньше за Борис-Борисовичем подобного экстремизма не наблюдалось. Хотя как сказать. Вспоминаю 96-й год, крупный стадионный рок-фестиваль во Владивостоке, на котором “Аквариум” и “ДДТ” выступали вместе с гранжевыми группами из Сиэтла. В разгар акции вместе с Гребенщиковым на сцене появляется мэр Владивостока – человек с херовейшей репутацией. Откуда взялся – непонятно. И толкает популистскую речь в духе доктора Йозефа Геббельса, в которой повторяются фразы “мы с моим другом Гребенщиковым”. Все понимают, что происходит херня, но, как это обычно бывает, дружно молчат.

Первым из этого наваждения вырвался Гребенщиков. Примерно после третьей композиции БГ идеально четко произнес в микрофон: “Дорогие зрители! Почему вы сидите на трибунах? Идите сюда, к сцене! Идите, не бойтесь! Мне мой друг мэр разрешил!”

Несколько тысяч человек с незлобивым русским матом радостно ломанулись с трибун к сцене. Равнодушных, что называется, не осталось. На растерянные лица местного спецназа смотреть без смеха было нельзя. Во всем происходящем гранжа было больше, чем в трех сиэтлских рок-группах, вместе взятых.

На тему стадионных подвигов Гребенщикова почему-то вспомнилось его выступление на “Максидроме” 99 года, когда “Аквариум” единственным из двадцати участников отказался от исполнения радиохитов. Вместо этого Борис Борисович с безупречной дикцией пропел в микрофон:

“Женщины – те, что могли быть как сестры,
Красят ядом рабочую плоскость ногтей
И во всем, что движется, видят соперниц,
Хотя уверяют, что видят блядей”.

18000 зрителей “Олимпийского” молча вкушали правду жизни, а во время телетрансляции слово “блядей” было заменено предательским пиканьем. “На БГ бесполезно давить в плане репертуара”, – смущенно

заявили после концерта организаторы “Максидрома”.

...В этот период у “Аквариума” в очередной раз сменился директор. После Миши Гольда с группой несколько лет работал Стас Гагаринов. Он был ярким поклонником электронной музыки и аутентичным носителем кислотной субкультуры. На практике выяснилось, что в туре Стас ведет себя пожестче Гольда. Порой это качество приносило группе пользу. Порой – вред.

Помню, как незадолго до начала очередного концерта Гагаринов попросил меня покинуть гримерку “Аквариума” – мол, группе надо готовиться к выступлению. Он смотрел сверху вниз и, что называется, настаивал. Я не сдвинулся с места, в глубине души считая себя “персоной, приближенной к императору”. Но император даже бровью не повел – похоже, в подобных ситуациях он предпочитал сохранять нейтралитет. Наверное, по-буддистски это выглядело мудро и правильно, а по-человечески – не очень.

В тот момент я впервые ощутил со стороны БГ какое-то предательство. Правда, четко понял шкалу его приоритетов. И понял, что, как это ни странно, я не совсем прав. А прав Гагаринов. Потому, что перед концертом у Гребенщикова на первом месте стоят тишина и концентрация внимания. Все остальное – неважно. На пятом месте идут друзья. На десятом – журналисты, автографы и прочая суета.

Кстати, порядок песен у “Аквариума” на тот концерт получился неубедительный. А может, это я впечатлился от столкновения с “диктатурой пролетариата”. Не знаю.

...После записи альбома “Пси” на смену Гагаринову пришел Максим Ландэ, бывший музыкант одесской группы “Кошк ин дом”, исполнявшей в самом конце 80-х альтернативный пост-рок на стихи Бродского. У Ландэ были задумчивые еврейские глаза, внутренняя порядочность, скрупулезность и редкая для рок-н-ролла адекватность.

С появлением нового директора в “Аквариуме” возник намек на внутреннюю и внешнюю дисциплину. У группы сменился ряд деловых партнеров – в частности, новый альбом “Территория” и переиздание бэк-каталога “Аквариума” было доверено выпускать фирме “CD Land”. Ура! Поскольку именно эта возглавляемая Юрой Цейтлиным инфраструктура помогала мне с рекламой книги “100 магнитоальбомов советского рока”. Вскоре кому-то из администрации “CD Land” пришла в голову смелая идея – вставлять в буклеты переизданных альбомов “Аквариума” рекламный модуль “100 магнитоальбомов”. Тематика-то совпадает... К тому же Гребенщиков по моей просьбе написал к книге небольшое предисловие.

“ Не нужно поддаваться иллюзиям, что сейчас все изменилось, – говорил мне на диктофон БГ где-то в кулуарах “Олимпийского”. – Как была советская власть, так она и осталась. Просто тогда ларьки имели одну форму, а теперь – другую. Эта культура неискоренима: пластиковая, поддельная, сделанная где-то на закрытом заводе ЦК или на китайском подпольном заводе, один черт. Все равно она не настоящая. А вот Бродский настоящий. И Хендрикс настоящий. И Майлз Дэвис. И Бунюэль. И фильм „Blow Up“. И то, что делалось в нашей магнитозаписи, тоже было настоящим. Все это не имеет ничего общего с тем, как нас учили жить и думать ”.

...Несмотря на доверительные отношения, мне казалось, что Борис Борисович никогда не пойдет на то, чтобы ради книги разрушать каноническое оформление архивных альбомов “Аквариума”. Каково же было мое удивление, когда Цейтлин торжественно продемонстрировал мне сразу несколько компакт-дисков, внутри которых находилась реклама “100 магнитоальбомов”.

“Неужели Борис Борисович разрешил?” – Моему удивлению не было предела. “А ты как думал?” – с ощущением значимости момента ответил Цейтлин.

Это был расцвет моих отношений с БГ. Я периодически дарил ему свои новые книги – в частности, “Правду о Мумиях и Троллях” и “Введение в наутилусоведение”. В свою очередь, Борис Борисович презентовал мне двухтомник песен – с нереальной по теплоте дарственной надписью. Когда в ответ я подарил Гребенщикову пахнущий типографской краской том “100 магнитоальбомов”, Макс Ландэ предложил мне поработать по пресс-поддержке нового альбома “Территория”. Я, правда, не сразу понял, что Макс хотел сказать своей туманной фразой: “Саша, отпиарь меня”. Но когда врубился, что Ландэ говорит про “Аквариум”, то с радостью согласился.

...С момента скромной рекламной кампании “Навигатора” утекло немало воды. Теперь популяризацией нового альбома “Аквариума” занимался не один человек, а целое музыкальное агентство “Кушнир Продакшн”. Теперь целый отдел сотрудников специализировался на телеэфирах, второй – на радио, третий – на интернете, четвертый – на регионах. И так далее. Если вы помните, о чем-то похожем мы с БГ мечтали летом 95 года в офисе на Солянке. Теперь казалось, что у нас все будет как у взрослых. Как в Англии. Но так только казалось.

Пиар-кампания по раскрутке “Территории” стартовала с провокационных заявлений, сделанных лидером “Аквариума” в беседе со

знакомой журналисткой. “Этот альбом записывается только потому, что в него вложено сорок семь посланий человечеству, действующих на подсознательном уровне, – вещал БГ, безмятежно развалившись на диване. – В течение ближайших трех лет эти послания абсолютно изменят жизнь в нашей стране”.

“Я слышала, альбом рассчитан в большей степени на европейские страны?” – пыталась сопротивляться студентка журфака. Но не тут-то было. Силы были неравные. Перед симпатичной брюнеткой с цифровым диктофоном восседал живой классик самопиара, который медленно изрек: “Весь мир нуждается в поправке. Мы – как навигационные устройства. Сорок семь посланий должны изменить то, что называется „трансперсональностью“, то есть общее подсознание всего человечества... Этот проект – экспериментальный. Методика разработана нами совместно с коллегами из Black Sabbath, Soundgarden и Korn. В масштабах человечества ее еще никто не опробовал. Но на пациентов психбольниц она действует исключительно”.

Поскольку мы пытались отслеживать каждый вдох и выдох “идеолога трансперсональных интеграций”, это интервью нам было прислано еще на стадии верстки. Составлять пресс-релиз на основе такой качественной фактуры – счастье нечеловеческой силы. Тем не менее мы еще раз встретились с БГ в клубе “Ю-Ту” на Сходненской – с целью более-менее подробно поговорить о структуре и драматургии “Территории”.

В реальности “Территория” представляла собой первый авторизованный сборник “Аквариума”, добытый несколькими римейками и неопубликованными композициями. Среди них встречались настоящие жемчужины: “Горный хрусталь”, “Та, которую я люблю”, “Под мостом, как Чкалов”.

С целью снижения пафоса на альбоме присутствовало несколько приколов. В частности, на ротируемом по радио реггей-боевике “Вавилон 2000” был закодирован фрагмент актуального слогана Пелевина “Сила ночи, сила дня – одинакова хуйня”. Этот несложный рэп был прочитан японскими друзьями “Аквариума” на языке Страны восходящего солнца. Боги российской словесности веселились вовсю...

“После подведения итогов интернет-опроса мы удивились, что сорок процентов песен совпало с нашим выбором, – вспоминает БГ. – А вообще там назывался „Город золотой“ – понятно, почему он не включен. И „Серебро Господа моего“ – тоже понятно, почему песня не включена... В интернете сидят темные люди”.

После того как пресс-релиз был написан, мы придумали

псевдофилософский слоган – в духе “прощание группы „Аквариум“ с XX веком”. Оставались пустяки – провести пресс-конференцию и сделать несколько десятков интервью. Мы оперативно подготовили (кажется, впервые в истории “Кушнир Продакшн”) замысловатую дизайнерскую форму пресс-релиза. На цветном принтере было распечатано 200 экземпляров в форме театральных программ – состоящих из согнутых пополам по вертикали картонных листов формата А4. Получилось удобно, красиво и эстетично.

...Остальные сложности по альбому носили исключительно технический характер. Гребенщикова мотало по всему белу свету от Германии до Индии, поэтому на раскрутку “Территории” оставалось всего три дня.

Пик общения с прессой пришелся на ноябрь 2000 года. Мы изъездили всю Москву вдоль и поперек: радио, телеэфиры, интервью, фотосессии. Плюс вечные пробки – к примеру, на пресс-конференцию в “16 тонн” мы опоздали на целый час. Забавно, что никто особенно и не возмущался – все привыкли к тому, что боги должны быть виртуальными.

Тем не менее добрую половину интервью мы сделать не успевали. Чтобы спасти медиа-план, над которым мы реально тряслись, часть гонорара нам пришлось пожертвовать на массовый ужин для журналистов. Этот благотворительный вечер я, наверное, запомню надолго...

Тайная вечеря происходила в крохотном японском ресторанчике, расположенном аккурат напротив гостиницы “Украина”. Вместе с Гребенщиковым продукты восточной кухни дегустировали представители доброго десятка изданий: от “Известий” до “Вечерней Москвы”. Гармония мира не знает границ – сейчас мы будем пить чай...

Вокруг сдвинутых столиков со скоростью ветра носились офигевшие от такой шумной компании японо-бурятские официанты. Максим Ландэ, попивая чай с жасмином, сыто улыбался. Цифры, выставленные в конце счета, подсказывали, что происходит нечто, не укладывающееся в рамки привычного. Но зато ощущение праздника присутствовало в полный человеческий рост. Для окончательного завершения пейзажа не хватало разве что поющего Никиты Михалкова и цыган с медведями. Москва гуляла...

Добродушно попивая sake, Борис Борисович нес в массы философские истины: “Поделюсь секретом. Если сильно напиться, а потом перейти на sake, то через полчаса у тебя будет чистейшая голова. Все соображаешь, что делаешь. И не теряешь при этом кайфа. Замечательная вещь... Я очень разборчивый человек. Сегодня – sake, вчера – водку, завтра – виски,

послезавтра – коньяк. Просто для разного времени необходимы разные ощущения”.

Несмотря на присутствие “разных ощущений”, журналисты надвигались на БГ, как немецкие танки на Сталинград. Тем не менее процесс сеяния зерен происходил строго по расписанию. Честно говоря, такой четкой работы прессы я даже не припомню. Последнее интервью Гребенщиков давал уже в машине, летящей с нехорошей скоростью в сторону Ленинградского вокзала. До отхода паровоза оставалось минут двадцать.

В этот момент интервью у Борис Борисовича брали бывалые сотрудники “МК-Бульвара”: хрупкая интеллигентная Оля Крылова и фотограф-раблезианец Гена Авраменко. Задача перед ними стояла архисложная. Поскольку в грядущем номере “МК-Бульвара” планировалась обложка с Гребенщиковым, им минут за тридцать надо было набрать вменяемого текста сразу на несколько разворотов. Оля спрашивает – БГ отвечает, Оля спрашивает – БГ отвечает. Что-то из серии “мы – последние оптимисты”. Темп дикий, лидер “Аквариума” даже не успевает пообщаться по телефону.

Наконец-то перрон вокзала. Московское время – один час сорок пять минут. Тускло светят привокзальные фонари. Мы с сотрудниками “Кушнир Продакшн” устало провожаем вождя до вагона. “Ну что, Борис Борисович, легко ли давать по пятнадцать интервью в день?” – расслабленно спрашивают циничные пиарщики. Но мы явно недооцениваем собеседника. “В Париже было шестнадцать”, – не без гордости отвечает чемпион мира по интервью.

Однако у русских собственная гордость. Поезд Москва–Питер только-только начинает шевелить колесами, как в него с диким криком влетают сотрудники “МК-Бульвара”. У одного в руке сверкает фотоаппарат, у другого – включенный диктофон. Поверьте, со стороны это смотрелось ничуть не хуже пресловутых боевиков с любимым Гребенщиковым Брюсом Ли...

Как признавались впоследствии Крылова и Авраменко, на этот поступок у них был ряд причин. С одной стороны, они явно не успевали “набрать фактуру”. С другой стороны, на их психике не мог не сказаться “эффект саке”, в избытке выпитого под влиянием Гребенщикова первый раз в жизни.

Так вот. Пока мы общались с Борис-Борисовичем, журналисты, шелестя ногами, слетали к начальнику состава и приобрели два билета в заветный бронепоезд. Уже где-то в районе Крюкова журналисты разглядели

на билетах чужие паспортные данные. Посмотрели внимательно при тусклом свете ночника – и глазам своим не поверили. Посмотрели еще раз. На одном из билетов черным по белому было написано: Ландэ Максим Леонидович. На втором – Гребенщиков Борис Борисович.

Как сказал какой-то гаутама, “все, что делается истинно, делается легко”. Пиар-кампанию альбома “Территория” можно было считать успешно завершённой.

7. Чапаев и кислота (культурологические поиски)

Настоящее искусство возникает от пресыщенности – когда человек спокойно, забыв про все на свете, может заниматься своим делом и оттачивать каждую грань.

БГ в интервью журналу “Esquire”

Искрометный драйв, сопровождавший “Аквариум” на грани веков, продолжался и в новом тысячелетии. Спустя несколько месяцев после раскрутки “Территории” мы вновь пересеклись с командой Гребенщикова. На этот раз – в условиях, близких к абсурдным.

Дело происходило в “Олимпийском” – на фестивале “Кинопробы”, организованном компанией “Real Records” в поддержку альбомов-трибьютов Виктора Цоя. В акции участвовало немало артистов, с которыми наше агентство в разное время работало: “Кукрыниксы”, “Пикник”, “Мультфильмы”, “Би-2”, “Вопли Видоплясова”, “Танцы Минус”, “Наив”, Zdob si Zdub, Земфира, “Мумий Тролль”. Там же в “Олимпийском” выступал и “Аквариум” – с трогательной кавер-версией цоевского “Генерала”.

Отсмотрев все выступления, я засобирался домой. Но... не тут-то было. Не успев попасть за кулисы, я на полном ходу врезался в Ландэ. “Стой, стой, куда ты торопишься, – начал перегораживать мне путь к отступлению директор “Аквариума”. – Ну-ка, расскажи мне, как там у нас продвигаются главы?”

“Главы? – не без удивления переспросил я. – Какие-такие главы?”

По дороге в буфет у меня начала восстанавливаться смутная картина событий. За пару месяцев до этого музыканты “Аквариума” делились планами о переиздании “золотых альбомов” 80–90-х годов. Вроде бы готовился выпуск антологии, сделанный в режиме “здоровой роскоши”. С тщательным ремастерингом, раритетными бонус-треками и шикарными буклетами, в которые бы вошли не только тексты песен, но и развернутые истории о том, как эти альбомы создавались.

Идея, предложенная компанией “Союз”, была прогрессивной. И команда, претворявшая ее в жизнь, сложилась как на подбор. Пресловутые раритеты искал коллекционер и звукорежиссер Женька Гапеев. Дизайном

занимался Виктор Дербенев, ремастеринг делал Андрей Субботин. Сам Гребенщиков, ознакомившись с подобной антологией группы “Наутилус Помпилиус”, решил, что тексты в буклеты писать будет именно Кушнир. Сказать об этом вовремя мне позабыли. До выхода “золотых альбомов” “Аквариума” оставалось чуть больше месяца.

На следующее утро мы в пожарном порядке встретились с Ландэ в “Китайском летчике”. Когда во время завтрака директор “Аквариума” наконец-то сформулировал задачу, я не на шутку озверел. Работы было много, времени – мало, а халтурить не хотелось. Пытаясь отмазаться от уголовной ответственности, я решил использовать последний шанс, заломив за тексты нечеловеческую цену. С лицом бывалого индейца Макс сделал пару телефонных звонков и с непроницаемой интонацией в голосе сказал: “Гребенщиков согласен”.

“Сильные парни, – не без уважения подумал я. – А ты, Кушнир, только что сам подписал себе приговор”.

О сне отныне можно было смело забыть. Счет пошел даже не на дни. Счет пошел на часы. Нужно было слетать на дачу за архивами, в Питер – за впечатлениями, к Богу – за вдохновением. Работа закипела.

Вскоре в одном из интервью идеолог “Аквариума” благословил наше сотрудничество: “В антологии будет написанная Кушниром история создания альбомов, которую мне до сих пор смешно и интересно читать. Многие вещи я сам уже не помню, а он у всех собирает информацию”.

Последовательность действий была простая. БГ звонил мне на автоответчик, оставляя график перемещений. Я ловил его по дороге из Питера в условный Хабаровск или накануне вылета из Москвы, например, в Лондон. Мы включали диктофон и начинали общаться. Вначале обсуждали новую музыку. В какой-то момент Борис Борисович плотно подсел на Magnetic Fields, High Llamas, не говоря уже о Бэке, который всегда был в числе фаворитов...

С кредитом доверия проблем, похоже, не было. После меломанского саундчека говорить можно достаточно откровенно – даже на самые, казалось бы, скользкие темы. А такие темы были.

При работе над буклетами меня всегда интересовал образ Севы Гаккеля – фактически второго по значимости человека в группе. Его виолончель украшала саунд “Аквариума”, его вокал запечатлен на “Двух трактористах”, а эмоциональные подпевки звучали в гимне “Рок-н-ролл мертв”. Но самое главное было в другом – многими справедливо считалось, что Гаккель был одним из основных носителей духа “подлинного” “Аквариума”. Тем не менее в 87 году – на самом пике популярности

группы – Гаккель покидает “Аквариум”. Произошло это во время записи альбома “Равноденствие”.

Мне было важно, чтобы спустя столько лет Гребенщиков откровенно рассказал свою версию этого конфликта. “Было очень тяжело – Гаккель то приходил, то уходил, – вздыхает БГ. – Я периодически его заманивал обратно, было жалко: группа-то хорошая. „Давай еще раз попробуем!“... Суть конфликтов на „Равноденствии“ состояла в том, что Сева и Дюша не очень чисто пели. На ровном месте они начинали орать друг на друга, чуть ли не до драки – вместо того, чтобы заранее выучить свои партии...”

В такой непростой ситуации журналистский кодекс обязывал меня выслушать обе стороны. Буквально через пару дней я встречался с Гаккелем в недорогом вегетарианском кафе в районе Невского проспекта. Мы были знакомы с ним, что называется, неоднократно – начиная от клуба “TaMtAm” и заканчивая его участием в изумительном проекте Сергея Щуракова “Вермишель Оркестра”.

Когда за пару лет до этого я брал интервью у Щуракова и Гаккеля, Сева тщательно старался в своих ответах не упоминать “Аквариум”. Я прекрасно понимал, что мое интервью с Гаккелем будет тяжелым, и на особую исповедь не рассчитывал. Но действительность превзошла ожидания.

С первых минут разговора стало ясно, что Сева хочет выговориться. По-видимому, назрело. По его версии, пик человеческого кризиса в “Аквариуме” пришелся на запись композиции “Партизаны полной Луны”. После его очередного вокального дубля Титов, Гребенщиков и Дюша начали вповалку хохотать. “Возможно, в тот период у меня был синдром, который соответствовал какому-то психическому отклонению, – вспоминает Гаккель. – И тогда насмеяться надо мной начинали все. Это не была реакция какого-то одного человека. Я обостренно реагировал, когда реагировали на меня. Это была моя защитная реакция, хотя порой все это напоминало паранойю”.

Не дождавшись окончания записи “Партизан”, Сева не торопясь засунул виолончель в чехол и вышел из студии. Достало... Фактически этот поступок означал уход Гаккеля из “Аквариума”. На этот раз – навсегда. В тот летний вечер 87 года Сева Гаккель спрыгнул со ступенек идущего на штурм стадионов рок-паровоза, окончательно решив для себя, чем он не занимается дальше.

“Я находился в идеальном расположении духа и безошибочно знал, что именно я делаю, – вздыхает Гаккель. – Я не связываюсь с идиотизмом... К сожалению, по прошествии двух десятилетий я все дальше ухожу в

сторону от этого детектора. Но в то время я абсолютно точно знал, что это – единственно правильный путь, по которому мне следует пройти”.

...Потом меня поразил Гребенщиков, который не убрал из интервью Гаккеля ни одного слова. Вообще тема БГ и внутренней цензуры заслуживает особых рассуждений. Дело в том, что фирма “Союз” выпускала антологию двадцати “золотых” альбомов “Аквариума” примерно в течение двух лет. Соответственно, раз в пару месяцев я знакомил БГ с черновиками очередных текстов. Чем Борис Борисович меня очаровывал – так это тем, что не менял в авторских материалах ни слова. Нравилось, не нравилось – внимательно читал и, как правило, соглашался. Изредка исправлял детали – например, вместо “весна 84 года” – “осень 84 года”. Видимо, ценил внутреннюю свободу автора...

Такое доверие вдохновляло и окрыляло. В свою очередь, Гребенщикова развеселил мой буклет к альбому “Кострома Моп Амоур”, состоявший из дерзкого стеба над буддизмом, в котором я мало что понимал. “Гениально, – ознакомившись с текстом, спокойно заявил БГ и не без интереса посмотрел на меня. – О буддизме именно так и надо писать”.

Я растерянно молчал, поскольку чувствовал, что с иронией явно переборщил. Писал про дацан, обряд пховы, тибетское танго, у-вэй и четки из сандалового дерева. Писал про медитирующих пациентов, у которых в районе макушки образуется дырка. А в нее, при удачном стечении обстоятельств, выталкивается сознание – словно в момент смерти.

Короче, меня несло. Но Гребенщиков, Гребенщиков... Он этот бред внимательно читал и был в своей лояльности безупречен. Мне было с чем сравнивать. Когда за пару лет до этого я работал над антологией “Наутилуса Помпилиуса”, то нередко обнаруживал в полиграфическом варианте целые фрагменты, дописанные Ильей Кормильцевым. По-видимому, поэт “Наутилуса” относился к моим зарисовкам, как к качественной глине, и в порывах вдохновения лепил из нее все, что считал нужным. Гребенщиков же умел унять гордыню, пуская мои тексты в вольное плавание. Правда, до поры до времени.

К сожалению, с цензурой мне все-таки пришлось столкнуться. Произошло это в тот момент, когда я почувствовал себя свободным человеком. Совершенно расслабился, забыв любимое Гребенщиковым высказывание из Лао-Цзы: “Любую победу следует встречать похоронной процессией”.

Гром грянул внезапно – во время редакции текста о “Русском альбоме”. Этот период творчества Гребенщикова я особенно люблю и поэтому постарался создать максимально многогранный текст. Пытаясь

разобраться в источниках вдохновения “Аквариума”, я воспользовался кухонными откровениями БГ.

“Концерты сопровождались огромным количеством кислоты, которая поглощалась тоннами, – вспоминал Гребенщиков о своих трансфизических переживаниях начала 90-х. – У музыкантов глаза становились как у кроликов. И им открывались новые пространства: „Electric Ladyland“, „Revolver“, „Magical Mystery Tour“. И как бы становится понятно, что подобную музыку и нужно делать... Кислоту мы начали кушать тоннами еще в 92-м году. Тогда я нашел одного фантастического немца-сталиниста, который в обмен на бюстики Сталина выдавал нам мешки кислоты. И „Аквариум“ этой кислотой был сплочен”.

Прочитав эту часть текста, БГ обвел ее черным маркером и совершенно спокойно зачеркнул. “И почему ты это сделал?” – вежливо спросил я. “Пропаганда наркотиков”, – бесстрастным голосом психоаналитика ответил основатель “Аквариума”.

Я чуть не свалился со стула. Поскольку подобная кастрация случилась в моей врачебной практике впервые, я не знал, как реагировать. Ну хорошо, пусть в тексте присутствуют мотивы из книги “Чапаев и пустота” – в духе идеологии произведений Пелевина. По сути, ничего принципиально нового. Сейчас и покруче издают. Что называется, с подробностями.

...Конфликт интересов был налицо. Я попытался вступить в цивилизованную полемику и напомнил Гребенщикову его интервью – начиная от откровений в “Аргументах и фактах” и заканчивая многочисленными глянцевыми журналами.

“Я пробовал многое. Героин, правда, не пробовал, – признавался БГ где-то в районе 97 года. – Я пел на кокаине очень давно и проверил: когда пою, мне кажется, что это замечательно. Но как только это слышишь на трезвую голову, то сразу все становится ясно. Обкуренные люди могут часами сидеть и играть три ноты. И они считают, что это астрал. Но это не астрал, а три очень плохо сыгранные ноты”.

К сожалению, наша дискуссия не закончилась ничем конструктивным. Разве что после покореженного текста “Русского альбома” редакция стала более жесткой. Ничто не вечно под Луной. Я кожей чувствовал чье-то влияние, которого раньше отродясь не было. Словно какой-то “добрый” ангел начал нашептывать Гребенщикову нечто деструктивное – прямо клавишами на ухо. В тот момент я даже не догадывался, что ждет меня впереди.

Ранним январским утром 2003 года я получил от БГ электронное письмо следующего содержания: *Высылаю тебе твой текст по*

“Любимым песням Рамзеса IV” с рядом резких корректив. Как-то текст у тебя получился мрачным и скандальным. Все было не так плохо...

Комментарии Борис Борисовича меня не на шутку озадачили. Цитирую. *“БГ-Бэнд” мог бы существовать и дальше, если бы они выносили друг друга, а не дрались, как только я выйду из комнаты, – описывал события 92 года Гребенщиков. – Березовой пил невыносимо, Петя Троценков интересовался только собой, а Сакмаров что-то не поделил со Щуром и уговорил меня не играть с ним... После чего и последовала наша встреча с Титом... А то получается, что я интригами окончил “БГ-Бэнд”. Это не в моем стиле, я прошу прощения!*

Если исходить из этого эмоционально послания, действительно “все было не так уж плохо”. Кто бы спорил? Лично я спорить не стал, внося в текст про “Рамзеса IV” все необходимые правки. Антология ведь позиционируется как авторизованная – т.е. отражает позицию группы “Аквариум”. И взгляды группы “Аквариум”. А я – только ретранслятор. Нет проблем.

Ни сном ни духом я не догадывался, что это были только цветочки. На большие катаклизмы у меня не хватало воображения. Ягодки прибыли по электронной почте на следующий день – в форме радикальной рецензии на текст про “Пески Петербурга”. Начав читать письмо, я понял, что Борис Борисович вышел в ночной овердрайв. Целую бурю эмоций в его креативном мозгу вызвала неосторожная фраза о том, что “коллективное сознание и ансамблевое мышление раннего „Аквариума“ были естественной преградой для личных амбиций лидера”.

Реакция Гребенщикова превзошла все ожидания. *Какое, на хер, коллективное сознание? Какие, на хер, амбиции лидера?* – перешел в область ненаучной полемики Борис Борисович. — *Много было коллективного сознания и ансамблевого мышления на записи “Табу”? Когда из “Аквариума” был только Сева, пролежавший в студии три месяца за роялем? На “Радио Африке”? На “Детях декабря” и “Дне Серебра”? “Гипер-на-хер-Борее”?*

Я ознакомился и с другими особенностями авторского стиля БГ-прозаика, ранее наукой не изученными. Учивые выражения типа “я, может быть, неясно выражаюсь” перемежались вопросами из серии “можно осведомиться, что означает эта фраза?”.

Мое первое ощущение было сродни тому, что вот он, такой неожиданный и нелепый момент истины. Похоже, я получил чистую, неотфильтрованную информацию о чем-то важном. Это вам не эзопов язык и не цитаты из Лао-Цзы, за которыми можно надежно укрыться. Это не

просветительство дремучего русского сознания, выстроенное на переводах Дилана, Болана, Бирна или на цитировании риффов Патти Смит и Talking Heads. Оказывается, и Борис Борисович порой воспринимает мир, что называется, неконцептуально. Как говорится, Бог дал – Бог взял.

И вообще, может быть, все гораздо проще. Может, этот пиздец вовсе не следствие душевных пожаров растаманов из глубинки? Может, у “Аквариума” в январе банально нет концертов? Каждый, как говорится, волен думать по-своему.

“Ты хотел добраться до глубин подсознания Гребенщикова? – спросил я себя на следующий день. – Ты хотел добраться до сути „Аквариума“? Ну вот, теперь ты эту суть ощутил. И что? Ты счастлив? Now lets kill this fucking band?”

Все эти риторические вопросы так и остались без ответа. Очарование сменялось разочарованием. Мир вокруг начал приобретать фактуру сна. Последние тексты для антологии дописывались мною по инерции.

8. Неизвестные факты из биографии Элвиса Пресли

Тот, кто в свое время стал легендой, стремится этой легенде соответствовать.

Виктор Гюго

Когда-то БГ презентовал мне книгу своих стихов, подписав ее следующими словами: “Александру с искренним восхищением от ясности понимания ценности культуры”.

Несмотря на идеологические разногласия, мы продолжали интенсивно общаться. Как-то во время вылазки в Лондон я узрел в книжном магазине на Оксфорд-стрит настоящее чудо полиграфии – мемуары Билла Уаймана. Воспоминания басиста Rolling Stones были заведомо политкорректными, но дизайн и полиграфия оказались выше всяких похвал. Тысячи фотографий, бэджки, синглы, архивные вырезки, неоплаченные счета, телеграммы – короче, вся королевская пыль Rolling Stones. Собранная с любовью и рассмотренная под увеличительным стеклом, эта пыль казалась мне золотой.

Во время очередного завтрака с БГ я осторожно показал ему полиграфический шедевр Уаймана. Борис Борисович потерял к беседе всяческий интерес, нежно рассматривая каждую страничку. Казалось, он перестал дышать. По-человечески все было понятно. Сколько раз лидер “Аквариума” с пиететом упоминал “Стоунз”? Не счесть. В особенности Гребенщиков любит гитариста Кейта Ричардса, ласково называя его не иначе, как “этот волчара”. Глядя на питерского “степного волка”, трепетно перелистывающего книгу Уаймана, я чувствовал, что это тот самый случай, когда награда нашла героя.

Я для приличия подождал некоторое время, а потом все-таки решился оторвать патриарха от научно-исследовательской деятельности. “Собственно говоря, эта книга – подарок тебе”, – опустив глаза в пол, негромко сказал я. Последовала неловкая пауза, после чего Гребенщиков извлек откуда-то из-под гланд: “Бля-я-ядь!”

Мне понравилось. Это было по-честному. Это было по-настоящему. Теперь можно переходить к делу.

Я предложил БГ сделать подобный фолиант про “Аквариум”. А чем

мы, собственно говоря, хуже? Полиграфия в стране уверенно выходит на европейский уровень, а российские дизайнеры порой могут переплюнуть полеты фантазии самого Уорхола... Да кого угодно наши дизайнеры могут переплюнуть. Тем более, у них есть одна особенность, которая порой творит чудеса. В отличие от европейских мастеров, они, как правило, не имеют дурной привычки читать тексты. Другими словами, текст отдельно, дизайн отдельно. Хотя порой из этой абракадабры случаются настоящие прорывы.

Меня опять понесло. Дальше я начал рассуждать про фактуру. Книгу про “Аквариум” могут писать два автора. Один – москвич, а второй – питерец. Не секрет, что в этих двух городах “Аквариум” воспринимают по-разному. В Питере “Аквариум” более домашний, родной, кухонный. На местных концертах списки приглашенных “друзей группы” могут зашкаливать за пару сотен персон. В Москве “Аквариум” более социально значимый: презентации, пресс-конференции и Центральное телевидение. Лужники, Кремль, МХАТ и “Олимпийский”. В Питере лучше забаррикадироваться дома, курить траву и думать о красивой смерти. В Москве – встречаться с Сурковым и Грызловым, получать ордена-медали в области литературы и искусства.

Я знаю отношение Борис Борисовича к столице. “Родись я в Москве, будь у меня больше денег, больше влиятельных друзей – возможно, тогда „Аквариум“ повторил бы путь „Машины времени“, – исповедовался лет двадцать назад Гребенщиков. – Искушений там много. Телевидение – абсолютное искушение”.

Обо всем этом стоило писать. Короче, насчет “толстой книги”, а также питерского и московского авторов я БГ убедил. Презентация проекта уложилась минут в тридцать. Я примерно столько и планировал...

С питерской стороны я порекомендовал в качестве автора гребенщиковского приятеля Лешу Рыбина, легкий стиль которого мне нравился в книгах про историю раннего “Кино”. В основе московской части фолианта могли лежать мои главы, взятые из “100 магнитоальбомов” и антологии “золотых” дисков “Аквариума”. “Чтобы добро не пропадало”, – по-хозяйски добавил я.

Сказано – сделано. БГ нашел издателя, я переслал Рыбину электронные версии текстов и больше в работу не вмешивался. Мне казалось, что книжный период в моей жизни завершился выпуском энциклопедии “100 магнитоальбомов советского рока”. Это действительно был стресс длиной в пять лет. Поэтому я искренне считал, что все свои песенки уже спел. Пусть теперь поют другие.

...Книга с условным названием “Сны о чем-то большем” виделась издателям праздничным подарком к грядущему 50-летию Гребенщикова. Мне же было безумно интересно, во что превратит мой авторский беспредел тандем БГ—Рыбин. Фактически я отдавал материал в неизвестность, как ребенка – чужим людям. То ли на растерзание, то ли под талантливую переделку. Какими получатся питерские литературные ремиксы, не знал никто. Я немного волновался и суетился. Как выяснилось впоследствии, не зря.

Через пару месяцев в Москву по делам приехал Макс Ландэ. Сели попить чай, поболтать о разном. Макс сказал, что книга получается очень странная. Что личность директора “Аквариума” в ней вообще не упоминается, а из моих текстов там осталась в лучшем случае половина. Мол, БГ решил всё переписать по-своему. “И на хера он тогда утверждал и редактировал тексты антологии? – недоумевал я. – Похоже, очень дурная история...”

Потом я вспомнил, как недавно мне прислали подстрочник красноярской пресс-конференции “Аквариума”. На вопрос про достоверность антологии Борис Борисович ответил, что эти тексты – гибрид правды и выдумок Кушнера. Я настолько охуел от подобной версии изложения событий, что решил сделать в своем сознании срочный аборт этой информации. Говоря попроще, delete.

Второй аборт я сделал, прочитав в одном из музыкальных журналов интервью с БГ, из которого узнал, что лидер “Аквариума” редактирует книгу о собственной группе, которую “уже месяца полтора пишет Леша Рыбин, гитарист группы „Кино“”. “Клёво-то как, – подумалось мне. – Как пел другой автор, „долгая память хуже, чем сифилис, – особенно в узком кругу“”.

...Когда издатель ознакомил меня с макетом “Снов о чем-то большем”, я ощутил, что мои худшие прогнозы сбылись. Все “острые углы”, которыми я гордился в антологии (равно как и демократизмом заказчика), из текста оказались убраны. Времена, как пел Боб Дилан, и вправду меняются...

Теперь “Сны о чем-то большем” напоминали бронзовый памятник “Аквариуму”. Полиграфия книги была на уровне, но тексты оказались какими-то политкорректными. Самолюбие грел лишь копирайт на последней странице – “Автор идеи – Александр Кушнер”. Я прекрасно понимал, что от самой идеи там осталось немного. Поэтому не сильно удивился, не обнаружив в дешевом издании книги упоминания про “автора идеи”. Наверное, во время верстки одна строка случайно рухнула.

Потом меня не пригласили на презентацию “Снов о чем-то большем” в Дом книги на Новом Арбате. Хозяин – барин. А хозяин ставил на книгах автографы и готовился отмечать пятидесятилетие большим концертом в Кремле. Я подошел к имениннику и искренне поздравил с выходом книги. Мне показалось, что в тот момент Борис Борисович общался с окружающей флорой и фауной как-то по инерции. Возможно, я ошибаюсь...

Но светлые полосы в жизни все-таки преобладают. Весной 2006 года люди, приближенные к студийным делам “Аквариума”, начали рассказывать удивительные вещи. Мол, впервые за много лет Гребенщиков записал необыкновенный альбом. Всем альбомам альбом. Называется “Беспечный русский бродяга”. Очень хотелось верить, что это правда. Поскольку в последнее время БГ, как мне казалось, страдал синдромом графомана – записывал в студии абсолютно все, что крутилось у него в голове. Когда я попытался с ним обсудить эту тему, он честно признался: “Да, это так. Потому что мне это интересно”. Let it be.

Буквально через несколько недель меня пригласили на закрытую презентацию “Бродяги” в небольшой клуб “Дума”. Я решил пойти – обещали акустический сет, состоящий из новых песен. Интересно.

...Начало акции впечатляло. На экранах крутился трансowyй графический клип “Шумелка” – сразу возникло впечатление, что для “Аквариума” начался новый творческий этап. Неожиданно солнечный техно-саунд – из серии “охуенное круче лучшего”. Особенно меня впечатлили звучащий из динамиков реанимированный боевик “Скорбец” и приджазованная психоделическая композиция “Неизвестные факты из биографии Элвиса Пресли”. Это было похоже на очередной “аквариумовский” “White Album”. Лихая незакомплексованность сознания БГ, смешавшая все стили и жанры, – своеобразный вызов как “молодой шпане”, так и “легендам русского рока”. Это был реальный прорыв...

Как оказалось впоследствии, подобные бурные эмоции были не только у меня. Все бродили по “Думе”, впечатленные увиденным/услышанным. “Такое ощущение, что Гребенщикова снова запихали в шкаф из соловьевской „Черной розы“ и держали там продолжительное время на неизведанных доселе препаратах, – написал позднее в “Афише” Макс Семеляк. – Ощущение, что и говорить, приятное”.

...Очарование от праздника закончилось так же быстро, как и началось. Пресс-конференция в клубе “Дума” представляла попытку БГ не раздражаться в ответ на риторические вопросы неподготовленных журналистов. Иногда ему это удавалось. Сценария у конференции не было.

Драматургии не было. Даже импровизации – извечного козыря вождя “Аквариума” – в тот день тоже не было.

“Ну что, Максим, будет Боря сегодня играть на гитаре?” – спросил я у стоявшего у стойки бара Ландэ. “Захочет – будет, – уверенно ответил директор “Аквариума”. – А не захочет – значит, не будет”.

Ответ боевого приятеля удовлетворил меня своей обстоятельностью. Как говорил Толкиен, у эльфов нельзя спрашивать совета. Они скажут: и да, и нет.

Ровно в этот момент Гребенщикову надоело экономить энергию и делать вид, будто он отвечает на вопросы. Музыкант бросил молящий взгляд на организаторов. “Гитару мне, гитару”, – читалось по диагонали в его любознательных зрачках. Но организаторы стояли к нему спиной, рассказывая друг другу какие-то бытовые веселости. Пауза в клубе провисла секунд на тридцать...

Я, может, слишком впечатлительный, но мне показалось, что в эти мгновения жанр “доверительной пресс-конференции” деградировал как класс. Ведь Гребенщиков не тот человек, который будет прерывать чужую беседу. На гитаре он так и не сыграл. И не спел. Жутко расстроившись “за страну” и за вопиющее несоответствие ожиданий результатам, я поплелся домой.

Буквально через пару недель мои дурацкие мысли прервал телефонный звонок Димы Диброва. Он в тот момент работал на РТР в культурологической программе “ПроСвет”. Боевое задание от главного антрополога страны звучало следующим образом: через неделю провести презентацию нового журнала “ПроСвет” – с участием Диброва и Гребенщикова, которые красовались на обложке первого номера. Я выслушал Диму и обрадовался. Семь дней – это куча времени. И мы сели на телефоны.

Менеджмент Диброва настаивал на проведении пресс-конференции на втором этаже клуба “Б2”. Я решительно возражал. Там в разгар будничного дня шумно, и вообще проходной двор. Но заказчик, как известно, всегда прав. В итоге они получили то, что хотели.

В жаркий июньский день кондиционеры работали вполсилы. У звукотехника не было батареек для микрофонов, и он побежал, спотыкаясь, на Тверскую – покупать “пальчики”. Дело было за несколько минут до начала. Порепетировать и скоординировать действия нам не удалось – по соседству с президиумом громко чавкали случайные посетители. Время было обеденное. Ничего, мы прорвались.

На презентацию мультимедийного издания приехало с доброй

десяток телекамер. После моей вступительной речи микрофоном и вниманием прессы завладел супертандем Гребенщиков—Дибров. “В течение телевизионного сезона мы с Борисом всячески помогали тем людям и музыкантам, которые заслуживают уважения, но почему-то обделены вниманием большинства СМИ, – начал предвыборную речь популярный телеведущий. – Все это вылилось в журнал „ПроСвет“, созданный для того, чтобы люди, не подверженные влиянию Верки Сердючки и „Дискотеки Аварии“, смогли создать свой маленький остров света”.

“Кстати, когда вложенный в журнал DVD вставляешь в компьютер, через некоторое время все вокруг начинает светиться”, – мечтательным голосом произнес Гребенщиков.

Журналисты заулыбались. Далее пресс-конференция пошла как по маслу. Когда Дибров начал рассуждать о позициях журнала на рынке, БГ прервал его монолог вдумчивой репликой: “Слово „позиция“ я воспринимаю только в контексте „Камасутры””.

В ответ Дибров в полемическом азарте назвал своего партнера “гениальным”. “Сам гениальный”, – сурово отрезал Борис Борисович. Затем у Гребенщикова спросили о его радиопередаче на “Радио России” и об отношении к современным массмедиа.

“Я считаю телевидение презренным, не достойным человека, – вмиг посерьезнел мэтр. – Я хочу смотреть программы, когда хочу, а не в перерывах между рекламными блоками. Вот Дима очень любит телевидение, а я очень давно уговариваю его бросить это дело. Вот сейчас доотговаривал до отпуска...”

Но, как выяснилось через месяц, отпуск пришлось брать не Диброву, а Гребенщикову. Внезапно лидеру “Аквариума” потребовалась операция на глазах. Она прошла успешно, но концерты группы на ближайшие полгода были отменены. Затем ситуация постепенно нормализовалась – по крайней мере, в отношении здоровья. Последовавшие за этим откровения бывших жен и друзей БГ на федеральных телеканалах – скорее всего, тема отдельной книги.

...Вспоминаю, как мы пересеклись с Борис-Борисовичем в пресс-центре на Васильевском спуске, где наше агентство занималось медиаподдержкой “MTV Russia Music Awards”. В рамках мероприятия Константин Львович Эрнст рухнул перед Гребенщиковым на колени и вручил ему приз “Легенда русского рока”. Почему-то вспомнились написанные БГ в далеком 82-м году строчки

“Двадцать лет – это ерунда, но сколько мастерства мне дали года.
Не играй я на гитаре, а стой у станка,
Мне давно бы дали ветерана труда”.

Что-то в этом роде в итоге и получилось...

За кулисами после пресс-конференции мы обменялись мнениями о музыкальных новостях из холодной Америки. По привычке рассказали друг другу о паре десятков групп, названий которых, наверное, никто не знает – кроме интернет-маньяков, Троицкого и Сапрыкина. Я поведал веселую байку о том, что когда лохи критикуют “Кушнир Продакшн” за текучку кадров, я привожу в пример скорость изменения состава “Аквариума”. Вот, мол, где текучка – так текучка. Музыканты сменяют музыкантов. Директора сменяют директоров. Администраторы сменяют администраторов. И ничего страшного: живут люди, эволюционируют, играют концерты, записывают альбомы, празднуют юбилеи.

Борис Борисович выслушал этот поток сознания, мудро улыбнулся и произнес: “Все правильно. Потому что все, что течет, – то живет”.

Глава III Илья Лагутенко

Если задаться целью, можно завалить мир любой группой. И “Мумий Троллем”. Все говорят: русской музыке сейчас не пробиться. Ерунда... Я знаю, как это сделать. Нужно устроить грандиозное шоу и выпускать нас на сцену надо вместе с медведями. Это все поймут – типа русский рок и русский цирк! Плюс запустить наш балет, а в конце шоу – ракету: у-ух, привет, мол, от Юрия Гагарина! Вместо салюта. И весь мир пойдет смотреть это. Гарантирую. В дуэте – Майкл Джексон. Одну строчку подпоет Бритни Спирс – думаю, она не откажется от больших денег... Потом романов каких-нибудь сварганить быстренько, между мной и Бритни... И все. Мы уже вышли на мировой уровень. Да, чуть не забыл: еще нужно будет открыть новогвинейское отделение Мумийленда.

Илья Лагутенко, 2003 год

Илья Лагутенко пришел в Россию победителем. Появился ниоткуда – чуть ли не с Луны. Пришел с экранов телевизоров, с кассетных магнитофонов, с FM-радиостанций. Сошел с обложки “ОМа” босоногим мальчишкой-дразнилкой. С лукавым взглядом и зелеными ногтями, в зеленой водолазке и зеленых джинсах. В саду повеяло весной. Настолько, что порой захватывало дух.

В 97-м году мы воочию столкнулись с новой, никому неведомой степенью свободы. Все, что творилось тогда вокруг группы “Мумий Троль”, наглядно продемонстрировало, что в эпоху шальных доходов и пуль никаких правил не существует. Что успеха могут добиваться не только заслуженные мастера спорта. Что балом правит не только химическое вдохновение “Агаты Кристи” или математические расчеты Макса Фадеева. Что “Серьга” и Чиж – это уже вчерашний день, а модные “Мечтать” и “Свинцовый туман” – всего лишь группы-однодневки.

Новая волна накатывала на нас с Дальнего Востока. И везде обретала постоянную прописку. Население одиннадцати часовых поясов было повержено странными, что называется, brutальными видеоклипами.

Безумного вида юноша корчил с экрана наглые рожи, заговорщицки подмигивал и мурлыкал себе под нос что-то откровенно порочное. Это было так ново, провокационно и неожиданно, что многих поклонников волновал только один вопрос: “Этот парень – голубой? Или не голубой?”

Выпущенный умелой рукой снаряд попал точно в цель. Футболки с лицом Ильи стайками расхаживали по Невскому и Красной площади, Крещатику и Гурзуфу, Академгородку и Владивостоку. Фраза “в подворотне нас ждет маниак” стала для поколения 90-х чем-то вроде пароля. Тинейджеры ломались на концерты “Троллей” и песни с “Морской” пели хором – вне зависимости от темпа и ритма.

Все своей последующей деятельностью Лагутенко и Ко подтвердили тезис о том, что актуальное ранее “поколение дворников и сторожей” перестало быть движущей силой истории. Ему на смену пришло новое поколение – поколение победителей.

1. Сказка сказок

Наш единственный долг перед историей – постоянно ее переписывать.

Оскар Уайльд

Я отчетливо помню первые впечатления от “Морской”. Оперативно ознакомившись с привезенной из Лондона кассетой, я с первого раза мало что понял. Подобная музыка в духе Pulp не вызвала во мне бурных эмоций. Слишком много эклектики: тут и брит-поп, и новая волна, и неоромантика, и, я извиняюсь, русский рок...

Но чем больше я слушал “Морскую”, тем больше она мне нравилась. Какие-то интригующие напевы про “ожерелье голых поп”, стрекочущая гитарка во “Вдруг ушли поезда”, старинные клавиши в “Утекай”, циничный текст “Скорости” и мечтательность “Всецело всем” начали будоражить воображение. В “Морской” оказались замаскированы такие запретные конфетки и такие порочные “ла-ла-ла”, которые могли привлечь к себе и богемную публику, и читателя кислотного журнала “Птюч”, и пока еще невинную десятиклассницу. Этим можно и нужно было пользоваться.

Незадолго до этого у меня с Леонидом Бурлаковым был заключен джентльменский договор о систематизированной пресс-поддержке молодой команды из Владивостока. Что именно делать, мне было не до конца понятно, но действовать приходилось решительно. Через пару недель мне надо было сдавать в журнал “Harper’s Bazaar” материал о лучших пластинках 96 года. Идеологически обработав в полумраке кафе молодую редакторшу издательского дома “Independent Media”, я поставил рецензию на “Морскую” в гущу актуальных достижений сезона: аккуратно между рок-мантрами Kula Shaker и новым диском Марианны Фэйтфул.

Рецензия на владивостокские рок-хроники заканчивалась на восторженных нотках: “Каждая вторая песня „Мумий Тролля“ – потенциальный хит. Если составители плей-листов на FM-радиостанциях наконец станут объективны, вы еще услышите эротичных „Девочку“ и „Розу Люксембург“, акустические „Забавы“ и „Утекай“ или датированную 84-м годом „Новую Луну Апреля“”.

Лагутенко, с которым мы в тот момент были знакомы лишь заочно, рецензия в “Harper’s Bazaar” понравилась. Это был отличный повод

пообщаться. Мы обменялись мнениями по телефону. Илья находился в Лондоне, я – в Москве. Прорвавшись сквозь автоответчик с записью группы Texas, я услышал в трубке мяукающий голос.

В процессе общения Илья показался мне каким-то несерьезным – все время шутил, смеялся и валял дурака. Со страшной силой коверкал и рифмовал все слова подряд, демонстрируя совершенно ассоциативное мышление. Он был себе на уме и производил впечатление Мальчика Бананана из кинофильма “Асса”, который придет в квартиру прямо с пластинки “Банановые острова”. О чем я Илье тут же сказал.

“Я не могу отрицать, что во время школьных путешествий в Москву слышал „Банановые острова“ и любил этот альбом, – ответил Лагутенко. – И, наверное, хотел сделать для себя что-то подобное”.

В это мгновение Илья показался мне откровенным. Но уже в следующую секунду он внезапно заявил: “А вообще-то мы никогда не делали музыку для танцев. Ведь я всегда хотел играть, как Deep Purple!”

Наобщавшись с непрогнозируемым Лагутенко, я начал сочувствовать продюсеру “Троллей” Лене Бурлакову, который бабахнул в эту авантюру свои сбережения. И только потом вспомнил его предостережение: “Учти, я в течение пятнадцати лет пытался найти в Илье хоть какие-нибудь логические блоки. Но так и не нашел. Они у него отсутствуют”.

...В ожидании выпуска “Морской” я провел социологический опрос среди знакомых журналистов. Мониторинг мнений происходил в здании “Известий”, где я трудился музыкальным редактором газеты “Неделя”. В самый разгар очередной алкогольной фиесты я поставил в магнитофон кассету “Троллей”. Дело было в пятницу вечером.

“Это группа из Владивостока, – пытался перекричать я звон битой посуды. – Существуют уже лет десять. На днях в Лондоне альбом записали...”

Договорить речь новому Цицерону не дали. “Морская” подверглась глобальной обструкции. Больше всего “Мумий Троль” упрекали во вторичности. Для каждой композиции опытные журналисты легко находили сравнения и аналоги. “Ну это же вылитый „ЧайФ“”, – уверенно говорили они, заслышав первые аккорды “Делай меня точно”. Композицию “Скорость” сравнивали с Duran Duran, “Воспитанник упавшей звезды” – с “Аквариумом”, “Владивосток 2000” – с “Алисой”. Названия мелькали друг за другом – как известно, в музыке, медицине и спорте в России разбираются все. Короче, никакой сенсации “Мумий Троль” не произвел. По крайней мере, в радиусе Садового кольца.

Твердолобую позицию своих коллег я гипотетически понимал –

напомню, что лучшим альбомом 95 года был признан диск Чижа “Перекресток”. С точки зрения актуальной рок-музыки это был, конечно, каменный век. Печально, но факт: половина акул пера в то время слушала Pink Floyd и Doors, а вторая половина об их существовании не догадывалась. Лидеры брит-попа Oasis и Kula Shaker считались гомункулами, а саундтрек к “Криминальному чтиву” – эстетской забавой. Такие вот были времена.

...Я прекрасно помню, какой восторг у меня вызвала первая положительная рецензия на “Морскую”. С музыкальным редактором газеты “Сегодня” Игорем Стадником мне пришлось договариваться следующим образом. У себя в “Неделе” я ставил положительную рецензию на уебищную группу “Ромин Стон”, а Стадник, в свою очередь, закрывая глаза на собственное мнение, хвалил в газете “Сегодня” дебютный альбом “Троллей”. Это была ювелирная работа. Поскольку рецензия на пластинку никому не известной группы “Мумий Троль” была написана максимально доброжелательно, и Бурлаков, и Лагутенко остались довольны...

Глазами сегодняшнего дня становится заметно, что из доброй сотни кассет, розданных прессе, цели достигли лишь несколько. Среди журналистов группу поддержали Андрей Бухарин из “ОМа”, Коля Табашников с канала ТВ-6, Дима Умецкий с “Эха Москвы”, Володя Полупанов из “Аргументов и фактов”. Все они дали позитивные отзывы на альбом задолго до того, как “Морская” шарахнула по мозгам всей стране.

Одна из кассет – к слову, без оригинальной обложки – дошла до Лени Захарова, ведущего музыкальной рубрики газеты “Комсомольская правда”. Подводя итоги 96-го года, он выделил три главных мировых дебюта: Kula Shaker в Англии, Eeels в Америке и “Мумий Троль” в России.

“Очень симпатичную пластинку выпустила (кажется, в Англии) владивостокская группа „Мумий Троль“, – писал Захаров в своей музыкальной рубрике. – Но, естественно, у нас проще добыть любую информацию о зарубежном исполнителе, чем об отечественном. Поэтому рецензию на этот альбом мы отложим до той поры, когда будем располагать хоть какими-нибудь сведениями о его авторах. Кстати, если им в руки попадет этот номер, просьба связаться с нами для дачи показаний”.

На следующий вечер я давал Захарову первые свидетельские показания. За чашкой душистого коньяка в баре “Вудсток” мною была озвучена извилистая и непростая история “Троллей”. Не помню: то ли коньяк нам попался качественный, то ли я оказался красноречив, но ближе к полуночи первая победа была одержана. Чуткий Захаров, который слушал практически ту же музыку, что и я, искренне проникся нашими

небывальщинами. А это значило, что “Комсомольская правда” теперь была на нашей стороне. Целиком и полностью.

Единственное, о чем я не сказал опытному журналисту, – это о стратегии “Троллей”. Поскольку говорить тогда было не о чем. Ни стратегии, ни тактики у нас не существовало. Все делалось на ощупь, методом проб и ошибок...

Опыта глобальных полетов в шоу-космос у нас с Бурлаковым не было, поэтому Леня планировал издавать “Морскую” у знакомых пиратов. Выпустить тысяч пятнадцать компактв на подпольном болгарском заводе, а там “будем посмотреть”. Вот такая серьезная была стратегия продвижения группы “Мумий Тролль” на музыкальный рынок.

Слава богу, через несколько месяцев у группы начал вырисовываться контракт с крупным звукозаписывающим лейблом “Rec Records”, возглавляемым Александром Шульгиным. Надо отдать ему должное. Продюсер Валерии ни капельки не сомневался в успехе “Троллей” и поэтому сразу же решил сделать фильм про грядущее восхождение владивостокской рок-звезды. По сценарию там планировалась сцена с условным названием “музыкант дает первое интервью в жизни”. Меня почему-то пригласили сыграть роль рок-журналиста. Все выглядело настолько нелепо, что я с легкостью согласился.

Интервью с выписанным из Лондона Лагутенко происходило в декабре 96-го года – в моей студии на Преображенке. В это время там вовсю кипела работа над книгой “100 магнитоальбомов советского рока”. Я только-только закончил писать главу про группу “Вежливый отказ”, как в дверь негромко постучали.

В квартиру шумно ввалились какие-то бородатые мужики – в телогрейках и со стационарными телекамерами. Не спрашивая разрешения, они сразу же стали курить. За этим татаро-монгольским нашествием, аккуратно вытерев ноги, вошел Лагутенко, осветив пространство нереально лучезарной улыбкой.

Пока устанавливали камеры и свет, я предложил своему другу – опытному рок-фотографу Сергею Бабенко – сделать несколько снимков Ильи. 35-летний фотохудожник внимательно посмотрел на главного “Тролля” и... неожиданно отказался. Будучи поклонником “Аквариума” и группы “Аукцион”, он каким-то нюхом учуял чужого. “Пришел постоянно улыбающийся мальчик, – вспоминает Бабенко. – Я не стал его фотографировать, подумав: „Мало ли кто там к Кушниру ходит?“ И ушел на кухню бухать”.

Чтобы хоть как-то сгладить неловкость, я по законам московского

гостеприимства предложил Илье устроить после съемок “небольшую групповуху”. Скажу честно: что это такое, я знал весьма приблизительно. Скорее всего – по пиратским видеокассетам. Или по песне “Кот кота”, в которой пелось про это самое “ожерелье голых поп”. И только потом я пришел к мысли, что, наверное, при виде Ильи многих тянет продемонстрировать всю степень своей развратности. Порой – несуществующей.

“Девушка-то хоть красивая?” – учтиво поинтересовался Илья. “Где-то на четыре с плюсом”, – не чувствуя подвоха, гордо заявил я. “Не, меньше пяти не устраивает”, – начал имитировать торги новоявленный рок-стар. “А, понятно... Если трахаться, то с королевой”, – обиделась принимающая сторона. Я действительно любил продавать воздух, но на этот раз сделка не состоялась...

Мы сели на палас, поджав под себя ноги, и начали готовиться к интервью. Каждый играл соответствующую роль. Я изображал ушлого корреспондента, а Илья вошел в образ успешной рок-звезды. Он был одет в модную темно-рыжую жилетку, в глазах – голубые линзы. На правой руке болтались часы, на большом пальце – толстое кольцо. Как выяснилось впоследствии – в память об отце.

Не успели мы расслабиться, как нам вручили по тяжелому микрофону и направили в лицо яркий свет. Прозвучала команда: “Мотор!” – и игра началась.

“Мы были спокойные мальчики и ни с кем не дрались... – На вопрос про ранние 80-е Лагутенко отвечал с какой-то грустной улыбкой, странным образом растягивая гласные. – Спокойствие пришло к нам с моря, поскольку штормы бывали не часто... Мы жили в закрытой бухте, а близость моря каким-то образом успокаивает. Владивосток – город очень легкий, и там всегда хотелось чувствовать себя легко. Возможно, поэтому нам не хватало терпения заниматься чем-то одним. Например, во время концертов нам нравилось делать шоу. Но мы – очень несерьезная группа, поэтому на сцене все скатывалось к импровизации”.

Насколько мне известно, фильм про восхождение молодой рок-звезды так в прокат и не вышел. Наша беседа сохранилась лишь чудом – кто-то из друзей не поленился включить цифровую камеру. Это было первое интервью лидера “Троллей” в Москве.

Кроме вышеприведенного высказывания мне запомнилась еще одна фраза Ильи: “Всегда хочется что-то поменять в жизни. Но я такой человек, который активных попыток не предпринимает. Я плыву по течению и знаю, что рано или поздно меня обязательно прибудет к берегу”.

...Следующий этап популяризации “Троллей” в России в каком-то смысле был связан с Лондоном. После того как Kula Shaker с моей рецензией возглавили список “альбомов года” российского “Harper’s Bazaar”, московские редакторы обнаружили в свежем номере американского издания “Harper’s Bazaar” крупный материал про новых звезд кришнаитского брит-попа. Станным образом получалось, что в своей оперативности русские критики обогнали американцев. Кредит доверия ко мне возрос до бесконечности. Не воспользоваться подобным стечением обстоятельств было большим грехом.

На очередной редколлегии я предложил сразу две темы: большой материал про Kula Shaker и наглухо мифологический сюжет про группу “Мумий Троль”. Статья называлась “Сказка сказок”: “Говорят, что песнями „Троллей“ заинтересовался легендарный саундпродюсер Джон Леки. Говорят, что их новый клип будет сниматься в одном из лондонских пабов – в окружении трансвеститов, целующихся парней и скучающих проституток. Говорят, что леди Диана сбилась с ног, разыскивая записи русской группы со смешным и непонятным названием”.

Публиковать этот поток сознания в полном объеме было безумием. Диск “Морская” еще не вышел, по ТВ-6 только-только пошел “Кот кота” (который радиостанции панически боялись ставить в эфир), и “Троллей” в России знали еще хуже, чем Kula Shaker. А Kula Shaker не знал никто – их кассеты в культовом ларьке на “Соколе” не продавались и вовсе.

Но все было не так уж безнадежно. Главное – точно манипулировать желанием редакции модного журнала быть модным. Под мою энергичную жестикуляцию сотрудники “Harper’s Bazaar” начали врубаться в актуальность текста про Kula Shaker. А затем – и про “Мумий Троль”. Мне нравилось завоевывать города оптом.

Единственный вопрос, который возник у опытного литературного редактора, был прост, как фанера: “Но ведь этот, как его, Лагутенко, никому не известен?! И что ты в нем нашел? Гнусавая сволочь фальшиво воет какие-то наркоманские напевы...”

Обвинение выглядело серьезным. Делать было нечего, и я стал перед редактором на колени: “Он будет известен! Клянусь вам, он будет известен! Через пару месяцев у них выйдет „альбом года“... Мы просто играем на опережение. Другие журналы и пикнуть не успеют, а мы – тут как тут. Поверьте моей интуиции! Мы будем самые первые из глянца, кто оперативно отреагирует на это культурологическое событие. Пока мы с вами тут спорим, серьезные люди уже подписали контракт с „Троллями“ на 49 лет!”

Это была дурная привычка. Когда у меня в споре иссякали аргументы, я вспоминал про “контракты на 49 лет”. Хотя, надо признаться, этот прием работал безотказно. Так впоследствии мне удавалось поставить в разные солидные издания тексты про Земфиру, Butch, “Сегодня ночью”, группу “ГДР” и еще с добрый десяток молодых артистов.

“А какой эксклюзив будет у нас в материале про Kula Shaker?” – не унимался редактор. “О, никаких проблем, – бойко отрапортовал я. – У меня в Лондоне есть знакомый. Он нам все устроит”.

Знакомого звали Илья Лагутенко. Мы были еще не настолько дружны, чтобы я мог клянчить у владивостокской рок-звезды зарисовки про новых британских героев. Выручил Бурлаков, предложивший легкий бартер.

Смысл этой навороченной комбинации заключался в следующем. Илья пишет текст про Kula Shaker, Леня платит ему гонорар. В свою очередь Кушнир пишет небольшой текст про новый диск “Наутилуса Помпилиуса” – чтобы Бурлакову легче было его продавать в своем дальневосточном магазине. В обмен на свой текст я получал текст Лагутенко.

У этой литературной биржи существовала некая предыстория. В тот период Илья сидел в Лондоне почти без денег – консалтинговая фирма из Владивостока, которая его туда командировала, успешно разорилась. В итоге Лагутенко был вынужден подрабатывать случайными переводами и эпизодическими съемками в кино.

Чтобы помочь другу, Бурлаков заказывал Илье новости, которые затем отправлялись на владивостокские радиостанции. Это был чистой воды бартер, и Леня мог в любой момент получить на родине существенную медиа-поддержку. А Илья – худо-бедно поправить материальное положение. Одним из пунктов его шального англо-русского бюджета и стала пресловутая статья про Kula Shaker.

Писал Илья неплохо – чуть расхлябанно, но с даром божьим у него все было в порядке. Слово он чувствовал не только в поэзии, но и в прозе. Короче, статья про Kula Shaker, высланная факсом в Москву, послужила неким гарантом выхода большого материала про “Мумий Троль” в “Harper’s Bazaar”.

Я позвонил в Лондон и сделал с Лагутенко большое интервью для имиджевой статьи. У Ильи было лишь одно пожелание – чтобы текст не напоминал набор голых фактов. Или анкету. “Чтобы материал не был похож на статьи владивостокских журналистов”, – выдал он мне поздно ночью какие-то свои мысли вслух. В свою очередь, получив такую неограниченную степень свободы, я окончательно успокоился. Меньше всего мне хотелось перечислять голые факты.

Начало текста нарисовалось само: “Существует семейная легенда о том, что 10-летний Лагутенко заинтересовался рок-музыкой после домашнего просмотра любительского фильма, в котором банда головорезов в белых рубашках и узких галстуках играла ногами на разбитом пианино диким свингом. Черно-белые кадры демонстрировались дедушкой Анатолием Ивановичем – ректором одного из владивостокских институтов. Неожиданно дед кивнул в сторону экрана и задумчиво спросил у внука: „Узнал? Крайний справа – это я“”.

Поскольку Илья находился в Лондоне, редакции пришлось договориться с дружественным журналом “The Face” о фотосессии с новой русской рок-звездой. Прямо “по месту жительства”. Надо заметить, что четкого визуального образа у Лагутенко в тот момент не было. От фотографий, сделанных для буклета “Морской”, за версту веяло подражательством обложкам альбомов Pink Floyd. Впоследствии Илье даже приходилось на эту тему отшучиваться: “Мы – Pink Floyd XXI века”.

Во время лондонской съемки фотографу “The Face” Джейсону Фунари удалось вынуть из будущего “императора рокапопса” самую суть. Слайды непоседливого и смазливового чертенка прибыли в “Harper’s Bazaar” накануне старта “мумиймании”. Наиболее хулиганское изображение Ильи нам удалось поставить на главную страницу “Harper’s Bazaar”, открывающую раздел “Музыка, книги, кино, театр, искусство, дизайн”. Другими словами, материал “Сказка сказок”, посвященный “Троллям”, был признан центральным в разделе “Культура”.

Текст заканчивался небольшим разрушением мозгов – анонсами новогоднего шоу Лагутенко в Лужниках и чуть ли не грядущим концертом на Уэмбли через год. Не больше и не меньше.

Очерк о грядущем восхождении “прекрасных дилетантов” появился накануне крупномасштабной раскрутки “Морской”. Сознательно нарушая журналистскую этику, я задолго до выхода публикации отдал верстку “Сказки сказок” Бурлакову. Леня переправил текст “по назначению” – Мише Козыреву, который летел в Лондон по важному делу: взять интервью у Дэвида Гэхена из Deriche Mode. Читая в самолете “Сказку сказок”, программный директор “Радио Максимум” морально уже был готов общаться с Лагутенко.

“На мой взгляд, „Мумий Троль“ воплощает в себе удивительно органичный симбиоз разнузданной дальневосточной прибалтленности с декадентским брит-попом, – заявил Козырев сразу после возвращения из Лондона. – Этот проект обречен на успех в России”.

2. Beautiful Freak

*Мы хотели поп-группу, которая нравится всем?
Мы ее получили!*

“Комсомольская правда”, 1997 год

Вскоре Лагутенко надо было выезжать в тур по 80 городам. Состав концертирующих музыкантов набирался в последний момент, но меня не покидало ощущение, что все будет хорошо. Что Илья все вытянет, не подведет. Так в итоге и произошло.

Когда начался тур, у меня была возможность путешествовать вместе с “Троллями” и наблюдать их концертную эволюцию воочию. На сцене Илья смотрелся выше всяких похвал – пластичный, с неподражаемой мимикой и великолепной физподготовкой, он мастерски транслировал свои чары в духе спортивного сексапила. Он мог прыгать на полуметровую высоту, принимать позы из арсенала восточных единоборств, отжиматься от пола, маршировать на месте или имитировать с перевернутой микрофонной стойкой позу “распятие Христа”. Когда он успел этому научиться, было непонятно.

“Я вряд ли экономлю себя на концертах”, – признался как-то раз лидер “Троллей”. И это была чистая правда. Традиционный дебют концерта “Троллей” модели осени-97 – угарный инструментал “На яды”, где Илья играл на ритм-гитаре, Денис Транский – на клавишах, Сдвиг – на басу, Олег Пунгин – на барабанах, Юра Цалер – на гитаре, а бэк-вокалистка Олеся била в бубен и исполняла половецкие пляски. Затем начинались “Кот кота”, “Скорость” и вся классическая обойма хитов из “Морской”.

Знакомые журналисты, вернувшиеся с пражского концерта U2, сравнивали Лагутенко с Боно. Точно можно сказать лишь одно – практически каждое выступление “Троллей” становилось событием. Кроме тех случаев, когда Илье мешали так называемые технические причины.

“У меня были концерты, о которых я до сих пор вспоминаю с ужасом, – откровенничал Лагутенко впоследствии. – Так, в первый месяц активных гастролей вся группа где-то в Сибири слегла с гриппом, и пару концертов я хрипел из последних сил. Потом меня пришлось вывезти в Москву и положить в хорошую больницу. Как-то во Владивостоке вся пиротехника, которую приготовили для концерта, почему-то взорвалась на первой же

песне. Вокруг нас все полыхало, и ничего не было видно из-за дыма. Мне это не очень понравилось. Еще мы застревали в снегопадах где-то в северном Казахстане...”

Неудивительно, что со временем Лагутенко превратился из ухоженного лондонского денди в опытного скифского кочевника. С луком, колчаном и стрелами. Порой Илья брал на гастроли мой диктофон, который приносил на пресс-конференции и... начинал пугать им журналистов. Показывал пальцем на диктофон и строго говорил, что будет сверять тексты вопросов-ответов. Лично. На самом деле функции диктофона были иными. Лагутенко наговаривал на пленку “дорожные впечатления”, чтобы я был в курсе происходящих с группой событий. Выглядела эта односторонняя переписка следующим образом:

“Дорогой Александр! Пишет тебе звуковое письмо группа „Мумий Троль“. Сегодня 21 декабря 1997 года. Время – полшестого утра. В полном составе мы приехали на станцию Миасс, если ты знаешь – это где-то в районе Челябинской губернии... Вышли мы из поезда, обдуваемые всеми ветрами. Мороз – минус тридцать. Никого не встретили, как обычно. Зашли в подземелье, вышли на вокзале. На доме надпись: “Дешево – не значит плохо”... Тут мы вспомнили, что Сдвиг забыл в поезде рыжий пиджак, известный по его выступлениям на крупнейших концертных площадках России. В пиджаке Сдвига лежал его паспорт. Так что это уже второй минус – после того, как нас никто не встретил. В-третьих, мы здесь ни разу не были. Зато наш клавишник Денис помнит этот город, поскольку именно здесь пять лет назад в одном из подвалов впервые курил анашу... Такие вот, Александр, новости – наверное, не самые хорошие. Сейчас пойдем изучать расписание... Сегодня воскресенье, и рыбаки со своими снастями в красивых теплых валенках и ватных штанах отправляются на рыбалку. А мы стоим со своими снастями, скушав новогодние мандарины. До Рождества остается четыре дня, до Нового года – десять дней. Мимо проходят девушки в шубах, а мы передаем тебе привет из Миасса”.

Подобных дорожных заметок, запечатленных на аудиокассетах, было великое множество. Все я бережно храню: тут и психоделические репортажи с саундчеков, и фрагменты региональных пресс-конференций, и совершенно безумные монологи, осуществляемые музыкантами “Троллей” в прямых эфирах радиостанций... В процессе подобного панк-рока местные журналистки теряли голову и влюблялись в Лагутенко по полной программе. Он уезжал, а они оставались. Одни. Без крыши и чердака, которые унесло теплым “троллевским” ветром. Возможно, по мотивам подобных коллизий Ильей впоследствии и была написана пронзительная

баллада “Ему не взять тебя с собой”.

В паузах между концертами Илье чуть ли не ежедневно приходилось участвовать во всевозможных пресс-конференциях, теле- и радиоэфирах. Нельзя сказать, что Лагутенко моментально стал выдающимся спикером. Первоначально он не всегда импровизировал, ставя репортерам защитные блоки. На съемках клипа “Утекай” к нему подошел тележурналист Коля Табашников и задал прямой вопрос: “Илья, о чем твои песни?” “А вы послушайте, я и сам не знаю”, – честно ответил Лагутенко.

Вскоре выпускающий лейбл организовал для “Троллей” некое подобие брифинга. Процесс общения с журналистами происходил в танцевальном клубе “Пропаганда”. Юные акулы сели напротив мудрого дельфина и, заметно волнуясь, приготовились задавать вопросы.

“Илья, как вы думаете, мне стоит постричься налысо, или оставаться с длинными волосами?” – лихо дебютировала рыжая заочница журфака МГУ. Остальные вопросы были ненамного лучше. На десерт популярный журнал “Дилижанс” поинтересовался у артиста: “Скажите, вы специально делаете столь эротичный голос, который провоцирует не только женщин, но и мужчин?” – “Вас провоцирует? – искренне удивился Илья. – Ну тогда есть смысл заканчивать пресс-конференцию”. Более достойное завершение брифинга в “Пропаганде” придумать было сложно.

Через несколько дней в Минске журналисты пытали Илью на тему: “Как вы представляете себе конец света?” Лидер “Троллей” включил серьезное выражение лица и медленно произнес: “На трех больших нолях. Затем откуда-то возникает четвертый ноль. А когда появляется пятый ноль, это уже будет Олимпиада”. Помнится, после этого ответа прогрессивные белорусские корреспонденты устроили музыканту настоящую овацию.

В процессе тура Лагутенко набрал неплохую форму спикера, сопровождая свои ответы вдохновенной мифологией. Илья внимательно изучил опыт коллег – начиная от Гребенщикова и заканчивая Криспианом Миллом из Kula Shaker. Предельно естественный внешне, Илья закатывал глаза к небу и начинал впаривать: “Деньги за концерты переводятся нам в „Утекай-банк“. Вы видели его офис, блистающий всеми цветами стекла и бетона, посреди Москвы, конечно же, посреди этой, как ее, Тверской. Посреди Тверской стоит огромное здание „Утекай-банка“, которое больше, чем здания „Лукойл“ и „Газпром“, вместе взятые. Здание с часами, красное. В общем, туда-то все деньги и уходят, это я вам точно говорю”.

Когда у меня была возможность, я эту игру с удовольствием подхватывал. Поскольку у нас не было не только банка, но даже собственного офиса, часть интервью происходила в моей квартире на

Шаболовке. Небольшая хитрость состояла в том, что журналисты приглашались в гости на час раньше. Они, как правило, опаздывали. Прибегали – все в мыле, громко извинялись. По всему чувствовалось, что им крайне неловко. Я их успокаивал и говорил, что волноваться не стоит, поскольку Илья уже уехал. Они искренне страдали и переживали. В ответ слышали грубое – мол, нехуй опаздывать. Тогда журналисты начинали оправдываться и жаловаться на жизнь. Я их искренне жалел и говорил, что сейчас позвоню Илье и попрошу его вернуться. Мне верили. К моменту приезда Лагутенко представители СМИ выглядели, как шелковые, и на сто процентов были готовы к популяризации группы.

...Вдоволь наигравшись в интервью и пресс-конференции, мы с Бурлаковым и Лагутенко начали всерьез задумываться про книгу, посвященную взлету “Троллей”. Незадолго до этого Лагутенко привез из Лондона фотоальбом Kula Shaker. “Какие наглые! – подумал я, держа в руках этот красочный фолиант. – Выпустили один-единственный диск, а уже столько пафоса!” Но идея популяризации группы через книжный бизнес мне нравилась – очень захотелось увековечить “Мумий Тролль”, который взлетел на вершину пьедестала всего за несколько месяцев.

Гвоздь в крышку гроба моего сознания вбил другой Илья – Кормильцев. После записи альбома “Яблокитай” он привез из Англии свежие выпуски “Melody Maker” и “New Musical Express”. С группой Kula Shaker на обложках и огромными интервью Криспиана Миллза внутри.

Что мне нравилось в вокалисте Kula Shaker – как мастерски он умел делать из мухи слона. Темы его интервью всегда отличались оригинальностью и не пересекались между собой. Он мог часами рассказывать байки про тибетские мантры и путешествия в Гоа, Стивена Кинга и Робина Гуда, Священный камень Грааля и “Звездные войны”, а также про мифы и легенды о короле Артуре. “Наш человек”, – подумал я. Почему-то сразу же захотелось оформить подобную мифологию для “Троллей”, красиво представив ее в виде роскошного фотоальбома, отпечатанного где-нибудь в Финляндии.

На импровизированной редколлегии с участием Лагутенко, Бурлакова и фотографа Кирилла Попова все это полиграфическое чудо было решено назвать “Правда о Мумиях и Троллях”. Для полноты образа мне надо было взять несколько эксклюзивных интервью с музыкантами “Троллей”.

Сказано – сделано. Большинство бесед происходили в “Мумий Доме” – подмосковной резиденции “Троллей”. В паузах между концертами мы общались прямо во дворе. Рядом бродил веселый Бурлаков, бегали дети... Кто-то играл в настольный теннис, кто-то жарил шашлыки, кто-то наябывал

на гитаре блюзы. Тут же перепродавались концерты – свободных дат с каждым днем становилось все меньше и меньше.

Написанные главы Илья просматривал по диагонали, не оказывая никакого давления на авторскую позицию. Принципиальная стычка случилась лишь однажды. Расспрашивая Лагутенко про лондонский период 95–96 годов, я попытался вывести его на откровенный монолог про былые финансовые неурядицы. Мне хотелось воссоздать истинную картину восхождения Ильи – начиная именно с того места, в котором он оказался за год до записи “Морской”. Но Лагутенко молчал, как партизан.

“Это что, интервью или допрос?” – повысил голос Илья. Говорить на скользкую тему он отказывался категорически. Это было понятно даже серому коню, который пасся поблизости. Коню, но не мне. Я упрямо пытался добиться правды: “Но ты ведь сам говорил в нескольких интервью – цитирую: „музыки мне не хватало, чтобы оплачивать счета, и поэтому порой приходилось выполнять всякую работу“. И чего, спрашивается, этого стесняться?” “Следующий вопрос”, – сухо отрезал Илья. Я наконец-то отстал – и проблем коммуникационного плана у нас больше не было. Мы действительно работали душа в душу.

...“Правду о Мумиях и Троллях” было решено закончить рассказом о предстоящем выступлении группы на “Максидроме-98”. Книга уже была написана и практически смакетирована. Финальную главу планировалось дописать ночью после выступления “Троллей” в “Олимпийском”. На следующий день эти страницы макетировались, сбрасывались на пленку и уезжали на поезде в одну из типографий города Хельсинки. Мы планировали выпустить книгу к летним концертам “Троллей” в Лужниках и в родном Владивостоке. Счет шел на минуты.

Закончить работу в спокойной обстановке, увы, не получилось. Концерту в “Олимпийском” предшествовала безумная ночь в “Мумий Доме”. Почти до самого утра менеджмент в лице Бурлакова вел телефонную войну с оргкомитетом фестиваля, шаг за шагом отвоевывая разные привилегии – от комфортабельного транспорта до рекламных баннеров.

Мы вместе с Ильей следили за этими баталиями не без тревоги. В течение ночи группа несколько раз оказывалась за бортом фестиваля и столько же раз туда возвращалась. Под утро стало понятно: “Тролли” на “Максидроме” все-таки играют! Непонятным оставалось только одно – как после стольких эмоциональных катаклизмов группа найдет силы, чтобы взорвать “Олимпийский”.

Поспать перед фестивалем толком не удалось – вместо пропущенного

накануне саундчека музыкантам пришлось отстраиваться ранним утром. Потом мы всем скопом поехали ко мне домой – убить время до начала акции. Илюха тут же завалился спать, включив в качестве саундтрека божественную музыку группы “Хуй забей”.

Музыканты расположились в гостиной, превратив ее в съемочную площадку для условного кинофильма “Табор уходит в небо”. Сдвиг и Цалер дислоцировались в третьей комнате, наигрывая на фортепиано какие-то легкомысленные фокстроты.

Счастье длилось недолго. С работы вернулись родственники, увидели этот балаган и тихо озверели. Последовала короткая, но жаркая стычка, победителей не определившая. Пришлось разбудить Илью – мы отступали, но с минимальными потерями. Приехал автобус – пора было выдвигаться в “Олимпийский”.

Московское время 20 часов 30 минут. “Сейчас здесь появится группа, которую я ждала всю жизнь!” – бодро анонсировала выход “Троллей” на сцену диджей Рита Митрофанова. Разогретая пивом и предыдущими рок-группами, 18-тысячная толпа ответила ей дружным ревом.

Выступление “Троллей” началось с новой концертной версии “Дельфинов”: “Мне под кожу бы, под кожу мне... запустить... дельфинов стаю”, – чуть ли не с мюзомскими паузами принялся плести вокальные интриги Лагутенко. Залом он дирижировал в одиночку. У всех, кто в тот момент мог трезво мыслить, создавалось одно абсолютно четкое ощущение: полового акта, умышленно замедленного для достижения полного оргазма.

К этому моменту публика наглухо забыла о том, что находится на рок-концерте. Все происходящее напоминало если не секс, то наверняка – массовую молитву в стенах тибетского монастыря. В этот момент стоявший за микшерным пультом Козырев удивленно сказал своей свите: “О, смотрите: кажется, крутняки пошли!”

Продюсер фестиваля Володя Месхи медленно повернулся к Козыреву и, претендуя на цитирование, многозначительно произнес: “Смотри, как они друг перед другом выебываются”. Речь, по-видимому, шла о противостоянии дебютантов – “Троллей” и “Сплина”, – о котором накануне активно говорилось в кулуарах. Конечно же никакого противостояния не было. Игра шла в одни ворота.

“Мы пришли к вам с миром”, – раскинув руки, обратился Лагутенко к залу, из которого уже после первой композиции можно было вить веревки. После “Кот кота” настал черед “Утекай”, во время которого лидер “Троллей” имитировал разрезание “на меха” и, аки Мик Джаггер с Тиной

Тернер, начал облизывать обнаженное плечо хорошенькой бэк-вокалистки Олеси. Затем последовал “Владивосток 2000”, в припеве которого нежданно-негаданно бабахнула вся пиротехника “Олимпийского”. Я отчетливо помню, как огненный столп взвился под самые своды стадиона, а Илью в результате подобных светозэкспериментов отбросило от микрофона метра на два.

“В тот момент я только чудом не потерял дар речи”, – вспоминал впоследствии гитарист Юра Цалер.

Стоявшая за сценой Наталья Ветлицкая, которая собиралась выступить вместе с “Ногу свело”, увидев, как взрывная волна отбросила Лагутенко, взмолилась: “У меня тоже такое будет? Предупредите меня заранее, пожалуйста!”

Неизвестно, как остальные “Тролли”, но Илья от этого гиперфейерверка не на шутку рассвирепел. На хард-роковой “Доле риска” он сорвал с себя куртку и устроил на сцене фирменную деструкцию. Падающие микрофоны, скрежещущая гитара, рваная ритм-секция, параноидальные клавиши, свирепый вокал: “Скорей, е-е-е-ей!”

Публика: бьется родная, в экстазе пылая, – в очередной раз.

Казалось, что в этот вечер королевство Лагутенко начиналось там, где заканчивалась энергия Кинчева. Остается лишь сожалеть, что в телевизионную версию “Максидрома” эту “Анархию в „Олимпийском“” режиссеры включить так и не рискнули. По-видимому, из-за отсутствия позитива. Правда, уже через несколько минут после завершения этого хаоса в гримерку к “Троллям” ворвался Гарик Сукачев. “Я ни разу не видел ваших выступлений, только слушал записи, – взволнованно сказал он. – То, что произошло сейчас... Я просто потрясен... Сегодня вы в этой стране – номер один”.

3. Император рокапопса

Когда на руках выигрышные карты, играть следует честно.

Оскар Уайльд

Осенью на абонентский почтовый ящик “Троллей” пришло письмо из Архангельска. “Если бы я была волшебницей, я бы подарила вам в золотом ведре золотую яблоньку, – писала 14-летняя Света. – И вы бы поставили ее перед своим „Мумий Домом“. И яблонька обязательно бы прижилась”.

Яблонька, как один из дополнительных продуктов питания, нам в тот момент явно не помешала бы. Грянул лютый кризис августа 98 года. Доллар как-то резко перестал стоить шесть рублей, а компакт-диски на “Горбушке” – двадцать. Жизнь вокруг стремительно менялась, но группа каким-то чудом умудрялась оставаться на плаву.

В октябре 98 года мы собрали журналистов в клубе “Республика Beefeater”, чтобы сделать ряд заявлений. Одно из них касалось грядущих сольников “Троллей” в ДК Горбунова, второе – концептуальной творческой паузы на целый 1999 год, во время которой группа планировала записывать новый альбом.

В полуподвальном клубе на Никольской собрались чуть ли не все музыкальные перья Москвы. В непривычной тишине я передал микрофон Илье, который сказал: “Сейчас мы хотим полностью посвятить себя творческой работе... Мы отправляемся на целый год в творческую командировку – для того чтобы открыть для себя что-то новое. Или в чем-то новом себя попробовать”.

Понять Лагутенко было несложно. Напряжение, которое испытывали музыканты за последний год, можно сравнить лишь с нагрузкой вышедших на орбиту космонавтов. “Пора прекратить эту бешеную гонку”, – как-то раз обмолвился Илья, устало развалившись в кресле после одного из стадионных выступлений.

В итоге сольники “Троллей” в “Горбушке” были объявлены “последними концертами десятилетия”. Все произошло на высшем уровне. Как писали “Московские новости”, “пара лагутенковских концертов – двойной удар по психике поклонниц, двойной обгон всего русского поп-рока вообще”.

После “Горбушки” был аншлаг в “Юбилейном”. Затем состоялся пресловутый перерыв. Антракт. Конец первого действия.

Накануне отъезда в Англию мы встретились с Лагутенко с целью сделать некое финальное интервью, подвести итоги года. Совершенно офигевший от немыслимых перегрузок Илья наконец-то расслабился, и нам удалось поговорить по душам. Мы поехали ко мне домой, отключили телефон и расселись на огромном диване. Передо мной сидел 30-летний человек, который за два года сумел добиться, наверное, всего. Всего, о чем мечтал со времен владивостокского рок-андерграунда. Он явно возмужал, но, как мне казалось, не сильно изменился по сути. Такой вот слегка уставший секс-магнит, который растягивает гласные и которому есть что сказать.

Александр Кушнир: Я сейчас готовлю большой материал, связанный с итогами года. Несколько слов про эволюцию “Троллей” в этом сезоне... Что изменилось в группе по сравнению с прошлым годом?

Илья Лагутенко: Как ни странно, для нас основное событие 98 года – это альбом “Икра”, который реально дошел до слушателей только сейчас. Мы не сразу для себя поняли, как именно должна звучать “Икра” в концертном варианте. У нас, наверное, случился уход от популяризации. В отличие, к примеру, от группы Tequillajazzz, которая на альбоме “Целлулоид” переключила тумблер в сторону поп-звучания... Я даже не знаю, почему так получилось, – наверное, подсознательно нам так хотелось. И мы этого добились. Возможно, с точки зрения слушателей мы иногда перегибали палку. Но себе, по крайней мере, мы никогда не изменяли.

А. К.: Напомню, что в этом году у “Троллей” также вышел двойной альбом “Шамора”...

И. Л. (*дипломатично*) : Я не был активным сторонником идеи включения песен из “Шаморы” в наши концертные выступления. Хотя бы потому, что у “Шаморы” не было особой рекламной кампании – не было снято ни одного клипа, по радио не крутились хиты.

А. К.: Это был первый альбом “Троллей”, который писался не в Англии...

И. Л.: Да, на этот раз мы писались в русской студии. Вначале хотели это делать в Питере на “Добролете”, потом решили в Москве, с нашим звукорежиссером Крисом Бэнди. В итоге я не могу сказать, что мне очень понравилось. Значительно больше стрессов, чем во время записи в Англии, – одни пробки по дороге на студию чего стоят! Я по-прежнему считаю, что расходы на русские студии неоправданно завышены. Я могу по пальцам

одной руки пересчитать наших звукорежиссеров, которым эта работа действительно интересна.

А. К.: Какие группы и альбомы ты бы выделил для себя в этом году? Давай поговорим про такой условный топ-5: “Алиса”, “Агата Кристи”, “Аквариум”, “ДДТ”, “Сплин”.

И. Л.: Ну, “Сплин”, по-моему, был занят поисками собственного лица. И это их личное дело – на что им ориентироваться. На концертах “ДДТ” я не был, а мнения прессы полярно противоположные. Хотя песня “Осень” – реально очень хорошая. Мне кажется, что радиоротации не отражают лицо этой группы... Гребенщиков записал “Лилит” – напел на нем какие-то мантры. Мне – как поклоннику группы “Аквариум” времен альбомов “Табу” и “Дети декабря” – их последние работы сложно воспринимать. “Агата Кристи” – наверное, тяжелые бытовые и моральные условия сильно давят на ребят. Хотя мне нравится, что на “Ковре-самолете” они не изменили себе. Теперь “Алиса”, альбом “Пляс Сибири”. Мне определенно не импонирует, как им записывают концерты. Как не умели в России писать концерты, так и не умеют. Проще диктофон включить в зале – и то больше дух группы отразит. В свое время мы планировали сделать концертную запись своего тура, но поняли, что необходима большая техническая поддержка. И от этой идеи отказались – надеюсь, временно... Мы недавно встречались с Кинчевым – пользуясь возможностью, желаю ему (и себе) не сдаваться!

А. К.: А что ты скажешь про яркий прорыв белорусских и украинских рок-групп?

И. Л.: “Ляпис Трубецкой” и “Вопли Видоплясова”, если мы говорим именно про них, – не новички. Среди десятков других команд эти люди были наиболее подготовлены к вторжению. Делов том, что “группа-вторжение” должна пройти через очень много испытаний... Только те люди, которые не первый год существуют, имеют сильную концертную программу, опыт общения с прессой, опыт каких-никаких гастролей, и у них есть желание и решимость – только тогда у музыкантов есть возможность пройти сквозь такие испытания, сквозь атмосферные слои. Иначе ты разбиваешься о какие-то трудности. Или не выдержишь морально, физически, финансово, творчески. И так далее. Совсем молодой группе сразу тяжело подняться на какую-то высоту, потому что они морально и физически могут оказаться к этому не готовы.

А. К.: Пока всё. Спасибо за интервью.

...Мы не виделись с Ильей больше полугода. Все эти месяцы Лагутенко “отмокал” в Лондоне, продюсировал диск Земфиры, рисовал

фантастические картины, а также писал песни. Информацию про новый альбом я получал обрывочную – от Бурлакова и музыкантов “Троллей”, которые периодически вырывались в Англию на пробные записи. И если Цалер и Сдвиг о новых песнях дипломатически помалкивали, то Олег Пунгин был более категоричен: “Он там, кажется, совсем сошел с ума. Мне не нравится”.

Рассуждая методом “от противного”, я сразу же воспрянул духом. Во-первых, меня жутко впечатлила мифология. В частности, образ сошедшего с ума Лагутенко. Мне сразу же представилась Третьяковская галерея и картина Врубеля “Демон”. Или что-нибудь в этом духе. Во-вторых, я прекрасно знал, что наш барабанщик Олег Пунгин воспитан исключительно на традиционном роке. А это значит, что у нас все в порядке. Это значит, что на досуге Илюха придумал что-то действительно кайфовое и нестандартное.

...Возникшая противоречивость взглядов внутри группы – реально важный и показательный момент. Впервые “Мумий Троль” писал альбом при равноправном участии всех музыкантов. Это вам не “Икра” и не “Морская” – Илья + Алик Краснов из Владивостока + приглашенные сессионники. Новая студийная работа создавалась силами людей, сыгравших вместе сотни концертов. “Я перестал быть диктатором, – вспоминал впоследствии Лагутенко. – Мы постоянно экспериментировали, хотя остальные члены группы воспринимали весь этот авангард с некоторым недоверием”.

...Как ни странно, в процессе ожидания альбома работы по популяризации группы-фантома было выше крыши. Если Лагутенко целый год находится в Лондоне и никаких событий нет, их надо брать из воздуха. Из лабиринтов памяти. Из обрывков слухов и сплетен. Из фантиков жвачки и осколков монет. Другого пути не было.

В прессе мы продолжали писать о серьезных вещах и всякой ерунде. О том, что группа покинула “Мумий Дом” – поскольку фанаты запеленговали местонахождение репетиционной базы “Троллей”. Мол, в двухэтажном здании в районе Балашихи поклонники исписали все стены и хором пели по ночам “троллевские” хиты. Короче, жить там стало невозможно – пришлось всем улететь в Лондон. Срочно.

Затем в прессу была запущена телега о том, что Лагутенко купил во Владивостоке списанную субмарину. Недорого – всего за миллион долларов. Чтобы побыстрее ездить из Лондона во Владик. И наоборот. Новость имела немалый успех в англоязычных средствах массовой информации. Что-то из серии “русские идут”. Потом мы выбросили на

рынок реальную новость про завершение работы над альбомом Земфиры. В данном контексте Илья постоянно упоминался как сопродюсер, друг и брат сверхновой звезды. Сам Лагутенко придумал для своих миротворческих функций нейтральный и скромный термин “советчик”.

...На телевидении в ситуации отсутствия новых песен нам удалось продержаться несколько месяцев. В первую очередь – за счет канала MTV и песни “Ранетка”, которая находилась в топ-10 почти полгода. Как правило, видеоклипы столько не живут. Тем более низкобюджетные. Потом нам удалось показать на MTV вышеупомянутый концерт в “Горбушке” – многие игроки шоу-бизнеса и представители бомонда признавались, что именно тогда впервые увидели “Мумий Троль” во всем великолепии.

С радио, правда, была совсем труба. Новых песен на горизонте не наблюдалось. И только благодаря телевидению на FM-станциях несколько месяцев подряд рыдала “Ранетка”. Затем жизнь в эфире теплилась благодаря паре остроумных ремиксов “Дискоотеки Авария” – кажется, на “Девочку” и “Дельфины”. Звучало жутко попсово, но “Русское Радио” это схавало. Не подавилось.

Порой нам немыслимо везло. “Радио Максимум” реанимировало исчезнувших из эфира “Троллей” аккуратно после моего совместного обеда с Михаилом Эйдельманом. Уничтожая под звуки “Морской” салат “Цезарь”, тогдашний программный директор “Радио Максимум” не без удивления обнаружил, что в альбомном варианте “Забав”, оказывается, отсутствует ритм-секция. Буквально на следующий день Сдвиг и Пунгин добавили барабаны и бас – и при помощи диджея Рэма “Мумий Троль” снова зазвучал в эфире. Назывался этот гомункул не иначе, как “специальный Радио Максимум ремикс”, который в итоге попал в топ-3. Забавы, одним словом.

В эпоху отсутствия событий нам периодически приходилось баловаться всякими акциями типа выхода коллекционного диска “Морская”. Выпуск альбома был приурочен к двухлетию начала “мумиймании”. Канонический диск “Морской” был добит “концертником” в “Горбушке” – сумасшедшим по драйву и силе убеждения. Теперь это филофонический раритет. Тогда – повод еще раз напомнить о группе. Это была своего рода артподготовка накануне Больших событий, точной даты которых пока не знал никто.

Ситуация на музыкальном рынке начала вырисовываться ближе к лету. Было решено, что “Тролли” материализуются из Лондона трижды: на Дне города Владивостока, в “Юбилейном” и на фестивале “Мегаххаус” в Лужниках. На этих концертах планировалось исполнить пять песен с

нового альбома – такая своеобразная проверка боем.

Выступлению в Лужниках предшествовало несколько репетиций в обветшалом Доме культуры, расположенном где-то в Солнцево. В крохотной комнатухе, опершись о покрытый слоем пыли бюст Ленина, я впервые услышал “Карнавала. Нет”, “Северный полюс”, “Жабры”, “Тише” и “Ему не взять тебя (с собой)”. Ощущения были сильными. Каждая композиция – философия любви. Каждая композиция – анатомия стресса. Илья повзрослел, но ему не изменило чувство меры. У него стало больше опыта и ума, но он не начал умничать. Разве что реплики стали глубже и стеба в них поубавилось.

Изменился Лагутенко и внешне. Новая прическа – под сильно обросшего “битла”. Серьезное выражение лица, только взгляд тот же – с явным бесом и тайной грустью в глазах. В кармане куртки появился мобильный телефон – до этого в течение нескольких лет прямой связи с Ильей не было. Все общение – через менеджера или пресс-службу. А теперь – и *а* тебе, прогресс. Цивилизация.

...Мы ехали давать очередные интервью. Как всегда, времени было в обрез. По дороге попали в “пробку” на Садовом – не воспользоваться ситуацией было бы грешно. Я включил диктофон – сделать наброски для будущего пресс-релиза.

“В новых песнях чувствуется влияние глэм-рока”, – не совсем уверенно начал я беседу. Видимо, волновался. “Просто нам захотелось какой-то сказки, – перебил Илья. – Захотелось отрыва от ситуации, в которой находится страна. Многие не отошли от кризиса, рухнула музыкальная промышленность. С этих позиций объять необъятное нам вряд ли удастся, но сам эксперимент меня радует тем, что мы это сделали. И довели до определенной точки. Значит, самоуважение присутствует. А когда оно присутствует, то и легче жить. Да, сделали. Да, смогли”.

Я давно не видел Лагутенко таким сконцентрированным. Возможно, отвык. В конце пресс-дня я подарил Илье только что привезенную из типографии книгу “100 магнитоальбомов советского рока”. Как-то по-дурацки подписал ее: “Такая вот „Икра“ у меня получилась”.

С намеком на то, что я тоже создал некий концепт – как Илья за два года до этого...

Было немного неловко. Хотя при этом меня не покидало ощущение, что в жизни нет ничего невозможного. Что впереди нас ждут великие дела.

...Ближе к осени в ста милях от Лондона в графстве Уоркшир, в студии Питера Гэбриэла “Тролли” принялись воплощать свои демо-записи в канонический альбом. Работали вчетвером: Илья, Пунгин, Цалер и Сдвиг.

Ручки на 48-канальном микшерном пульте крутил проверенный годами звукорежиссер Крис Бэнди.

В соседних помещениях записывались сливки мирового рок-н-ролла. Музыканты King Crimson готовились к туру, Кайли Миноуг ваяла новый альбом, а экзотические компьютерщики из Индии экспериментировали с гоа-трансом. Команда Питера Гэбриэла в холодном поту решала “китайскую головоломку”: как из 235 композиций, записанных их боссом за последние шесть лет, отобрать двенадцать для очередного компакт-диска.

По иронии судьбы, в соседней студии с “Троллями” трудился Криспиан Миллз. Гуру Kula Shaker еще не объявил о распаде своей группы, но уже вовсю записывал с легендарным Джоном Леки (ранние Stone Roses, Radiohead) новый кришнаитский альбом. Как-то под вечер, привлеченный громкими звуками, идеолог Kula Shaker заглянул в соседнюю комнату. Там “Тролли” рубились не на жизнь, а на смерть – шел третий дубль записи “Карнавала. Нет”. Любимец Лагутенко постоял несколько минут, внимательно послушал и, обращаясь к Джону Леки, удовлетворенно произнес: “Not bad, not bad...” Сказал, как знак качества поставил.

Когда запись альбома была завершена, Лагутенко придумал название: “Точно ртуть алоэ”. Я подсуетился, и вскоре в “Московском Комсомольце” появились следующие строки: “Говорят, что у „Мумий Тролля“ готов новый альбом с крутейшим названием „Точно ртуть алоэ“. Будем надеяться, что не вся фантазия Ильи ушла на придумывание этой фразы”.

С фантазией все было в порядке. Вначале в этом убедились жители Японии, куда “Тролли” ринулись с небольшим промо-туром. Затем размах фантазии дуэта Илья Лагутенко/Виктор Вилкс оценили телезрители, увидевшие настоящий шедевр поп-арта – клип “Невеста?”.

Мои впечатления от первого просмотра “Невесты?” граничили с шоком. Обтравливание изображения на компьютере – словно в глаза вставили разноцветные фильтры. Особое удовольствие я получил от разгадывания шарад. В клипе оказались замаскированы десятки намеков и подсказок – начиная от мини-фрагментов “Ранетки” и даты выхода сингла “Невеста?” и заканчивая упоминанием родоначальника поп-арта Тома Вессельмана. Одним словом, блеск!

Но, как писал когда-то Мольер, “никогда гениальное не станет популярным”. В рейтинговой программе MTV “12 злобных зрителей” “Невесту?” буквально размазали по асфальту. В рамках телепередачи наспех подобранная массовка вовсю “мочила” клип и оскорбляла группу. “Ты че, старик, не расстраивайся, – радостно говорили мне

телевизионщики. – Это же шоу! Это же стеб!”

К сожалению, это был не стеб. Это было невежество двенадцати тинейджеров, граничащее с подростковым недоебом и чувством зависти. Это был сырой сценарий и провальная драматургия. Симпатичная телеведущая Яна Чурикова, будучи верным другом “Троллей”, выглядела растерянной и абсолютно не контролировала идеологию “империи зла”. “Ну да, сколько людей, столько и мнений”, – неуверенно пробормотало в качестве резюме будущее лицо Первого канала.

Возможно, здесь было бы уместно вспомнить высказывание Оскара Уайльда: “Единственное, чего не видит художник, – это очевидное. Единственное, что видят другие, – это очевидное. Результат – критические статьи о художнике в газетах”.

Позднее мне рассказывали, что когда Илье показали запись “12 злобных зрителей”, он только улыбался. Идеолога “Троллей” можно было понять – спустя несколько месяцев клип оказался востребован в качестве экспоната нью-йоркским Музеем кинематографии. В это же самое время песня “Невеста?” поднялась на первое место в ведущих хит-парадах, продержавшись там вплоть до Рождества. С вершины чартов ее сместил новогодний клип “Карнавала. Нет”.

...Рекламная кампания нового альбома “Троллей” стартовала на высокой ноте. Надо отдать должное Илье, он подготовился к этой ситуации заранее и с достоинством. В первую очередь эта тенденция касалась имиджа и идеологии.

“Чрезвычайно интересно и забавно формировать свой публичный образ, – заметил как-то Лагутенко. – Игра продолжается, причем на своем поле ворот мы не ставим. И этого никто не заметил. До сих пор”.

В это сложно поверить, но после нескольких лет оголтелой “мумиймании” у группы все еще не было студийного фотографа, способного помогать Лагутенко формировать образ. Поэтому лидер “Троллей” начал такого фотохудожника искать. И нашел. В Лондоне.

Как-то раз Илья купил в Сохо очередную кучу глянцевого журналов. В одном из них его внимание привлекли необычные, слегка тускловатые снимки, выполненные с применением какой-то новой технологии. Фамилия фотографа была русская – Олег Михеев. Недолго думая, коммуникабельный Лагутенко позвонил в редакцию, оставил свой телефон и буквально через пару дней встретился с Олегом.

Михеев переехал в Лондон из Екатеринбурга, где в свое время учился в одном институте с Бутусовым. Встретившись с Олегом, Лагутенко нашел в нем единомышленника, который впоследствии вложил в эволюцию

лидера “Троллей” столько же революционных идей, сколько привнесли в свое время Хлебородов, Вилкс, Паша Руминов. Любопытно, что позднее с Михеевым работали все кому не лень – от Алсу и “Сегодня ночью” до “Братьев Грим” и Мары....

Надо признаться, “копал” Михеев глубоко. На фотосессию “Троллей” он пригласил визажистов из Англии и экспертов из Швейцарии, применив в прическах музыкантов глэм-эстетику, накладные волосы и мелированные пряди. Пространство вокруг глаз напоминало восход солнца вручную. При печати этих произведений искусства Олег добавлял определенный “металлический эффект” – для получения нужной цветовой гаммы. Другими словами, химия и жизнь.

Эта фотосессия и легла в основу дизайна обложки альбома. “Когда мы работали над оформлением пластинки „Точно ртуть алоэ“, мне хотелось отразить не только дух карнавала, но и той, может, не всегда реальной страны, из которой звучали эти песни, – вспоминает Илья. – А потом эстраполировать дух рокапопса на все окружающее пространство”.

“Рокапопс” – принципиально новый термин, придуманный Лагутенко для обозначения идеологии и стилистики нового альбома. В его интервью стали мелькать фразы типа “развернем знамена рокапопса” или “победа рокапопса в одной отдельно взятой стране”. Себя Лагутенко начал именовать не иначе, как “император рокапопса”. Дураки думали, что это всерьез. Умные улыбались.

“Вся эта задумка не больше чем забава с изобретением нового звучного словца, – признавался мне Илья впоследствии. – В принципе, мне всегда хотелось изобрести такой термин... Но когда его схватили, растиражировали, развели вокруг него целые дебаты – меня это стало чрезвычайно забавлять”.

Вскоре по моей просьбе Лагутенко написал для “Harper’s Bazaar” целый трактат об идеологии современной рок-музыки и женском роке. Я немного продюсировал этот материал, но практически не редактировал. Текст у Ильи получился безупречный. Статья заканчивалась целым манифестом, глубина которого для российского рок-музыканта выглядела уникальной. Собственно говоря, именно в этом тексте оказались заложены все те тезисы мировоззрений Ильи, которые он по тем или иным причинам не доносил до прессы. Судите сами.

“Наше время стирает границы определений и жанров в искусстве и масс-культуре – и неустанно выстраивает новые, – с уверенной хваткой бывалого искусствоведа рассуждал Лагутенко. – Мы покупаем пластинки и судим о них все по тем же критериям – внутреннее и внешнее содержание.

Не дело рассуждать о предрассудках: если хотите, рокапопс – жанр стереосексуальный. Он может иметь полярные каналы, но слышно-то в любом случае все в целом. Поэтому вряд ли имеет смысл судить об исполнителе по тому, женщина он или мужчина, – секрет в песнях и их подаче. Все мы испытываем определенное давление со стороны прессы, сокрушающих имиджей и атакующих ожиданий того, что и как мы должны делать и выглядеть. Но пока с нами остаются Аланис Мориссетт или L7, предпочитающие перегрызанию горла за места в армии знаменитостей создание хороших пластинок и тщательное выверение имиджа (андрогинная Патти Смит, „крутой парень“ Крисси Хайнд, шикарная Пи Джей Харви), мы имеем шанс сохранить стилиевой баланс и творческий дух, столь необходимые для безмятежного рокового дыхания”.

С учетом подобных настроений Ильи в Москве была запланирована фотосессия из серии “рокапопс правит миром”. Специально для музыкального выпуска “Harper’s Bazaar” опытный фотограф Михаил Королев придумал для Лагутенко королевский образ. Он усадил Илью в позолоченное антикварное кресло, вручил в руки тяжелую трость из черного дерева с серебряной ручкой от Нины Ричи. На “императора рокапопса” фотограф надел модную рубашку с бабочкой и запонками от Гуччи. Поверх этого сверкающего великолепия на Илью были водружены черный смокинг и пальто с соболевым воротником. Открытый лоб, волосы зачесаны назад...

Несколько кадров – и образ грозного “императора рокапопса” оказался готов. Его взгляд был устремлен вперед. В будущее.

4. Керамика Шагала

Если задуматься, мне группа Kiss всегда была более интересна, чем Александр Сергеевич Пушкин.

Илья Лагутенко

...Я со страшной скоростью мчался по ступеням эскалатора, движущегося из недр метро “Пушкинская” по направлению к зданию “Московских новостей”. Если верить часам, уже десять минут там должна была идти пресс-конференция, посвященная выходу “Точно ртуть алоэ”. И вести ее, как ни странно, должен был именно я.

Я чертыхался, спотыкался о ступени, но на акцию уверенно опаздывал. Жизненный опыт подсказывал мне две утешительные мысли:

- 1) в шоу-бизнесе ни одна “прессуха” не начиналась вовремя;
- 2) без меня не начнут. По идее, не должны...

Задержали меня дела государственной важности. Ровно за месяц до выхода альбома “Троллей” я коварно внедрился в масонскую ложу издательского дома “Аргументы и факты”. В должности главного редактора газеты “Я – молодой”.

Так получилось, что по ходу рабочего процесса обе стороны – работодатели и работник, – что называется, взаимоуважительно друг друга наебали. За месяц круглосуточных дежурств мне на голубом глазу выплатили нечеловеческий гонорар в размере двухсот долларов. В свою очередь, я в нескольких номерах газеты успел отпиарить “Троллей” по полной программе: анонс альбома, рецензия на клип “Карнавала. Нет”, огромное интервью с Лагутенко и, наконец, обложка с его изображением, которую я послал на пленки за полчаса до пресс-конференции.

Уважаемое средство массовой информации, выходящее тиражом в сотни тысяч экземпляров, цинично использовалось пресс-службой группы “Мумий Троль” в рекламно-пропагандистских целях. Больше ничего из этого идущего ко дну “Титаника” выжать было нельзя. Поэтому по ступенькам эскалатора я скользил с чистой совестью. Еще ни разу в жизни я не дезертировал из издательского дома в таком приподнятом настроении.

...Пока я пилил в сторону “Московских новостей”, пресса стояла в длиннющей очереди за компакт-диском “Точно ртуть алоэ”. Пластинка оказалась необычной – внутрь пластмассовой коробочки было встроено

тринадцать бусинок – по количеству песен на альбоме. Журналисты гремели бусинками и радовались словно дети. Прямо за углом мы ругались с PR-директором “Радио Максимум” на тему моей традиционной непунктуальности. Мол, срываю важное мероприятие. Словом, обычная суета.

Пресс-конференция, посвященная выходу “Точно ртуть алоэ”, стартовала с получасовым опозданием. В дебюте я зачитал официальное обращение “Троллей” к журналистам: *“Спасибо всем, кто пришел сюда и поддерживал нас семнадцать лет. Особенно – последние три-четыре года, особенно – последние три-четыре месяца, особенно – последние три-четыре недели, особенно – последние три-четыре дня до выхода альбома”*.

Обращение имело некий скрытый и глубоко сакральный смысл. Дело в том, что практически весь январь и февраль 2000 года прошли в прессе под знаком “Мумий Тролля”. Это было реально “второе пришествие”, осуществленное поп-группой после годичной паузы. Мы с Ильей с утра до вечера мотались с интервью на интервью, и в итоге Лагутенко оказался практически везде – на страницах “Cosmopolitan” и “Афиши”, в “ОМе” и “Культе Личностей”, в “Московском Комсомольце” и “Комсомольской правде”. Нам действительно было за что благодарить прессу. Ведь в качестве информационного повода им предлагались не жабры вокалиста или свадьбы/разводы, а Ее Величество Музыка.

Пресса ответила взаимностью.

“До нового всплеска „мумиймании“ осталось семь дней”, – писали “Известия” за неделю до выхода альбома. Профильные музыкальные журналисты отметили на “Точно ртуть алоэ” продуманные аранжировки, актуальный саунд, стилистическую эклектичность и добровольный отказ от модных тенденций.

“Маниакальное мурлыканье Лагутенко в сочетании с хаотичной лирикой, накладываясь на звучание а-ля „слеза комсомолки“, дает приятный шизоэффект, – подвел итог услышанному Артемий Троицкий. – Сексуальность стала важнее, чем социальность, а звуки – важнее, чем слова”.

На следующее утро после пресс-конференции мы с Ильей рванули с промо-визитом в Киев – через пару недель намечался крупный украинский “Ртуть алоэ тур” и нам необходимо было “отстреляться” перед местной прессой.

...Конференция проходила в модном клубе “Дежавю”, а в руках у журналистов уже находились пахнущие свежей типографской краской компакт-диски. Каноническое оформление Михеева сопровождалось

названием песен на украинском языке: “Моя співачка”, “Зябри” и т.д. По всему чувствовалось, что выпускающая “Троллей” фирма “Nova Records” относилась к своей работе с любовью и энтузиазмом. Не с меньшим энтузиазмом атаковала Илью пресса – соскучились...

Разговор шел обо всем на свете – от эстетики хентаи и азиатско-британского андерграунда до погибшей 15-летней чеченской снайперши, в личных вещах которой федералами был обнаружен блокнот, посвященный любимой группе “Мумий Троль”.

Пресс-конференция плавно катилась к логическому завершению, когда кто-то из журналистов внезапно спросил: “Илья, а что вчера случилось в ГУМе?”

В “Дежавю” воцарилась тишина.

Мы были готовы к этому вопросу, обсуждая по дороге в Киев разные варианты ответа. В тот момент я прекрасно понимал, что местная пресса используется нами как полигон, а мы не сильно отличаемся от политтехнологов, конструирующих на Украине всевозможные оранжевые революции. Тем не менее вопрос про ГУМ прозвучал и на него надо было отвечать.

В ГУМе было плохо. В ГУМе случился облом.

Ровно сутки до того в “Московских новостях” Илья рассыпался в комплиментах главному универмагу страны, где должна была состояться раздача автографов и концерт-презентация “Точно ртуть алоэ”.

“Мы сыграем у фонтана, где люди обычно встречаются, – поведал Илья московским журналистам. – И вообще, главный универмаг страны очень подходит для представления главного альбома года”.

Но все вышло по-другому. Вышло вовсе и не так.

...Одновременно с началом московской пресс-конференции в ГУМе закипели страсти. Еще днем музыканты “Троллей” провели здесь саундчек, и ничто, казалось, не предвещало беды. Но ближе к 16:00 все три линии универмага оказались перекрыты фанатами, и о шопинге в этот февральский вечер можно было смело забыть.

Фанаты “Троллей” всё прибывали и прибывали, блокируя выход из метро “Театральная”. В какой-то момент число поклонников оказалось рекордным даже для видавшего виды ГУМа – количество зрителей превосходило двенадцать тысяч человек внутри магазина и более трех тысяч за его пределами.

За полтора часа до начала концерта напуганная размерами народной любви администрация ГУМа все-таки решилась на крайние меры. Поскольку капитан роты, выделенной отделением милиции “Китай-Город”,

безопасность зрителей не гарантировал, по громкоговорителям было объявлено, что “концерт не состоится по техническим причинам”.

Объявление зачитывалось бесстрастным голосом каждые пять минут. Сцена была демонтирована в течение нескольких мгновений – как говорится, от греха подальше.

Фаны “Троллей” поняли, что карнавал не состоится, и нехотя стали рассасываться в пространстве. Наиболее стойкие оставались на поле боя, планируя вечером получить от музыкантов автографы.

Ничего не подозревавший о подобных метаморфозах лидер “Троллей” давал в это время вторую пресс-конференцию подряд. Это мы заранее придумали такую радость, не догадываясь, что вторая конференция будет посвящена вовсе не “Точно ртуть алоэ”. Она оказалась приурочена к кризису в ГУМе. Вся история происходила прямо на наших глазах.

Телефонный звонок из магазина заставил меня в экстренном порядке импровизировать. Бурлаков сорвался на Старую площадь, менеджмент группы – в мэрию. Длившиеся добрый час переговоры между администрацией “Троллей” и представителями ГУМа никаких результатов не дали. Да и дать не могли.

Все это время я приглашал журналистов посетить вечером автограф-сессию в ГУМе – дабы лично взглянуть в глаза капиталистам, которые обломали всенародную тусовку меломанов.

Сам Лагутенко держался выше всяких похвал. И вечером, когда, проглотив обиду, все-таки поехал в ГУМ подписывать диски, и ночью – на закрытой клубной презентации. И на следующий день в Киеве, когда в максимально корректной форме откомментировал эти события.

“От себя хочу заметить, что еще несколько месяцев назад к нам обратились представители подразделения музыкальной торговли ГУМа – с предложением провести на территории универмага презентацию „Точно ртуть алоэ“, – Илья вел себя, словно опытный модератор, специализирующийся на проведении антикризисных мероприятий. – Нас заверили в стопроцентной гарантии успеха и всеобщей безопасности. Затем с администрацией группы „Мумий Троль“ общались представители охраны ГУМа, московская милиция, кремлевские курсанты, московские куранты”.

Илья начал импровизировать, и я успокоился. Равных ему в этом качестве на территории двух братских государств, пожалуй, не было.

“Они били себя кулаком в грудь и говорили, что и не такое видали, – вещал Лагутенко. – Они уверенно утверждали, что мероприятия подобного рода никогда не вызовут каких-то сложностей... Но, вероятно, они первый

раз видели в ГУМе такое скопление людей”.

Я тревожно заерзал у микрофона – по законам жанра, надо было дать народу немного позитива и сделать акцентированный хэппи-энд. “Десятки тысяч людей, которые пришли покупать первые пластинки, перенесли гуляние на Красную площадь и прилегающие районы. – Умница Илья словно прочитал мои мысли. – Там они распевали песни „Мумий Тролля“... Так что карнавал в какой-то степени получился”.

Вернувшись утром в Москву, я из аэропорта направился в ГУМ. Вместе с начальником отдела рекламы мы подготовили совместное коммюнике. Текст носил нейтральный характер и заканчивался на положительной ноте: “В связи с отменой концерта в ГУМе музыканты группы „Мумий Троль“ планируют провести весной незапланированное ранее сольное выступление в Москве. Место и дата его проведения будут определены позднее”.

Это было типичное заявление из серии “и вашим, и нашим”. Разосланное через телетайпные ленты информационных агентств, оно буквально на следующий день оказалось на первых полосах газет. Теперь уже никто не мог сказать, что выход альбома остался незамеченным. У кого-то даже хватило ума заявлять, что история с ГУМом выдумана хитрыми Кушником и, мол, все это – пиар-кампания чистой воды. О’кей, пусть будет так.

В это время наши буреветники рокапопса, овеванные шлейфом неожиданного скандала, отправились в “Ртуть алоэ тур”, который стартовал выступлением в Питере. Концертный зал “Октябрьский” погрузился во тьму, и из-под потолка на зрителей обрушились знакомые интонации Леонида Парфенова: “Тринадцать песен, сорок восемь дорожек, четыре музыканта и один голос”.

Затем в темноте вспыхнули несколько огоньков – на сцену вышел квартет “Троллей” с фонариками на головах, как у шахтеров или диггеров. Воздух взорвался первыми аккордами “Карнавала. Нет”. Этот гимн первобытного хард-рока затягивал зрителей в водоворот лагутенковской психоделии. Концертный вариант звучал раза в два длиннее альбомной версии. С мощным гитарным вступлением Цалера, развитием темы, надрывным вокалом и эффектной кодой, превратившими бразильско-владивостокский карнавал в невскую фиесту.

Несмотря на начало тура, нельзя было не заметить, что уровень игры музыкантов заметно вырос. В течение полутора часов зрители путешествовали по фьордам и лагунам парадоксального мира “Точно ртуть алоэ”, погрузившись в финале в попури из классических хитов “Троллей”.

Общий саунд стал значительно жестче, поскольку музыканты теперь выступали без клавиш – только гитары и барабаны. Получалась настоящая “стена звука”, которой российские группы добиваются на концертах нечасто.

Парадоксально, но все инструменты при этом звучали настолько чисто, что ряд местных критиков рискнули предположить, что “Тролли” выступают под фонограмму. Большого комплимента для группы в тот день придумать было сложно.

Дискуссии продолжились в гримерке, где нам пришлось просидеть несколько часов. Интервью шли косяками, причем нарасхват были практически все участники “троллевской” делегации. Бурлаков рассказывал, как через несколько лет “Мумий Троль” взорвет чарты американского журнала “Billboard”. Пресса, раскрыв рот, его слушала. Типичный Бурлаков. Типичная пресса.

Сдвиг делился с журналистами подробностями съемки клипа “Карнавала. Нет”. Несмотря на то что мой диктофон стоял в режиме “hold”, он непостижимым образом зафиксировал искрометный фольклор басиста “Троллей”: “Мы были трезвые, как дураки. На меня надели зеленую военную шубу, и я скакал в ней по сцене, как Пиноккио, у которого забрал батарейки „Энерджайзер“ розовый кролик. Больше я ничего не видел, так как шубу, похоже, сняли с мертвого китайского солдата. Шуба была прострелена в трех местах. Но солдат, наверное, умер в ней не от пуль, а от жары...”

Находившемуся в “Октябрьском” Гребенщикову я подарил несколько пластинок, причем диску “Точно ртуть алоэ” он обрадовался значительно больше, чем концертному бутлегу Боба Дилана. Для Боярского пластинок не осталось – пришлось презентовать привезенный из Англии красочный плакат “Троллей”.

Питер мы покидали, воодушевленные увиденным/услышанным. Следующей остановкой был Киев.

Столица Украины встретила “Троллей” максимально радушно. Мне хотелось верить, что не последнюю роль в супераншлаге украинского “Ртуть алоэ тура” сыграл наш недавний промо-визит в Киев. “Первое за полтора года появление в Киеве „Мумий Троля“ сопровождалось сумасшедшим ажиотажем, – писала местная пресса. – В партере Дворца спорта негде было упасть ни яблочку, ни яблочному семечку. Что это: народ соскучился или выстрелил профессиональный промоушн? Ответ на этот вопрос даст время. Однако факт налицо: всего через пару недель после выхода „Точно ртуть алоэ“ шедевры Лагутенко распевали в десять тысяч

глоток”.

Как это было? Шоу стартовало исполнением песни “Девочка” на украинском языке. Текст Илья считывал с факсовой бумаги, лежавшей на мониторе. “Ее хлопчік хутно зник, – кокетничал Лагутенко, – всэ нэ так погано”. “Нельзя не оценить этот грамотный продюсерский ход, – писала на следующий день газета “Факты”. – Теперь имя Лагутенко попало на страницы тех украиноязычных изданий, в которых до этого о нем ничего не знали”.

По просьбе Лагутенко организаторы поставили во Дворце спорта гигантский подиум, соединяющий сцену и микшерный пульт. На песне “Ему не взять тебя с собой” Лагутенко пошел “в народ” на двухметровой высоте, словно Копперфильд по воздуху. Артистично протягивая руки к возбужденным киевлянкам, Илья, умело выдерживая паузы, пел: “Ремни сзади не распутав, остаются... остаются... остаются”. Возможно, я сильно мнительный, но у меня возникло ощущение, что Лагутенко просит прощения. За то, что бросил. За то, что покинул. За то, что ему не взять тебя с собой. Полагаю, что подобные ощущения испытывал не только я...

После концерта в примерку к усталым, но счастливым музыкантам заглянули организаторы тура. Сказав немало теплых слов, они несколько неожиданно вручили “Троллям” толстый конверт с деньгами. Я ничего не понимал – все финансовые расчеты были произведены еще до начала тура.

“У нас сегодня было продано рекордное количество билетов, – улыбаясь, сказали организаторы. – Это совместная удача – ваша и наша. Поэтому мы решили, что если уж получилась сверхприбыль, будет справедливо ею поделиться”.

В примерке зависла неловкая тишина. Говоря по правде, подобную сцену я лицезрел первый раз в жизни. Похоже, что и в последний... Кто-то по-доброму пошутил, разрядив тем самым обстановку. И все бросились обниматься, открывать шампанское, произносить тосты...

На следующий день я пригласил Илью в гости к своим родителям, живущим в Киеве, – надо сказать, большим поклонникам “Троллей”. Семейный обед запомнился демонстрацией картин украинских авангардистов и всевозможного поп-арта 60–80-х годов. Затем Кушнир-старший отвел Илью в свой кабинет, дабы продемонстрировать гордость коллекции – раритетный альбом керамики Шагала. Илья взял бесценный фолиант, вежливо пролистал несколько страниц, а затем негромко произнес: “Спасибо. Я в курсе. У меня дома есть такой же”.

Я немного офигел от уровня искусствоведческой подготовки Лагутенко – похоже, самое время было откланяться и двигаться дальше. В

тур.

В ближайшие месяцы группу ждали сотни концертов и пресс-конференций. Среди них особняком стоял брифинг “Максидрома-2000”, на котором Лагутенко умудрился присутствовать виртуально. Вообще стиль жизни Ильи Игоревича предполагал умение находиться в двух местах одновременно: в Питере и Северной Африке, в Лондоне и Риге, в Пекине и Владивостоке. И вот что из этого получилось...

Дело происходило в пресс-центре “Московских новостей”. На брифинг, посвященный главному рок-фестивалю года, собрались уважаемые персоны: Земфира, Маша Макарова, Найк Борзов, Слава Петкун, Володя Месхи, Леня Ланда, Дима Гройсман, кто-то еще. Прибыли все музыкальные и светские журналисты, все федеральные телекамеры, представители оргкомитета фестиваля...

И только Лагутенко присутствовал в виде изображения, которое мерцало улыбкой в экране стоявшего на краешке стола телевизора. Мерцало и улыбалось на протяжении всей пресс-конференции. Иногда изображение прерывало сеанс психотерапии и начинало маленькими глотками пить кофе.

Ближе к концу брифинга кто-то из журналистов не выдержал подобного гипноза и решился задать вопрос. Не Земфире, не Петкуну, а именно загадочному персонажу в телевизоре. Спросил что-то из серии: “А вы-то, Илья, что думаете о „Максидроме-2000“?” Человек в телевизоре, сильно похожий на Лагутенко, в режиме “он-лайн” выдержал гамлетовскую паузу и с интонацией диктора Кириллова вежливо пожелал музыкантам и зрителям успехов в грядущем мероприятии.

В этот момент один из членов оргкомитета долистал толстый максидромовский пресс-релиз до последней страницы. Там, к своему большому удивлению, он обнаружил вложенный пресс-релиз нового сингла “Троллей” с символичным названием “Без обмана”. Догадаться, откуда растут ноги, было несложно – медиаподдержкой фестиваля занималась пресс-служба группы “Мумий Троль”. В это время не на шутку разговорившийся в телевизоре Лагутенко с усиленной интонацией поблагодарил всех за внимание. Согласитесь, спорить с изображением в телевизоре и задавать риторические вопросы из серии: “Откуда, блядь, в пресс-релизе фестиваля взялся пресс-релиз „Троллей“?” было бы, по меньшей мере, глупо.

Сегодня можно признаться, как развивались события. Так случилось, что именно в день максидромовской пресс-конференции Илья должен был находиться в Лондоне. Это была данность. При этом мы понимали, что

отсутствие лидера “Троллей” будет болезненно воспринято – как оргкомитетом фестиваля, так и журналистами/музыкантами. Поэтому за несколько дней до акции мы усадили Илью перед включенной видеокамерой – с боевой задачей просидеть неподвижно сорок минут.

Дело было в центре Тверской, в студии фотографа Кирилла Попова, где все время нереально громко играл концертник Guns’N’Roses. Мы катались по полу от смеха, глядя, с каким серьезным лицом Лагутенко сидит перед камерой. Ровно через полчаса Илья наконец-то открыл рот и ответил на заранее придуманный вопрос.

...В процессе пресс-конференции моя задача состояла том, чтобы вопрос Илье был задан ровно через тридцать минут после включения видеомэгнитофона. Сразу признаюсь: это была не вполне ювелирная работа. Я понимал, что если вопрос будет задан поздно, Илья начнет “отвечать”, что называется, “ни в село, ни в Красную Армию”. Поэтому неудивительно, что незадолго до наступления контрольного времени меня не выдержали нервы. Чуть раньше, чем надо, я передал микрофон знакомому журналисту, который был проинструктирован, что именно ему нужно сделать. Когда вопрос прозвучал, я взглянул на секундную стрелку и с ужасом понял, что до ответа Лагутенко остается тридцать секунд. Надо было любой ценой спасти ситуацию. И я решил играть ва-банк.

“В телевизоре сейчас, наверное, помехи, и ваши слова, скорее всего, не слышны, – обратился я к журналисту. – Повторите, пожалуйста, вопрос”. Зал грохнул, уверенный на сто процентов, что телевизор глухой. И немой. Но как только вопрос прозвучал вторично, телевизор непостижимым образом заговорил. Голосом Лагутенко.

Это был фирменный “троллевский” мюзик-холл: пресса задает вопрос телевизору, а телевизор как ни в чем не бывало отвечает. Журналисты начали лихорадочно шушукаться и строить гипотезы о местонахождении Ильи. Первое место выиграла версия о том, что Лагутенко сидит где-то рядом – скажем, в студии “Радио Максимум”, расположенной прямо в здании “Московских новостей”.

После завершения пресс-конференции ко мне подошли несколько представителей прессы – с просьбой устроить интервью с лидером “Троллей”. Прямо сейчас. Я вежливо извинился, объяснив, что это технически невозможно, поскольку Илья уже уехал. Парадоксальным образом я никого не обманывал – в эти минуты Лагутенко действительно уехал из своей лондонской квартиры в сторону аэропорта Хитроу.

На следующий день, открывая “Максидром”, Илья носился по сцене, дирижировал оркестром, залезал на металлические конструкции и

разбрасывал по “Олимпийскому” гроздь свежей клубники. Совесть у нас была чиста – своим блестящим выступлением Лагутенко отблагодарил “за терпение и выдержку” всех участников мюзик-холла в “Московских новостях”.

5. Летающие тарелки

Они не могут просто устроить концерт. Они не могут просто выпустить альбом. Когда говорят, что не хватает изюминки, говорят не про них, потому что изюму в них, как в узбекском плове.

“Вечерний клуб”

В конце лета 2000 года я оказался в подвале кинотеатра “Патриот”, где на репетиционной базе “Морального кодекса” “Тролли” экспериментировали с новыми аранжировками и новым акустическим звуком. По-видимому, в самый разгар “Ртуть алоэ тура” Лагутенко слегка поднадоело быть героем тяжелого рока. Поднадоело играть в императора. По-видимому, его душе захотелось тишины и камерных форм. И музыканты начали репетировать программу “Ртуть алоэ тура” в акустике.

...“Тролли” сидели на стульях и творили чудеса. Прямо на глазах они превращали рок-боевики в воздушную румбу, а из радиохитов выковыривали блюзы с берегов Миссисипи. “Воспитанник упавшей звезды” зазвучал в ритме танго, а “Блудливые коты” стали свингом... Я снова влюбился в фантазию этих людей и снова был готов ко всяческим подвигам.

В первую очередь для новой программы надо было придумать название. Я написал Илье с десятков вариантов – он выбрал “Необыкновенный концерт”. И хотя эта версия ассоциировалась с репертуаром кукольного театра Образцова, суть затеи она отражала точно. А суть была в том, чтобы в рамках готовящегося перформанса старые песни зазвучали по-новому. С помощью приглашенных друзей-музыкантов, симфонического оркестра и нестандартного конферанса...

Вскоре менеджментом “Троллей” было найдено место, в котором не проводился ни один рок-концерт. Это был Гостиный двор, где раньше выступали лишь оперные певцы, исполнявшие свои арии для аудитории в 5000 человек. На один из таких концертов в роли лазутчиков и был заслан технический персонал “Троллей” – чтобы изучить акустические особенности неизвестной пока площадки. Великой оперной певице Монтсеррат Кабалье даже в голову не могло прийти, что кто-то столь кощунственным образом сможет использовать ее выступление ...

В сентябре 2000 года мы собрали в пустом зале Гостиного двора около сотни журналистов, усадили в амфитеатре и начали рассказывать, что их ожидает здесь через два месяца. В президиуме сидели представители ОРТ, “Европы Плюс”, организаторы из “Rise Music”, Бурлаков и группа “Мумий Троль”.

“Для нас сыграть этот концерт – все равно что в космос полететь, – воодушевленно рассказывал Илья концепцию будущей акции. – Вы ведь в космос не каждый день летаете, а на метро ездите ежедневно. Вот некоторые хотят всю жизнь ездить на метро. А некоторые хотят покататься на летающей тарелке. Конкретно я хочу использовать летающую тарелку как средство передвижения. Немного вас и самих себя удивить...”

В финале конференции был устроен небольшой перформанс, во время которого “Тролли” исполнили в акустике “Не звезда” и еще несколько композиций. Журналисты расходились по домам, впечатленные увиденным.

На “Необыкновенном концерте” Лагутенко все свои обещания о летающих тарелках выполнил. С лихвой. Акция состояла из сплошных сюрпризов. Из странных номеров, с которыми “Мумий Троль” ну никак не ассоциируется. На сцене рядом с “Троллями” материализовался симфонический оркестр “Глобалис”, состоящий из семидесяти человек. Помимо этого – Сергей Мазаев на саксофоне, модные электронщики из Moscow Groove Institute и рижская рэп-группа “Факт”. Как в старые добрые времена, “Троллям” помогала прилетевшая из Владивостока Олеся Ляшенко, а также вокалистка киевской группы “Стереолиза” Катя Шалаева. Кто-то играл на таблах, кто-то танцевал танго...

Тщательно продуманный сценарий соблюдался по секундам и сантиметрам. На следующий день “Комсомольская правда” написала, что “самый эффектный номер всего концерта – русская версия песни Жака Бреля „Когда ты уйдешь“”. Как анонсировал ее Илья, “своеобразное посвящение французским шестидесятым”. Газета “КоммерсантЪ” назвала эту композицию “самым рискованным номером за всю карьеру Лагутенко”. Гром аплодисментов был ответом всем пессимистам.

В финале концерта лидер “Троллей” превратил песню “Ему не взять тебя (с собой)” в душераздирающий гимн неразделенной любви. Когда стихли последние аккорды, у меня возникло ощущение, что полет в космос состоялся. Причем такое ощущение было не у меня одного, а у нескольких тысяч поклонников, пришедших на “Необыкновенный концерт” в вечерних туалетах и смокингах. У самих музыкантов. У журналистов. У художников-графиков, которые вместо фотографов делали иллюстрации к этой

незабываемой акции. У самого Лагутенко, который после выступления признался: “Это был вызов самим себе”.

По результатам “Необыкновенного концерта” организаторами и менеджментом группы планировалось два послесловия. Первое – трансляция акции на канале ОРТ. Второе – выпуск концертной пластинки... Компакт-диск появился в продаже уже следующей весной и был высоко оценен критиками. Увы, с телеверсией ситуация оказалась менее радужной.

Все произошло как в плохом детективе. Накануне новогодних праздников я по привычке ознакомился с телепрограммой на следующую неделю. Каково же было мое удивление, когда в сетке передач ОРТ я увидел трансляцию “Необыкновенного концерта”, который был даже не смонтирован. Как можно транслировать то, чего не существует в природе? Несмотря на раннее утро, я позвонил Лене Бурлакову и застал его своим вопросом врасплох. Он жутко расстроился и принялся обкладывать матом наших партнеров.

Как я понял из эмоционального монолога Леонида Владимировича, перед концертом у него случился крупный конфликт с организаторами из корпорации “Rise Music”. При подготовке акции и менеджмент “Троллей”, и сотрудники “Rise Music” допустили ряд ошибок, вследствие чего отношения между сторонами накалились. Поводов была масса – к примеру, заявленный по райдеру рояль появился на сцене Гостиного двора лишь за несколько часов до концерта. Позднее оказалось, что рояль был неотстроенный.

Тогда Бурлаков в резкой форме высказал все, что думает по этому поводу. В результате злосчастный рояль сыграл роль спички, брошенной в бочку с бензином. Прямо за кулисами Гостиного двора вспыхнул нешуточный конфликт. А еще через несколько дней выяснилось, что, несмотря на высокую стоимость билетов, концерт получился убыточным.

Судя по всему, злополучная телетрансляция на ОРТ была следствием ответной реакции со стороны организаторов. Или их партнеров. Так или иначе, “сырая” версия шоу оказалась на телевидении не случайно. Это уже напоминало что-то типа вендетты.

Концерт нужно было срочно изымать из эфира. Мы боролись, как могли. От имени администрации группы я отправил на ОРТ письмо, копия которого была отослана в “Rise Music”. В послании говорилось:

“Уважаемые господа! Группа „Мумий Троль“ убедительно просит вас перенести на более поздние сроки дату трансляции передачи „Мумий Троль: Необыкновенный концерт“, показ которой планируется по ОРТ

05.01.2001 в 23:35. В настоящее время аудиоряд концерта представляет собой не смонтированный вариант, при котором зрители не смогут получить качественный и адекватный звук, соответствующий атмосфере акции. Вам должно быть известно, что данный вариант записи не соответствует по техническим параметрам общепринятым стандартам. В частности, аудиоряд – это только один канал черного варианта звука, в котором отсутствуют 60 % всех инструментов, использованных на концерте, что превращает трансляцию в антирекламу как канала ОРТ, так и группы „Мумий Троль“. В результате у нас есть все основания рассматривать эту трансляцию, как факт неуважения не только к группе „Мумий Троль“ и ее поклонникам, но и ко всей телевизионной аудитории ОРТ.

Мы считаем целесообразным провести показ этой акции не ранее февраля – после того как группа предоставит руководству канала качественный аудиоматериал, а не продукт с бракованным звуком, который планируется поставить в эфир 05.01.2001. Убедительно просим вас дать разъяснения, почему вопиющим образом были нарушены условия договора по проведению концерта группы „Мумий Троль“ в Гостином дворе 25 ноября 2000 года”.

Как говорится, конец цитаты. К сожалению, этот документ не смог остановить катящийся под откос локомотив . Эфирная сетка была уже сверстана, а руководство ОРТ находилось в новогоднем отпуске. В такой ситуации даже Бурлаков с его связями не смог изменить ситуацию. Мы тупо забыли, что из всех искусств пропаганды для нас важнейшим является телевидение.

Субботним вечером пятого января миллионы телезрителей увидели “Необыкновенный концерт” с действительно необыкновенным, откровенно бракованным звуком. И пошло говно гулять по трубам...

Единственное, что утешало, – слова песен худо-бедно можно было различить. Но радости от этого было мало. Администрация “Троллей” все еще пыталась найти компромисс, отправив организаторам еще одно письмо:

“Поскольку наше предыдущее заявление было проигнорировано и трансляция концерта все-таки состоялась, в качестве цивилизованного компромисса мы предлагаем вам:

1) до 15 января передать нам по акту все „Бетакам“-кассеты с исходниками видеосъемки и смонтированным вариантом „Необыкновенного концерта“ для ОРТ;

2) до 15 января публично извиниться перед „Мумий Троллем“,

поклонниками группы и зрителями ОРТ за качество программы, сделанной вами и показанной под вашу ответственность на ОРТ 5 января 2001 года.

3) Также мы хотим, чтобы до 15 января вы сообщили публично, что, нарушив наш договор, вы использовали не сведенный, одноканальный звук, предоставленный вам исключительно в рабочих целях – для предварительного видеомонтажа.

4) Мы настаиваем, чтобы в течение февраля вы организовали повторную трансляцию этой программы по ОРТ – с нормальным звуком, предоставленным нашей компанией, – как и было оговорено в договоре. В противном случае администрация группы „Мумий Троль“ оставляет за собой право решать данный конфликт с помощью арбитражного суда”.

Это письмо, как, впрочем, и предыдущее, осталось без ответа. Что повлекло за собой заявление Бурлакова о том, что он подает в суд на организаторов “Необыкновенного концерта”.

“Те, кто смотрел телетрансляцию, плевались и удивлялись: чего это с „Мумий Тролем“ случилось, почему так хреново-то играют? – писал впоследствии “Московский Комсомолец”. – А играли-то офигительно. Что засвидетельствовано на окончательной, цифровой версии концерта. Господин Эрнст, узнав о факте мерзкой подставы-подмены звукового ряда (учиненной явно злопыхателями „Мумий Троля“), громко и долго ругался, а затем способствовал повторному показу „Необыкновенного концерта“ на ОРТ в мае – уже в идеальной, чистойшей видеoversии”.

Был у этой истории и другой эффект. Побочный. Доверие Лагутенко к собственному менеджменту начало стремительно падать.

После несостоявшейся презентации в ГУМе прошел год. История с концертом на ОРТ явилась еще одной каплей в череде идеологических разногласий Ильи и Бурлакова. Лагутенко лучше других знал, чем именно завершилась идея с созданием собственного лейбла “Утекай звукозапись”, в “активе” которого числились нераспроданные тиражи всевозможных подопечных – от Deadушек и “Туманного стона” до сборников “У1” и “У2”.

“Фирма грамзаписи перестала существовать после кризиса, и расставание с ней не стало такой трагедией, как, скажем, для бедной Мэрайи Кэри”, – на эту болезненную тему Илья даже пытался шутить. В скобках заметим, что если бы не прорыв дебютного альбома Земфиры, дело вообще могло скатиться к финансовому банкротству самой популярной рок-группы страны.

Все эти неурядицы, усиленные пиратской трансляцией “Необыкновенного концерта”, произошли крайне не вовремя. Через три месяца группа планировала сыграть “Обыкновенный концерт” в

спорткомплексе “Олимпийский”. К этому событию мы должны были подойти единой командой. Должны... Только команда распадалась прямо на глазах. На ровном месте.

“Отмазываться за ПРОКОЛЫ менеджмента в очередной раз мне ой как не хочется, – писал Лагутенко Бурлакову после трансляции “Необыкновенного концерта”. – Про специфику страны и т.п. я уже все знаю... У тебя нет ни власти, ни денег бороться с кем-нибудь здесь. Так вот, значит, нужно по-советски уметь договариваться. Это не так сложно – если есть силы и желание, конечно”.

...Первым шагом в рекламной кампании концерта в “Олимпийском” должна была стать продажа музыкантами “Троллей” билетов. Мы изначально планировали сделать из этого супершоу с участием Лагутенко в роли кассира. Недолго думая, я нагнал к кассам “Олимпийского” десяток телекамер – чтобы запустить в эфир репортажи про очередную победу рокапопса.

За полчаса до начала “билетного шоу” выяснилось, что Илья в “Олимпийский” не приедет. Почему – непонятно. Узнав эту новость, я долго ругался матом. Потом взял себя в руки и пошел работать. Мне было чем заниматься. Фанаты брали кассы штурмом, а верные солдаты рокапопса Женька Сдвиг и Юра Цалер выполняли вместо Лагутенко функции кассиров.

В это время телевизионщики мерзли на январском морозе, а мне приходилось выкручиваться и врать журналистам. Глядя в эти самые телекамеры. Отвечая на вопрос: “А где же Илья?”, я говорил, что лидер “Троллей” сидит в специальном помещении в глубине касс, куда никого не пускают. Мол, там он ставит автографы на VIP-билетах. Кто-то верил, кто-то не очень. “Да и был ли Лагутенко? Может, Лагутенко-то и не было?” – захлебывались в догадках газеты на следующий день.

В тот же день состоялась экзотическая пресс-конференция в лекционном зале журфака МГУ, на которой мне приходилось отстреливаться вместе с Бурлаковым, Сдвигом и Цалером. Весело нам в тот момент точно не было. Стало очевидно, что в тандеме Лагутенко–Бурлаков происходят тектонические сдвиги, причем в какую сторону осуществляется движение, было пока непонятно.

Дальнейшие события и вовсе вышли из-под контроля. За пару недель до “Обыкновенного концерта” мне удалось организовать прямой эфир “Троллей” на канале НТВ, где в передаче Диброва “Антропология” группа могла сыграть фрагмент программы и несколько раз проанонсировать концерт. Я полагал, что участие в этой передаче позволит нам продать пару

тысяч билетов. Но Илья идти в эфир категорически отказался.

В новой квартире Бурлакова на Киевской нами было устроено некое подобие комсомольского собрания, на котором Илья еще раз отказался от участия в телепередаче. По всей вероятности, у него с Дибровым была какая-то идеологическая несовместимость. Это была не прихоть Лагутенко. Это была его позиция. Жабры рвались со страшной силой, и я начал понимать, что наш корабль перестал быть управляемым.

...На концерте в “Олимпийском” аншлага не было. Партер смотрелся неплохо, но реально народу собралось чуть больше половины зала. Это произошло по нескольким причинам.

Во-первых, категорически нельзя было играть два сольника в Москве с промежутком менее чем в полгода. Напомню, что “Необыкновенный концерт” состоялся в столице около пяти месяцев назад.

Во-вторых, в апреле “Олимпийский” был свободен для концертов только по вторникам, а собрать в будний день аншлаг здесь всегда сложно.

В-третьих, у мероприятия толком не было коммерческого спонсора, что влечет за собой определенные последствия. Когда организаторы подсчитали убытки, они оказались оглушительными. Но ясно стало только одно – жить тандему “артист–продюсер” оставалось считанные дни.

В этот момент на уставших после многомесячного тура “Троллей” свалилась поездка на “Евровидение-2001”. Весь процесс подготовки к конкурсу сопровождался какими-то чудовищными тайнами, смысла которых я не понимал.

Чтобы ощутить маразм ситуации, можно вспомнить, что за месяц до начала конкурса никто в дирекции общественных связей ОРТ не мог предоставить информации, кто будет выступать от России. Это происходило в то время, когда весь цивилизованный мир мог зайти на сайт конкурса и узнать, что 12 мая в Копенгагене “Мумий Троль” исполнит песню “Lady Alpine Blue”.

“На вопросы о том, действительно ли группа едет на „Евровидение“, я не отвечаю, – говорил журналистам Бурлаков. – Потому что ничего об этом не знаю. ОРТ все это устраивало, поэтому все вопросы к ним. А мне это вообще неинтересно”.

Таких болезненных комментариев Бурлаков не давал давно. Как выяснилось впоследствии, накануне ответственного конкурса волновался не только он.

“Мы нервничали, что-то там не катило, как надо, – вспоминает о периоде подготовки к “Евровидению” гитарист Юра Цалер. – Потом, во время репетиции, пошла накрутка, слово за слово... Короче, Илья

договорился до того, что брякнул: „Да я за вас всех ДУМАЮ!“

В таком взвинченном состоянии рассчитывать на какие-то серьезные результаты было несерьезно. В итоге “Тролли” заняли в Копенгагене двенадцатое место, по сути, ничем глобальным не запомнившись.

Когда я написал уехавшему в Лондон Илье небольшое человеческое письмо, посвященное нашим медийным планам, то получил резкий ответ: “Я хочу, чтобы меня избавили от неудовольствия самому отказываться от интервью. Меня абсолютно устраивает сейчас отсутствие всякой пресс-поддержки... Дайте мне все отдохнуть немного. До осени меня вообще ничего не интересует”.

Как выяснилось впоследствии, психологически истощенный Лагутенко просто собирался с мыслями. А мысли его были направлены в сторону свободного плавания. И в какой-то момент Ильи решил, что его отношения с собственным менеджментом себя исчерпали.

Где-то в конце лета на сайте “Троллей” я с немалым удивлением обнаружил следующую информацию: “В администрации группы „Мумий Троль“ произошли изменения. Нам пришлось распустить текущий штат и приступить к серьезному обсуждению кандидатур и методов функционирования, которые смогут полностью удовлетворять непредсказуемый творческий процесс, в котором на данный момент находится группа. Меня и Леонида Бурлакова связывают давние приятельские связи, но жертвовать интересами коллектива в угоду личной истории – не в моем стиле”.

Это был сильный поступок. И какой ценой он дался Лагутенко, можно только догадываться. Я думаю, здесь уместно напомнить, какую роль сыграл Бурлаков в формировании у Ильи “психологии победителя” – в тот самый пикантный момент, когда Лагутенко сидел в Лондоне фактически без средств к существованию.

Бурлаков оказался тем единственным человеком, который поверил в Илью и вложил свои сбережения в новый “Мумий Троль”. Порой Леню не по-детски заносило на обочину, но он планомерно вел “Троллей” к новым победам и новым вершинам. На шестой год совместной работы Лагутенко почувствовал, а затем осознал, что вершины у него с Бурлаковым в общем-то разные. Да и дороги к ним тоже разные. И принял волевое решение о разрыве отношений.

Примерно в этот период лидер “Троллей” встретился в Лондоне с корреспондентом русскоязычного журнала “Q”. Тот номер в печать так и не пошел, но интервью Лагутенко у меня каким-то чудом сохранилось. Там, в частности, были такие настроения: “Мне пришлось расстаться с моим

менеджментом, потому что наши отношения зашли в тупик. Я понял, что нужно начинать с белого листа, доверившись только собственным ощущениям”.

На тему произошедших внутри группы “Мумий Тролль” метаморфоз Илья чуть позднее заметил следующее: “Взаимоотношения между людьми могут рано или поздно заканчиваться. Иногда их лучше не затягивать, особенно когда такое решение взаимоприемлемо с обеих сторон. Это болезненно, как и любая перестройка в жизни, но лучше все-таки думать о будущем”.

...Лагутенко вернулся в Москву через полгода. Мы встретились с ним накануне “Концерта для фанов”, который должен был состояться в здании кинотеатра “Мир „Кинотавра“” на Цветном бульваре. Усевшись в ароматной кофейне, я показал Илье папку с анонсами мероприятия, внутри которых затесался текст из нового русскоязычного журнала “New Musical Express”.

Прочитав эту публикацию, Лагутенко поинтересовался, почему напротив даты концерта “Троллей” не стоит надпись “sold out” – мол, все билеты проданы. Илья был прав: в традициях “NME” такая надпись уже более пятидесяти лет автоматически означала аншлаги. Тем более что все билеты на этот концерт “Троллей” непостижимым образом разлетелись еще год назад. С некоторым опозданием я осознал, что для Илья этот “sold out” действительно важен. По-видимому, ему очень хотелось, чтобы все, что делается вокруг “Троллей”, соответствовало добротному европейскому уровню.

Пользуясь случаем, я предложил Лагутенко кандидатуру “New Musical Express” в роли одного из информационных спонсоров наших будущих акций. Молодежная редакция “NME” рвалась в бой и готова была предоставить “Троллям” несколько обложек под всевозможные новостные поводы. Мне казалось, что этот вариант выглядел заманчивым и беспроигрышным. Но у Лагутенко на этот счет была своя точка зрения.

“Ничего у „NME“ с нами не получится”, – неожиданно сказал Илья. “Тебя что, вдруг перестали интересовать обложки?” – я постарался перевести разговор в более конструктивное русло. “Просто мне не нравится, как они пишут и как в России утоплена очередная идея”, – ответил лидер “Троллей”. “Понятно. – Я решил поставить точку в этой дискуссии. – Синявский в аналогичной ситуации говорил, что у него с советской властью чисто стилистические разногласия”.

Мне стало очевидно, что никакой “Мумий Тролль” в качестве эксклюзива русскому “NME” теперь не светит. И еще я понял, что без

Бурлакова жизнь внутри группы теперь пойдет по-другому. Хорошо это или плохо, в тот момент не знал никто.

На следующий день Лагутенко сотоварищи презентовали перед поклонниками новые песни. Поскольку все композиции были ну совсем еще сырые, Илья не без оснований решил прессу на концерт не аккредитовывать. Мне пришлось заниматься непривычной работой – нести административную ответственность за то, чтобы в зале не было ни телекамер, ни фотокамер, ни диктофонов. Из журналистов присутствовала только Капа Деловая, зато было немало артистов и продюсеров: Земфира, Настя Колманович, Буч, Слава Петкун, Сергей Мазаев и другие.

“Приносим извинения, названия песен объявляться не будут – поскольку их пока еще нет. – С самого начала концерта Илья инициировал обратную связь со зрителями. – Можете присылать нам свои варианты названий”.

На концерте исполнялись песни из будущего цикла “Меамуры” – неожиданно лиричные и созерцательные. Зрители дисциплинированно выносили на сцену цветы, а также присылали записки с вопросами. В одной из них было написано: “Илья! А почему все новые песни такие позитивные?” Лагутенко расплылся в улыбке и сказал: “Наверное, потому что у меня в жизни сейчас все хорошо”.

В конце выступления лидер “Троллей” анонсировал одну из композиций следующими словами: “Эта песня – особенная... Она написана на стихи моего друга Леонида...”

Со стороны это выглядело почти как подвиг. Бурлакова в зале не было, и Илья об этом знал. По-видимому, Лагутенко необходимо было таким образом очиститься и оправдаться. В первую очередь – перед собой.

“Кто понял, тот почти рыдал, – писал на следующий день “Московский Комсомолец”. – Ведь Илья имел в виду друга детства Леонида Бурлакова, с которым он совсем недавно не очень хорошо расстался-разбежался, разорвав все отношения...”

Это было не совсем так. Развод с Бурлаковым растянулся не на один год – в первую очередь потому, что бывших партнеров связывали финансовые обязательства. В частности, им нужно было погасить задолженность перед организаторами концерта в “Олимпийском”. Но зато теперь Лагутенко не сковывали никакие жесткие контракты и договоренности – ни перед лейблом, ни перед продюсером, ни перед фанами. И он, похоже, ощутил себя по-новому.

6. Кофе и сигареты

В Лондоне слишком много туманов и серьезных людей. То ли туманы порождают серьезных людей, то ли наоборот, – понять трудно, но и те и другие действуют мне на нервы.

Оскар Уайльд

В этот период я общался с Ильей преимущественно по интернету. В основном – на тему его продюсирования молодой группы “Сегодня ночью”. Лагутенко заметил этих питерских ребят еще в эпоху расцвета “Утекай звукозапись”, поместив на один из наших сборников их первый хит “Герда, Икай”. Еще до этого Илья подружился с музыкантами “Сегодня ночью”: Колей Елисеевым, Олегом Барановым и Никитой Козловым, пригласив их сыграть на презентации “Точно туть алоэ”.

“Я имел первоначальное представление о группе, но не ожидал, что за последнее время они настолько сильно прогрессировали, – вспоминает Лагутенко. – Услышав их новые песни, я был просто очарован”.

Музыкальным материалом “Сегодня ночью”, сочетавшим в себе “питерскую размеренность и тягучий аромат василеостровских туманов”, активно заинтересовались сразу несколько лейблов. Тендер выиграла компания “CD Land”, которая пригласила Лагутенко выступить в роли студийного продюсера. Планировалось, что подготовленный в домашних условиях альбом “Кофе и сигареты” будет переписан в одной из лондонских студий.

На мой вопрос, как Илья видит общую стратегию продвижения “Сегодня ночью”, он ответил: “Я должен вовремя сдать фонограмму альбома. Это мои обязанности”.

В итоге распределение ролей выглядело следующим образом: “CD Land” финансировала процесс, наше PR-агентство вместе с арт-директором “Сегодня ночью” Ирой Миклошич занимались раскруткой, а Лагутенко трудился над звуковыми ландшафтами альбома. “„Сегодня ночью“ – идеальные музыканты, которым просто иногда со стороны нужно что-то подсказать”, – говорил тогда Илья.

В тот момент ни один человек не сомневался в успехе мероприятия. “Группа „Сегодня ночью“ перенимает эстафетную палочку у группы

„Мумий Тролль““, – писала пресса. Альбом был прямо-таки напичкан хитами, а опыт Лагутенко как саундпродюсера не вызывал сомнений. Илья успешно сотрудничал с Земфирой и сравнительно удачно – с “Туманным стоном”. За спиной у Ильи были несколько альбомов и синглов “Троллей”, записанных в разных странах, в разных студиях, с разными звукорежиссерами. “Я скорее учусь на собственных студийных опытах, а потом в работе с другими людьми применяю эти знания”, – говорил тогда Лагутенко.

В случае с “Сегодня ночью” перед лидером “Троллей” стояла задача сохранить на английском звуке хрупкие настроения самопальной демо-записи, сделанной музыкантами в домашних условиях.

“Я очень доволен результатом, – признался Лагутенко после завершения звукозаписывающей сессии. – Мы много работали и окончательный вариант получили только через несколько месяцев. Все это время я не слушал эти песни принципиально. Окончательный вариант привез из Лондона – и вот, поздно вечером, мы сидели в офисе компании „CD Land“ и слушали запись. Я тогда подумал: „Ух ты! А ведь неплохо получилось“. Наверное, такое прослушивание через несколько месяцев и является самым честным”.

По правде говоря, мне не сильно понравилось то, что в итоге получилось у Ильи. “Кофе и сигареты” превратились в крепкую коммерческую работу, причем в процессе записи Лагутенко проявил себя не как ангел-хранитель молодых дарований, а скорее как жесткий диктатор. Он сохранил самый сексуальный звук “ч” в исполнении вокалиста Никиты Козлова, но при этом причесал сырой и расхристанный романтизм с берегов Невы под стандартные каноны британских рок-альбомов.

На часть песен Лагутенко повесил какое-то необарокко в духе поздних Beatles. Затем Илья поменял характер аранжировки “Сентиментальных дней” и утопил во второстепенном звуковом пространстве весь напор рок-боевика “Nevermind”. В композиции “Мне легко” он заставил музыкантов переписать часть текста. И вместо нервных, но искренних строчек “Я люблю эту жизнь, когда в ней мастурбирует суть” появилась псевдовосточная поэзия ни о чем: “Китайские палочки, японские девочки, впрямь я буду только с тобой, здесь всегда есть на что посмотреть”.

Я долго ругался с Колей Елисеевым и Никитой Козловым, которые пошли на поводу у именитого продюсера, собственными руками похоронив самобытность “Сегодня ночью”. “Что и говорить, мы – счастливики”, – меланхолично комментировал Никита результаты нашумевшего сотрудничества с Лагутенко. Замаскированную иронию и сарказм Козлова

в тот момент могли оценить немногие.

Позднее, в порыве откровенности, Коля Елисеев признавался: “Порой я ставлю на хорошую акустику нашу пластинку и понимаю, что, в общем-то, можно было все оставить так, как у нас было на демо-записи. Без всяких там англичан. Для нашей страны хватило бы”.

Илья искренне не соглашался с подобной точкой зрения. Казалось, он вообще был раздосадован тем, что в свое время черновая версия альбома распространялась направо и налево. И у людей появлялась возможность сравнивать. И эти сравнения не всегда были в пользу “английского варианта”...

Мы долго спорили на эту тему, но Лагутенко настаивал на своей идеологии: “Черновые записи я не даю слушать даже самым близким друзьям. Поскольку если ты не имеешь отношения к процессу звукозаписи, ты не можешь дальше фантазировать. Уж лучше послушай, что я тебе дам в конце работы... Это точно так же, как девушки: они делают макияж, чтобы стать красивее. И когда они выходят на улицу, их такими и воспринимают. А какие они в спальне – никто видеть не должен”.

...Еще бо льшую полемику у меня с Ильей вызвала методика позиционирования новых звездочек рокапопса. В своей стратегии мы отталкивались совершенно от разных вещей. Я – от многолетней практики сотрудничества с журналистами. Илья – от ощущения абсолютной гармонии, счастья и красоты. Эти понятия зачастую не пересекались. Да и не всегда могли пересечься.

Поэтому я не сильно удивился, когда получил от Лагутенко письмо следующего содержания: “Я создал план пресс-релиза, принимаются по нему предложения. Попробую воплотить все это в жизнь, но хорошо бы и тебе тоже что-нибудь придумать. Главное – убрать из текста всю эту „стоальбомовщину русского рока“ и овировские биографии... Из интервью музыкантов надо выбрать три-четыре самые интересные и смешные цитаты, не важно, по какой тематике. Лишь бы их было интересно прочесть, как мысли...”

Мне очень нравилось, как Илья учил меня писать пресс-релизы. Я воспринимал это, как шикарный fun, карнавал и маскарад... Особенно когда в лагутенковском тексте мне приходилось сталкиваться с шедеврами про *“сентиментальные переживания молодого экзистенциалиста общества тотальной урбанизации со всеми его трагическими метаморфозами”*.

“Чего-то я не понял, какую смысловую нагрузку несет выделенная фраза, – огрызался я по интернету. – Это что, такой постимпрессионизм?”

Мне кажется, что эффективнее написать про выступление „Сегодня ночью“ в московском клубе „Студио“, когда весь нарко-шоу-бизнес с крокодильими слезами на глазах это лицезрел. Аплодисменты и комплименты ведущих... Илья, чего я хочу? Показать, что в 1999–2001 годах группа все-таки существовала, а не околачивала груши. Но при этом не разменивалась на мелкие питерские выступления перед 15 тетками за 15копеек. Странно, что в твоём варианте нет ни слова про первоначальную идею экспериментов с разными вокалистами. Типа: новая песня – новый вокалист. Такой вот питерский Massive Attack. И нет ничего о том, как именно музыканты остановили свой выбор на супер-Никите Козлове. Интересно ведь. Также неплохо было бы рассказать про быт в английской студии во время записи. Скажем, так: „а за тонированным окном в ситцевом платье бродила задумчивая Кайли Миноуг, и Никита лениво поглядывал ей вслед“. Согласись, Илья, такие нюансы перепечатаются изданиями пачками, практически без купюр”.

...После активной ротации нескольких видеоклипов нам удалось создать вокруг “Сегодня ночью” нешуточный ажиотаж. На мою фразу: “Ребята, у нас есть промо-запись нового продюсерского проекта Лагутенко” – журналисты реагировали абсолютно одинаково. Глаза у них загорались, словно новогодние лампочки. С небывалым энтузиазмом они слушали рассказы о новой лагутенковской алхимии, с нетерпением дожидаясь презентации.

“При всей дезориентирующей шумихе, способной настроить скептически любого, мы имеем дело с действительно самой интересной, талантливой и красивой группой из всех, что появились в течение последнего года, – писал журнал “ОМ” в номере, на обложке которого красовался Никита Козлов. – Для того, чтобы стать „открытием года“, у них и правда есть все шансы”.

В итоге медийная раскрутка нового проекта Лагутенко состояла из сплошных компромиссов между пресс-службой, музыкантами, выпускающим лейблом и продюсером. Скорее всего, идеолог “Троллей” на время почувствовал себя идеологом “Сегодня ночью”. И с этим приходилось мириться – как мне, так и музыкантам. Поэтому в газетах я порой читал о том, что “так звучал бы сейчас сам „Мумий Тролль“, если бы начал делать свою музыку на десять лет позже”. В подобных тезисах мне почему-то виделись сразу два плана, причем не оба были комплиментарными.

Жизнь показала, что в истории с раскруткой “Сегодня ночью” победителей, к сожалению, не оказалось. Зато были проигравшие –

компания “CD Land”. Сняв группе несколько высокобюджетных клипов и оплатив расходы на запись, они оказались в убытке на сумму порядка 180000 долларов.

Альбом “Кофе и сигареты” продавался неважно, концертов было мало. Выступления на летних рок-фестивалях положения не спасли. Группа оказалась невостребованной за пределами МКАДа – про таких говорят, что “они родились не с той стороны кольцевой дороги”.

Их песни полюбили столичные девушки, музыкальные журналисты и золотая молодежь. Но от чаяний и ожиданий простого народа они оказались слишком далеки – как позднее “Токио”, “Друзья” и “ГДР”. Возможно, в 2002–2003 годах время “Сегодня ночью” просто не пришло. Возможно, в чем-то ошиблись пиарщики и маркетологи... Не знаю.

Так случилось, что вскоре “золотой состав” группы “Сегодня ночью” распался и в результате всех передраг Никита Козлов остался один. Я вспоминаю, как на самом пике славы он заявил: “Люди, которые чего-то ждут от нас, вообще-то очень сильно ошибаются”. Сказал как в воду глядел. Теперь Никита отрешенно бродил по нашему офису с пожилой акустической гитарой и, усевшись на подоконник, грустно распевал хиты Rolling Stones, Kinks и Radiohead.

Помимо выпущенного альбома “Кофе и сигареты” от “золотого состава” “Сегодня ночью” остались воспоминания. Ностальгические, но все же...

У меня до сих пор стоит перед глазами их выступление на фестивале “Нашествие” в Раменском. Пятьдесят тысяч зрителей ждали разрекламированных радиохитов “Герда, Икай” и “Сигареты и кофе”, но отправились в 20-минутное психоделическое путешествие по рок-боевикам типа “Мои друзья” и “Nevermind”. Если не знать всей предыстории, то возникало неподдельное ощущение, что на сцене отрывается вдребезги обкуренный Oasis, который занесло неведомыми ветрами в сырое Подмосковье. Я просто млел от их манчестерско-питерских вибраций, с горечью понимая, что весь дух “Сегодня ночью” в итоге оказался за бортом их дебютного альбома.

Не сомневаюсь, что, читая эти строки, Илья по-прежнему будет уверен в правильности переосмысления творчества “Сегодня ночью”. Я же предпочитаю слушать их ранние, еще не отредактированные записи. Которые были сделаны не в Лондоне, а в крохотной питерской студии – с ее несовершенным звуком и незримым камерным очарованием.

7. Васильевский спуск

В нашей стране все наоборот: шоу-бизнес – это политика, а политика – это шоу-бизнес.

Илья Лагутенко

Новый альбом “Меамуры” “Троллям” помогала выпускать Ирина Миклошич. Поскольку с Миклошич мы дружим более пяти лет, я пригласил ее пообедать на летней веранде ресторана “Ла Луна” – вспомнить события тех лет.

Ира – яркая иллюстрация пословицы “В жизни всегда есть место подвигу”. В разные периоды она сотрудничала в качестве арт-директора с “Троллями”, Павлом Кашиным, группой “Сегодня ночью”. В момент написания этой книги она занималась собственным арт-проектом, помогающим молодым группам пробиваться на музыкальный рынок через интернет. Миклошич – превосходный собеседник, и ей было что рассказать о Лагутенко периода “Меамуров”.

Несмотря на то что наши мысли, как обычно, прыгали из стороны в сторону, я оставил стенограмму этой беседы практически без изменений.

Александр Кушнир: Как началось твое сотрудничество с группой в роли арт-директора?

Ирина Миклошич: У “Троллей” вот-вот должны были выходить “Меамуры”. У Ильи весь материал был практически готов, и он мне сказал: “Мне нужна твоя помощь”. Это выглядело не как просьба, а как предложение о сотрудничестве. Все было подано очень тонко и красиво. И я с огромным удовольствием согласилась.

Я знала, какие перед нами стояли задачи, и вся наша работа была построена на большом доверии. Я знала свободный график Ильи, когда он бывал в Москве. То есть мы расписывали с ним все его время и делали многофотосессий... Когда я занималась организацией съемок, перед нами не стояла задача поразить воображение страны высоким искусством. Ты помнишь фильм “Кабаре”, когда конференсье Джоэл Грей, танцующая с обезьяной, поет: “Ой, вот вы все ругаетесь, что я ее люблю, что она такая некрасивая... Но если бы вы могли видеть ее моими глазами!” Я это говорю не в том смысле, что Илья казался мне странным. А в том, что я знала, какой он прекрасный изнутри – дополнительно к внешним данным.

Он весь светился. И когда я делала фотосессии, единственная задача была показать его моими глазами...

Затем мы сняли клип “Это по любви”. Илья принес демо-запись и спросил: “Какую песню ты выбрала бы для первого сингла?” Я выбрала “Это по любви”. Илья промяукал: “Угадала!” А потом мы заезжали в гости к Жене Гришковцу. И ночью, около Жениного дома, он вышел нас провожать, и мы все никак не могли расстаться. А Москва такая тихая, и мы сидим в машине втроем, слушаем “Меамуры”... И все песни, казалось, не отличаются друг от друга. Все яркие, трудно было выбрать какую-то одну. Мы потом вместе снимали клип на эту песню – с Гошей Тоидзе, Сережей Бледновым и Илюшей – одной командой... И я считаю, что это был очень удачный клип, который имел большой резонанс.

А. К.: До этого ты сотрудничала с Лагутенко как журналист, как главный редактор журнала “Башня”...

И. М.: Я приехала в Лондон – брать у Ильи интервью для журнала “Beauty”. Планировала серьезно с ним побеседовать, поскольку заголовок к материалу я придумала – “Лагутенко для взрослых”. Но Илья меня абсолютно не воспринял. История этого интервью уникальна тем, что когда я его взяла, вдруг поняла, что у меня... нет интервью. То, что я хотела из него вытащить, я вытащить не смогла. Потом я поняла, что на том языке, какой мог бы меня устроить, Илья вообще не разговаривает.

А. К.: Ну, не только с тобой. В то время – со всеми. Такая вот защитная реакция у человека.

И. М.: У него в природе не было языка, который нес бы необходимую степень откровенности. Не штампы, не общие фразы, а манера общения, при помощи которой он обычно скрывал свою глубину.

А. К.: И ранимость...

И. М.: Не будем говорить о ранимости. Вот у него была такая форма общения, и изменить ее в этом интервью мне не удалось. В итоге у меня в Лондоне открылась язва желудка, и мы с Лагутенко тогда очень жестко расстались. Фотограф “Троллей” Кирилл Попов, с которым мы туда ездили, сказал мне: “Запомни – это последний раз, как ты увидела Лагутенко”. На что я ответила: “Все только начинается”.

После этого я вернулась домой и написала эту вступительную статью в “Beauty”. Ноющей язвой я понимала, что надо спасти материал. Понимала, что надо подать читателям Илью таким образом... Ту ничтожную часть откровенности, которую он мне выдал... Мне надо было ее как-то компенсировать своими дополнениями. Такой вот фокус-покус.

Поэтому к лондонскому интервью у меня было большое предисловие.

После того как я переслала Илье это вступление по почте, у него мнение обо мне кардинально переменялось. А у нас тогда была договоренность, что он должен ответить на вопросы читателей журнала “Башня”. Но во время нашей первой встречи все это как-то повисло в воздухе. И когда Лагутенко прочел эту вводную часть, он мне написал письмо, что готов работать дальше. Я так понимаю, что мое предисловие его приятно удивило и тронуло. И мы сделали эти вопросы: он отвечал тинейджерам – читателям “Башни”, где я работала главным редактором.

Это и было началом нашего сближения... А потом мы стали общаться, а у меня все-таки по-прежнему существовало желание добить это интервью. Я понимала, что в Илье есть очень глубокий пласт, скрытый. Который он, может быть, даже не пытался выразить. И для того чтобы он захотел это сделать, ему нужны были доверительные отношения с человеком. И уровень, который он мог бы поддерживать. Я все-таки сделала это, пусть и не сразу. Через несколько месяцев в журнале “Playboy” вышло мое шестиполосное интервью с Лагутенко, которым я осталась абсолютно довольна.

А. К.: Я помню, как накануне презентации “Меамуров” ты напечатала в типографии роскошные папки для пресс-релизов, которые планировалось раздавать вместе с альбомом на пресс-конференции в ресторане “Желтое море”. Надпись на обратной стороне папки гласила: “1 сентября 2002 года в Москве, на Васильевском спуске состоится презентация нового альбома группы „Мумий Тролль“”. Как получилось, что концерт на Васильевском спуске не состоялся?

И. М.: Правительство Москвы умудрилось три раза запретить этот концерт. В августе 2002 года мы с группой “Мумий Тролль” находились в ЮАР, где выступали на открытии саммита ООН по устойчивому развитию Земли. И вот за десять дней до презентации “Меамуров” вдруг выясняется, что наш концерт отменили распоряжением Лужкова...

Дело в том, что когда мы собирались в ЮАР, Илья предчувствовал эту ситуацию. И он не хотел, чтобы я ехала. Хотел, чтобы я оставалась здесь. Но я мечтала поехать в Африку и заранее – за полгода – попросила Артема Троицкого устроить наше участие в этом мероприятии. И поездки этой давно ждала. Я очень хотела отдохнуть...

И вот мы прилетели, нас поселили в роскошном отеле. Мы надели купальники и плавки, легли на пляж, и в этот момент раздался звонок. Позвонил директор “Троллей” Сережа Козин, который сказал: “Ребята, все хорошо. Только концерта не будет”. Тогда Илья надел черные очки и лег загорать. А я начала, как львица, бегать по периметру бассейна.

А. К.: Он лег на спину или на живот?

И. М.: На спину. И закрыл глаза. Я бегала-бегала, он посмотрел на меня и сказал своим тихим, спокойным голосом: “Чего теперь бегать? Ложись, отдыхай”. Кто-то из музыкантов сказал: “Попробуй узнать, кто это сделал”. Я позвонила знакомым и спросила, кто стоит за этим приказом. Мне ответили: “Шевцова”.

И тогда к беседе подключился Троицкий: “Ляг, отдыхай. Бесполезно, это мэрия”. А я заорала: “Ни хуя! Не знаю никаких правил!” И стала звонить в Москву и узнавать, кто поможет мне устроить встречу с Шевцовой. Меня выручил мой приятель из Администрации Президента. Поэтому прямо с самолета – я только успела в душ, переодеться – схватила папку с публикациями и поехала к Людмиле Ивановне.

Мне устроили встречу с Шевцовой на пять минут. Она сидела в большом правительственном кабинете тридцатых годов. Рядом находился человек в наушниках и с магнитофоном. И весь наш разговор писался на две огромные бобины...

Я пришла с толстой папкой публикаций и сказала: “Вы отменили концерт Rammstein накануне... Но отменить „Мумий Троль“ вам безболезненно не удастся. Потому что через пару дней у меня заявлена пресс-конференция, где будут присутствовать сто пятьдесят изданий. И если этот концерт будет отменен, я объясню журналистам, почему его отменили. Потому, что проплатили московскому правительству... Я даже знаю, какой именно иностранный бренд это сделал”.

Потому что у них в это время был концерт на Воробьевых горах. И им было невыгодно, чтобы мы работали где-то поблизости в этот день. Дело в том, что эти люди предлагали “Троллям” выступить на Воробьевых горах. Но я сказала, что у нас презентация и поэтому мы не можем. А они ответили: “Вы пожалеете об этом...” Ну вот такая история.

Тем не менее Шевцова оказалась человеком неординарным, сильным, умеющим брать на себя ответственность. Она созвала городское совещание – прямо при мне, не выходя из кабинета, по селектору. Она вызвала все московские службы, представителей Министерства культуры, милицию, пожарников. Они все приехали за пятнадцать минут.

За это время я рассказала ей про “Мумий Троль” – естественно, она ничего не знала. Потом я начала жестко разговаривать с чиновниками. Помню, что кто-то из Министерства культуры сказал что-то вроде: “Вот еще! Не хватало, чтобы этот концерт совпал с Днем города! Соберутся непонятно кто, будут там пить пиво, колотья наркотиками, а мы тут должны за это отвечать”. На что я, разъяренная, ответила: “Так,

минуточку... Я так понимаю, наша аудитория для вас – это шваль. Тот самый налогоплательщик, который платит вам зарплату... А что, если я озвучу эти ваши высказывания?” И Шевцова загасила эту дискуссию. Сказала: “Мы здесь собрались не спорить”.

Надо заметить, что я, еще находясь в ЮАР, просила Сережу Козина подготовить мне площадку, которая могла быть альтернативой. В какой-то момент я поняла, что Васильевский спуск нам не дадут. Потому что незадолго до этого они уже отменили там какой-то рок-концерт... Под предлогом того, что от музыки разрушается храм Василия Блаженного. И поэтому там в течение полугода вообще нельзя проводить концерты.

Услышав эту формулировку, я попросила площадку, которая нас устроила бы. Поэтому я сказала Шевцовой: “Людмила Ивановна, я понимаю, что на Васильевском спуске нам не удастся сыграть... Поэтому у нас есть пожелание – „Лужники“”. Она при мне позвонила в “Лужники”, господину Алешину. И я поехала к Алешину. К моему приезду там собралось целое совещание. Я приехала туда с Ильей. И Сережа Козин подъехал. И мы стали обговаривать условия.

А. К.: Алешин адекватный?

И. М.: Да, он совершенно адекватный. Жесткий человек, но врубающийся во все тонкости. И он сказал: “Да, хорошо... Мы подумаем, сколько это будет стоить”. И мы уехали спокойные.

А на следующий день нам позвонили из “Лужников” и сказали, что рядом с набережной у Большой спортивной арены, где мы планировали концерт, находится клумба, которая стоит 60000 долларов, – занесенная в Книгу рекордов Гиннеса как самая большая клумба в мире. Если фанаты эту клумбу растопчут, мы должны будем выложить 60000 долларов. И вот если мы их в качестве залога вкладываем, то тогда мы работаем напротив набережной. А если нет – тогда давайте переносить концерт в другое место.

Я поняла, что опять начались интриги. Опять позвонила Людмиле Ивановне, опять понеслось это по кочкам. И я знаю, что Лужков специально приезжал в “Лужники” смотреть клумбу. К этому времени там собралась толпа специалистов, которые ему внятно объяснили, что это действительно такая уникальная клумба, и он, как отец города...

Зная, что группу “Мумий Тролль” обидеть нельзя, а в то же время клумбу тоже затоптать нельзя, он сказал: “Вы вон там проведите”. И махнул рукой в сторону бассейна. Мол, проведите там, какая вам разница?

А вся фишка была в том, что этот концерт должно было снимать MTV, и мы выбирали эту площадку потому, что здесь отличная картинка. Здесь клумбы и здесь видны Воробьевы горы. И все это должно было совпасть с

фейерверками, которые в тот вечер планировались поблизости. Мы под это и скомпоновали концерт. Перенести это к бассейну – это все равно, что закатать нас в асфальт. После чего я встретила с Алешиным и сказала, что нас этот вариант не устроит. Либо мы делаем здесь, либо я опять устраиваю пресс-конференцию. И мне, дескать, уже надоело сражаться с мафией.

И я опять звонила Швецовой. Я не знаю, как они решили этот вопрос. Но у меня есть сильные подозрения, что она от Правительства Москвы застраховала эту клумбу. Я попросила Илью, и он, выйдя на сцену перед началом концерта, обратился к публике. Ко всем этим тысячам девчонок и парней. И сказал в микрофон, что эта клумба – уникальная. И если они попортят эти цветы, то мы будем вынуждены платить за ее восстановление из своих денег. Это было абсолютно точно. И я вам скажу – ни одного цветочка не было помято. И этот вопрос снялся сам собой, по цветам. Нам не пришлось ничего платить.

Накануне мероприятия, в одиннадцать часов ночи, мы приехали на площадку встречать фуры со сценой. Поскольку сцену делали в Риге, везли ее оттуда....

А. К.: Это было дешевле?

И. М.: Это было совсем не дешевле. Это было лучше по качеству. И Илья решил пойти на эти расходы... На эту тему меня никто не спрашивал, меня вообще технические вопросы мало интересовали... Все эти дни мы с Лагутенко были зеленого цвета. Потому, что не понимали, будет концерт или нет. И что на нем случится, мы тоже не понимали.

Помню: глубокая ночь накануне презентации. Уже темно, приезжают из Риги эти фуры с оборудованием, стоят у клумбы. И нам не разрешают их разгружать. Приехал Алешин и сказал, что нельзя. А я ответила: “Отсюда мы никуда не пойдём. Все будет здесь. Вызывайте милицию или кого хотите, но мы разгружаемся”.

А. К.: Это уже была ночь?

И. М.: Да. Это была ночь накануне концерта.

А. К.: Получается, что днем была пресс-конференция в “Желтом море”, а вечером вы поехали сражаться. То есть когда мы проводили пресс-конференцию, не было понятно, чем это все закончится?

И. М.: Было все понятно. На тот момент – ДА. А через пару часов – НЕТ. Насколько я помню, Лужков три раза издавал приказ по концерту группы “Мумий Троль”.

А. К.: Это было какое-то внутреннее постановление?

И. М.: Нет, никакое не внутреннее. Все было официально.

А. К.: Помнишь, на пресс-конференции в “Желтом море” в президиуме сидел представитель Правительства Москвы по фамилии Ноткин? И я, будучи в курсе истории с Васильевским спуском, спрашиваю у него: “А откуда у нашей мэрии такая неземная любовь к группе „Мумий Тролль“?” И чиновник начинает свой ответ с гениальной фразы, что лично он вообще-то не очень любит “Мумий Тролль”...

И. М.: Дело в том, что вся эта предыстория имела какую-то криминальную начинку. И Правительство Москвы сочло нужным держать рядом с группой своего представителя. А я махала флагом этой пресс-конференции, потому что это – единственный козырь, который у меня был. Кроме того, что я вскрою себе вены. А вскрытие моих вен вообще никого не волновало. Всех волновало только собственное лицо. Имидж. Поэтому я хочу сказать пару благодарных слов в адрес Людмилы Ивановны, потому что ей было очень непросто эту ситуацию разрулить. И я не думаю, что она это сделала потому, что чего-то испугалась. Она – бесстрашный человек. Она в какой-то момент прониклась этой историей и поверила мне. Ее тронули мой энтузиазм и самоотверженность. И она пошла нам навстречу.

А. К.: А когда ты пришла к Шевцовой, ты подарила ей что-нибудь? К примеру, альбом “Точно ртуть алоэ”?

И. М.: Нет, конечно. Я пришла с папкой, которая у нас была по “Меамурам”. Она у меня огромная. Говорю: это группа такая-то, с ней ТАК нельзя. Потому что нельзя – и все. Не думаю, что это ее остановило. Просто Господь вмешался. Шевцова захотела помочь. И все. Я ей очень благодарна.

А. К.: Она, небось, до общения с тобой ни одной песни “Троллей” не слышала?

И. М.: Абсолютно уверена. Но на концерте “Меамуров” она была. Сидела где-то...

А. К.: Презентацию в “Лужниках” показал канал MTV, и затем группа уехала в “Меамуры тур”. И вы с Ильей начали друг от друга отдаляться?

И. М.: Есть вещи, которые я не хочу озвучивать. Просто у нас была договоренность – провести презентацию. А потом... Потом был вариант работать дальше. Но исторически сложилось так, что появились обстоятельства, вынудившие нас расстаться. Я сейчас об этом жалею. Потому что если все повторить, я бы, может быть, некоторые вещи не так сказала. И Илья на них не так бы отреагировал. И ситуация была бы иной. Но тогда мы были на эмоциях, совершенно вымотаны. Оба. Психологически. Надорваны. И все это было остро. И, в общем, мы как-то так расстались...

А. К.: А потом были заслуживающие внимания пересечения, когда вы могли посидеть спокойно и все обсудить?

И. М.: Мы встретились с Лагутенко ровно через неделю после презентации. Он приехал из Киева, я – из Питера. Он мне позвонил, и как выяснилось, мы в тот момент одновременно спускались с трапов самолетов. Сказал, что надо поговорить. Мы встретились во французском ресторане. В тишине, при свечах пообщались полтора часа. Итогом разговора, как выяснилось через полгода, явилось наше расставание. В тот момент мы оба об этом не знали. Я думаю, мы искали пути сближения... Но некие препятствия, которые в тот момент были – и с его и с моей стороны, – оказались непреодолимыми.

8. Слияние и поглощение

Если вдуматься, мы бесконечно занимаемся тем, что ждем других.

Илья Лагутенко

Спустя несколько дней после презентации “Меамуров” “Тролли” выехали в Киев – выступить на фестивале “Просто рок”. Так получилось, что Илья и музыканты ехали в одном вагоне с группой “Танцы минус”. Поболтав со Сдвигом и Цалером, я присоединился к команде Славы Петкуна – они весело и громко бухали в соседнем купе.

Не успели мы толком отъехать от Москвы, как Петкуну позвонили из Питера – у него внезапно умер отец. На ближайшей станции – кажется, в Брянске – Слава вылез из поезда, сел в такси и рванул в Москву. Оттуда на самолете – в Питер.

Вплоть до самого Киева обе группы – и “Тролли”, и “Танцы минус” – ехали молча. Спать легли рано. Что день грядущий нам готовил, было неясно. Утром стала понятна очевидная, в принципе, вещь: фестиваль “Просто рок” остался без “Танцев минус”. Которые и без того не могли доехать до Украины уже несколько лет.

На перроне в Киеве нас встречали радостные организаторы, которые после моего печального рассказа отказывались верить, что Петкуна нет в поезде. Когда первый шок у них прошел, возник трудноразрешимый вопрос. Кому-то надо было со сцены Дворца спорта объяснить 10000 зрителям, что случилось с Петкуном и почему “Танцы минус” не смогут сегодня выступить на фестивале. И Лагутенко проявил инициативу, сказав организаторам, что знает, что надо делать. И взял всю ответственность на себя.

Лидер “Троллей” резко переключил программу, начав выступление с акустики. “Наперекор общему настроению Илюха в тот вечер был как акустический ангел – тихохонький, вкрадчивый, одна просто положительная энергия, – восторженно писала после концерта украинская пресса. – В акустике „Мумий Троль” звучал просто неповторимо. Естественно, любовь к нему утроилась после Такого. Вызван подобный поворот был тем, что у солиста „Танцев минус” Славы Петкуна случилось горе, о чем Лагутенко сообщил присутствующим... После чего шуметь и

греметь было бы неуместно”.

...Сразу после Киева “Мумий Тролль” выехал в “Меамуры тур”, начало которого ознаменовалось громким скандалом. Причем я узнал о нем не от группы, а из интернета. По сообщениям сайта www.rbc.ru, а также ряда общеполитических сетевых ресурсов следовало, что во время концерта в Красноярске музыканты “Троллей” грубо нарушили законодательство Российской Федерации.

Группа обвинялась в том, что вышла на сцену Дворца спорта в футболках с надписью “Хлопонин – номер один”, да и на концерт приехала на автобусах с теми же надписями. Это событие якобы произошло за день до второго тура выборов губернатора Красноярского края, на место которого претендовали Александр Хлопонин и Александр Усс. Всем известно, что по российскому законодательству любая агитация в последний день перед выборами строгойше запрещена.

Я понимал, что все это – полный бред. Который, скорее всего, был инспирирован предвыборным пиаром одного из кандидатов. Тем не менее я оперативно связался с директором “Троллей” Сергеем Козиным. Узнал, что было на самом деле. Ничего не было. Вообще. Обыкновенный концерт. Просто по чьей-то воле электронная пресса сошла с ума. “Прорвемся!” – подумал я. После недавнего скандала с Земфирой в Якутске подобная ситуация выглядела линейной.

Связавшись с информационными агентствами, я по телефону озвучил нашу официальную позицию. Звучала она следующим образом:

“На всех концертах „Меамуры тура“ группа „Мумий Тролль“ выступает в одних и тех же сценических костюмах и с постоянными декорациями. Никаких импровизаций в одежде быть не может. Кроме того, музыканты путешествуют со своими трейлерами, в которых везут стационарный звук и стационарный свет. Запись концерта, сделанная с трех камер местным MTV, четко фиксирует отсутствие предвыборных лозунгов в одежде и в оформлении сцены. „Бетакам“-кассета с красноярским концертом „Троллей“ будет в Москве сегодня вечером. Кроме того, все выступления группы записываются на аудио– и видеопленку. Поэтому несложно доказать, что и в предконцертных интервью, и в репликах Лагутенко со сцены не звучало никаких заявлений, хотя бы отдаленно имеющих отношение к политике...”

Через несколько часов офис “Кушнир Продакшн” напоминал встревоженный улей. Со всех сторон нас осаждали пронирливые телевизионщики. Они выстроились в живую очередь – чтобы успеть попасть в выпуски вечерних новостей. И поскольку группа находилась в

Западной Сибири, получалось, что пресс-служба “Троллей” являлась единственным источником информации.

“Самый громкий скандал, связанный со вторым туром голосования, произошел в Красноярске, – вел репортаж прямо из нашего бизнес-центра канал ТВС (экс-ТВ-6). – Целый день эта информация муссируется в городе, выходя даже за его пределы. Никакой ясности до последнего момента не было. Так ли это было на самом деле? И вот только сейчас нам удалось достать видеозапись концерта, из которой ясно следует, что музыканты были одеты в обычные сценические костюмы и никакой политикой во время концерта не занимались... Мы попытались выяснить все обстоятельства этого скандала...”

Затем в программе шло прямое включение – анонсированное интервью с пресс-службой группы.

“Никаких политических заявлений, никаких футболок с именами кандидатов на концерте не было, – я жестко чеканил каждое слово. – Это был праздник, это было самое начало „Меамуры тура“. Красноярцы выглядели очень довольными... А кому выгодно делать подобные заявления, можно только предположить... Мы только что связались с Красноярском – нам сказали, что на концерте в VIP-ложе присутствовал один из кандидатов. Он пришел как частное лицо – вместе с семьей. Говорят, ему концерт группы „Мумий Троль“ очень понравился. По-видимому, команда другого кандидата сочла выгодным так или иначе обыграть это событие в своих заявлениях. Нам удалось пообщаться с пресс-центром красноярского избиркома. Выяснилось, что там вопрос пропаганды и агитации даже не обсуждался и никаких претензий к группе никто не имеет”.

С позиции сегодняшнего дня сложно сказать, кому из красноярских кандидатов этот информационный водопад принес бо льшую пользу. Но “Троллям” он пользу принес стопудово. У меня в мозгу даже возникли аналогии. Когда во время начала “Ртуть алоэ тура” случился скандал в ГУМе – точно так же первые концерты “Меамуры тура” не прошли незамеченными... Вот и отлично.

Надо сказать, что это были мои последние “подвиги” на благородной ниве пресс-поддержки группы “Мумий Троль”... Часть жизни длиной в семь лет – с 1996-го по 2003 год. Что говорить, не самое плохое время. После “Меамуры тура” у группы намечалась пауза в выступлениях – прекрасный повод крепко пожать друг другу руки...

Илья лично рассчитался со мной за последние месяцы работы. Глядя друг другу в глаза, мы сказали немало добрых слов. С тех пор за

формированием общественного мнения вокруг группы “Мумий Тролль” я стал наблюдать исключительно со стороны.

*

Можно понять мой субъективизм, но со стороны все выглядело не очень. Буквально в течение нескольких месяцев Илья резко минимизировал контакты с прессой, давая интервью исключительно накануне выхода новых альбомов. Основным источником общения группы с внешним миром стал сайт. Но даже он не сильно помогал “Троллям” в экстремальных ситуациях.

Первая из них случилась осенью 2004 года, когда “Мумий Тролль” сыграл сомнительный с идеологической точки зрения концерт на Домской площади города Риги. Насколько мне известно, организаторы из латвийского Министерства образования и науки решили устроить грандиозное мероприятие в пику намеченной в тот же день акции противников школьной реформы, ущемлявшей права российской части школьников. Предполагалось, что выступление “Троллей” на Домской площади переманит с митинга часть публики. Что в итоге и произошло.

Все бы ничего, но оба мероприятия носили ярко выраженный политический характер. Дело в том, что первоначально на концерт в центре Риги была приглашена группа “Би-2”, но они разумно отказались. Не поленившись залезть в интернет и узнать массу подробностей про борьбу русских школьников за свои права.

“Тролли”, по-видимому, не сильно парились по этому поводу, сыграв концерт в Риге за двойной гонорар. Помимо 80000 долларов они также получили разгромную статью в “Известиях” – с уничтожающим заголовком “Мракобесие заменили невежеством”. Это был болезненный удар по имиджу группы, который, к сожалению, активно подхватили интернетовские СМИ. Лагутенко делал вид, что ничего не произошло. Молчание пресс-службы было громким ответом на эти негативные публикации.

...Примерно в это же время у Ильи в частной беседе спросили, почему он не работает сейчас с “Кушнир Продакшн”. Лидер “Троллей” ответил, что у него нынче другое видение пиара. На “Максидроме-2005” я увидел, что собой это видение представляет. Лучше бы не видел.

Музыкальная сторона выступления “Троллей” в “Олимпийском” была поистине безупречной. Лагутенко остроумно надел на голову капроновый

чулок и смотрелся на сцене, как истинный пришелец. Как “инопланетный гость”. Вслед за “Троллями” выступал культовый Franz Ferdinand, но команда Лагутенко выглядела сыграннее, сильнее и эффектнее. Вдобавок ко всему, на сцене “Олимпийского” выяснилось, что фронтмен Franz Ferdinand Алекс Капранос явно проигрывает Лагутенко в артистичности... Дело оставалось за малым – закрепить успех “Троллей” на постконцертной пресс-конференции. Увы, этого не произошло.

...В пресс-центре “Максидрома”, расположенном за сценой “Олимпийского”, скопилось множество журналистов. Многих интересовал чулок на голове Ильи – поползли слухи, что Лагутенко, который недавно выступал в Китае, подцепил там какую-то местную заразу. Просто идеальная почва для общения.

“Илья Лагутенко на пресс-конференции по поводу выступления на „Максидроме“ не будет, – как-то сбивчиво заявила новый пресс-секретарь Марина. – А на все ваши вопросы про новый альбом мы уже ответили”. На этих словах самый короткий брифинг в истории “Максидрома” можно было считать завершенным.

Увидев разочарованные лица журналистов, я понял, что пресс-службы у группы “Мумий Троль” толком нет. Или, по крайней мере, она не может влиять на общеполитическую ситуацию вокруг группы.

Я понимаю, что не всем приятно об этом читать, но это действительно так. Сегодня у группы есть спикер. Есть его желание или нежелание общаться с медиа. Давать или не давать интервью. Возможно, для себя Лагутенко решил, что в систематизированной поддержке прессы он больше не нуждается. Возможно, почувствовал себя инди-артистом, независимым от большого шоу-бизнеса.

Являясь неотъемлемой частью индустрии развлечений, идеолог “Троллей” попытался построить жизнь по новым законам. Если коротко – Илья старался не замечать шоу-бизнес, а шоу-бизнес старался не замечать группу “Мумий Троль”. Поэтому в последние годы на горизонте не наблюдается никаких премий Муз-ТВ, “Золотых граммофонов” и “Russian Music Awards”.

Что не удивительно. “Раньше мы с „Троллями“ активно сотрудничали, – признался мне один из руководителей канала Муз-ТВ Вячеслав Кормильцев. – А потом они куда-то делись. Куда-то не приехали...”

Как говорится в подобных случаях, “не до грибов нынче, Петька”. Логично, что с 2004 по 2007 годы телевидение клипы “Троллей” практически не показывало. За это же время я услышал по FM-радио всего пару новых композиций. Такая вот искусственная самоизоляция.

Бывали, конечно, и удачи. К примеру, трансляция в прайм-тайм на Первом канале презентации альбома “Слияние и поглощение”, состоявшейся рядом с “Балчугом-Кемпински” в недостроенном офисе Абрамовича. Я был на этой акции и увидел все то, что не вошло в кадр. А именно: пафосный парад VIP-ов и несметное количество фриков всевозможных мастей.

Где-то сбоку от сцены я обнаружил брошенную на произвол судьбы горстку журналистов и слегка растерянного продюсера группы “Сплин”, которому не досталось ни пластинки, ни человеческого внимания. Я подарил ему свой экземпляр “Слияния и поглощения” и направился в сторону сцены...

Послушав несколько новых композиций и удачную шутку Лагутенко: “Спасибо всем за бесплатную массовку”, я вместе с Илюхой Легостаевым из “Московского Комсомольца” отправился домой. По дороге мы с коллегой сошлись во мнении, что посетили праздник чужой жизни, на котором главным действующим персонажем в зале была Ксения Собчак.

9. С той стороны зеркального стекла

Я могу устоять перед чем угодно, кроме соблазнов.

Оскар Уайльд

Как-то прямо посреди ночи мне позвонила из Парижа моя знакомая по имени Ева. Она представляла собой красивую телку – гибрид Ванессы Паради и юной Марианны Фэйтфул, а также опытную бизнесвумен, издателя и поп-певицу. Ева много ездила по миру, тусовалась на Монмартре с музыкантами Jamïgoquaï и записывала альбом в стиле Джейн Биркин. Периодически она наезжала в Россию, в свою халабуду на Рублевке. На этот раз Ева решила заскочить на недельку в Москву с целью отпраздновать день рождения.

У Евы есть много достоинств. Одно из них – превращать свои именины в незабываемые светские оргии. Один раз у нее выступал Марк Алмонд, другой – модные французские рэперы. Сейчас планировалась чуть ли не Патрисия Каас – по слухам, с новым блюзовым репертуаром.

Мне Ева позвонила проконсультироваться на тему возможности участия в акции адекватного русского артиста. Чтобы всех вокруг удивить.

“Чего тут думать? – не колеблясь, сказал я. – Бери „Мумий Троль“! Кажется, в апреле они еще будут в Москве. Знаешь, я видел, как они выступали в „России“ на закрытой вечеринке какой-то нефтяной компании. Поверь мне, это было очень круто!”

...Как вы догадались, я настаивал на кандидатуре Лагутенко с корыстными целями. Во-первых, “Тролли” уже несколько лет не выступали в столице, и я успел соскучиться. Во-вторых, мне позарез нужен был хоть какой-нибудь сюжет про Илью, отражающий дух времени. Чтобы закончить эту бесконечную главу, которую я никак не мог дописать. Хоть ты тресни!

Последний повод был совсем уже садомазохистский – посмотреть, как близкие мне люди метафизически отдаются за большие деньги. Такой вот во мне проснулся вуайеризм.

В общем, всеми правдами-неправдами я убедил Еву потратить часть бюджета ее необыкновенных именин на группу “Мумий Троль”. Другая часть нефтедолларов предназначалась Патрисии Каас, а также одному из рестораничков на Яузской набережной, где эта вакханалия должна была

произойти. Но человек предполагает, а Бог располагает.

Накануне именин внезапно выяснилось, что Патрисия Каас прилетает не в Москву, как мы все думали, а в солнечный Дагестан. С целью развлекать местных магнатов. Видимо, они шибко перебили Еву по деньгам.

В итоге вместо плебейки Патрисии на дне рождения Евы нарисовалась группа “Звери”. Но не наша, а американская. The Animals. Те самые, которые “House of the Rising Sun”. Из “золотого состава” там остался только дряблый барабанщик, но это никого не смущало. В помощь бэушному ветерану были брошены три седых пивных бочонка, которые запомнились тем, что энергично размахивали руками над головой и безуспешно пытались расшевелить гламурную публику наигранно-бодрыми возгласами: “Hands up! It’s a party! Party!”

Затем, словно на предновогоднем утреннике, настал черед конкурсов и викторин. В этот момент вальяжных гостей со всей силой своего нечеловеческого останкинского обаяния развлекал Андрей Малахов. То тут, то там мелькали знакомые лица: Жириновский, Антон Макарский, Митя из Hi-Fi, Игорь Бутман, Божена Рынска, кто-то еще. Как сказано в Библии, пролетарии всех стран, объединяйтесь.

Праздник шел по нарастающей. Около сцены две активные конкурсантки отчаянно спорили, у кого в области сердца меньше силикона. Согласитесь, очень остроумно. Равнодушных, что называется, не было. Затем Макарский с Жириновским, крепко обнявшись, поздравили именинницу и спели дуэтом песню “Belle”.

Я неторопливо потягивал мартини со льдом, но душа ждала подлинного зрелища. “Когда уже Лагутенко появится?” – спросил я виновницу торжества. “Когда надо, тогда и появится, – вежливо ответила Ева. – Ты что, их фанат, что ли?” – “Ну да, – радостно ответил я. – Иначе зачем бы я их тебе рекомендовал?”

Евину нервозность я худо-бедно понимал. По моему совету она накануне встретила с Ильей – с целью обсудить условия и репертуар. “Пусть играют новые композиции!” – провокационно посоветовал я красавице певице, которая в недалеком будущем собиралась баллотироваться на пост президента Франции. “Он меня начинает доставать своим упрямством, – раздраженно сообщила Ева сразу после встречи с Лагутенко. – Что-то я не понимаю, у кого из нас день рождения?” Вопрос носил риторический характер.

...Наконец-то конкурсы стихли, и Малахов с природным артистизмом проанонсировал очередное действие – что-то на тему “сюрприза от

именинницы для любителей хорошей музыки”. “Приветствуйте, группа „Мумий Троль“!” – закончил он на мажорной ноте свой праздничный монолог.

...“Тролли” появились на сцене из ниоткуда. Буквально за несколько секунд до этого пересекли пространство чуть ли не по краю стены. Пришли оттуда, откуда их никто не ждал. Ни именинница, ни гости, ни фотографы. “Тролли” прошли быстро, со сконцентрированными лицами, дыша в затылок друг другу. Последним шел Лагутенко, крепко держа за руку шатенку необыкновенной красоты. Она была явно моложе Ильи, но вместе они составляли крайне эффектную пару. Это была супермодель Аня Жукова.

На сцене Малахов немного невпопад анонсировал что-то в духе “„Мумий Троль“ – проездом из Нью-Йорка”. Кто-то из музыкантов возразил, что они в этом году в Америке не были. “Ну, значит, скоро будете!” – беззаботно парировал популярный телеведущий.

В этот момент Ева сделала милый, хоть и не совсем гринписовский сюрприз – выпустила в зал огромных бабочек. Полуживые насекомые, сидевшие до этого в закрытых коробках, вяло порхали под потолком, боясь быть раздавленными подвыпившей публикой.

...Раздались первые гитарные аккорды. Начинать “заказник” с хардрокерской “Доли риска” выглядело, по меньшей мере, смело. Лагутенко лихо схватил черный бубен и начал по-кошачьи бродить по заставленной аппаратурой сцене. Он выглядел максимум лет на тридцать: загорелое лицо, короткая стрижка, платок на шее, рубашка, укороченные брюки, слегка заузненные книзу. Эдакий техасский ковбой, который закончил университет в Аризоне по специальности “современная психология”...

У Ильи в глазах полыхали костры – в них было то, что в Аризоне называют “импульсом”. Казалось, он никого не замечал вокруг. Пел “Алмазами” так, что в его голосе слышалось все: и Бог, и смерть, и дьявол, и Вселенная. Во время исполнения “Морской болезни” он декламировал текст с такой интонацией, словно вел горящий корабль. Илья Игоревич пел, как профессиональный преступник, – казалось, от его голоса начинали вибрировать гробницы под кремлевской стеной. Меньше всего это напоминало пафосный дорогостоящий “заказник”.

...Техники бесшумно поменяли гитары – началась “С Новым годом, крошка!”, которую Лагутенко, как нетрудно догадаться, остроумно посвятил имениннице. В какой-то момент Илья увидел меня и задержал взгляд на несколько секунд. Затем признаки жизни подал Юрка Цалер, как-то по-доброму улыбнувшись. Басист Сдвиг виновато пожал плечами – мол,

видишь, в какую херню мы вляпались. Знал бы он, кто был ее инициатором...

В это время начался эротический блок: “Утекай”, “Кораллы”, “Сигналы”. На девушек, стоявших рядом со сценой, смотреть без улыбки было нельзя. Они активно выделяли флюиды. Они таяли. Они медленно сходили с ума – даже странно, что не снимали одежду. Пока еще...

В разгар этого виртуального стриптиза ко мне подошла заметно подобревшая именинница. “Ах, Илья... Он такой сексуальный, – заговорщически шепнула мне на ухо Ева. – Жалко, я не с той стороны к нему подошла. Спасибо тебе за знакомство”.

Андрей Малахов прислонился к колонне и цепким взглядом фотографировал маневры Ильи. Тот, в свою очередь, разошелся не на шутку и честно отработывал гонорар. Несколько юных журналисток, видевших “Мумий Тролля” на сцене впервые, похоже, забыли о цели своего визита. Они слушали песни, не пропуская ни единого слова. У меня в кармане задергался мобильный – пришла эсмэска от знакомой тележурналистки: “Лагутенко – мой самый любимый Лунный Кот!!!”

Поколение X восторженно встречало восход нового солнца. Одна из девушек по-кошачьи подкралась ко мне и, воровато оглядевшись по сторонам, спросила, как ей лучше познакомиться с “Мумий Троллем”. Поскольку подобный вопрос я слышал не в первый раз, то знал, что именно надо отвечать. “Нет ничего проще, – с непроницаемым лицом сказал я. – Ворвись в гримерку и скажи, что делаешь лучший в Москве минет. И сразу же следи за реакцией... Вокалист – не уверен. Может, барабанщик достанется. Как повезет...”

Дав этот по-человечески бесценный совет, я с чистым сердцем растворился в темноте весенней московской ночи. Вечер, что называется, удался, и жизнь начинала казаться сплошным праздником. Ни сном ни духом я не догадывался, что ровно через неделю 10000 зрителей “Юбилейного” будут, словно заколдованные, подпевать вслед за группой “Мумий Тролля”: “Витя Дробыш, соси, уебыш! Витя Дробыш...”

Но Ева всего этого уже не слышала...

Глава IV Максим Фадеев

Аранжировкой можно из песни “В лесу родилась елочка” сделать хит мирового уровня. Просто надо найти драйв, который сможет выстрелить. У нас принято считать, что главное не аранжировка, а мелодия и текст. Мне кажется, что главное – психологическая органика, на которую ты можешь воздействовать звуком, вычисляя по секундам динамику организма. Все непросто.

Максим Фадеев, 1998 год

Все началось с телефонного звонка. Поздно вечером мне позвонил из Праги продюсер Максим Фадеев и стал с восторгом рассказывать о своем новом гитарном проекте. Причину звонка я понял сразу: в тот момент противоречия Макса с менеджментом Линды достигли критической отметки. Предчувствуя грядущий разрыв, Фадеев, по слухам, набирал новую команду – от музыкантов до пиарщиков.

Я готовился к важной пресс-конференции, но Фадеев говорил долго, зажигательно и мастерски. Оторваться невозможно. Убеждать “серый кардинал” Линды умел. Несмотря на идеологические проблемы с “изломанной девушкой”, он уже всю думал о новом проекте. Еще не Offspring, но уже не Линда...

“Давай работать вместе, – Фадеев прямо-таки излучал вдохновение. – Мне нравится то, что вы делаете с „Троллями“. Просто супер! А я теперь пишу совсем другую музыку. И это – только начало. У нас вскоре будет сильная команда, свой офис... Создается продюсерский центр – с мощной базой и студиями. Всё по полной программе. Я буду выполнять функции продюсера, мне будут помогать менеджеры и директора. Кто-то будет заниматься прессой. Я даже предполагаю, кто именно”.

Шутка удалась. Честно говоря, я даже позабыл про грядущую пресс-конференцию. Согласитесь, подобный напор не мог не заинтриговать. Тем более мне всегда была интересна игра с условным названием “начни с нуля”.

“Я распродаю в Праге магазин со шмотками, а на днях купил „Pro Tools“, – будил меня ночью Фадеев очередным звонком. – Понимаешь, я

купил „Pro Tools“!!! Это совершенно другие возможности работы со звуком! Мы попытаемся внедрить качественный подход к музыке. Потенциал у страны огромный – взять, к примеру, того же Лагутенко. Мы будем искать новых звезд. Везде. Мы выстроим настоящий лейбл – с крепким названием и инфраструктурой”.

Какая роль предназначалась в новой инфраструктуре пресс-агенту, я прекрасно понимал. Так я оказался в московском офисе Фадеева.

1. Новые технологии

Фадеев – первый и едва ли не единственный российский продюсер, который достиг запредельного уровня профессионализма. Уровня, характерного скорее для инвестиционных фондов, нежели для людей, делающих музыку. Каждая нота просчитана на компьютере и проверена электроникой. Эффект от каждого шага продуман на годы вперед.

“Афиша”

Коммерческие интересы Фадеева в России представлял его новый финансовый партнер Александр Аркадьевич Элиасберг – владелец клиники “Новый взгляд”. У Макса с Элиасбергом действительно было немало общего. Интеллигентный Александр Аркадьевич часть прибыли вкладывал в киноискусство, пригласив Фадеева написать музыку к фильму “Триумф”. В свою очередь Макс убедил бизнесмена разделить коммерческие риски по своим остальным проектам.

...Принято считать, что первое впечатление является определяющим. Первое впечатление от посещения “Нового взгляда” – здесь во всем чувствовалась Европа. В разгар рабочего дня оживленно, но без суеты. Вместе с поэтом Ильей Кормильцевым, с которым Макс планировал сотрудничать, мы оказались в просторном директорском кабинете. Вокруг – море солнца, море аппаратуры и море обаяния, исходившего от Фадеева и Элиасберга.

Познакомились, обменявшись дежурными комплиментами. Сразу бросилось в глаза, что Максим – свободный человек. У него свободная походка, на нем непринужденно болтается свитер, сверху – какая-то креативная жилетка. Брюки развеваются, как паруса. С шеи свисает непонятный черный шнурок. На правой руке – кольцо, на левой – швейцарские часы.

Мне показалось, что в ходе беседы его мысли находятся в двух местах одновременно – в Москве и Германии. Там за толстыми стенами немецких студий заканчивалась запись его нового проекта.

Без ненужной раскачки нам поставили экспериментальный клип на песню “Я смотрела вперед”. На фоне индустриальных труб и стен

цементного завода светловолосая девушка пронзительно пела под жесткий гитарный аккомпанемент. И почти никакой электроники и трип-хопа, с которыми у меня всегда ассоциировался Фадеев.

...Первоначально новый проект назывался “Тату”. Правда, вскоре это название запатентовал ушлый психиатр из Саратова по фамилии Шаповалов. Такое бывает – кто первый, тому и тапки. Но Фадеева интересовало не название. Фадеева интересовала суть.

Мотаясь между Франкфуртом, Прагой и Москвой, он записывал саундтреки для европейских киношников, параллельно делая первые шаги в сторону жесткой гитарной эстетики. “После долгих размышлений я решил создавать музыку, которая в корне отличается от того, что я делал раньше, – говорил Максим, нога которого отстукивала никому не ведомый ритм. – Это будет драйвовая гитарная волна. И только живая. Я отошел от частого применения компьютера – в Европе становится модным не брит-поп, а музыка более тяжелого плана, типа HIM и Guano Apes. Вот в этом направлении мы и пытаемся двигаться”.

Как я узнал позднее, на этом отрезке жизни Макс мог воспринимать исключительно жесткий рок. В частности, слушал Guano Apes, двойник Nine Inch Nails, новый HIM и всего Курта Кобейна.

Группу, готовую сыграть подобную музыку в России, Фадеев собирал по частям. Вокалистка Марина Черкунова и гитарист Гена Гаев – из Кургана, диджей Аня Корнилова – из Волгограда, ритм-секция – из Москвы. Первоначально они записали трип-хоповый альбом в Германии, но Максу эти эксперименты показались похожими на линдовскую “Ворону”. Как выяснилось, эту запись Фадеев то ли потерял, то ли уничтожил, – тайна, покрытая мраком...

Музыкальная истина рождается в муках. Фадеев никогда не искал легких путей. У каждого неординарного музыканта свой “путь самурая”. Но в случае с новым проектом Макс, похоже, был доволен результатом. “Я убежден на сто процентов, что эта группа займет достойное место, – в его голосе неожиданно зазвучали металлические нотки. – У нее будет свой слушатель, потому что этот проект сделан мной. А значит – он сделан качественно”.

Дома на четырехполосных колонках я прослушал новые песни Фадеева. То, что я услышал, меня удивило. И впечатлило. Много гитар, выведенная на первый план барабанная “бочка”, живые скретчи. Над мелодичной гранжевой фактурой неистовствовал сильный женский голос: “Не гони тоску на меня!!!” В одной из композиций даже промелькнул рэп в исполнении самого Фадеева. На энергичном инструментальном фоне

несколько хромали тексты, но это искупалось драйвом и стеной плотного гитарного звука, непривычного для русских групп конца 90-х.

“И насколько такая музыка автобиографична?” – осторожно спросил я Макса на следующий день.

“Понимаешь, со мной часто происходят невероятные происшествия и аномалии, – выдержав долгую паузу, ответил Фадеев. – Я пережил два инфаркта, операцию на сердце. Перехоронил почти всех друзей. Один утонул, второй погиб. Третий мой близкий друг... Мы возвращались из Германии, ехали по автобану. Лопнуло колесо, и мы на огромной скорости вылетели на встречную полосу. В нас врезался трейлер... Я сломал себе ребра, а другу снесло голову – на меня вылетели его мозги. Я провалялся несколько месяцев переломанный, но жизнь все-таки продолжалась. Такие вещи не могут породить во мне легкую и веселую музыку. В лютом депрессняке все и пишется. Если я прихожу в студию в тяжелом настроении, никакая техника не работает – ни пульт, ни компьютер. Я – депрессивный композитор, причем депрессивный до стадии нирваны. Я сам впадаю в нирвану, когда делаю музыку, и происходит это без наркотического воздействия. Потому что музыка – это самый сильный наркотик”.

Мне нравилось, что Фадеев говорит откровенно, – значит, доверяет. Хорошо. Но на его доверие надо было отвечать тем же. И я решил спросить Макса о том, о чем спрашивать, в принципе, не планировал. “Мне в твоём проекте нравится почти всё: плотный звук, драйв, мелодии, аранжировки, саунд... – Самый сложный вопрос я дипломатично задал в конце: – Но, Макс, ты ведь знаешь, что у этой группы реально слабые тексты... В них нет ни послания, ни идеи, ни философии...”

“Ну что тут сказать, – перебил Фадеев. – Я ведь музыкант, а не поэт. Пытаюсь общаться и сотрудничать с поэтами – мне ведь самому не написать: „Чингисхан и Гитлер купались в крови, но их тоже намотало на колеса любви“... Так и должно быть, должно наматывать на колеса! У меня так не получается... Я ведь не поэт и не текстовик. Я просто пытаюсь передать эмоциональное состояние и отлично знаю все недостатки своих текстов, если их так можно назвать”.

Через несколько дней мы вместе с Фадеевым и Элиасбергом собрались на совещание. Работа над альбомом подходила к концу, настало время снимать клип и запускать в радиоэфир первый сингл. Макс предложил нестандартную для России тактику “песни-разведчика”. Суть ее состояла в следующем. Вначале в эфир выбрасывается ординарный “медляк” “Не гони”. Он, словно рекламный ролик, пропагандирует группу, собирает

мнения и сканирует информацию. И только потом, после кропотливого анализа, в эфир ставится беспроектный эротический боевик “Камасутра”.

“Я знаю, что „Камасутра“ всех порвет – радиостанции будут драться за наши песни”, – уверенно заявил Макс. На том и порешили. Первый клип будет сниматься на “Не гони”, второй – на “Камасутру”. Другой вопрос, который тревожил всех, – у проекта до сих пор не было названия. После украденного слова “Тату” оставалось еще несколько вариантов: “Гуарана” (энергетическое средство из семян лианы), английское “Total” и, наконец, “Габилло” – слово, смысл которого никто не знал. Оно приснилось Максиму ночью и очень ему нравилось.

Меньше всего шансов было у Total – со слов Фадеева, оно категорически не устраивало гендиректора “Нашего Радио” Михаила Козырева – в частности, из-за своего “нерусского” написания. Оставить это название означало идти на конфронтацию чуть ли не с единственной радиостанцией, которая крутила такую тяжелую музыку.

Споры затянулись до глубокой ночи. Аргументов было немного, преобладали эмоции. “Надоела мне эта полемика, – устало сказал Макс, которому утром надо было улетать в Прагу. – Выбирайте что хотите”.

Выбирать пришлось мне с Элиасбергом. Времени оставалось в обрез – уже на следующий день мне надо было сдавать на верстку большой материал о новой фадеевской сенсации.

Ночью не спалось. Слово “Габилло” мне не нравилось на подсознательном уровне и почему-то ассоциировалось с гориллами. В “Гуаране” смущало два момента – явная аллюзия на Guano Apes и неприкрытые наркотические реминисценции. В итоге где-то под утро я остановил свой выбор на Total. Разбудил Элиасберга, который выслушал мои тезисы и, похоже, не слишком обрадовался. “А как же „Наше Радио“?” – сонно спросил он. “Ни хуя, прорвемся”, – уверенно заявил я и отослал по электронной почте статью про группу Total в печать.

2. Страсти тибетских лам

Я – ворона. Я учу тебя, как стать вороной. Когда ты научишься этому, будешь оставаться бодрствующим и будешь свободно двигаться. Иначе всегда будешь приклеен к земле – там, где ты упал.

Карлос Кастанеда

Перед очередным отъездом в Прагу Фадеев пригласил меня в студию – послушать наброски новых треков и пообщаться. Это было кстати – к тому времени я уже договорился с рядом изданий об интервью с одним из самых загадочных и противоречивых персонажей отечественного шоу-бизнеса.

...Затерявшийся между серыми московскими девятиэтажками кинотеатр “Ханой” пригрел в своих недрах бывшую пугачевскую студию, которая теперь называлась “SBI Records”. Я был в курсе, что здесь производился ремастеринг легендарного альбома “Банановые острова” и вообще тут работают одни из самых опытных звукорежиссеров страны. Теперь я знал, где во время своих набегов на столицу творит Макс Фадеев.

Я спустился по пыльной цементной лестнице в подвал кинотеатра, открыл массивную дверь и... поразился контрасту. На улице стоял индустриальный лязг ясеневских новостроек, а внутри студии царила полная тишина.

“Безделие – начало бедности”, – написано крупным шрифтом на стенах. Не знаю, как насчет бедности, но сидеть без дела – это явно не про Фадеева. За стеклянной перегородкой он что-то увлеченно конструировал.

Ожидая окончания студийной работы, я задумался. Что я знаю о Фадееве? Прямо скажем, немного. За его плечами – гиперстильный проект с Линдой, который собирал стадионы. Правда, коммерческая подача Линды на страницах массмедиа мне была не близка – так тогда раскручивали, к примеру, Алсу, Юлу или певицу Каролину. От заголовков “Новая русская экзотика” (или “В ее глазах – тибетская мудрость и русская загадка”) за версту веяло заказухой. Я, конечно, слышал о том, что родственники Линды – успешные банкиры, но не так же явно, блин...

Контент рекламных материалов в глянцевах журналах казался мне искусственным. Статьи из серии “Линда – подруга дельфинов” слабо способствовали продвижению артистки на музыкальный рынок. Когда я

читал о том, что (цитирую дословно) “альбом „Песни тибетских лам“ успешно конкурирует по количеству проданных экземпляров с творениями Сюткина, Шуфутинского, Сташевского” , у меня возникало ощущение, что подавать фадеевские опусы можно куда более креативно. Мне было с чем сравнивать...

Правда, сам Макс на этом откровенно безликом фоне был безупречен. Я с нескрываемым удовольствием слушал экзотические “Танцы тибетских лам”, а также фантастические альбомы “Ворона” и “Песни тибетских лам”, предвосхитившие ряд стилистических находок продюсеров Мадонны.

Вокруг загадочного “явления природы” под названием Линда парили безупречные клипы, магия таинства и... ни одного концерта в Москве. Атмосфера ожидания и постоянно возрастающего напряжения. Многократно переносившийся сольник. Скандально отмененное выступление на фестивале “Максидром”. За всем этим стояла невидимая, но явно титаническая работа человеческого мозга. Словно окружающий нас мир – громадная шахматная доска, которой управляют не люди, а компьютеры. Точнее – компьютерные центры. Через несколько минут мне предстояло пообщаться с их предводителем.

...Закончив творить, Макс удобно уселся в уютном чилл-ауте. Он, похоже, никуда не торопился – идеальное время для вечерних бесед. Принесли чай, и мы разговорились.

“Расскажи мне свою жизнь”, – я включил доверительность и диктофон одновременно. И замер в ожидании. Передо мной стояла нелегкая задача – вывести Фадеева на откровенный монолог, связанный с освещением закрытых для прессы тем.

Макс родился в Кургане, рано увлекся музыкой, получил диплом дирижера-хоровика. Вскоре стал лауреатом конкурса молодых исполнителей в Ялте. Там он пел свою песню “Танцуй на битом стекле” и кавер-версию “Джулии” группы “А-Студио”. В итоге занял третье место и получил приз в пятьсот рублей – аккурат на обратный билет в Курган.

“В советское время, чтобы заявить о себе, нужно было выступать на конкурсах, – по-детски беззащитно улыбался Максим. – Там судьи поднимают палочки с цифрами, словно на собачьих бегах. После Ялты ко мне пришла известность. Лайма Вайкуле сказала, что я – чудесный. Матецкий сказал, что я – расчудесный. Меня „начали знать“”.

Захватив из Кургана стратегические запасы тушенки и сгущенки, Фадеев с женой переехал в Москву. Макс снял квартиру, пел на бэк-вокале у Леонтьева. “Я фактически не вылезал из студии, – грустно вспоминал Фадеев. – Начинал как аранжировщик, которому платили по пятьдесят

долларов за композицию. Это было недорого, но быстро и качественно. Я выполнял аранжировку в течение четырех-пяти часов. Поэтому ко мне выстраивалась очередь. Кто приходил в студию, с тем и работал. Потому что я уже знал, что такое голод. Как-то мы с женой в поисках еды открыли все ящики на кухне, но ничего не нашли. Мы начали рыться и отыскивали картофелину, которая завалилась за газовой плитой. Мы ее сварили и ели два дня. Это был 90-й год”.

В то время Фадеев вовсю писал галлюциногенные опусы в духе “Белый снег – кокаин” – дефицитные гимны московской богемы, невостребованные и гениальные одновременно. Их час пробил спустя десяток лет, когда без какой-либо рекламы были переизданы “Время диких зверей” и “Танцуй на битом стекле” – грандиозные концептуальные альбомы, в которых заключена идеологическая платформа раннего Фадеева.

Безусловно, в начале 90-х Макс, как никто другой в России, реально опережал время. Масса источников вдохновения, но в первую очередь – Питер Гэбриэл, пластинки которого звучали у Фадеева и дома, и в студии, и в машине.

“Когда я впервые услышал „Don’t Give Up“, то чуть не бросил музыку вообще, – признается Макс. – В какой-то момент мне показалось, что никогда не смогу сделать ничего подобного. У Гэбриэла всегда навалом нюансов, все живет, все дышит – как муравейник. Он очень тонко чувствует музыку”.

В то время Макс много занимался киномузыкой – начинал с кинопроекта “Синяя армия”, идеологами которого были совсем еще молодые Степа Михалков и Федор Бондарчук. В фильме должен был сниматься Сергей Федорович Бондарчук, но в связи с его смертью проект затух.

На пике андерграундного забвения Фадеева Федор Бондарчук познакомил его с Линдой. Услышав Линду, Макс в считанные месяцы переключился на world music и трип-хоп, разглядев в голосе девушки некую необычность.

“Она – как пластилин, – отхлебывая из чашки зеленый чай, говорил Фадеев. – В нее можно добавлять красок. Ты просишь, а она добавляет”. Когда красок не хватало, в студию приглашались бэк-вокалистки: от опытной Ольги Дзусовой до семилетней тогда Юли Савичевой, будущей участницы конкурса “Евровидение”.

Буквально за год Максом были написаны “Танцы тибетских лам” и один из самых значительных альбомов 90-х – “Песни тибетских лам”.

Несмотря на наличие таких суперхитов, как “Мало огня”, “Беги на цыпочках” и “Танец под водой”, массовое признание пришло к тандему Линда—Фадеев не сразу.

На первых порах песни Линды на радио не проходили. Страна слушала хиты группы “На-На”, Кая Метова и Андрея Губина. Песни Линды ставились программными директорами в пресловутый “лист ожидания”. Изредка мелькали в ротациях “по коммерческим расценкам”, когда у радиостанций буквально выкупалось рекламное время и использовалось под трансляции. Так еще никто не делал. Это были новые и недешевые технологии, примененные для того, чтобы Линду все-таки услышали. Ради этого стоило проламывать стены.

В конце 96 года вышел альбом “Ворона”, разошедшийся тиражом в несколько миллионов экземпляров. Это был пик сотрудничества Макса с Линдой.

В этот момент у Фадеева внезапно умерла дочь. Ошиблись врачи. Макс замкнулся в себе, целиком сконцентрировавшись на музыке. Он резко похудел и стал весить шестьдесят пять килограммов. Линда казалась для него выходом из тупика. Теперь он не только создавал музыкальную оболочку проекта, а занимался буквально всем – начиная от дизайна альбомов и заканчивая моделированием общественного имиджа.

“Линда всегда была недоступна, – вспоминал навигатор “Нашего Радио” Михаил Козырев. – Мне потребовалось немало времени, чтобы распознать методологию Фадеева. Линда не умела говорить публично, что часто случается с артистами. Макс выстраивал ей систему координат для каждого нового альбома, насыщал ее необходимыми словами, терминами, понятиями и „выпускал“ на несколько ключевых, тщательно контролируемых интервью. Невероятно эффективный метод в подобной ситуации”.

“Я никогда не влезал в интервью Линды, а просто контролировал этот процесс, – терпеливо пояснял мне Фадеев. – Чтобы не задавались провокационные вопросы, на которые артистка не готова отвечать... Существуют вопросы, которые применяют почти все журналисты. Вычислить их не так сложно – около ста двадцати основных вопросов, которые могут возникнуть по ходу интервью. И после консультаций с психологом пишутся психологические тесты – возможные вопросы и возможные ответы, возможный уход от вопроса. Это западный опыт. В связи с этим нами были подготовлены материалы, которые ставили враждебно настроенного человека в тупик. Линда отвечала на вопросы резко и лихо. Отвечала фразами, которые были высчитаны психологом.

Ответ зависел от того, каким по счету был задан тот или иной вопрос. Журналист оставался в состоянии нокдауна, а затем писал, какая была странная атмосфера и какие были странные ответы”.

В музыкальной и журналистской среде многие считали, что Фадеев с Линдой – конченые наркоманы. Как минимум – анаша. Вдобавок ко всему пресса подхватила мастерски запущенный слух о том, что Максим с Линдой – двоюродные брат и сестра. Которые, по-видимому, насмотрелись психоделических снов.

“У меня в жизни и так полно глюков, – рассказывал Макс. – Во время записи „Вороны“ мы вышли на улицу и увидели на деревьях, на фонарях тысячи ворон. Мне стало страшно, и я вернулся в студию. Самое жуткое, что птицы молчали – а ведь вороны никогда не молчат. Со мной подобные вещи стали происходить после того, как в шестнадцать лет я перенес клиническую смерть. Семнадцать минут мое сердце не билось. После этого я стал видеть мир иначе. Я, например, порой мог прочитать мысли человека, сидящего напротив”.

Переставляя кассету в диктофоне, я смутно догадывался, что мне поперла реальная удача. Так откровенно Фадеев ни с кем из журналистов не разговаривал. Я догадывался, что в разгар своих “охотничьих рассказов” Макс мог, не сбавляя скорости, слегка приврать. Но это не отталкивало. Это интриговало.

...Не останавливаясь на достигнутом, я попытался копнуть еще глубже. “Расскажи про разрыв с Линдой, – перескочил я на закрытую тему. – Это нужно для работы”.

Вопрос оказался не из легких. Я много раз слышал версию, распространяемую окружением Линды. Она была связана с тяжелым характером продюсера и невыполнением им ряда финансовых обязательств. Но была и другая правда – точка зрения Макса. Вот только согласится ли он ее озвучить?

Вопреки опасениям, Фадеев не соскочил с вопроса. С его слов, камнем преткновения стала проблема эволюции имиджа артистки. Пигмалион-создатель Линды настаивал на кардинальной смене образа. Первоначально у певицы был провокационный имидж – с пирсингом, татуировками, специальным гримом, экзотическими нарядами. Потом наступил период “настоящести”: обычное каре, черный плащ, черные брюки. Другими словами, ничего лишнего. Но в один прекрасный день Макс предложил нечто новое – эпатировать публику сумасшедшим клипом, в котором Линда была бы в смирительной рубашке. А затем, мол, надо сделать паузу на два года и стать наглухо закрытым человеком. Не сниматься в развлекательных

телепрограммах, не давать интервью, не играть концерты.

“Любому бегущему человеку нужно останавливаться и отдыхать, – считал идеолог Линды. – Чтобы он не упал и не загнулся”.

Фадеев мечтал отдышаться и приготовить мощный удар. Но жизнь брала свое. Про паузу никто из инвесторов слышать не хотел. Со стороны менеджмента на Макса началось давление по срокам – по контракту пора было выпускать “Плаценту”...

Накануне этой записи Макс решил с участием музыкантов, сотрудничавших в рамках проекта, сделать еще несколько экспериментальных треков, выполненных в другой стилистике.

“Я хотел создавать принципиально другие музыкальные продукты, – Фадеев начинал ерзать на диване. – Линда была за это, но люди, ее окружавшие, были категорически против. А я не могу постоянно находиться в одном и том же состоянии. Я – музыкант. А музыкант – человек непостоянный, он должен меняться и мутировать”.

Выпускающая пластинки компания настаивала на централизованном ударе. Ставки делались на Линду и только на Линду. Никаких экспериментов. В какой-то момент атмосфера накалилась до предела, и уставший от бесконечных споров Фадеев решил уйти в свободное плавание.

“Я потерял возможность делать то, что мне было интересно, – вздыхал Макс. – В итоге я не выдержал и уехал в Германию... Линде я отдал свое сердце и душу. Линде я отдал все. Все. Это был мой ребенок. Я любил ее. Я люблю ее. Мне печально, как ее водят сейчас на телепрограммы типа „До 16 и старше“. Это полный маразм, нельзя было катастрофически этого делать. Она должна была оставаться закрытым человеком”.

Было очевидно: в разрыве Фадеева и менеджмента Линды не все гладко. Я вспомнил, как во время одного из совещаний Макс рассказал Элиасбергу про телефонный звонок с угрозами, поступившими ему от неизвестных людей. “В следующий раз не надо вступать ни в какие разговоры, – ответил Александр Аркадьевич. – Будут звонить еще – дай мой телефон. Все конфликтные вопросы я решу самостоятельно. Занимайся музыкой и ни на что не отвлекайся...” На том тогда и порешили.

...Я понимал, что передо мной в студии сидит человек, который в определенном смысле начинает жизнь заново. Совершенно сознательно. Прямо на моих глазах. В этом был риск, в этом был вызов. Но в этом была и игра. Меня приглашали принять в ней участие.

3. Восхождение

Мне бы хотелось делать тяжелый андеграунд, с головой уйти в прогрессивную музыку. Но народу ближе задушевность, лирика...

Макс Фадеев, 1997 год

Вскоре у меня состоялся ключевой разговор с господином Элиасбергом. Нам пора было определяться с нюансами контракта, поскольку на Total работал не я один, а целое агентство. Работы становилось все больше, а еще больше становилось ответственности. Макс жил преимущественно в Праге, поэтому мне приходилось заниматься не только пресс-поддержкой, но и всевозможным локальным промо-тированием.

Как выяснилось, Александр Аркадьевич был категорически против нашего сотрудничества с “Мумий Троллем”, Земфирой и другими артистами. Он настаивал на эксклюзивном обслуживании – мол, для нас существует Total и только Total. Не надо быть чересчур проникательным, чтобы понимать, что подобные волевые настроения шли от Фадеева. Это его стиль, это его амбиции, это его максимализм... Поэтому прямо сейчас нам с Александром Аркадьевичем надо было найти компромисс. Как говорится, плохой мир лучше хорошей войны.

“Цена вопроса?” – устало стряхивая пепел в причудливую этническую пепельницу, спросил Элиасберг. Я понимал, что меня покупали. Прямым текстом. Понимал, что могу называть любые цифры, поскольку агентство находилось в топе. В сфере услуг под названием “систематизированная пресс-поддержка артистов” у нас в 2000–2001 годах была своеобразная монополия. Каталог “Кушнир Продакшн” включал добрый десяток поп и рок-групп, мы обслуживали все летние рок-фестивали, включая “Максидром”, “Нашествие” и “Крылья”. Для продвижения Total на рынок это, безусловно, было сильным аргументом.

Чуть ли не единственная проблема, которая меня тревожила, носила технический характер. Несмотря на наличие целого штата сотрудников, у нас не было постоянного офиса. Исходя из этой реальности, я выставил Элиасбергу три условия: стандартный гонорар, работу с Total на общих основаниях и полное обеспечение технической стороны процесса. Другими

словами, я настаивал на собственном офисе.

Александр Аркадьевич взял время на размышления. Я не парился о конечном результате, поскольку не нагнул и не просил невозможного. Через день Элиасберг согласился.

На поиски места дислокации ушел месяц. 31 октября – аккурат в мой день рождения – нам сделали царский подарок. Мы въехали в новенький офис на Сретенке – рядом с тем местом, где находится клуб “Скромное обаяние буржуазии”. В тот момент я был действительно счастлив. Описывать состояние сотрудников, севших за новые компьютеры, – бессмысленно. Вся офисная техника была скомутирована, интернет работал бесперебойно. С момента первого телефонного звонка Максима Фадеева прошло два месяца.

...Не забыв про день рождения, девушки из агентства подарили мне нового чудо-сотрудника. Акт вручения бесценного подарка состоялся в одиннадцать часов утра в центре зала метро “Чистые пруды”. Сотрудника звали Дюша Макеев. Он стоял в легкой осенней курточке и сильно смущался. У него были отличные рекомендации от общих друзей, поэтому я сразу бросил его в пекло – аккредитовывать прессу на съемки клипа “Не гони”. Примечательно, что в течение нескольких лет Дюша верой и правдой отработывал этот аванс – преимущественно по проектам Фадеева. Мне было крайне приятно читать на пластинках слова благодарности Дюше Макееву.

...Мы с Фадеевым продолжали работать над внедрением в сознание прессы музыки и идеологии Total. Первоначальная стратегия была несложной – использовать Макса в роли информационного магнита. Как человека, который несколько лет не был в России и привез сюда новую музыкальную струю, новую музыкальную цивилизацию.

“Сегодня великий день – мы закончили работу над первым альбомом Total, – торжественно сообщил Макс очередному журналисту, который был отконвоирован в кинотеатр “Ханой” для эксклюзивного интервью. – Вот, послушай. А то не о чем будет вопросы задавать”.

В интервью, которые Макс не давал лет пять, мы акцентировали внимание преимущественно на Total. Запретных тем не было – за исключением Линды. Говорить в радужных тонах об этом периоде жизни Фадеев не мог физически, а говорить плохо не хотел в силу деликатности. Поэтому мы старались эту тему обходить стороной.

“Что касается новых работ Линды, мне кажется некорректным отвечать на этот вопрос по этическим соображениям”, – говорил Макс в тех случаях, когда журналисты, нарушая договоренность, все-таки вторгались

на запрещенную территорию. И все. Всем все понятно. И беседа снова возвращалась к Total.

Мы активно разрабатывали образ вокалистки Марины Черкуновой – в русле слогана “на сцене эта девушка перестает быть человеком”. Королеву, как известно, играет свита. Поэтому эту фразу мы вкладывали в уста ее окружения – от пиарщиков до Макса. Черкунову решено было подавать в прессе как новую рок-амазонку, с устоявшейся психологией женщины-победителя. Для которой состояние войны становится обыденным и естественным. Как пелось в одной из композиций: “Поджигай-гай, поджигай-гай, поджигай меня, подруга...” Такой вот отчаянный вопль метнувшегося к финишу спринтера. Девушка с жестким взглядом и агрессией на сцене. И так далее.

С Мариной мы были едва знакомы, и я предложил ей встретиться. Мы пересеклись в клубе “Республика Beefeater” на Никольской. Первое впечатление – спортивная и волевая блондинка. Со стержнем. Не наглая. Но знает себе цену.

Народу в клубе было немного, и мы могли спокойно поговорить. Это было первое интервью Марины, но она общалась спокойно и уверенно, как будто рядом не было диктофона.

Родилась в Кургане, увлекалась спортом, закончила хоровое отделение музучилища, в котором раньше учился Фадеев. На занятиях студенты пели Гершвина, Берлиоза, Шуберта, Свиридова. Эта часть биографии Марины меня особенно приколола, поскольку в моем воображении рок-гимны Total и “Время вперед” Свиридова – по сути, одно и то же. Не говоря уже о генетическом сходстве музыки Фадеева и Шуберта. Шутка.

Вскоре выяснилось, что в Объединенные Арабские Эмираты Марина попала в середине 90-х – по контракту, который заключил с ней местный клуб. “В Кургане мне не хватало адреналина, – Черкунова пила коктейль “Long Beach” и вспоминала о периоде, когда ее “потянуло на острые ощущения”. – Я не умею сидеть на одном месте, мне хотелось движения... Восток был для меня закрытой и малоизвестной территорией. Это было жутко любопытно. И интересно попробовать себя”.

Со слов Макса, они познакомились в Дубаи, где Марина пела Гершвина и жесткие атональные блюзы. Фадеев впечатлился экспрессивной манерой пения Черкуновой и предложил поработать вместе.

...Я поблагодарил Марину за эмоциональный рассказ. Мне стало понятно, что первоначальный акцент в пиар-кампании будет сделан на экзотику. Вскоре пресс-релиз Total был готов, концептуально стилизованный под сказку про “Тысячу и одну ночь”.

Начало манифеста выглядело лирически: *“Пророкам в нашем отечестве всегда нелегко. История создания Total напоминает арабскую сказку, рассказанную в Европе, где есть ароматы дивных благовоний и экзотическая сексуальность, зажигательная музыка Востока и английский сплин, преодоление трудностей и опасностей, движение по восходящей спирали и внезапные повороты судьбы, ряд загадочных и почти фантастических совпадений. И так...*

Путешествуя по Ближнему Востоку, продюсер Максим Фадеев в одном из клубов Дубаи встретил светловолосую девушку с серыми глазами, поразившую его своей неземной энергетикой. „На сцене она переставала быть человеком, – вспоминает Макс. – Я не знаю, кем она была в тот момент. Она словно улетала в другой мир. И это завораживало“”.

Рассылая по электронной почте “Тысячу и одну ночь” (так я называл пресс-релиз Total), мы надеялись, что журналисты обратят на него внимание. Но я сильно недооценил флегматичность российской прессы. В течение года я прочитал в нескольких десятках изданий огромные фрагменты пресс-релиза, подписанные фамилиями штатных журналистов. С одной стороны, было приятно, что текст оказался столь востребованным. С другой стороны – за державу, конечно, обидно. Не любят в ней люди работать...

В СМИ первые новости про Total были выстроены исключительно вокруг знакомства Фадеева и Черкуновой. Заголовки статей носили преимущественно светский характер: “Тоталитарный роман”, “Тотальный мираж”, “Тотальный успех”, “Макс и девушки нежного возраста”.

Последний заголовок был мне особенно дорог. Дело в том, что, несмотря на стройное спортивное телосложение и искрящиеся молодые глаза, у Марины была взрослая дочь Настя. Прессе знать об этом было не обязательно. На съемках клипа “Не гони” фотографу Наде Лебедевой удалось сделать несколько снимков, на которых Черкунова выглядела чуть ли не двадцатилетней. Никакого фотошопа – просто дневной свет удачно падал на лицо артистки. Так дальше с этой фотосессией мы и работали.

На стартовой стадии раскрутки Total был еще один характерный эпизод, о котором имеет смысл сегодня вспомнить. Незадолго до знакомства с Черкуновой я впервые посетил Дубаи. Так получилось, что мне там (в отличие от последующих визитов) не очень понравилось. Исходя из такого “бесспорного” эмоционального посыла, я убедил Марину и Макса в том, что Эмираты – это лажа. И поэтому они познакомились не там, а в Пакистане – мол, звучит круче и солиднее. По-видимому, говорил я красноречиво – певица и продюсер согласились на эту версию без особого

сопротивления.

В первых интервью эта географическая история из уст Фадеева так и звучала. До тех пор, пока не выяснилось, что по законам Пакистана незамужнюю Марину не могли устроить там на работу. Освещение ее семейного положения никоим образом не входило в наши планы – поэтому в последующих интервью Пакистан спешным образом был вновь переделан на Дубаи. Так в нашей папке с публикациями про Total осталась легкая путаница в показаниях свидетелей...

В декабре 2000 года Total принял участие в юбилейной акции “Cosmopolitan” – с размахом и роскошью журнал отмечал в Манеже собственное пятилетие. В один из дней было запланировано выступление нескольких артистов, среди которых был и Total. Любопытно, что на “разогреве” у новичков выступала жутко модная в том сезоне Чичерина...

К дебютному появлению перед публикой готовились ответственно. Репетировали ежедневно – даже не хватило времени принять участие в ежегодной вечеринке журнала “ОМ”.

В Манеже Total исполнил несколько композиций: “Ну, здравствуй”, “Камасутра”, “Тоска”, “Не гони” и “Дискотека”. Пластика и энергия Марины, демонстрировавшей прямо-таки акробатические трюки, чуть не подожгли стены бывших царских конюшен. Бешеная энергетика и неподдельный драйв, создаваемый гитаристом Геной Гаевым и мощной ритм-секцией, отметали всякие сомнения в том, что Total – это действительно новое слово в музыкальной культуре. Психоделический треск винила Ани Корниловой, яростно читавшей рэп в песне “Ну, здравствуй”, усиливал сюрреалистичность акции, проходившей в ста метрах от Кремля.

Это выступление продемонстрировало своеобразие и космополитичность Total: *“русская группа с нерусским звучанием”*. Как сказал один из музыкальных критиков, “если бы рядом лежал хворост, он бы запылал”.

Концертный саунд Total отличался небывалой плотностью и оказался почти неотличим от студийного. Журналисты долго не могли поверить, что отечественная рок-группа может создавать такую стену звука на ординарной аппаратуре. Первой в это поверила фирма “Real Records”, заключившая с Total контракт на выпуск дебютного альбома.

“В феврале у Total выйдет пластинка, которая ознаменует появление в России новой музыки, – говорил Фадеев в интервью. – Козырев уже сдался. Это довольно благородное занятие – поднять наш уровень восприятия до европейского”.

Спустя месяц у группы состоялся первый сольный концерт, совмещенный с презентацией клипа “Камасутра”. Это был отличный информационный повод, позволявший нам проникнуть в Большую Прессу. Анонсируя это мероприятие, “Комсомольская правда” включила клубный дебют Total в три основных события месяца – аккуратно между приездом No Smoking Orchestra Кустурицы и очередным юбилейным концертом Кости Никольского.

Мы нагнетали ажиотаж. “Группа Total играет музыку, которая должна звучать только вживую, – писал журнал “Афиша”. – И все тонкости студийного звучания, которыми Фадеев владеет, как никто, на концерте останутся за кадром. Великолепный музыкант, Макс скроется за кулисами и, нервничая, будет наблюдать, как его питомцы извлекают нехитрые гитарные риффы. И помочь им в эту минуту он не сможет – как бы этого ни хотел”.

Выбирая место презентации, мы с веселым цинизмом не брезговали ничем. Нам было доподлинно известно, что в конце января в клубе “16 тонн” модный диджей “Радио Максимум” Рита Митрофанова отпразднует день рождения. Мы знали, что к Рите придут ее друзья – от “Иванушек International”, Лены Перовой и Вовы Преснякова до Рамазановой Земфиры и Петкуна Славы. Не воспользоваться таким стечением обстоятельств было бы грешно.

Парой телефонных звонков мы уточнили дату тайной вечери Митрофановой и на голубом глазу назначили презентацию “Камасутры” именно на этот день. Проводить презентацию подобным образом было единственным более или менее честным методом – как рыбку съесть и не простудиться. Во-первых, телекамерам нужно снимать светских персонажей. А во-вторых, из своего недолгого общения с Максом я понял, что у идеолога Total нет дурной привычки присутствовать на собственных пресс-конференциях.

Зато в “16 тоннах” присутствовала масса друзей Фадеева: Илья Кормильцев, Михаил Козырев, Алена Михайлова, земляки из Кургана. Лично меня в самый разгар этой акции потряс Козырев. Когда во время пресс-конференции я подошел к нему с микрофоном, он выдал нереально эмоциональный монолог, посвященный Фадееву. Каким-то чудом он сохранился у меня на кассете:

“Продюсер группы Total – один из тех людей, знакомством с которым действительно можно гордиться. Это фантастически одаренный человек, у которого, к сожалению, такая судьба – он выдает нам что-то, на несколько лет опережающее время. Приходит такой весь радостный и говорит:

„Смотрите, вот...“ А мы ему отвечаем настороженно: „Это что такое?!“ И нам, как правило, требуется несколько лет, чтобы догнать, что же именно он, собственно говоря, хотел сказать. Так было, если вы помните, и с его сольными проектами, так было и с его предыдущим артистом... Когда лет пять назад мы впервые рискнули поставить в эфир „Радио Максимум“ его предыдущие песни, то я слышал от своих коллег: „Неужели это может кому-то нравиться? Объясните мне: это что? Рок? Или это попса? Что это вообще такое?“ А потом, лет через пять, все начали чесать в головах и говорить: „Как же мы не воткнулись в это вовремя? Как же здорово все было!“ То же самое происходит и сейчас. Вот перед вами сидит группа Total – фантастического качества продукт, европейского. И дай бог, чтобы его не постигла та же судьба. Поэтому обращаюсь ко всем людям, которые интересуются музыкой... Попробуйте это понять! И не прощелкайте!”

После речи Козырева в зале наступило небольшое остолбенение. И тут пришло время разрядить обстановку. Тут же мы затеяли легкий скандал, показав “по ошибке” не тот вариант “Камасутры” – с якобы неотредактированным эротическим фрагментом, который не вошел в клип. Тишина во время просмотра этого софт-порно стояла такая, словно в Доме кино демонстрировался неизвестный фильм Тарковского. Гробовое молчание царило до тех пор, пока кто-то из администрации Total не заорал как резаный: “Это ошибка, это ошибка! Дима, немедленно останови порнуху! Это не та „Камасутра“, Дима!!!”

Когда страсти улеглись, у какой-то журналистки хватило ума поинтересоваться у музыкантов, чем именно закончился “неприличный” вариант клипа. “Естественно, тотальным оргазмом”, – пряча улыбку, изрекла Черкунова. “Ой, а можно посмотреть?” – “А вы что, оргазма не видели?” – радостно ответили музыканты. Неудивительно, что буквально на следующий день вся желтая пресса захлеб писала об “увлекательной, нестандартной презентации” нового эротического клипа Макса Фадеева.

Стоит отметить, что на концерте в “16 тоннах” Total превзошел сам себя. “Саша, подними вокал”, – обратилась Марина в темноту к звукорежиссеру Александру Катынскому. Шоу началось. Специально привезенный в клуб дополнительный свет мерцающими вспышками лупил зрителям прямо в глаза. Гитаристы, окруженные целой батареей звукообработок, разрезали мглу короткими соло, словно трассирующими пулеметными очередями. Всё живое потонуло в аммиачном дыму, выкриках зрителей и атмосфере некой урбанистической психоделики...

Марина, которую пресса тут же нарекла “хищной девушкой, напоминающей раннюю Дебби Харри из Blondie”, рубилась так, словно это

было ее последнее выступление. Гибкая металлическая лоза Черкуновой реально подбиралась к сердцам зрителей. Улыбалась краешком стальных губ, гнала к горизонту жестким вокалом и потоком шершавых ударных. Обвивала телекамеры, летала по сцене в черной лыжной шапочке и сноубордистских штанах. Прыгала под потолок, размахивала руками и ногами, имитировала приемы кун-фу, пела в унисон с гитарами. Их рев был слышен на улице, а от грохота барабанов сотрясались стены модного пивного паба.

“Вы что, всегда так громко играете?” – спрашивали у гитариста Гены Гаева потрясенные телевизионщики. Прямо на наших глазах группа Total обростала собственной мифологией.

4. Как закалялась сталь

Сезон 2001 года характеризовался чудовищной по своей агрессивности пиар-атакой группы Total на медиа.

Журнал “Stereo & Video”

Жизнь в это время была ключом. После долгих переговоров в Москву в рамках мирового тура должен был приехать великий и ужасный Marilyn Manson. На разогреве в роли special guest планировалась новая американская хэви-сенсация Papa Roach. Когда я связался с организаторами, выяснилось, что калифорнийцы Papa Roach звучат на сцене чуть ли не круче Мэнсона. По крайней мере, так утверждал идеолог акции Михаил Козырев. На вопрос, есть ли у Total шансы сыграть две-три песни перед Papa Roach, Козырев лишь рассмеялся.

Дальше начались приключения. Вначале выяснилось, что в связи с сильным снегопадом трейлеры со сценическим оборудованием застряли где-то в степи. Тонны света и звука буксовали в русских сугробах. Из-за проблем с транспортировкой аппаратуры концерт задерживался на сутки. Администраторы пили валокордин литрами, а Мэрилин Мэнсон вальяжно разгуливал по Старому Арбату без макияжа. Он еще не понимал, в какую страну чудес попал.

Беда не приходит одна. На следующий день охреневшие организаторы узнали о болезни Коби Дика – вокалиста Papa Roach. На разогрев Мэнсона теперь претендовало сразу несколько русских групп. Наибольшие шансы, по мнению Козырева, были у IFK, но они совершили чудовищную ошибку, запросив за выступление две тысячи долларов. Паштету сказали: “Прощай”, причем, похоже, не только в отношении концерта.

За сорок восемь часов до начала акции место разогревающей группы было все еще вакантно. Дальше произошло то, за что я, собственно говоря, и люблю жизнь. Бизнес-партнер Козырева и мой боевой друг Володя Месхи заглянул по случаю в Центральный Дом художника, где в рамках музыкальной выставки “Record-2001” проходило выступление Total.

Акция состоялась не в концертном зале, а прямо в лабиринтах второго этажа. Более сложное место для команды, играющей гитарный рок, придумать непросто. Но Total в этот день был в ударе – от их напора со

стен свалилось несколько картин художника Айвазовского, а также часть экспозиции “Пираты XXI века”. Офигев от запредельной громкости, администрация ЦДХ вырубил Марине звук на пике ее “Камасутры”. Затем сцену оцепили хмурые люди в форме ОМОНа. Это была несбыточная мечта любого пиарщика – третье в истории выступление Total закончилось классическим винтом.

“Смотри, смотри, какие они классные! – повис я на Месхи, с которым мы прошли огонь и воду кучи рок-фестивалей. – Вова, не выебывайся, срочно звони Козыреву. Лучшей группы для разогрева вам не найти! Поверь – они просто в охренительной форме! Это то, что вам нужно! Что доктор прописал!”

Меня несло, но несло убедительно. Месхи, согласившись с рациональностью доводов, набрал телефон Козырева. После короткой, но жаркой беседы Михаил Натанович капитулировал. Это был наш звездный час.

Вначале я позвонил Фадееву, потом Элиасбергу. “Есть новость, – говорил я рубленным телеграфным стилем. – Послезавтра играем вместе с Мэрилином Мэнсоном. В „Олимпийском“”.

Оба деятеля шоу-бизнеса рухнули со стульев одновременно. Под этот ласкающий слух грохот мы с Месхи вальяжно подошли к музыкантам.

“Ну что, круто мы сегодня сыграли?” – задиристо спросили они. “Круто, круто, – вежливо ответил я. – Ну, раз вы такие крутые, может, вы еще вместе с Мэнсоном сыграете?”

“Легко!” – бодро ответила Марина. Они думали, что я шучу. В предвкушении грядущей развязки Месхи пытался не улыбаться. “Хорошо, – спокойно сказал я. – Читайте, что договорились. Выступаем в „Олимпийском“ послезавтра. Играем пять песен. Саундчек – в пятнадцать часов”.

На лицах музыкантов, только что сыгравших свой третий концерт, появился настоящий, неподдельный интерес к жизни. Такой, какой теоретически мог возникнуть у футболистов сборной России, если бы им предоставили возможность переиграть отборочный матч на “Euro-2000” с командой Украины.

Музыканты понимали, что это их шанс. Понимали, что их приглашают как “разогревающую группу” – что автоматически означало массу проблем. Но действительность превзошла все ожидания.

Мы были никто. Пропуска на сцену выдали даже не всем участникам группы. Свой бэджик я отдал звукорежиссеру Саше Катынскому и тупо купил в кассе билеты – себе и Дюше. Таковы правила игры, и мы были

вынуждены их принимать. За сцену пустили не всех, поэтому часть аппаратуры пришлось тащить на себе Марине и Ане. Роуд-менеджер Мэнсона – двухметровый негр со зверской улыбкой – не выделил музыкантам Total времени на саундчек. “Мы чувствовали себя уродиками, – вспоминают музыканты. – Мы не могли общаться, потому что с нами никто и не хотел общаться”.

На войне как на войне. “Трое юношей и две девушки смело шагнули в клетку с тигром, – писал на следующий день “Московский Комсомолец”. – Total вышли перед многотысячным залом, алчущим лишь летающих гробов, электрических стульев и загробного рыка кумира”.

Вдобавок ко всему незадолго до начала акции мы выяснили, что звук с пульта Катинского идет на сцену через пульт Мэнсона. Где во время концерта его с азартом гасил американский звукорежиссер по имени Билл. В итоге мощнейший по своей природе саунд Total звучал в “Олимпийском” где-то на уровне ДК “Каучук”. Гитару Гаева никто в зале не слышал, а звук в мониторах отсутствовал как класс. Световое оформление напоминало дискотеку в сельском клубе.

Было понятно, что качественный свет и звук приберегли для Мэнсона, который в этот вечер звучал раза в два громче, чем Total. Распространенная практика искусственного выделения хедлайнера подтвердилась в “Олимпийском” на все сто процентов.

В гримерку после выступления музыканты ввалились мокрые и злые, как черти. Дышали тяжело, словно прошли на лыжах дистанцию в тридцать километров. Не надо быть тонким психологом, чтобы понимать, из какого ада они вернулись. Но я понимал и другое. Что это и есть взросление. Что это и есть столь необходимый стадионный опыт, который, выступая по клубам, не приобретешь ни за какие деньги. Что только так происходит восхождение.

“Еще до концерта нам сказали: „Ребята, держитесь, будет плохо“, – вспоминает Марина. – И мы держались. Хотя от напряжения можно было заработать разрыв сердца. На второй песне мне просто хотелось положить микрофон и уйти. Когда отыграли, стресс начал отходить. Мы посмотрели свое выступление в записи, и нам понравилось. Потому что все было достойно”.

“Total, к их чести, держались пристойно – для четвертого в жизни выступления группы”, – писал в рецензии на концерт журнал “FUZZ”.

Подводя итоги этой авантюры, можно было смело заявлять, что на третий месяц существования группы о ней узнали буквально все. После концерта в “Олимпийском” мы получили море прессы – каждый

журналист, обозревавший выступление Мэрилина Мэнсона, счел необходимым упомянуть про Total. Отклики были разные – от хвалебных до разгромных, но это было признание. Сразу вспомнилась любимая поговорка политтехнологов о том, что любое упоминание о твоих клиентах в прессе – это замечательно. Кроме некролога.

...Но наша дорога была усеяна не только розами. Несмотря на шумную презентацию в “16 тоннах” и приключение с Мэрилином Мэнсоном, радиостанции музыку Total практически игнорировали. Вопреки прогнозам Макса, “Камасутра” никого не порвала, а вяло крутилась в эфире “Нашего Радио”, дойдя в хит-параде лишь до двенадцатой позиции. Похожая картина происходила и на телевидении. Программные директора ностальгически вспоминали Линду, поставив на Total клеймо тяжелой и неформатной группы.

Это был тот редкий случай, когда интуиция подвела Макса. Музыкальный менталитет российских слушателей, с молоком матери впитавших мелодичную и распевную музыку, за несколько месяцев выйти на европейский уровень не мог по определению. Фадеев подзабыл, что в России всегда молились на Beatles, а не на Rolling Stones.

Готовый альбом “Total: I” так и не увидел свет. Убедившись, что тяжелая рок-музыка в России востребована исключительно на уровне Кипелова и группы “Ария”, Фадеев был близок к тому, чтобы уничтожить исходники альбома во второй раз. Во всяком случае, получив известие о том, что “Радио Максимум” отказалось ставить “Камасутру” в эфир, он в ярости расколотил свой роскошный телефон.

Со стороны это напоминало тупик. И, как мне тогда казалось, никаких светофоров вокруг не было. Тем более что затраты Элиасберга на продвижение Total превысили все мыслимые бюджеты. Ситуация получалась революционная. Группа была однозначно востребована и уже получила приглашения на все крупнейшие летние фестивали. При этом ее популярность носила исключительно клубный характер.

“Никто не врубается во что-то тяжелое, – говорила Марина, превратившаяся к тому времени из спортивной блондинки в темноволосую девушку-вампа. – Народ, в общем, воспитан на всем известной музыке. И нам приходится эти вкусы ломать. Но мы будем биться – так же, как на Мэнсоне”.

Для настоящего прорыва музыкантам нужен был хит – возможно, не такой утяжеленный, как остальные композиции, но зато – с яркой радиосудьбой. И вскоре такой хит появился.

Новый боевик “Бьет по глазам”, написанный Фадеевым в содружестве

с поэтом Эриком Чантурия, кардинальным образом изменил статус Total. К началу мая на “Радио Максимум” новый сингл побил все рекорды, уже на вторую неделю ворвавшись в “Топ-3”. Спустя еще семь дней “Бьет по глазам” возглавил “Хит-парад двух столиц” “Радио Максимум”. Стало понятно, что вскоре все вершины будут взяты – с искусством, заимствованным из “Камасутры”, или с тотальным напором бронетанковой дивизии – не так уж важно.

Вдохновленный результатом Фадеев выпустил еще один бронебойный хит “Уходим на закат”, который повторил успех “Бьет по глазам”. Также Макс кардинально трансформировал драматургию альбома, заменив концертные боевики “Я прыгаю с моста” и “Воздух” успешными радиохитами. Пострадала концептуальность, но коммерческий потенциал группы возрос.

Итак, дебютный альбом готовился к выходу в третий раз. “Поспешешь – людей насмешишь”. Фадеев решил людей не смешить. Он решил удивлять. “То, что мы сделали с Total, – скорее, некий вызов, – говорил Макс. – Я думаю, что такой музыки у нас еще не было. Не хватало как раз этого адреналина, этого драйва, и все это есть в альбоме”.

Что касается непосредственно группы, то у нее появились два облика: облегченный радиоформатный и утяжеленный концертный, где на первый план вышли такие боевики, как “Я прыгаю с моста”, “Поджигай”, “Дискотека” и измененная до неузнаваемости композиция “Небо” из уничтоженного трип-хопового альбома.

В конце весны – начале лета 2001 года Total, выступив сразу на нескольких крупнейших фестивалях (от “Максидрома” в “Олимпийском” до “Мегахуса” в “Лужниках”), убедительно подтвердил статус новых стадионных рок-героев. Как только у музыкантов появлялись воздух и пространство, они начинали демонстрировать публике свой грязный танцевальный рок.

“Фадееву надо почаще говорить Гене Гаеву, что он – самый лучший гитарист, а диджейке Ане – что она самая симпатичная девушка, – по-дружески советовали Фадееву глянцевого издания. – Тем более что эти утверждения недалеки от истины”.

Летом Total с успехом выступил на “Нашествии-2001” в Раменском. Черкунова и ее команда были приняты многотысячной публикой на редкость тепло. Активная радиоротация и мощный звук сделали свое дело. Громче в Раменском звучала только “Ария”, выступавшая в тот день хедлайнером. Актуальнее Total не звучал никто.

5. Окно в Европу

России катастрофически не хватает подобной музыки.

“Наше Радио”

В конце лета Total выехал в Кельн на фестиваль “Popkomm–2001”. Там группа должна была выступить в обойме с такими звездами, как Игги Поп, Трики, Manic Street Preachers, Foo Fighters, Orbital, Stone Temple Pilots, Red Snapper и Younderboy.

...Мы летели в самолете и сконцентрированно молчали – впереди всех ждала неизвестность. И только младший брат Фадеева Артем, не терявший оптимизма ни при каких условиях, устроил в салоне настоящее one man’s show. Победный настрой в духе пацифистского лозунга “На Берлин!” был задан им еще на высоте 9000 метров. Немногочисленные бюргеры забились по углам, а мы немного приободрились – в глазах Европы-матушки терять нам, по сути дела, было нечего.

После многочасового саундчека Total выступил в культовом клубе “Live Music Hall”, где представил немецкой публике максимально утяжеленный вариант своей программы. Никаких “Бьет по глазам”, но с новым вариантом трип-хоповой песни “Небо” и, как всегда, заводной “Камасутрой”.

Сыгранность музыкантов и ломовой гитарный звук Total просто не могли не произвести впечатление. Вокал яростно лысой Марины, прорывающийся сквозь постгранжевый частокол, в своей кульминации превращался в шаманские заклинания и ведьминские напевы. Я стоял около сцены и с гордостью наблюдал, как ошалевшие от звукового напора скинхеды прорвали ограждение и стали требовать автографы у русской “суперфрау”. Представитель восточноевропейского отделения “Sony” извергал комплименты усталому Гене Гаеву, чье гитарное соло в “Камасутре” произвело мощнейшее впечатление на издавших виды немецких журналистов.

Фадеев мудро улыбался, а мы с Элиасбергом не без гордости снабжали представителей европейских лейблов промо-материалами. В этой ситуации нам жизненно необходимо было презентовать несколько десятков экземпляров альбома. Но полиграфически оформленного компакт-диска

все еще не было – его тираж должен был появиться в России буквально через пару недель.

После возвращения из Кельна в Москве состоялась пресс-конференция, приуроченная к выходу дебютного альбома Total. Для музыкантов это была не просто акция, а некое подведение итогов. Каким-то чудом у меня сохранилась любительская видеозапись этого “праздника неогранжевой культуры”. Вот как это было...

4 сентября 2001 года. Клуб “Б2”. На высоких табуретках расположилось более полусотни представителей СМИ. На экране демонстрируется клип “Не гони”.

Александр Кушнир (*в роли модератора*): У нас очень хитро закручен сценарий этого вечера. Презентация будет напоминать по форме клуб “Кинопутешествия по странам и континентам”. Мы будем мирно общаться, а в паузах смотреть всякие видеонарезки... Мы начали пресс-конференцию с клипа “Не гони” неслучайно. Этот ролик впервые позиционировал Total по телевизору. И надо признать, что мнение экспертов о группе было неоднозначное. Позвольте познакомить вас с оценками ведущих СМИ полугодовой давности.

Газета “Коммерсантъ”: “Ансамбль Total, робко исполняющий истеричные песни”;

“Новая газета”: “Пиратская копия известной немецкой команды Guano Apes”;

Журнал “ОМ”: “Абсолютно мертворожденные Total”;

Журнал “КонтрКультУра”: “Фадеев с космическим размахом стремится лавиной формального качества затопить собственную духовную пустоту”;

Журнал “Ваш досуг”: “Total – это героиновая девочка, поющая подозрительные тексты под подозрительные аранжировки”.

Слава богу, что уже тогда, на самом первом этапе существовали и другие мнения. Одно из них вы сейчас увидите.

На экране – вокалистка Сандра Насиик из Guano Apes: “Я немного слышала русскую музыку. То, что я увидела сейчас, мне очень понравилось. Звучит хорошо – хочется послушать весь альбом. И пусть музыкантам не задают вопрос о схожести с Guano Apes. Я вижу, что у этой группы большое будущее”.

Марина Черкунова (*почти без волос, с выбритым на затылке штрих-кодом*): Добрый вечер. Я держу в руках долгожданный диск. Хочу представить наших музыкантов: Аня Корнилова – диджей, Гена Гаев – гитара, Евгений Никулин – барабаны, Анатолий Караваев – бас-гитара. И,

наконец, человек, благодаря которому вышла эта пластинка, – директор фирмы “Real Records” Алена Михайлова.

Алена Михайлова (*в красной рубашке*) : Я хочу поздравить всех нас с тем, что мы прорвались. Музыкантам приходилось убеждать журналистов и своих будущих слушателей в том, что эта музыка имеет право на существование. Приходилось отбиваться от нападков прессы и их самого любимого вопроса: “Почему Максим Фадеев из-за вас расстался с Линдой?” И это был главный, единственно интересующий всех вопрос на первых этапах. Хочу поздравить с этим прорывом продюсеров и всех, кто имеет отношение к этому проекту. Всех, кто смог убедить радиостанции поставить неформатную музыку. Это было очень сложно сделать. Прорывом это сейчас можно назвать только потому, что вы все здесь, вам интересно то, что происходит. Ко второму дню продаж нам заказали значительно больше пластинок, чем мы рассчитывали. Я считаю, что мы победили.

А. К.: История выхода этого альбома овеяна холодным ветерком мистики. Альбом готовился три года, в трех странах, тремя разными звукооператорами. За это время у него сменилось три обложки, а исходники не один раз уничтожались. Все это криминальное чтиво подробно описано в пресс-релизе, который вы держите в руках. У этой истории счастливый конец – долгожданный альбом Total наконец-то вышел.

М. Ч.: Я благодарна Господу Богу за то, что он свел меня с таким человеком, как Максим Фадеев, который всему нас научил и создал все это. Помимо того, что он является нашим продюсером, он стал нашим другом. Без него моя жизнь не будет целостной... Он очень умен, может объяснить любую ситуацию, которая происходит в жизни. Он очень помогает. Вместе с Максом над альбомом работал его брат Артем Фадеев. Парень просто гениальный – делает со звуком такие чудеса! Спасибо ему.

Николай Фандеев (“Все каналы ТВ”): Сегодня вышел дебютный альбом Total, но еще весной многие музыкальные издания разразились рецензиями на эту пластинку. Скажите, если это дебютный альбом, то на что писались рецензии? Я знаю, что фирма “Кушнир Продакшн” щедро поставляла нарезки и по электронной почте высылала обложки этого альбома.

А. К.: Я могу ответить. У нас в стране очень странные радиостанции. У нас в стране очень странное музыкальное телевидение. И те самые люди, которые сегодня буквально разрывают песни Total на части и борются за то, чтобы группа выступала на их фестивалях, – они эту группу не ставили в эфиры ни в декабре, ни в январе, ни в феврале, ни в марте. Несмотря на то,

что Total уже тогда представлял самодостаточную величину... Исключительно из этих соображений выпуск альбома был приостановлен. Исключительно из этих соображений альбом вышел после того, как группа сыграла на “Максидроме”, на “Нашествии”, на фестивале в Кельне. Этот альбом выходит за три недели до того, как Total будет выступать вместе с Muse в “Лужниках” – в рамках акции русского издания “New Musical Express”. Перед вами сидит группа, которая выдержала в “Олимпийском” испытание Мэрилин Мэнсоном. Я думаю, сейчас она созрела для того, чтобы ответить на все ваши вопросы.

Н. Ф.: Тогда ответьте: чем тот диск, на который писали рецензии, отличается от диска, который вышел сейчас?

М. Ч.: Там просто добавлены некоторые песни. Какие-то пойдут в следующий альбом, какие-то останутся здесь. Просто перестановка композиций произошла. И все. Ничего не изменилось.

Вопрос из зала: У вас замечательный альбом, вы замечательно поете, выступаете... Но все-таки хочется спросить: когда вы встречаетесь с Линдой, вы не плюете ей в лицо?

М. Ч.: Я думаю, вопрос совершенно неуместен. Я никого ни у кого не забирала. Так случилось, что мы встретились с Фадеевым и теперь очень плодотворно сотрудничаем. Мне это нравится. С Линдой мы встречались один раз, до этого мы были знакомы вскользь. Я ее очень уважаю. Она талантливая девочка и делает свое дело так, как умеет. Так, как делают ее люди теперь, без Максима Фадеева.

А. К.: Я представляю ситуацию следующим образом. Есть в Англии продюсер Брайан Ино. И есть артист Дэвид Бирн, с которым Брайан Ино эпизодически работает. И есть отличная рок-группа James, с которой тот же Брайан Ино выпустил не так давно альбом. Судя по вашим вопросам, лидер James Тим Бут должен был подойти к Дэвиду Бирну и срочно набить ему морду. Для профилактики, чтобы Бирн не уводил у James продюсера. Дальше ваша фантазия сделает ряд еще каких-то умозаключений. Поймите, это ведь абсолютно нормально – если сначала продюсер работает с одним артистом, а потом – с другим...

Агентство “Интермедиа”: Хотелось бы услышать ваши комментарии по поводу будущего выступления с самой популярной на данный момент британской группой Muse.

М. Ч.: После Мэнсона нам уже ничего не страшно.

Вопрос из зала: Хотел бы продолжить тему непростого отношения группы Total и Запада. Марина, вас еще не путают на Западе с Кортни Лав?

М. Ч.: No! Не путают.

Газета “Жизнь”: Марина, развеите еще один миф: ходят упорные слухи о непростых отношениях группы Total с неодушевленными предметами, как то: почему группа Total не ест бананы?

М. Ч.: Недавно мы были на съемках MTV, и нам задавали тот же самый вопрос. И, может быть, это были вы. Да едим мы бананы, ребята, очень их любим!

Н. Ф.: Поскольку вы очень хорошо зарекомендовали себя в некоторых странах Западной Европы, скажите, в каких немецких или других западных изданиях об этом можно прочитать? Или, на худой конец, назовите англоязычный сайт в интернете, где со всей этой информацией можно ознакомиться.

А. К.: Вопрос, чувствуется, задал опытный журналист. Неужели ты, Коля, не знаешь, что вся западная пресса скуплена на корню медиа-корпорацией “Кушнир Продакшн”? А если серьезно, я сейчас назову реальную цифру – двести шестьдесят немецких рок-фестивалей за летний сезон. Естественно, перед каждым фестивалем идет мощная рекламная кампания. В частности, накануне фестиваля “Роркомм-2001” была выпущена масса буклетов, в которых анонсируется выступление Total. И еще: в эти три дня в Кельне выступало порядка трехсот групп на пятидесяти площадках. Возможно, что некоторые из этих групп удостоились рецензий в немецких журналах, некоторые – не удостоились. Мы пока не удостоились. Но при этом у Total есть конкретные предложения от фирмы “Indigo”, на которой выпускала свои первые альбомы Р.Д.Нарвей. Группой заинтересовались представители культового лейбла “Orange Pop”. Мы надеемся, что когда контракт будет подписан, пластинка выйдет на территории Западной Европы и мы еще о Total обязательно почитаем.

На экране – фрагмент концерта в “Live Music Hall”.

“Наше Радио”: Марина! А вас не смущает, что в средствах массовой информации пойдет перекличка с образом Маши Макаровой, которая в расцвете своей музыкальной карьеры тоже побрила голову? Все-таки образ будут сравнивать, так или иначе...

М. Ч.: Есть не одна Маша Макарова. Есть масса людей, которые лысые. Вот Гена Гаев, допустим. Есть Шинейд О’Коннор, Чичерина и так далее... Не боюсь я: сравнивайте, пожалуйста. Я считаю, что все равно: лица у нас разные, стиль разный, все разное. Масса людей со стрижкой каре, допустим. Почему же вы их несравниваете друг с другом? Какая разница?

Дмитрий Ломакин (“Собеседник”): Марина, как давно вы стали

замечать, что адреналин бьет вам по глазам?

М. Ч.: Я это замечаю с тех пор, как я начала понимать, что вообще со мной физиологически происходит. До восьмого класса я играла в казаков-разбойников с пацанами, и поэтому адреналин у меня катит всю жизнь.

Дмитрий Сушинский (“СПИД-Инфо”): Я второй раз на вашей пресс-конференции. И почему-то я очень много слышал про Максима Фадеева. Хотелось бы узнать, почему вы его прячете или почему он прячется?

М. Ч.: К сожалению, его нет с нами. Мы тоже расстраиваемся по этому поводу. Дело в том, что он живет не в Москве, а в Европе. Он жил в Германии, теперь живет в Праге. Во-вторых, сейчас он не совсем здоров, поэтому физически не смог сегодня присутствовать на пресс-конференции. На самом деле, я не знаю нюансов, я знаю, что у него есть проблемы. Я не буду это афишировать.

Журнал “New Musical Express”: Что вы сделаете, если Максим Фадеев перестанет с вами работать?

М. Ч.: Мне стало на секундочку страшно. Максим не просто пишет музыку, тексты и продюсирует наш проект. Он еще и является душой, сердцем, моторчиком коллектива. Я знаю, что когда мы пишем альбом, он может сказать два слова – настолько внятных, что просто становишься к микрофону и поешь так, как это нужно сделать. Он – человек, психолог и педагог в первую очередь. Он меня очень многому научил, за что я ему благодарна. А все ребята, которые сидят рядом со мной, очень талантливые. У нас есть масса уже написанных вещей, единственное, что они в рабочем состоянии. А так – набирается на целый альбом.

Журнал “New Musical Express”: Я опрашивал человек пять и слышал такие крики: “Нам не нужен клон Guano Apes!” Вы не являетесь клоном Guano Apes, ни в коем случае. Вы не хотели бы сделать что-то, чтобы вас не сравнивали с ними больше?

М. Ч.: К великому моему сожалению, наши соотечественники привыкли новое сравнивать с чем-либо. Не важно, с чем. Иначе они не могут послушать законченное произведение и дать ему оценку. Обязательно надо с чем-то сравнить.

Журнал “FUZZ”: Я слышала историю про ваш запоротый клип на песню “Бьет по глазам”. Я бы хотела уточнить, что это была за история: кто запорол, почему запорол и что это был за клип. Почему мы его не увидим?

Аня Корнилова: Этот ролик не пропустила цензура. Несмотря на то что клип пластилиновый, он достаточно жесткий, там очень много крови. Но Марина там такая мультяшная, достаточно смешная. Очень большое внимание привлекает этот ролик. Поэтому мы плакали, когда узнали, что

телевизионщики зарубили клип.

А. Кушнир: Ролик “Бьет по глазам”, который сейчас идет на MTV, – это вторая версия клипа. Я считаю, что первая версия, которую не пропустили на MTV, действительно гениальная. Ее сделал Максим Свиридов – человек, который смастерил клипы для групп “Хуй забей” и “Адо”. Сейчас у нас будет возможность этот клип увидеть.

На экране демонстрируется пластилиновая версия клипа “Бьет по глазам”. После его завершения в течение нескольких минут под сводами “Б2” звучат аплодисменты.

А. Кушнир: Спасибо за аплодисменты. Вопреки Станиславскому начинаешь вам верить. Задавайте, пожалуйста, вопросы.

Евгения Соколова (“Молоток”): А за пластилин в клипе группе Total пришлось платить?

А. Кушнир: По идее, подобная любознательность достойна приза “за лучший вопрос пресс-конференции”.

Антон Константинов (“Россия”): Я хотел уточнить по поводу клипа. Чем мотивировали люди отказ его крутить?

М. Ч.: Цензурные соображения. Нам сказали: “Ну, ребята, этот клип не для совка”.

Журнал “Неон”: А что там такого криминального?

М. Ч.: Я искренне не понимаю, в чем здесь криминал.

А. Кушнир: Я предлагаю журналу “Неон” сделать акцию – опубликовать подборку мнений, почему клип Total не пустили на канал MTV. И еще хочется сказать вот что. Я вижу здесь много телекамер и много молодых сотрудников, которым, по-видимому, небезразлично, что происходит на их телеканалах. Если у вас есть возможность, сделайте так, чтобы пластилиновый клип “Бьет по глазам” увидели не сто пятьдесят журналистов, а сто пятьдесят тысяч зрителей. Сделайте это. Пусть это будет авторская программа, пусть это будет легкая ротация, тяжелая ротация, не важно. И клип, и группа этого заслуживают. Без сомнений. Спасибо.

...Через несколько месяцев после пресс-конференции дебютный диск Total стал победителем в номинации “Лучший альтернативный альбом 2001 года” журнала “Неон”. Пресса, словно отдавая долги за свою недавнюю недалёковидность, стремительно зачислила Total в списки своих фаворитов.

Мы с Фадеевым и Элиасбергом с чувством выполненного долга просматривали толстую папку с рецензиями на “Total: I”. На восторженные эпитеты не скупился, казалось, никто. “Лучшая группа, которая когда-либо

рубилась на российских площадках” (“Yes!”), “классный роковый проект” (“Ровесник”), “единственная российская группа с безупречным звукоизвлечением” (“FHM”). И так далее.

На сцене Total смотрелся все увереннее и увереннее. Вскоре Черкунова и Ко прямо-таки взорвали “Лужники” в рамках совместного выступления с Muse, а затем буквально загипнотизировали десятитысячный зал киевского Дворца спорта на фестивале “Просторок”. Весной 2002 года Total уже открывал “Максидром” в “Олимпийском” – до них такой чести удостаивались только рок-гранды уровня “Алисы”, “ЧайФа” и “Мумий Тролля”.

К сожалению, это был пик Total. Как только Фадеев впал в нирвану экспериментов с другими артистами, изготовление нового материала у Total застопорилось. Как выяснилось, самостоятельность и самокупаемость стали для группы нереально тяжелым грузом.

“В какой-то момент музыканты оказались предоставлены сами себе, и все рухнуло, – вспоминает Элиасберг. – У нас были приглашения в тур по Германии с известной рок-группой In Extremo, но очень рискованные с финансовой точки зрения, с негарантированным доходом. Поэтому я в эти приключения решил не ввязываться. И как только Total оказался предоставлен сам себе, вся идея рухнула”.

Мне было печально, что при отсутствии продюсера и инвесторской поддержки Total начал вести столь дискретное существование. Дальнейшая судьба Черкуновой в чем-то напоминала коммерческую историю Маши Макаровой после ее разрыва с продюсером Олегом Нестеровым. С той лишь разницей, что никаких конфликтов между Фадеевым и Мариной не было. Просто в какой-то момент стало понятно, что эпоха Total стала для Композитора вчерашним днем.

...Как-то раз я увидел по телевизору музыкантов Черкуновой в качестве сессионников у Юлии Савичевой. Было грустно. Затем с паузой в пять лет музыканты выпустили второй альбом, но Большой Сенсацией он не стал. Группа по-прежнему желанный гость на крупнейших рок-фестивалях, где, как и раньше, отлично смотрится. Есть только одно “но”.

Мне показалось, что на самом старте мы с Фадеевым запустили в космос красавицу ракету, но, к сожалению, ничего выдающегося с ней не произошло. Она на большой скорости вышла на орбиту, но промахнулась мимо Луны. Как написал в похожей ситуации один из знакомых критиков, “ракета давно уже изменила траекторию, клюнула носом и рассыпалась на тысячи маленьких искр”. Увы.

6. Депрессия

У меня нет особых амбиций, я не требую массовой влюбленности в себя. У меня в жизни было две женщины – первая жена и вторая. Я не современный человек, я не болею триппером. Светская мишура и суета для меня не существуют. Существует только музыка – с ней я могу всё.

Максим Фадеев

Параллельно с Total Композитор конструировал еще полдюжины проектов. Живя в студии сутками и питаясь одними гамбургерами, он моделировал в мозгах некую вторую реальность. Макс думал одновременно в нескольких стилистических направлениях: разрабатывал диско-лаунжевый “Монокини”, синти-панк Глюкозы, поп-альбом Лены Зосимовой, электронный “Турин”, нью-эйджевый Oil Plant, пару саундтреков, а также раммштайноподобный студийный проект DNK.

“DNK – это, пожалуй, самый сильный материал, созданный мной за долгие годы, – говорил Фадеев в одном из интервью. – Я им безмерно горжусь. И если найдется артист, которому я поверю, то я отдам ему эти песни и вложу в него все свое сердце, без остатка”.

В машине Макса я прослушал альбом DNK в минусовой версии, без вокала. Впечатление и впрямь было сильное – разрушающие сознание тевтонские рок-марши, сыгранные на суперсовременных синтезаторах. Звук носился из колонки в колонку, а я с грустью думал о том, какая же радиостанция решится все эти звездные войны транслировать. В голову ничего умного не приходило. Я понимал, что, пойдя на компромисс и облегчив концепцию Total, Макс продолжал двигаться в сторону альтернативного рока. Он неистово верил в свои новые проекты и надеялся, что все они взорвут умы и сердца.

“Мы никуда не отступаем, – любил говорить Фадеев коллегам и единомышленникам. – Мы просто наступаем в другую сторону”.

Приоритеты изменились, и теперь в голове у Композитора бушевали новые страсти и новые революции. “Я сейчас занимаюсь проектом „Турин“, – говорил Макс журналистам. – Для меня это будет как отдушина, потому что это – электронный панк. Очень странная музыка. Я просто

сделаю ее для себя, как хочу. Не пытаюсь подстроиться под моду, подстроиться под слушателя”.

Еще один проект под названием Oil Plant был придуман Фадеевым в Германии – для поколения преуспевающих людей с современным менталитетом, воспитанных на музыке Kid Loco и сборниках типа “Cafe Del Mar”. Европейская раскрутка Oil Plant была связана с затоплением космической станции “Мир”. Телетрансляцию этой постиндустриальной акции показывали на всю Европу по спутниковому телеканалу “Space Night” в сопровождении атмосферной музыки Фадеева.

Тогда подумалось, что на сегодняшний день пиар российской электронной музыки по своим бюджетам, пожалуй, самый крупномасштабный в мире. Под произведения Вячеслава Мещерина мы космические станции запускаем, а под опусы Максима Фадеева – топим. Гениальные пиарщики типа Малкольма Макларена не смогли додуматься до подобных промо-акций даже под воздействием самых тяжелых наркотиков.

...Где-то в этот период мы провели презентацию кинофильма “Триумф”, саундтрек к которому написал Фадеев. “Триумф” представлял собой эдакую подмосковную “Вестсайдскую историю”, в которой дети лимитчиков, круглосуточно находясь “под дозой”, разъезжают на полуразбитых машинах и с переменным успехом расстреливают друг друга.

На кинофестивале в Торонто создатели картины объясняли ее успех запоминающимися музыкальными образами Фадеева. В основе саундтрека лежали композиции Oil Plant, которые числились в “Триумфе” под брендовой маркой “Максим Фадеев”. Делалось это из соображений маркетингового характера. Также в саундтрек вошли треки раннего Total, а в финале картины звучала песня “Лети за мной”, спетая самим Максом. Клип, снятый на эту композицию, больше двух месяцев не вылезал из тяжелой ротации на MTV и легко ворвался в “Топ-3” канала Муз-ТВ.

Для меня бесспорной творческой удачей “Триумфа” стали инструментальная сюита “Война”, психоделический номер “Я выкрашу тебя в свой цвет” и абсолютно непостижимая “Молекула”. В ней пение Фадеева напоминало голос обезумевшего мусульманина, забравшегося на минарет и при свете полной луны начинающего, словно заправский муэдзин, протяжно молиться. Звук, отраженный от древних стен, мечется между динамиками – по крайней мере, эхо в записи слышно отчетливо. Если Макс планировал добиться мистического ощущения и воздействия на подсознание, то своей цели он достиг.

Неудивительно, что музыкальная пресса просто захлебывалась от восторга.

“Профессионализм без границ. Актуальность без сомнений. Высочайший уровень студийной работы, – рецензировал саундтрек к “Триумфу” журнал “Vikini”. – Жалко, что мало к кому из российских музыкантов применимо хоть одно из этих определений”.

“Больше всего удивительна прятанная в кулуарах свобода фадеевского мастерства, даже его гнетущая бездонность, – писал журнал “FUZZ”. – Запись пропитана невообразимой ленью... Кажется, будто для того, чтобы свернуть такие музыкальные глыбы, не приложено никаких усилий. „Триумф“ – по-настоящему триумф. Такой силы и глубины, что банальность „Лети за мной“ заставляет покрыться гусиной кожей. Свобода и совершенство композиций. Лютый, свободный вокал, отзывающийся на что-то глубокое и первобытное”.

“Проект, достойный всего, что делает „Real World“ под руководством Питера Гэбриэла, – писала газета “Россия”. – Серый генерал, сидящий за инструментами, сделал свое дело и выпустил гениальную пластинку”.

Справедливость восторжествовала. Наконец-то у Фадеева появилась заслуженная репутация Композитора, идеально подходящего для написания саундтреков. Поэтому неудивительно, что именно Максиму поступило предложение от Первого канала – написать звуковую дорожку к кинофильму с рабочим названием “Ночной дозор”. Фадеев и Элиасберг вели активные переговоры с режиссером Тимуром Бекмамбетовым, но в итоге их не устроила финансовая сторона вопроса.

“Те условия, которые нам были предложены, оказались не грандиозными, – вспоминает Элиасберг. – Макс некачественно работать не может, а для написания саундтрека были необходимы внушительные затраты. Понятно, что звуковой ряд к фильму должен писаться в такой классной студии, чтобы ухо Фадеева не зафиксировало никакого брака, – ведь уровень наших альбомов всегда оказывался высоким. Поэтому история с „Ночным дозором“ выглядела слишком затратной. И мы отказались”.

Мне казалось, что это стратегическая ошибка. Ведь Фадеев первоначально загорелся идеей и даже, по его словам, пытался привлечь к работе легендарную Лиз Фрейзер, поразившую многих атмосферными вокализациями в Cocteau Twins и Massive Attack. Но, столкнувшись с первыми трудностями, Макс ко всей этой международной аванюре резко охладел. Найти аргументы, которые бы заставили Фадеева изменить решение, я, к сожалению, так и не смог. Кинофильм находился в зачаточной стадии, и

никто не мог предположить масштабы раскрутки “Ночного дозора” спустя несколько лет.

...Во всех этих киноприключениях и экспериментах незримо присутствовал еще один нюанс: вложения инвесторов в проекты Фадеева превысили сумму в миллион долларов. Это нигде не афишировалось, но все проекты Максима в итоге оказывались убыточны. Божественная музыка, ежедневно струившаяся из буйной головы Фадеева, по большому счету оказалась в России невостребованной. Радиостанции противились любому нестандартному звуку, любому “не по правилам” сыгранному аккорду. Мужественный Элиасберг, финансируя все эти эксперименты, держался из последних сил. Хотя и понимал, что в какие-то моменты ошибался в выбранной стратегии. “Мне нужно было немного ограничивать ходы, которые предлагал Фадеев, – сокрушался Александр Аркадьевич спустя несколько лет. – Но тогда мне казалось, что если Мастер говорит, его необходимо слушать”.

В итоге убыточные проекты замораживались, а сам Макс сознательно уходил в идеологический андеграунд. Он стал нелюдим, игнорировал прямые эфиры и пресс-конференции, отказывался от интервью и фотосессий.

Дело дошло до того, что когда Фадеев продинамил презентацию своего нового проекта “Монокини”, я отнесся к этому вопиющему саботажу с неземным спокойствием. И даже зачитал на пресс-конференции мифическую телеграмму, якобы присланную нам из Праги: “Поздравляем группу „Монокини“ с рождением первого ребенка. Желаем прибавления в потомстве – при нашем скромном участии. Братья Фадеевы”.

Моя раненая совесть молчала – впоследствии мне не раз приходилось комментировать отсутствие небожителя на брифингах не иначе, как “зверскими законами визового режима”. Или говорить о том, что Фадеев “не пришел на пресс-конференцию из ложной скромности”.

Вспоминаю случай, связанный с рейтинговым телеканалом ТВ-6, когда Фадеев в последний момент не появился в прямом эфире у Коли Табашникова. Это была настоящая подстава. В первую очередь – для репутации Макса. Получалось, что если воспринимать смысл работы музыкального PR-агентства как “ответственного за репутацию”, то ни фи́га мы за нее не отвечали. Причем – не по своей вине.

С этим надо было что-то делать. Я недолго мучался и в итоге кое-что придумал. Методом от противного. Вместо ожидаемых упреков я в тот же вечер позвонил Максиму и начал извиняться: “Откровенно говоря, я был чертовски настойчив”. И попросил прощения за то, что пью его молодую

кровь и калечу карьеру разными дурацкими эфирами и интервью. Похоже, это был неплохой ход: доверия между пресс-службой и продюсером после этого инцидента стало больше.

...В этот нелегкий период у нас нарулилась еще одна проблема. Что называется, психологического свойства. Неожиданно у Макса появилась привычка хаять коллег по цеху. И если раньше Фадеев был всегда предельно корректен, то теперь жесткая критика лилась из него как из ведра. По поводу и без повода. Как правило, это происходило спонтанно, когда Фадеев по ходу интервью, что называется, “набирал скорость”. Как будто кто-то включал насос и по ошибке забывал его выключить.

“„Мумий Тролль“ мне не нравится вообще, – заявил он в интервью журналу “ОМ”. – Не думаю, что музыка старого Rolling Stones – самое модное на сегодня... И вообще мне странно, что некоторые наши музыканты ездят в Лондон. И после дикого крика, как в Лондоне круто, слышишь их записи и понимаешь, что это можно сделать у себя на даче”.

Затем Макс в своих прогнозах похоронил прорывавшийся на Запад проект Шаповалова: “Ни один западный лейбл не покажет „Тату“ по телевизору”. Эти слова были сказаны Фадеевым за несколько месяцев до того, как англоязычная версия “Нас не догонят” заняла второе место в британском национальном хит-параде.

Следующая волна критика исходила от Композитора в адрес Агузаровой и Петкуна. Так случилось, что вокалист “Танцев минус” позволил себе публично не согласиться с концепцией продюсерской линии Фадеева, чем вызвал бурю гнева Маэстро.

“Петкун – хороший телеведущий, может быть – хороший актер, – говорил Фадеев в одном из интервью. – Но он – никакой и как композитор, и тем более как певец... Видимо, он переживает, что у него все меньше и меньше концертов. Что люди идут на другое. Объясните мне, а чего же этот самый Петкун целый год пел „Belle“ на „Европе Плюс“? И с Аллой Пугачевой в клипах сидит? Если он весь из себя правдолюбец-рокер? Какой он рокер? Он, мне кажется, волосы моет чаще, чем супермодель. Вот Шнура я вряд ли себе представлю в роли Горбуна, поющего „Belle“!”

...Бывшей вокалистке “Браво” досталось от Макса за то, что она не захотела (не смогла) с ним сотрудничать. “Она ебанутая на всю голову, – горячился Макс в беседах с друзьями. – Да пошла она, я и без нее сделаю не хуже”.

Насколько я понимаю, следующим кандидатом оказалась Земфира. По инициативе певицы они с Фадеевым попытались сотрудничать – в рамках записи альбома “14 недель тишины”.

“Земфира настойчиво ищет сейчас новый звук, – писал весной 2001 года “Московский Комсомолец”. – В Лондон ради этого уже поедет вряд ли. Теперь, видимо, поедет в Прагу. Очень сильно желание супердевушки поработать с живущим там электронным умельцем Максом Фадеевым. То ли его давешние эксперименты с группой Total на нее повлияли, то ли просто хочется сменить пристрастия и авторитеты (музыкальные – в том числе)”.

Как известно, Земфира и Фадеев быстро разочаровались друг в друге. Каждый из них тяготел к лидерству, и с самого начала было понятно, что этот тандем обречен на неудачу. Теперь обе стороны не стеснялись в выражениях, язвительно комментируя несостоявшийся альянс.

Макс жутко критиковал “14 недель тишины”, а на мой невинный вопрос про креативный потенциал Земфиры изрек буквально следующее: “Ее культ надуман. Она ничем не отличается от других талантливых людей. Она не Николай Коперник. Она не сделала ничего сверхъестественного. Мне кажется, она очень однобока – быть гибкой в стиле, в аранжировках Земфира вряд ли сможет... Мне сложно предугадать ее перспективы, но думаю, что ничего необычного с ней больше не случится. Педаль газа была нажата до упора”.

В тот период в голове у Фадеева уже поперла идея Глюкозы, и дело было не в творческой ревности или зависти. Порой мне сложно было определить причины подобных вспышек. Как мог, я пытался подобные тенденции нивелировать. К сожалению, это получалось не всегда...

“Дело в том, что Максим вообще не работает с одаренными людьми, он себя считает очень одаренным, – заявила Земфира в одном из интервью. – Его не интересует личность, мысли человека. Фадееву нужно тело и рот, нужна „булка мякиша“, из которой он лепит то, что ему хочется. После первых же двух пробросов я просто сказала: „Парень, мы никогда не пойдем друг друга“. Ну не дано ему сотрудничать!”

“Когда я смотрел концерт Земфиры, меня все время отвлекал ее басист, – отвечал ударом на удар Фадеев. – Он так боролся со своим инструментом – страшное зрелище! Музыканты у Земфиры – слабее не придумаешь”.

“То, чем занимается сейчас Фадеев, – отвратительно, – продолжила виртуальную полемику Земфира. – Это конвейер. Он серьезно ослаб в аранжировках, и это естественно. Потому что, выполняя поток заказов за столь короткое время, невозможно сгенерировать достаточное количество хороших новых идей. Макс сделал для себя выбор, и упрекать его за это не имеет смысла. Для меня Фадеева больше нет, он мне не интересен. Считаю, что он уже сказал все, что мог”.

7. Джага-Джага

Мне нравятся Блок, Лермонтов и Пушкин...

Катя Лель

Очередной проект Фадеева по доброй традиции начался с телефонного звонка. На этот раз он накрыл меня в Эль-Гуне, куда я сбежал в разгар зимы от жесткой московской текучки. “Хорошие новости, – радостно сообщил Макс. – Я нашел тебе нового клиента. Когда скажу, кого, ты упадешь. Это – Катя Лель!!!”

Я пошатнулся, но не упал. После отказа Фадеева сотрудничать с Земфирой нам еще было куда отступать. Меньший энтузиазм из всей обоймы классической постсоветской эстрады у меня вызывали только Салтыкова, Буйнов, Овсиенко и Укупник. Как интеллигентно принято говорить в таких случаях, old school.

Свободного времени в Эль-Гуне у меня было хоть отбавляй, и я задумался о мотивациях Фадеева. Когда за год до этого у нас в офисе появилась поп-певица Лена Зосимова – с хвостиком на затылке и послушными глазками, – я, по крайней мере, понимал, почему Макс решил помочь записать девушке альбом. Это был нигде не декларируемый человеческий бартер: Фадеев и его соратники делают альбом, а отец Лены гарантирует “режим максимального благоприятствования” в вопросах ротации новых проектов Макса на канале MTV.

Еще раз повторяюсь, по-человечески это было понятно. Что же касалось Кати Лель, ответ мог быть только один. Фадеева, который вместе с Элиасбергом находился в глубоком финансовом анусе, сломали цифрами. И Макс согласился. Вынужден был согласиться...

Вернувшись в Москву, я ознакомился с архивными материалами по новой подопечной Фадеева. Оценки журналистов были жесткими и беспощадными. Определение “Московского Комсомольца” “символ гнуснейшего совкового попса” задавало тон всем публикациям. У меня даже возникало нехорошее ощущение, что представители СМИ тренировали на Кате, словно на боксерской груше, свое исполнительское мастерство. Такой вот военный полигон для будущих Белинских, Панюшкиных и Троицких. Как сломать подобный устоявшийся негатив, было непонятно.

“Нам нужно отмыть Катю от ее нелегкого прошлого”, – заявил назначенный мною пресс-менеджер на совете директоров “Кушнир Продакшн”.

С этого момента у нас началась сладкая жизнь. На следующий день я понял, что сюрпризы только начинаются. Я чуть не упал, когда Максим объявил заказчику цену за пиар-кампанию. Из искренних побуждений он назвал артистке те же цифры, за которые мы когда-то начинали работать с группой Total. За это время финансовые условия сильно изменилось, но в предвкушении быстрых денег Фадеев про это забыл. Хотел как лучше, а получилось как раньше.

Зная законы подобных переговоров, я понимал, что объявленную Максом сумму изменить нельзя. Теоретически у меня была возможность отказаться от работы, но тем самым я подводил Фадеева. Зная его финансовое положение, делать этого не хотелось. Тем более мне было известно, какую битву выдержал Максим в стенах пражской студии, чтобы Катя Лель начала петь не по правилам вокального отделения Гнесинки, а “первобытно” – на женских импульсах и эмоциях.

...Меня часто спрашивали в тот период: “Как вас угораздило сотрудничать с Катей Лель?” Вопрос, конечно, не из легких. Тогда мне искренне казалось, что если Фадеев смог переделать Катю в плане вокала, то смогу что-нибудь с ней сделать и я. По крайней мере, в вопросах перепозиционирования. Это был вызов. В первую очередь – самому себе. Жизнь обретала новую интригу, и мне стало действительно интересно.

Вдобавок ко всему меня поразило своим гостеприимством и радушием продюсер певицы господин Волков. Меня удивили не столько его глубинные познания в нюансах национальных кухонь и ресторанного бизнеса. И даже не блестящие интервью на эту тему. Меня совершенно потряс пресс-клиппинг, сделанный по итогам раскрутки его русского ресторана в Лондоне.

Когда я увидел идеально оформленное солидное портфолио с публикациями в престижных западных изданиях, меня просто ветром сдуло. Это был другой уровень: немецкий и английский “Vogue”, американский “Harper’s Bazaar”, английский “ELLE”, французские “Marie Claire” и “L’Officiel”. У нас в стране так никто не работал. Возможно, именно поэтому мне тогда показалось, что мы с Волковым, с одной стороны, и с Максимом Фадеевым, с другой стороны, сможем раскрутить и утюг. “Пронесет”, – легкомысленно подумал я, не запариваясь насчет скептических прогнозов моих коллег.

...Катя Лель не любила Михаила Булгакова. Сегодня у нее было

плохое настроение – она получила недетский пистон от Фадеева за то, что в день съемок клипа не выучила текст новой песни “Джага-Джага”. Занимаясь раскруткой Кати, мы рассчитывали исключительно на собственное везение и универсальный талант Фадеева. Помощи и сочувствия ждать было неоткуда.

Общение артистки с пресс-службой не заладилось с самого начала. Дело даже не в раздутых амбициях певицы и космически разных идеологиях. Проблемы начались с несовместимости технологий.

Как известно, существует два вида передачи информации – письменная и устная. Устная информация, полученная от нас, забывалась артисткой в ту же секунду. Передавать Кате информацию письменно не было никакой возможности. К сожалению, в тот счастливый период ни артист, ни ее менеджмент не умели пользоваться электронной связью. Держать у себя дома компьютер считалось в их кругу предрассудком нечеловеческой силы. Наши попытки установить дома у Кати странный агрегат под названием “факс” потерпели полное фиаско. Пользоваться, как герой фильма “Пес-призрак”, голубиной почтой почему-то не хотелось.

Дисконнект в нашем общении был просто чудовищный. Ничего подобного я не встречал в своей врачебной практике ни до, ни после... Попытки найти общий человеческий знаменатель ни к чему конкретному не привели. Все сводилось к извечному вопросу “кто виноват?": кто тихо сказал или кто не услышал. Как правило, во время интервью артистка и пресс-менеджер ждали друг друга в разное время и в разных местах. Чего там говорить, супервеселонам было. Если же каким-то чудом артистке и пресс-службе удавалось встретиться, это сопровождалось такими капризами, с которыми нам не приходилось сталкиваться со времен работы с немецким менеджментом Пласидо Доминго.

...Катя любила две вещи: попадать в автомобильные пробки и доносить до человечества эмоции в форме вопросов. “Скажи мне, я что – дура? – вопила артистка по телефону. – Нет, ты честно скажи, я что – полная дура?” Я даже не пытался задумываться, поскольку еще со школы ненавидел риторические вопросы. Каюсь, в общении с Катей мне порой недоставало доброты, мудрости и душевной теплоты.

Я почему-то вспоминал наши беседы с PR-директором “Радио Максимум” Димой Конновым. Мы частенько любили поболтать на тему того, что, если кто-то считает, что пресс-менеджер – это такая машинка для минета, с этим человеком надо как можно быстрее расставаться.

Фадеев держался от своей новой подопечной на максимально почтительном расстоянии. Ему было легче. В отличие от нас, он жил в

Праге, где, записав очередной шлягер, просто высылал его в Москву. Репетируйте, девушка. Изредка приезжал на съемки клипов. Выслушивая при встрече рассказы про нюансы нашего с Катей сотрудничества, Фадеев то хихикал, то сочувственно молчал. В зависимости от настроения. Порой на тему своего нового артиста ему приходилось давать политкорректные интервью.

“Катя Лель сильно изменилась: одевается теперь по-другому, выглядит по-другому... То, что Катя делала раньше, осталось в прошлом. Теперь она работает со мной... Она мне нравится. У нее напрочь отсутствует пафос – то, чего я не могу терпеть в людях вообще. Поэтому не думаю, что Катя пропадет”.

Давненько я не слышал от Макса таких осторожных высказываний – но их, по крайней мере, можно было цитировать в прессе... Мы же, как муравьи, упорно продолжали формировать общественное мнение – в частности, фольклорными байками про феномен Фадеева, который может сделать конфетку из чего угодно. С другой стороны, пытались откорректировать общественный имидж Кати Лель, аккуратно уводя его в сторону от губительного ярлыка “постсоветской эстрады”. Говорили о том, что ее новый альбом будет сделан в духе Розин Мёрфи из группы Moloko. Публиковали ее фотографии с Крисом де Бургом, а часть публикаций пробивали банальными бартерами. “Выступить на концерте буду только за обложку”, – почуяв запах успеха, капризничала Катя перед зеркалом. Это было даже не смешно.

Шли месяцы, и ситуация постепенно улучшалась. С одной стороны, сработал феномен суперхита “Джага-Джага”, который Артем Троицкий назвал своим самым любимым шлягером последних лет.

“Песенка, вышедшая из-под пера господина Фадеева и оккупировавшая сегодня практически все хит-парады, оказалась не такой уж ужасной и депрессивной, – изумлялась пресса. – Более того, в клипе Катя впервые предстала перед публикой далеко не в привычном для нее пошлом имидже. Ну а так как альбом певицы уже на подходе, ему, по всем законам шоу-бизнеса, требуется пиар. Поэтому для рекламы нового диска наняли Александра Кушнера – пиарщика, работавшего доселе исключительно с рок-исполнителями...”

Петь оды обновленному образу артистки никто пока не решался, но “Джагу-Джагу” заметили все. Первым из гляцевых журналов набрался смелости “ОМ”, черным по белому написавший – смотрите, ребята, с артисткой происходит что-то невероятное. Кто-то даже вспомнил сказку про утенка, превратившегося в прекрасного белого лебедя. Такой вот

ребрендинг по-русски.

“С тех пор как я начала работать с Максом Фадеевым, я перестала бояться этого слова „неформат“, – исповедовалась Катя Лель в интервью журналу “Афиша”. – Не нужно бояться, нет границ. „Джага-Джага“ не брали на радио, „Муси-пуси“ тоже, они говорили: „Что-то там вступление длинновато, гитарка не та“. А гениальнейший Макс Фадеев посылал всех на фиг. Через две недели эти песни стали „номер один“ во всех хит-парадах... Я счастлива, что у меня есть такие шлягеры, которые звучат в каждом КВН, и я рада, что являюсь законодателем новых сленгов в поп-культуре”.

...Были на нашей улице не только победы. Мы не без труда пережили провальное ток-шоу на НТВ, в котором Катя пыталась сама рассуждать на тему “Язык мой – враг мой”. Тему передачи выбрала артистка, естественно, не посоветовавшись с пресс-службой. Я бы и врагу не пожелал оказаться в подобном информационном контексте.

Я потратил много сил, чтобы убедить артистку не ехать на эту злополучную телепередачу, к которой она была не готова. Полдня мы убеждали “законодательницу новых сленгов в поп-культуре” не лезть в пекло прямого эфира, но, увы, безрезультатно. Тем не менее мы боролись до конца.

Приехав в Останкино, я обманом получил от редактора вопросы ведущего к Кате и даже попытался провести мобильный медиатренинг. Но перед смертью, как известно, не надьшишься. За пару минут до начала передачи Катю значительно больше интересовал макияж. В итоге артистка была удивительно косноязычна, отвечала невпопад, нервничала и постоянно перебивала остальных участников передачи... Лучше бы она молчала – действительно, “язык мой – враг мой”. Это был полный провал.

После этого эфира мне звонили друзья со словами: “Зачем вы ЕЕ туда поставили?” Сама артистка от своего выступления, естественно, была в полном восторге. Я осознал, что никакая логика в общении с Катей не работает, и отключил на несколько дней мобильный телефон. Видеть никого не хотелось. Бр-р-р...

Затем мы пережили скандал на тему того, почему наш пресс-менеджер отдает в СМИ фотографии – вы не поверите, – присланные нам директором Кати в качестве промо-материала. Мы пережили привычку Певицы не пускать во время презентаций собственную пресс-службу в недра очередной VIP-зоны. Как ни странно, мы хотели не обжираться бутербродами, а планировали контролировать и корректировать ее интервью. Ведь там было что корректировать!

“Если ты раздражаешь – значит, ты прав, – с неподдельным комсомольским энтузиазмом говорила журналистам певица. – Важно, чтобы была реакция!”

Мы пережили абсолютно нереальное желание артистки визировать каждое интервью, сопровождавшееся дикими криками: “Я так сказать не могла!” Магнитофонная пленка с записью ее слов документом, естественно, не считалась. Голос разума долетал до певицы нечасто – наверное, дело было в нелетной погоде...

Стиснув зубы, мы терпели так называемые особенности характера. Это было прямо-таки стихийное бедствие... Лично меня потряс случай, когда во время записи одного из эфиров Катя выступила перед корреспонденткой канала Муз-ТВ с царской речью примерно следующего содержания: “Да кто ты такая, чтобы говорить мне, что я опоздала? Я что, себя на помойке нашла?” Остановить эмоциональный монолог заслуженной артистки Кабардино-Балкарии не смогли ни пресс-служба, ни сотрудники Муз-ТВ, ни администрация ресторана, в котором проходили съемки.

В итоге все закончилось тем, чем, собственно говоря, и должно было закончиться. Увидев в разгар рабочего дня слезы на глазах пресс-атташе, я запретил сотрудникам агентства ехать на концерт Кати Лель в “Лужники”. Нас в очередной раз не обеспечили необходимым количеством бейджиков, лишив возможности полноценной работы. В итоге на праздник газеты “Московский Комсомолец” Катя приехала в эксклюзивном сопровождении директора, который с удивлением наблюдал, как мы жизнерадостно общаемся с другими нашими артистами...

Потом были изматывающие “выяснения отношений” в офисе Волкова в “Radisson Славянской”, но со стороны это напоминало агонию. Было много криков и взаимных упреков, но практически полное отсутствие какого-либо конструктива. Катя повышала голос на продюсера, обвиняя его в том, что он подсунул ей такую мутную пресс-службу. А также – фотографа, водителя, охранника, звукорежиссера...

Фадеев в этой ситуации по-прежнему сидел в Праге и демонстрировал глубокий виртуальный буддизм. С одной стороны, он мудро хранил нейтралитет и не хотел ввязываться в это глупое рубилово. С другой стороны, прекрасно понимал, что дело сделано – не без нашей помощи “Джага-Джага” пробила все стены.

...Мне по-человечески тяжело было прощаться с Волковым, но с осени 2003 года мы с артисткой больше не работали. Позднее наш душевный стриптиз с Катей повторили еще несколько агентств и ведомств – похоже, с

аналогичными эмоциональными результатами. “Мы ездили на отчеты, как на смерть”, – признавались мне впоследствии коллеги. Что неудивительно. Мы же занесли в свой актив уникальный жизненный опыт и незабываемую PR-кампанию с символическим названием “ребрендинг Кати Лель”.

8. Хитмейкер

Мне конкурс “Евровидение” до лампочки.

Максим Фадеев

Как-то раз, невзначай нарушая традиции, Макс позвонил часов в десять утра. Дело было в субботу. “У тебя никого поющего нет на примете? Или хотя бы танцующего? Хожу тут по Институтам культуры и всяким Гнесинкам. Ну ни хера там нет. Совсем ни хера”.

Глазами сегодняшнего дня ситуация выглядела анекдотичной. Назначенный Первым каналом продюсером “Фабрики звезд-2”, Фадеев никак не мог найти для телепередачи внятных конкурсантов. На этом этапе “Фабрика” только начинала раскручиваться, выдерживая нешуточную конкуренцию со стороны конкурса “Стань звездой” на РТР, с которым мы в тот момент работали.

Параллельно Фадеев пытался сосватать нам пресс-поддержку второго этапа “Фабрики”. Все логично – Макс комфортно работать с нами, а мы в свою очередь не уставали открывать вместе с Фадеевым новые горизонты. Но на этот раз ничего не получилось. “Слишком много на телевидении начальников, – процедил сквозь зубы Фадеев. – Куда пальцем ни ткни, везде начальник”.

Где-то в этот период жизнь и руководство Первого канала заставили Макса стать более публичной фигурой. Хотя бы временно. Пользуясь случаем, мне удалось вытащить его на пару телевизионных ток-шоу, построенных таким образом, чтобы Фадеев стал в них центральной фигурой.

На прямом эфире MTV Макс хвалил Аль Пачино в фильме “Запах женщины”, критиковал юридические аспекты шоу-бизнеса в России и, заодно, местный музыкальный менталитет. Его опять понесло, и под горячую руку Максима попала ничего не подозревающая Мадонна. “Со своей страшной музыкой и ужасным вокалом она хорошо умеет демонстрировать вагинальные способности, – уверенным голосом поставил экспертную оценку “материальной девушке” Фадеев. – Кто чем берет”.

Также от Макса досталось и рокерам – в частности, группе Offspring. “Яих ненавижу всеми органами, – вещал Фадеев в телекамеру. – Мне

кажется, это уродство во всех отношениях. Они хоть и хорошие клоуны, но звучат безобразно. Как музыканты они для меня никто. Они просто дубасят по гитарам, притом не с самым хорошим звуком. Все так уродливо... Это для меня непонятно”.

...Порой у Фадеева приступы критики все-таки отступали на второй план. Тогда у него случались и озарения, и прорывы. Особенно сильным получился его эфир в одном из ночных выпусков программы “Взгляд”. Тогда Макс впервые рассказал по ТВ о гибели своего ребенка.

Было видно, как сильно он переживал и волновался, – вообще говоря, это был очень честный и настоящий Фадеев. Впечатление достоверности от происходящего было сильным. Такой по-своему неожиданный момент истины... И чувствовалось, что в этот миг в нем происходит некая переоценка ценностей: “Раньше я брал на себя функции спрута, который то зацепил, это поймал, там договорился, тут договорился. Сейчас я просто не в том возрасте, я не хочу этим заниматься – это не мое дело”.

Примерно в это же время Макс расстался со своим финансовым партнером Александром Аркадьевичем Элиасбергом. Расстался мирно и интеллигентно, после пяти лет плотного сотрудничества.

“Когда на Фадеева посыпались предложения, я не стал его сдерживать, – утверждает Элиасберг. – Началась „Фабрика“, и мне стало невозможно тягаться в ресурсах с Эрнстом и Файфманом. Мне хочется верить, что когда мы встретились с Максимом после разрыва с Линдой, те условия, которые я предложил, словно приделали ему крылья. Эти условия в каком-то смысле спасли его, так как теперь Мастеру не надо было думать о выживании. В тот момент он почувствовал себя максимально свободным... Макс ведь все равно не пишет очень жизнерадостную музыку. Он обращается к глубинам, и в тот момент сумел все это из себя вытащить”.

Со временем жизнь разбросала Фадеева и Элиасберга по разным местам. У одного в качестве партнера теперь был “Монолит”, другой целиком и полностью вернулся в “Новый взгляд”.

Мы с Максом тоже начали общаться от случая к случаю. У меня была куча проектов и увлечений – начиная от реанимации маргиналов (“Николай Коперник”, “Хуй забей”, “Автограф”) и заканчивая выводом на рынок новых молодежных героев: Лера Массква, “Братья Грим”, “ГДР”, “Команда Сталинград”, Таня Зыкина. У Макса стартовали его игроки: Маша Ржевская, Пьер Нарцисс, Ираклий Пирцхалава. На конкурсе “Евровидение” в разные годы у него участвовали Юлия Савичева и группа “Серебро”.

...Он позвонил мне поздно ночью после “Евровидения–2004”, где Савичева, как известно, не слишком удачно выступила с песней “Believe

Ме”. Я собирался к вылету из Шереметьево и поэтому не спал. Полусонно слушал, как Макс ругал всех подряд: жюри, артистов, журналистов, которые обсуждали этот триумф в прямом эфире Первого канала. Между прочим, продюсер сообщил, что теперь в “Топ-10” “Русского радио” звучит восемь его песен. Гении по своей природе – очень скромные люди...

Я не удивился и искренне за Макса порадовался. Хитмейкер есть хитмейкер – ни убавить, ни прибавить. Каждый раз Фадеев придумывает что-нибудь новое – как волшебник из диснеевской сказки, создающий чудодейственный отвар.

Еще через несколько месяцев Макса подключили к пятой “Фабрике звезд” – в одной компании с Пугачевой и Игорем Матвиенко.

“Во всей этой троице есть что-то булгаковское, – писал корреспондент журнала “ELLE”. – Кот Бегемот, рыжеволосая Маргарита и Воланд, галантно уступивший ей власть... Фадеев, похоже, не совсем здоров: то и дело измеряет себе давление портативным прибором. В перерыве садится за рояль и играет что-то умеренно-трагическое. Я подкрадываюсь к нему с диктофоном. „Вам повезло. Вы первый журналист, с которым я говорю за последние два года“, – улыбается Максим, и теплая лапша мягко ложится на мои тренированные уши. „Вы будете коверкать мои слова?“ – „Упаси боже“, – бодро отвечаю я, в то время как мой нос начинает предательски расти. Продолжать разговор в том же духе бессмысленно”.

...С годами у Макса появились солидность, жесткость, тонированный автобус, огромная волчья шуба и волчий взгляд. На жизнь. “Я не изменяю ни себе, ни своим принципам, – сказал он в одном из интервью. – Я ведь не пишу хиты просто за бабки. Или я должен, как Шнитке, постоянно находиться в какофоническом состоянии? Зачем мне себя сдерживать? Из меня музыка льется как вода. Куда ее девать-то? Что-то сделал – и сразу хочется делать новое”.

...В следующий раз мы с Максом встретились в Сочи на фестивале “Пять звезд”. Светило летнее солнце, и пока журналисты купались в Черном море, мы не вылезали из “Фестивального”, где внимательно отсматривали тренировочные прогоны молодых исполнителей. В паузах немного пообщались. Говорили про сольный диск Макса “Третий Рим” и про его громадные планы в области кино. Мелькали приятные слова типа “Paramount Pictures”, 3D-анимация, “Cartoon Network”, какие-то саундтреки...

Потом мы опустили на землю и начали обсуждать второй альбом Глюкозы, который я искренне хвалил. Лишь сожалел, что критики по-прежнему в такие дела врубаются медленно. “Да мне, собственно говоря,

все равно”, – сделал равнодушное лицо Макс. Неплохо зная характер Фадеева, я готов был биться об заклад, что в такой позе он долго не просидит. Любопытство возьмет верх. Прошла ровно минута, и Макс так осторожненько спросил: “Ну, Кушнир, не томи... Чего пишут-то?” Каюсь – услышав ожидаемый вопрос, я не смог удержаться от смеха...

Затем беседа плавно переключилась на других артистов Фадеева, и, в частности, мы вспомнили про Total. Не так давно один из телеканалов ретроспективно показывал фрагменты “Максидрома–2002”, и Total выглядел там на редкость актуально. Я переслушал их дебютный диск и подумал, что не зря глянцево-журнальные писатели о них как о “лучшей концертной группе страны”. Ей-богу, не зря. Фадеев слушал эти рассуждения и ностальгически улыбался.

На фестивале в Сочи Макс благосклонно оценил потенциал 17-летней Леры Массквы, которую мы впервые вывезли за пределы столицы. “Она живая и настоящая”, – вынес свой вердикт Фадеев и во всех турах оценил ее выступление максимальной оценкой. Я ему был искренне признателен. А Максиму была симпатична непосредственность девчонки из Нового Уренгоя. “Далеко пойдет”, – сказал он. И не ошибся.

Увидев на одной из репетиций “Пяти звезд” очередную бесцельно скачущую по сцене поп-диву, Фадеев на мой скептический вопрос: “Ну, как тебе?” вынес вердикт: “Слишком много суеты... Вот, к примеру, Эдит Пиаф. Как известно, она сама песни не писала. Стояла у микрофона и практически не двигалась. Но от нее шла такая волна, что все понимали: это – Эдит Пиаф”.

Вспомнив про легенду французской эстрады, Макс задумался о чем-то своем. Затем глубоко вздохнул. И неторопливо прикрыл глаза.

Глава V Земфира

Чем дальше в лес... тем больше возможностей тебе открывается.

Земфира

Поздним вечером у нас в офисе раздался телефонный звонок. Звонила друг и промоутер Земфиры Настя Колманович. С тревогой в голосе она рассказала, что сегодня, 12 сентября 2000 года, на концерте Земфиры в городе Якутске “случился инцидент”. На стадионе была безобразная организация, милиция не повлияла на ситуацию – в итоге несколько людей находятся в больнице. В давке пострадали зрители, и, честно говоря, пока не понятно, есть ли жертвы. Всю вину за происшедшее местная администрация активно спихивает на Земфиру. Что будет завтра, непонятно. Короче, надо помочь и срочно провести в Москве пресс-конференцию.

1. Работая над ошибками

Что касается PR-кампаний, придумывать что-то нарочитое мне никогда не нравилось. Ибо ко мне и так липнут ситуации “нарочно не придумаешь”. И мне достаточно.

Земфира

Слушая сбивчивый рассказ Колманович, я подумал о том, что мои отношения с Земфирой переживают очередной “расцвет упадка”. Слишком многое изменилось с 98 года, когда на квартире Лени Бурлакова она дала мне свое первое в жизни интервью.

В рамках деятельности лейбла “Утекай звукозапись” я организовывал ее пресс-конференции, эфиры и интервью, занимаясь медиаподдержкой дебютного альбома, который тогда в буквальном смысле взорвал страну. Потом наши дороги разошлись. Земфира сменила звукозаписывающую компанию, продюсера, пресс-службу и ушла в свободное плавание. Что-то из серии “сам себе режиссер”. В настоящий момент она разъезжала по стране с туром в поддержку альбома “Прости меня, моя любовь”.

Но так получалось, что сегодня наши пути-дороги вновь пересеклись. Возможно, не от хорошей жизни, но пересеклись. После звонка Колманович стало понятно, что сейчас Земфире тяжело. Это был момент истины – надо не выдрючиваться, не вспоминать старые недомолвки, а просто взять и помочь.

Недолго думая, я согласился. Не стал спрашивать у Насти, почему она звонит именно мне. Ведь у артистки, как известно, есть пресс-служба и выпускающий лейбл с целым отделом сотрудников, ответственных за “связь с общественностью”. Но времени на риторические вопросы не было. Счет шел на часы. И я начал работать по “инциденту в Якутске”.

Утром стало понятно, что ситуация с концертом Земфиры выглядит мрачно. Прямо-таки Карибский кризис. Информационная лента ИТАР-ТАСС сообщала леденящие душу подробности. Новости, полученные по линии МВД Якутии и МЧС Якутии, активно зачитывались по радио. Утренние газеты пестрели заголовками: “Земфира, несущая горе”, “Опасные гастроли”, “Кровавый хит Земфиры”, “На концерте Земфиры в Якутске пострадали люди”, “Девочка созрела: Земфире грозит уголовное

дело”.

Суть статей сводилась к тому, что во время концерта на поле стадиона “Туймаадс” прорвалась толпа, которая смела буквально все – начиная от милицейского оцепления и заканчивая электропроводами. Как сообщала “Комсомольская правда”, в давке были покалечены 19 человек, из которых двое находятся в реанимации: один – со сломанным позвоночником, второй – с переломом основания черепа. Если верить этой информации, в Якутске случился доморощенный Алтамонт, от трагических последствий которого группа Rolling Stones не может “отмыться” даже спустя сорок лет.

К сожалению, многие материалы изобиловали непроверенной информацией. В нескольких газетах певицу называли “обкуренной”, а тексты иллюстрировали фотографиями обезумевшей толпы, сделанными на концертах других групп. В ряде публикаций сообщалось о гибели сотрудников милиции. Это была откровенная ложь, характеризующая щепетильность и профессионализм изданий.

Телевидение сохраняло нейтралитет, ограничиваясь сухими сообщениями. Скорее всего, из-за отсутствия “картинки” со стадиона. Из информационных выпусков НТВ выяснилось, что во время концерта в Якутске машины “Скорой помощи” не могли проникнуть на арену, поскольку ворота оказались закрыты, а сотрудники стадиона искали ключи в течение тридцати минут.

Официальный сайт Земфиры в это время просто безумствовал. “Земфира молодец, – писал один из очевидцев. – Это единственный концерт, который прошел в этом отморозенном городе с таким грандиозным успехом. Она завела народ. Якутск такого еще не видел. А то, что кого-то помяли, – вина организаторов”.

Концерт состоялся во вторник. Неопределенность висела в воздухе, и репутация артиста могла рухнуть мгновенно. Самое удручающее заключалось в том, что целые сутки никто не мог ответить на вопрос, погибли ли на стадионе люди. Сама Земфира до сих пор находилась в Якутске – давала на видеокамеру показания правоохранительным органам. Со слов Колманович, артистка вынуждена была принести извинения, но всю ответственность за происшедшее возложила на организаторов – местную фирму “Овация”.

Мы с Настей стали лихорадочно рассуждать. Если группе удастся прилететь в Москву в среду, то надо срочно собирать пресс-конференцию. Чем быстрее, тем лучше. Договорились на четверг, 14 сентября. Я предложил проводить акцию днем – чтобы информация успела попасть в утренние газеты. Тогда репортажи появятся в номерах за пятницу – как

правило, в этот день у изданий самый большой тираж.

В случае успеха нашей акции все вопросы вокруг Якутска исчезнут автоматически. Или забудутся за выходные. А в понедельник опять что-нибудь случится – например, в подземном переходе на Пушкине снова сработает взрывное устройство. Или Америка нападет на Ирак.

...Поздно ночью я нашел администрацию клуба “16 тонн”, которая любезно согласилась предоставить нам помещение. Итак, общение Земфиры с прессой должно было состояться 14 сентября 2000 года в клубе “16тонн”. Начало – в 15 часов.

По иронии судьбы именно в этот день и именно в этом месте у нас уже была запланирована презентация группы “Небо здесь”. По ряду причин эту договоренность нельзя было отменить. Правда, брифинг “Небо здесь” начинался несколькими часами позже, и между собой эти события не пересекались. Работа по “Небу здесь” велась моими сотрудниками давно. Поэтому за это мероприятие я был спокоен и целиком сконцентрировался на Земфире.

В это время группа “Земфира” не без приключений вылетела из Якутска и вышла на связь в Москве. Понимая, что до пресс-конференции остается меньше суток, Земфира первый звонок сделала мне. На правах старых приятелей мы без разминки начали телефонное интервью. Я включил диктофон. Земфира говорила о случившемся доверительно, без пауз, не входя в ненужный артистический образ. Монолог певицы слушался на одном дыхании.

“Мы приезжаем на стадион и видим, что рядом с полем ставят ограждения. Мы спрашиваем: „Почему?“ Нам отвечают, что власти запретили людям выходить на поле. Я говорю: „В таком случае я не выйду на сцену“. Мне как бы объясняют, что я не люблю своих поклонников – их тысяч десять придет. Вроде бы обычная тяжба, я с такими сталкиваюсь каждый пятый концерт, когда говорю, что не выйду. А мне организаторы заявляют: „Тогда выйдем мы и скажем, что ты отменила концерт“... Суть проблемы. Очень маленькая сцена, в высоту сантиметров пятьдесят. Находится она даже не посреди поля, а там, где стоят ворота. Ну сам подумай. Заплатил человек сто рублей за билет. И что он видит? Земфиру ростом в три сантиметра. И слышит Земфиру как из радиоприемника... Даже хуже – нам выставили херовую аппаратуру, раз в десять слабее, чем нужно. Два киловатта вместо двадцати.

В итоге я все-таки решила играть... Песне на десятой говорю: „Уважаемые зрители, приглашаем вас на поле“. И как только они ломанулись, мусора стали людей бить. Брали со сцены наши запечатанные

бутылки с водой и херачили ими людей по башке. Люди подбежали к сцене, получили бутылками по голове и убежали...”

Я поймал себя на мысли, что у меня не возникает сомнений в подлинности этого монолога. Земфира говорила быстро, ругалась матом – но это был честный рассказ. Чувствовалось, что за последние пару суток человек действительно пережил немало.

Когда я успевал вклиниваться в ее монолог с вопросами, она не увилывала от ответов. “Зачем ты позвала людей на поле? – Я еще раз решил уточнить “скользкую” часть рассказа. – Ведь это – реальный риск и ответственность...”

“Да, я пригласила людей поближе к сцене, – нетерпеливо перебила меня Земфира. – Потому что считаю, что отсутствие зрителей разрушает концепцию группы. Целиком и полностью. Перед нами в Якутске выступал Киркоров, который ездил на машине и под полную фанеру якобы пел. Рот открывал. У меня же аппаратура, микрофон на шнуре... Во время концерта на сцену вышел какой-то мусор и стал махать перед моим лицом указательным пальцем. Мол, не надо так делать. И я сказала: „Уважаемые милиционеры! Сцена – это место для артистов или для очень талантливых людей. Просьба впредь сюда не подниматься“. А он был заместителем министра МВД Республики Саха. И очень обиделся. ...Организаторша испарилась еще в середине концерта. Она объявилась только на следующий день в аэропорту. И сказала мне, что я спровоцировала народ. Все глупо. Ну не Земфира же должна отвечать за порядок на концерте. Они просто не справились. Они сами создали провокационную ситуацию... А потом я в охуевшем состоянии прилетаю в Москву, а тут все эти новости-хуевости. Я не знаю, почему это всё раздули. Может, мусора боятся, что на их головы упадут вот эти жертвы. И они решили проблему очень быстро. И очень такими знакомыми методами – ниже пояса”.

Выводы после рассказа Земфиры были неоднозначными. В якутской больнице в любой момент могли умереть люди. Тогда от местных органов правопорядка можно было ожидать любой дезинформации.

Просчитывая варианты развития событий, я попытался подготовиться к наименее благоприятному из них. В случае трагического исхода нам пришлось бы напоминать прессе, что на рок-концертах, как, впрочем, и во время футбольных матчей или гонок “Формулы-1”, порой гибнут люди. За пару месяцев до этого на датском “Rockilde Festival” во время концерта Pearl Jam погибли девять зрителей. Американский тур Мэрилина Мэнсона ознаменовался жертвами в Литлтоне. К сожалению, подобных прецедентов было немало. Про Алтамонт можно даже не вспоминать...

Понятно, что ни одного вменяемого человека эти факты порадовать не могли. Но сейчас они были нужны на случай стихийного диспута из серии “риск на рок-концертах”. Наивно сравнивать безопасность публики на концертах джазовой музыки в Архангельском со стадионными выступлениями группы “Алиса”. Как сейчас принято информировать в европейских отелях – swimming at your own risk. Назвался груздем – полезай в кузов...

Пока я занимался этим невеселым теоретизированием, сотрудники “Кушнир Продакшн” висели на телефонах. К вечеру 13 сентября на пресс-конференцию аккредитовались 14 телекамер, а также представители большинства ведущих изданий: “Аргументы и факты”, “Семь Дней”, “Известия”, “КоммерсантЪ”, “Комсомольская правда”, “Московский Комсомолец”.

Параллельно мы попробовали провести разведку боем – Земфира вышла в прямой эфир радиопередачи “Клиника 22”, чтобы пообщаться с поклонниками и пролить первый свет на “инцидент в Якутске”. “Был потрясающий момент, когда Земфира приехала после этой трагической давки в Якутске, – вспоминает ведущий ток-шоу Юрий Сапрыкин. – Певица сидела в эфире, не глядя ни на кого, в темных очках, и в абсолютно подавленном состоянии отвечала на какие-то вопросы...”

Я думаю, что после этого радиоэфира у Земфиры произошла определенная переоценка ценностей. По крайней мере, как отвечать не надо, она уже понимала. Или чувствовала...

На следующий день певица выглядела сконцентрированной и настроенной решительно. Ее музыканты собрались в клубе “16 тонн” задолго до пресс-конференции. Убийцами якутских детей, как их пыталась изобразить желтая пресса, они явно не выглядели. Тут же находились готовые к любым поворотам судьбы Настя Колманович, организатор тура Хизри Байтазиев, а также юрист Андрей Сотников и роуд-менеджер Георгий Портной.

Настроение у всех было тревожное. Куда нас вынесет течение пресс-конференции, не знал никто. Времени до начала акции оставалось мало, а генеральной линии поведения пока не существовало. Никакие медиа-тренинги мы организовать не успевали, поэтому я предложил вести игру на чужой половине поля. С одной стороны, нам было жизненно важно обратить внимание прессы на все недоработки организаторов. С другой – дать максимально подробный хронометраж событий. Понятно, что журналисты любят цифры и конкретику – своей структурированностью наш рассказ должен был произвести впечатление. Нам надо предоставить

СМИ массив самой разнообразной информации. Чтобы даже мыслей о каких-то недоговорках и умолчаниях не было.

Я предложил, чтобы основной объем заявлений исходил не из уст Земфиры, а от ее ближайшего окружения: юриста, роуд-менеджера, промоутера, ведущего пресс-конференции. Короля играет свита – меньше всего я хотел, чтобы артистка оправдывалась. Она не должна говорить долго. А ситуация принуждала ее именно к этому. Поэтому за Земфирой я предложил оставить монолог на тему “Судьба гастролирующего артиста” и яркое заключительное слово. На том и порешили. Если я хоть что-нибудь понимал в антикризисных ситуациях, эти нехитрые приемы должны были сработать.

Пресса уже ломилась в клуб, а мы в условиях жесточайшего цейтнота расписывали последние реплики. Внезапно я почувствовал кураж и уверенность в победе. Во время одной из моих удачных фраз Земфира и Колманович переглянулись. Это могло означать все что угодно, но сейчас было не до того. Когда журналистов пригласили в зал, мы были готовы на все сто процентов. В 15 часов 20 минут пресс-конференция началась.

Во вступительной речи я обрисовал ситуацию, подробно рассказав о графике пребывания группы “Земфира” в Якутске.

“События развивались следующим образом, – уверенно начал я рассказ, прекрасно осознавая, как важно захватить инициативу в начале. – Сейчас мы предоставим вам хронологию якутского вояжа буквально по часам – записывайте, пожалуйста”. Через полминуты около сотни журналистов превратились в послушных школьников на диктante по русскому языку. Даже те, у кого были диктофоны, взяли блокноты и стали фиксировать информацию о маршруте группы, которая вечером 11 сентября вылетела из аэропорта Домодедово в Якутск.

“В 15 часов 12 сентября музыканты приехали на стадион на репетицию. Выяснилось, что сцена к концерту не готова. Саундчек начался с задержкой и закончился с двухчасовым опозданием.

19.00 – у входа на стадион стоят более трех тысяч человек, которые не успели пройти. Концерт пришлось задержать. Параллельно стало ясно, что администрация стадиона разрешила продажу крепких спиртных напитков.

19.50 – группа вышла на сцену. По условиям контракта расстояние между зрителями и артистами должно быть минимальным. Но администрация зрителей на поле не выпускала. Исполнив несколько песен, Земфира призвала зрителей перейти на газон стадиона.

20.20 – примерно в районе восьмой песни администрация отключила рубильник на пульте. Пауза в концерте продлилась более пятидесяти минут.

21.00 – появилась информация, что с концерта доставлены в больницу три девушки. Земфиру успокоили, сказав, что их жизни ничего не угрожает и что после концерта к ним можно будет подъехать и узнать про их здоровье.

21.20 – милиция и администрация просят группу продолжить концерт.

22.30 – последнюю песню стадион встретил овацией. Когда Земфира решает поехать в больницу, где лежат девушки, ей отвечают, что „с ними все нормально, и они сами, без посторонней помощи ушли домой“.

После завершения моей интродукции с краткими заявлениями выступили Настя Колманович, организатор тура и директор. Мы действовали как одна команда – продуманно и сплоченно. Затем микрофон перешел к Земфире.

“Я переживаю за двух человек, которые, как я понимаю, реально получили повреждения, – сказала певица. – Это мальчик восемнадцати лет с переломами позвоночника и девочка четырнадцати лет, у которой травма черепа. За них я волнуюсь в первую очередь”.

Было очевидно, что Земфира не думает отмалчиваться и охотно идет на контакт. “Если бы подобная ситуация случилась с другой группой, я уверена, что такой реакции не было бы, – заявила певица. – У меня появилось ощущение, что я приобрела какой-то товарный знак, который все кому ни попадя продают... Просто имя Земфира сейчас очень круто продается. Мне бы хотелось как-то снизить эту дурацкую популярность. Чтобы ее не было. Чтобы я могла нормально работать. Потому что я не гуру, не идол и не идеолог. Я – музыкант”.

Ответив на огромное количество вопросов, генштаб Земфиры сделал заявление об отмене всех ближайших концертов – так же недавно поступили Pearl Jam после трагедии в Дании. Точно так же поступили бы любые порядочные люди.

Затем юрист Андрей Сотников отметил, что не видит состава преступления и правонарушения для возбуждения уголовного дела. Напряжение, царившее в зале в начале пресс-конференции, начало спадать.

“На любом нашем концерте – как, впрочем, и на выступлениях других рок-групп – происходят какие-то беспорядки, связанные с бурным выражением эмоций, – сказала Земфира. – У нас был случай в Донецке, когда ОМОН ломал зрителям руки и мы видели открытые переломы в первом ряду. Тогда мы прекратили концерт и ушли за кулисы – до тех пор, пока организаторы не поменяли весь состав ОМОНа в первом ряду. Об этом не было написано ни слова... После Якутска мы планируем отменить какое-то количество концертов. Нам нужно пережить происшедшее и все

обдумать. Возможно, мы прекратим гастрольную деятельность... Не знаю, будет ли это правильным шагом и кому от этого станет лучше”.

Судя по реакции зала, Земфире удалось завоевать доверие журналистов – прежде всего своей искренностью и расположением к диалогу. Особенно сильно это контрастировало с позицией якутских организаторов, которые упорно не отвечали на телефонные звонки.

Ненужной дискуссии о безопасности рок-мероприятий нам, похоже, удалось избежать. Впрочем, как и многого другого. Я почувствовал, что пресс-конференция подходит к логическому завершению. Пора было подводить итоги. Как говорили в кинофильме “Семнадцать мгновений весны”, лучше всего запоминаются последние слова:

“Перед тем как поблагодарить прессу и клуб „16 тонн“, я позволю себе сделать краткое заявление. Мы вам всё подробно и обстоятельно рассказали. Мы честно ответили на ваши вопросы. У нас есть единственная просьба: пожалуйста, будьте объективны. Пожалуйста, цитируйте наши высказывания так, как они записаны на диктофон, не искажая смысл. Пожалуйста, подбирайте для материалов адекватный визуальный ряд. Возвращаясь к сегодняшним статьям, опубликованным в прессе... Очень печально видеть фотографии безумствующей публики, которые сделаны на концертах других групп в других городах. И над всем этим красуется заголовок „Трагедия в Якутске“. Надеемся на ваш профессионализм. Спасибо за внимание и понимание”.

Пресс-конференция завершилась в полной тишине. “Почти что минута молчания”, – пронеслось у меня в голове. Что, собственно говоря, и требовалось доказать.

На следующий день вся пресса была на нашей стороне. Те самые газеты, которые еще вчера выливали на певицу ушат грязи, теперь активно поддерживали Земфиру. Абсолютно все репортажи оказались на редкость благожелательными, позитивными и по-человечески теплыми. Это была полная победа...

Конечно, в чем-то Земфире повезло. Повезло, что никто из журналистов не принялся обзванивать родителей детей, попавших в давку. Повезло, что якутские организаторы испугались масштабов содеянного и испарились. Повезло, что в государственные СМИ не поступил социальный заказ, оправдывающий действия МВД Якутии. Повезло, что двое подростков, оказавшихся в реанимации, выжили.

...Через полчаса после окончания пресс-конференции журналисты разъехались по редакциям. Настя Колманович позвала меня в гримерку, где сидела абсолютно опустошенная Земфира. Больше в комнате никого не

было. Почему-то глядя в пол, Настя сказала: “Мы с Земфирой хотели бы пригласить тебя работать, как и раньше, пресс-атташе группы”. Я посмотрел на Земфиру. Часть ее лица прикрывал козырек кепки. Глаз не было видно из-за темных очков. Она пила минеральную воду и, казалось, в своих мыслях витала где-то далеко. Вряд ли она сканировала этот диалог.

“Я подумаю”, – был мой ответ. Битва за репутацию артиста, судя по всему, оказалась выиграна. Жизнь входила в обычное русло. У каждого из нас был свой космос, но они, увы, лишь изредка пересекались. Через несколько часов у меня начиналась пресс-конференция группы “Небо здесь”.

Шел проливной дождь, и вся Москва стояла в пробках. Выезжать из “16тонн” никуда не хотелось. Впервые за несколько суток я мог спокойно перевести дух. Теперь у меня была масса времени, чтобы вспомнить, как вся эта история звездного взлета Земфиры начиналась...

2. Волшебный голос королевства

Я по натуре оптимист. Все будет хорошо, а дату лучше не уточнять.

Земфира

Воскресным июньским утром 98 года я выехал с Курского вокзала в сторону подмосковной Балашихи, где в тот момент располагалась репетиционная база “Троллей”. На пороге двухэтажного “Мумий Дома” я встретил бодрого Бурлакова – в спортивных брюках, домашних тапочках и с мусорным ведром. Леня нетерпеливо усадил меня в кресло, поставил в магнитофон кассету и включил звук на максимум. “Послушай, возможно, это будет новый артист „Утекай звукозапись“”, – сказал Бурлаков и, взяв калькулятор, принялся на нем чего-то вычислять.

На кассете оказалось несколько композиций, записанных под простенький ритм-бокс. “Странно, трамваи не ходят кругами, а только от края до края”, – доверительно пел знакомый женский голос. Вокал вроде бы Агузаровой, и в целом мне очень даже понравилось. “Классно, что Жанна перестала жрать таблетки и начала писать песни, – обрадовался я, прослушав песню про девочку-скандал. – Мы что, будем теперь с Агузаровой работать?”

“Вот и не угадал, – ответил Бурлаков. – Это не Агузарова. Это – Земфира Рамазанова из Уфы”.

Из дальнейших рассказов выяснилось, что пару недель назад питерские журналистки Ира и Юлия передали эту кассету продюсеру “Троллей”. Дело было в гримерке “Олимпийского”, буквально за несколько минут до выступления “Троллей” на “Максидроме-98”. Мы все тогда жутко волновались. Бурлаков машинально сунул кассету в карман куртки и пошел смотреть концерт. Как он ее не потерял, для меня остается загадкой. Суета там была чудовищная. Но... не потерял.

Через несколько дней Бурлаков все-таки добрался до своей куртки и вместе с музыкантами “Троллей” прослушал кассету. “Первой песней была „Минус 140“, спетая голосом Лаймы Вайкуле, – вспоминал впоследствии Леня. – Следующая была „Снег“. Все напряглись. Третья песня была „Скандал“ – после этого никаких вопросов не возникало. Я взял телефон и позвонил”.

Из рассказа Бурлакова следовало, что вскоре Земфира собирается приехать на несколько дней в Москву. Фактически это означало начало работы.

“Посмотри, как Земфира выступала в Уфе”. – Леня включил видеомэгнитофон и пошел ставить чайник. Телевизор стоял на огромном холодильнике “ЗИЛ”, и концерт приходилось наблюдать, высоко задрвав голову. В такой неловкой позе я увидел певицу впервые.

В центре сцены на высоком стуле сидело какое-то угловатое существо. Ноги и руки казались разбросаны по сторонам. Глаз видно не было – их прикрывала длиннющая челка... В руках у девушки была гитара, причем, как мне показалось, держала ее она крайне неловко. По крайней мере, ремня на гитаре не было. Где-то в углу спрятались клавишник, барабанщик и басист. Напротив сцены, на свежем воздухе, толпился празднично настроенный народ, которого собралось, на минуточку, тысяч десять-пятнадцать. Все это действо называлось День города.

“Можно я еще две песни спою?” – слегка жалостно обратилась Земфира к релаксирующим землякам. И, не дожидаясь ответа, затынула: “Мама-Америка, двадцать два берега...” Припев пела энергично – с напором и нездешней настойчивостью. По аранжировкам и сыгранности это выглядело очень сыро, но с голосом и внутренним драйвом у человека все было в порядке.

“Они там группу „Рондо“ разогревали, – не без иронии заметил Бурлаков. – Когда я с ней разговаривал, попросил привезти в Москву все песни, которые записаны”.

Потом Леня заявил, что хочет изучать Коран – чтобы лучше понять психологию и традиции мусульман. В тот момент у меня возникло ощущение, что Бурлаков готовится к встрече с инопланетянкой. Я не на шутку прифигел, но промолчал и тоже решил “подтянуть знания”. Коран я, конечно же, не осилил. Но к интервью начал готовиться “по науке”.

Через несколько дней я встретился с Иркочкой Коротневой – той самой журналисткой из Питера, которая в “Олимпийском” передала кассету Бурлакову. Мы взяли пива и сели поболтать о Земфире. Считалось, что таким образом я погружаюсь в предмет исследований. Первый вопрос напрашивался сам собой: “Как ты познакомилась с Земфирой?”

“Я приехала из Питера на „Максидром“ и остановилась у своей московской приятельницы, – отхлебывая пиво большими глотками, рассказывала Коротнева. – Приезжаю к ней прямо с поезда, часов в восемь утра. А у нее на диване спит незнакомая девушка. Протирает глаза и с ходу заявляет: „Привет! Меня зовут Земфира. Я – звезда“. И ставит мне кассету.

И я понимаю, что это – звезда. И никуда от этого не денешься. Сидит в восемь утра и разглагольствует о жизни. В этот же день мне удалось ей помочь и передать кассету „Троллям“.

В процессе беседы выяснилось, что не так давно Земфире сделали операцию, после которой у нее над ухом остался шрам. Также выяснилось, что певица предпочитает имидж девочки-мальчика. Говорит, что у нее нет кумиров, но любит Агузарову, “Кино” и “Наутилус Помпилиус”. Уверена, что никогда не будет давать автографы или делать футболки со своим изображением. Резкая и может поддаться. Колючая, одним словом.

Того, что я узнал в результате пивного сейшена, для первого раза было достаточно. К интервью с восходящей башкирской звездой я был более-менее готов.

В день приезда Земфиры у нас с Лагутенко неожиданно нарисовалась куча телесъемок. Изначально предполагалось, что в этот день певица познакомится с креативной командой “Утекай звукозапись”, мы обсудим совместные планы, а заодно сделаем интервью. Но жизнь внесла в наши намерения жесткие коррективы.

На встречу с Земфирой мы с Ильей опоздали на восемь часов. Ко всем нашим телесъемкам добавились московские пробки – короче, только под вечер мы подкатили к новой съемной квартире Бурлакова в Солнцево. В этот момент я обнаружил, что забыл свой диктофон в Останкино... Тем не менее настроение было приподнятое – нечто среднее между любопытством и ожиданием интриги.

Земфира тем временем находилась в компании Лени, его жены Вики и мамы Лагутенко Елены Борисовны. В течение целого дня Бурлаков обсуждал новые песни Земфиры, ежечасно подливал ей кофе и постоянно говорил: “Сейчас приедут”.

Под ногами будущей рок-звезды гоношился пятилетний сын Бурлакова по имени Илья, который оглашал квартиру чудовищными криками. Певица и продюсер “Троллей” на эти вопли никак не реагировали. В своих многочасовых дискуссиях они перешли от анализа творчества Земфиры к последнему альбому Massive Attack. Судя по всему, мнения у них разделились – они уже начали спорить...

Увидев входящего на кухню Лагутенко, Земфира прервала беседу и как-то неловко попыталась выбраться из-за стола. Так из-за узких парт встают ученики, когда в класс входит строгий завуч. “Сиди, сиди, – как-то по-доброму сказал Лагутенко, положив ей руку на плечо. – Извини, что опоздали. Давай знакомиться...”

“Я – Земфира”, – не дав Бурлакову ее представить, громко заявила

девушка. Глаза ее полыхали любопытством и каким-то языческим огнем. Она была одета в джинсы и футболку, на запястье болтался какой-то черный шелковый шнурок. Ноль косметики, ноль аксессуаров. На шее – выдавшие виды пластмассовые наушники.

“Ну вот вы с Ильей и познакомились, – по-хозяйски заявил Бурлаков. – А это Саша Кушнир, я тебе о нем рассказывал. Сейчас вы пойдете делать интервью для пресс-релиза”.

Я взял несколько листов бумаги, и мы с Земфирой пошли в спальню. Быстро и по-деловому. Спальня, похоже, была единственным местом в квартире, до которого не добрался воинственно настроенный ребенок.

Я представился и вкратце объяснил, для чего в этой жизни нужны пресс-релизы. Мол, для журналистов это что-то типа шпаргалки. “Давай немного поболтаем о тебе. – Из широких штанин я достал бумагу и ручку. – Сейчас постарайся в развернутой форме ответить на несколько вопросов”.

Начало первого в жизни Земфиры интервью было классическим. Стартовый вопрос был вообще простой: “Расскажи свою жизнь...”

“Мама у меня врач, папа – учитель истории, – уверенным голосом начала Земфира. – Я закончила музшколу по классу фортепиано, а потом – эстрадное отделение уфимского училища искусств. Закончила с красным дипломом по специальности „эстрадная вокалистка“”.

Увидев, что я не успеваю записывать, Земфира чуть сбавила темп. Стала рассказывать, как в школе занималась в семи кружках одновременно. Одним из ее увлечений стал баскетбол, который закончился выступлениями за юниорскую сборную России.

После нескольких вопросов биографического плана мы перешли к музыке. “Как тебе „Мумий Троль“?” – неожиданно спросил я.

“Сразу ли я подседа на „Мумий Троль“? – как-то на свой лад переспросила Земфира. – Не-а... „Морская“ мимо пролетела... Я тогда не любила русский рок и слушала соул, джаз и Massive Attack. Я даже песню „Не пошлое“ хотела сделать в духе Massive Attack, но не получилось... А когда я с больным ухом лежала в больнице, знакомые ди-джеи принесли „Икру“. Мне все там понравилось – музыка, язык... Понравилась фраза „я не слабый, просто добрый“. А я всю жизнь мечтала написать фразу, по которой тебя будут помнить. Например: „Помнишь? Да нет, ни фига ты не помнишь“...”

Я рискнул нарушить ход беседы и поделился с Земфирой сомнениями на тему конвертируемости ее музыкантов. Речь, собственно говоря, шла об увиденном мною на видео концерте в Уфе.

“Когда я посмотрела видеозапись, первое впечатление было: „Это

просто ужас“, – согласилась артистка. – Обосрались мы тогда страшно. Я увидела, как лажала группа, и поняла: „Мне надо петь очень хорошо“. В данной ситуации – это единственный выход”.

“Как ты стала писать песни?” – Я задал ей вопрос, который впоследствии ей будут задавать сотни раз.

“Как-то среди бела дня закрылась в комнате и начала сочинять, – быстро ответила певица. – Но до этого у меня были уфимские кабаки. Целых четыре года... Репертуар? Джазовые стандарты, Тони Брэкстон, Мэрайя Кэри, а также песня группы „Мумий Троль“ „Так надо“... У меня тогда даже прозвище появилось – „волшебный голос королевства“... Как-то ночью к нам в ресторан завалили пьяные братки и захотели послушать блатные песни... Получив отказ, достали пистолеты и несколько раз выстрелили в сторону сцены...”

“Когда будешь общаться с прессой, старайся не употреблять слово „ресторан“, – перебил я Земфиру. – Говори, что играла в уфимских кафе и ночных клубах. Никто не проверит... А то позиционирование у нас будет сильно хромать”.

После некоторых раздумий Земфира согласилась и принялась вспоминать, как устроилась работать на местную радиостанцию “Европа Плюс”. Там она впервые попробовала записываться. Самостоятельно. По ночам.

“Осенью 1997 года я впервые в жизни вошла в компьютер, – вспоминала Земфира. – И только следующим летом из него вышла. Это было лучшее время в моей жизни. К тому моменту я уже вдоволь напелась чужих песен. Теперь мне захотелось исполнять свои. Первой я записала „Снег“. У меня были готовы припев и первый куплет, а второго куплета не было. Придумала на ходу. Всем вокруг понравилось: „Давай, мол, еще!“”

Как я понял из рассказа, с пением в ресторане – под клавиши и саксофон – было покончено. Ближе к концу беседы я задал деликатный вопрос: “Часто ли у тебя бывали ситуации, когда ты по-настоящему пугалась?”

“Два раза было, – честно призналась артистка. – Когда по неделе песни не писались”.

Я понимал, что Земфира общается откровенно. Но при этом меня не покидало ощущение, что если она и “рвет на себе рубаху” – то, что называется, не до конца. В принципе, для первого знакомства и это было неплохо.

...Судя по всему, нам пора было закругляться. Тем более что в нашу келью неумолимо начала проникать жизнь в облике неугомного

Бурлакова-младшего. По-видимому, в рамках боевой операции “Звездные войны в Солнцево” он при помощи пластмассового автомата уничтожил все население квартиры. Поскольку ребенок был не сильно управляемый и порой напоминал истребитель, надо было сматываться. Мы с Земфирой договорились встретиться у меня дома – послушать разной музыки и закончить интервью.

На прощание певица вспомнила, что у нее с собой есть черно-белая фотография, и подарила ее мне – так сказать, для работы. Это был любительский снимок, на котором артистка выглядела лет на семнадцать-восемнадцать. Водолазка, аккуратная челка, гитара на коленях и очень внимательный, пристальный взгляд. Скажу честно, циклон в глазах Земфиры тогда не угадывался. Но все равно подарок меня порадовал и как-то по-своему согрел душу.

...На следующий день Земфира приехала без опозданий. Зашла в квартиру как хозяйка. Но без наглости. Поиграла на фортепиано, вежливо посмотрела картины на стенах. Быстрым движением руки изъела с полки с компакт-дисками все самое актуальное: Tindersticks, Placebo и всех поющих женщин из каталога фирмы “4 AD”. “Надо же, разбирается”, – не без уважения подумал я.

“Как ты вообще решилась ехать в Москву?” – задал я ей вопрос, с которого, по уму, и надо было начинать общение.

“Когда играла в ресторане, – вспоминала Земфира, – часто появлялись умники, которые напьются, подойдут и скажут: „Девушка, вы так хорошо поете, почему бы вам не уехать в Москву?“ Меня все это страшно раздражало. В конце концов они меня достали. И я решила поехать”.

Что из этого получилось, я уже знал. Так мне тогда казалось. Позднее выяснилось, что знал я далеко не все. Не знал, в частности, что за несколько дней до передачи кассеты “Троллям” Земфира договорилась о сотрудничестве с другим человеком. Переговоры она вела с продюсером группы “ЧайФ” Дмитрием Гройсманом.

Поскольку впоследствии мы с Димой неоднократно работали на разных рок-фестивалях, то не обсудить эту тему мы не могли. “Она пришла ко мне за неделю до „Максидрома“ 98-го года, – вспоминает продюсер группы “ЧайФ”. – Мне секретарь говорит: „Заходила девушка, принесла кассету с песнями“. Я сел в машину, воткнул кассету. И песня „Снег“. Там все было в мужском варианте, не в женском. Не было ни аранжировки, ничего. Но сила голоса, подача и нерв впечатляли... На следующий день я увидел Земфиру воочию – в тяжелых ботинках с распущенными шнурками... Она пришла в потертых джинсах и в майке неизвестного

цвета. Я ей сказал: „Мне интересно. Я готов поработать пополам: 50 на 50“. Земфира обрадовалась: „Ой, здорово! Мне максимум предлагали двадцать“. И мы ударили по рукам... Все, что ей нужно было от продюсера, – деньги на запись и связи. Больше ничего. Ее внутренний мир настолько богат: „Мама-Америка, двадцать два берега“. „Знаешь, почему двадцать два берега? – кричала она мне в трубку. – Потому что мне двадцать два года!“ Земфира была готова делиться всем, что у нее на душе, ей очень хотелось двигаться вперед... И мы стали готовиться к записи. И вдруг выяснилось, что продюсер „Троллей“ Бурлаков на „Мосфильме“ готовит ей запись”.

Конец цитаты. Когда я позднее поведал эту историю Бурлакову, он даже и бровью не повел. „Первый раз, когда мы встретились с Земфирой, я ей сказал: „Нужно еще шесть-семь песен“. Она сказала: „Да? Тебе еще шесть-семь песен? Может, я тебе буду писать всю жизнь? А ты будешь выбирать?“ Развернулась и ушла”.

“Я очень импульсивный человек, и очень многие поступки – это следствия каких-то моих порывов, – рассказывает Земфира. – И когда я затем начинаю анализировать, я совершенно четко вижу свои ошибки. Но ведь вряд ли можно вести себя неестественно, если тобой руководят порывы... При первых встречах с Бурлаковым я обиделась, что его не устроило качество каких-то моих песен. Я подумала: „А не пойти ли тебе далеко вместе со своим “Мумий Троллем”?“... Потому что он мне сказал: „Хочу сделать альбом, сплошь состоящий из хитов“. А мне, конечно, казалось, что у меня все хиты. А ему так не казалось. Я обиделась страшно и уехала обратно. И, возможно, эта обида простимулировала меня на написание каких-то еще сильных композиций. Спустя месяц я отправила Бурлакову мини-диск, на котором была новая песня „СПИД“. Леня сразу подумал, что я больна СПИДом и нужно срочно записывать альбом. Пока я не умерла”.

3. Праздник непослушания

Никогда никому не позволяйте влезать своими длинными пальцами в ваш замысел.

Дэвид Линч

К осени 98 года у Земфиры было написано и заархивировано порядка тридцати песен. Они лились из нее потоком – одна ярче другой. Будучи по гороскопу Девой, Земфира с патологической аккуратностью записывала их в тетрадки. Затем сбрасывала на компьютер.

Когда я впервые послушал демо-вариант альбома, не полюбить автора было нельзя. Впрочем, как и сами песни. Откуда-то из темной ямы космоса вырвался поток свежего ветра. Ощущение было непередаваемое – вот так, по-простому, прямо с улицы, в жизнь пришло что-то новое и неизведанное. “Танк”, – сказал кто-то из друзей. Действительно, она была как танк.

Одной из последних Земфира написала “Ариведерчи”. Как известно, строки про “корабли в моей гавани” были придуманы в самолете Москва—Уфа... Диктофона у нее не было, поэтому Земфира всю дорогу боялась забыть слова и музыку. Но, слава богу, не забыла.

“На репетиции, исполняя эту песню впервые, я проговаривала слова не вслух, а про себя, – рассказывала певица. – Иначе бы я чувствовала себя словно раздетой”.

...В последний момент Бурлаков обнаружил на одной из старых кассет Земфиры песню “Маечки”. Позвонил мне ночью, долго восторгался строчкой “Анечка просила снять маечки”. На следующий день после нелегких баталий “Маечки” включили в альбом. Теперь проблема состояла в том, какую песню оттуда изъять, – уж больно все были хороши.

“Я настаивала, чтобы убрали „Ариведерчи“, Бурлаков – „Синоптика“, – рассказывала Земфира. – В итоге обе песни оставили, а убрали „Маму-Америку“”.

Я расстроился, но времени на сантименты уже не оставалось. На днях из Уфы приезжали музыканты Земфиры – несколько репетиций, и вперед, на “Мосфильм”, записывать альбом. Но мы даже не догадывались, какие приключения ждут нас впереди. Дело в том, что, впервые оказавшись в студии, уфимские музыканты не смогли сыграть ряд инструментальных партий. В срочном порядке на “Мосфильм” были рекрутированы

музыканты “Троллей” Юра Цалер и Олег Пунгин. Фракцию группы “Мумий Троль” возглавлял Лагутенко, который осуществлял художественное руководство творческим процессом.

Студия “Мосфильм” была арендована с 20 по 30 октября 1998 года. На большее количество смен банально не хватало денег. “На первом альбоме со студийным временем была очень жесткая ситуация, – вспоминает Земфира. – Бурлаков и Лагутенко, когда вкладывали деньги, руководствовались только верой в нашу музыку. Ни один здравомыслящий человек тогда ни во что деньги не вкладывал, а наоборот, пытался вернуть потерянное. И это меня очень к „Троллям“ расположило”.

Из-за сжатых сроков напряженная обстановка во время записи порой переходила в нервную, а из нервной – в боевую. “Земфира часто бывает неуступчивой по отношению к своему музыкальному материалу”, – сказал где-то на третий день работы Юра Цалер. Зная деликатный характер гитариста “Троллей”, я понимал, что в студии происходит настоящее рубилово. И представил картину: характер Ильи и характер Земфиры. Зажмурил глаза. Из глаз посыпались искры...

На следующий день я позвонил Земфире – типа как первые впечатления? Задать вопрос я не успел – певица будто бы ждала звонка. Она тут же “включила рубильник”: “Ты знаешь, а ведь твой Илья, оказывается, настоящий диктатор... Говорит, что клавиш на альбоме слишком много! Говорит, что я – Раймонд Паулс в юбке. А я отвечаю: „А что ты, собственно говоря, имеешь против Паулса? Он отличный композитор! И вообще, мне что, теперь выкинуть все четыре года учебы в училище?“

Как я понял из монолога, речь шла о фортепианном соло в песне “Минус 140”. “Земфира часто игнорировала мнение Лагутенко, – комментирует эту ситуацию присутствовавший на сессии уфимский приятель певицы Аркадий Мухтаров. – Тогда Илья звонил Бурлакову и говорил, что они там какую-то эстраду записывают... Но своими звонками Лагутенко ничего не добился. Потому что ни Бурлаков, ни кто-нибудь другой не может на этого артиста повлиять. Земфира – это какой-то праздник непослушания. Она просто хлопнет дверью и уйдет”.

“Праздник непослушания” продолжался на протяжении всей сессии. В один из дней я приехал на “Мосфильм” вместе с корреспондентом MTV Юрой Яроцким. Нам надо было сделать репортаж том, что на “Утекай звукозапись” появилась новая артистка, которая пишет дебютный альбом, продюсируемый Лагутенко. Илья, естественно, выступал в роли информационного магнита...

Сюжет для “News-блока” состоял из двух условных частей: интервью с продюсером и интервью с артисткой. Вскоре выяснилось, что оба персонажа – артистка и продюсер – друг друга стоили.

Лагутенко, глядя в телекамеру честными глазами, выкатил телегу о том, что ехал мимо студии и зашел поглядеть – может, иногда посоветовать чего-нибудь. “Я не продюсер, я советчик”, – закончил свое мини-интервью лидер “Троллей”.

Земфира, увидев телекамеру MTV, села на стул, развернула его спиной к объективу и стала прятаться за спинкой. Я бы даже сказал, скрываться. Мои призывы особого успеха не имели – госпожа Рамазанова отделалась общими словами – и то неохотно.

“Как ты думаешь, понравится ли стране твой альбом?” – спросил у певицы корреспондент канала MTV. “Да, – ответила будущая звезда. – Я старалась”. Больше нам не удалось вытянуть ни слова.

...В эти же дни в Москву прибыл главный редактор журнала “FUZZ” Александр Долгов. Он заглянул на “Мосфильм” в тот самый момент, когда Бурлаков, активно жестикулируя, пытался объяснить Земфире, как именно ей нужно петь. Артистка несколько раз начинала петь песню про ракеты, но нужного эффекта добиться не могла.

“Меня поразило в Земфире ее чувство собственного достоинства и колючесть, – вспоминает Долгов. – Ощущался тяжелый характер, он был виден уже в этой стадии. Над ней довлел Бурлаков, пытался навязать ей что-то свое, а она сопротивлялась. Все-такигнула свою линию и не соглашалась”.

Редкий случай, когда тандему Лагутенко—Бурлаков удалось “уломать” певицу, произошел во время песни “Земфира”. Илья предложил вместо барабанов записать смягченный ритм-бокс, а вместо баса – контрабас, на котором сыграет Цалер. И – о, чудо! – Земфира согласилась.

“У нас не было контрабаса, но мы вспомнили, что рядом есть симфонический зал, – рассказывает Земфира. – Мы пошли туда, стырили контрабас, быстро на нем сыграли и быстро вернули. Никто ничего не заметил”.

Когда все инструментальные партии были записаны, “Тролли” покинули “Мосфильм” и отправились на гастроли в Прибалтику.

Земфира осталась в студии вместе с уфимскими музыкантами и звукорежиссером Володей Овчинниковым. Задача перед ними стояла архисложная – за одну смену записать все вокальные партии. Об этой супернагрузке Земфиры я узнал ночью, находясь в купе поезда Москва—Рига. “Да, здорово вы придумали, – сказал я, обращаясь к Цалеру. – За

неделю, не сильно парясь, записали инструментал, а потом устроили девочке „Отдыхай звукозапись“... Мол, ты больше всех выебывалась – теперь пиши вокал за один день. Заодно сама „вытравишь“ из голоса остатки вокальной манеры Агузаровой. Круто, конечно...”

Цалер молчал. Лагутенко задумчиво смотрел в темное окно. За окном стояла черная, как Африканский континент, подмосковная ночь. Что там Илье удалось разглядеть, было неясно...

Поскольку в последний день сессии меня в студии не было, я не знаю подробностей. Доподлинно известно только одно – на каких-то нечеловеческих сверхусилиях Земфира умудрилась все вокальные партии записать. Как именно ей это удалось – непонятно.

“Я даже не сразу поняла, куда полезла”, – признавалась впоследствии Земфира, но спустя несколько дней после сессии была уже куда менее политкорректна. “Суки, они хотели, чтобы я за один день записала весь вокал”, – жаловалась Земфира в приватной беседе знакомым питерским журналисткам, которые полгода назад передали ее кассету Бурлакову.

Дело происходило на квартире Иры Коротневой, куда после “Мосфильма” приехала Земфира. По иронии судьбы там же завис мой старинный друг и редактор журнала “КонтрКультУра” Сергей Гурьев. Встреча с башкирской певицей произвела на одного из организаторов легендарного рок-фестиваля в Подольске сильнейшее впечатление.

“Больше всего меня потряс внешний вид Земфиры, – вспоминает Гурьев. – Выглядела она почти как бомж – была одета в какие-то серо-черные обноски, а на абсолютно запущенное по части кожи и волос лицо вообще нельзя было смотреть без слез. „Да, – думал я, – стилистам-визажистам тут работы явно не на один год! Интересно, как они из такого положения выйдут?“ Среди всей этой визуальной беспонтовщины, однако, сразу выделялись глаза – невероятно живые, наполненные огромной внутренней энергией. Вместо Земфиры в целом говорить хотелось именно о ее глазах – их, и только их, как-то характеризовать: быстрые, уверенные, страстные, сильные... Словно именно там концентрировалась ее личность. Остальное на их фоне теряло смысл... Мне хотелось послушать хоть кусочек только что записанного альбома, который сама Земфира непрерывно слушала в наушниках – ей это было нужно для работы. Она мне дала буквально на двадцать секунд – и я попал, кажется на „Синоптика“. Показалось, что голос сильный, по-хорошему сырой, самобытный и самозабвенный. Что все это сделано просто и эффективно – и, наверное, действительно выстрелит. Долго слушать мои впечатления Земфира не стала: ее явно больше интересовали собственные эмоции”.

Когда мы вернулись из Прибалтики, а Земфира – из Питера, мне показалось, что артистка перестала психовать. Ей удалось договориться с Бурлаковым, что вокал на нескольких композициях она перепоеет в Лондоне, где вскоре планировалось смикшировать и отмастерить материал. Как бы там ни было, к зиме 99 года альбом процентов на восемьдесят был готов. Незадолго до Рождества певица презентовала мне этот вариант, взяв с меня слово никому эту версию не переписывать.

“Я летела в самолете, слушала весь альбом, – сказала Земфира. – Мне показалось, что в нем нет ничего лишнего. Нет ощущения, что чего-то не хватает. По-моему, все в нем закончено”.

Как ни странно, обещание не переписывать альбом я сдержал – хотя желающих иметь копию было предостаточно. Сами понимаете...

Однако в любом договоре – тем более устном – можно легко найти лазейки. Дело в том, что никто мне не запрещал слушать этот альбом вместе с друзьями-журналистами. Что я вскоре и сделал.

Сразу после новогодних праздников я собрал человек десять в центре зала станции метро “Преображенская площадь”. Собрались будущие редактора и корреспонденты русского “New Musical Express”, представители “Живого звука”, “Viva!”, “Столицы”, “Вечерней Москвы”, “Турне”.

Сценарий встречи был на редкость простой: мы пришли на мою съемную квартиру (где я когда-то познакомился с Лагутенко), сели на пол и прослушали весь альбом. Целиком. Теперь это называется “show-case”, а тогда – “посидели-попиздели”.

Когда на кассетнике закончила играть последняя песня, в квартире наступила тишина. Затем все загалдели, перебивая друг друга. Кто-то просил поставить еще раз, кто-то – дать переписать. Всем было отказано. Чувство голода – неплохая диета в ожидании пластинки. Но из квартиры все выпорхнули разгоряченные и одухотворенные.

Я был на седьмом небе от счастья – значит, пахали мы все-таки не зря. Из-за последствий дефолта нам приходилось трудиться за символическую плату. Бурлаков с Лагутенко несли существенный финансовый риск. Это была работа за идею, работа на грядущий результат. “Тайная вечеря” с журналистами еще раз доказала, что результат обязательно придет.

4. Башкирское золото

Ты козырь наш, башкирский мёд!

Юрий Шевчук

Не так давно я прочитал в одном музыкальном журнале, что раскручивать Земфиру было не надо – мол, она сама себя раскрутила. Своими песнями. Ха-ха три раза... Это, конечно же, полный бред. Зимой 1999 года все выглядело не так просто и радужно.

Как только из Лондона привезли канонический вариант альбома, я тут же направился на “Русское Радио”. Не сильно задумываясь о последствиях, я отдал все песни Земфиры программному директору Степе Строеву – на предварительное ознакомление. Лет за десять до этого я немного продюсировал группу “Зангези”, в которой юный Степа играл на басу. Так что я был вправе рассчитывать на объективность. Вскоре объективность восторжествовала – правда, в довольно причудливой форме...

Когда через неделю я перезвонил на “Русское Радио”, мне сказали, что все это, возможно, очень неплохо, но явного хита у Земфиры нет. По крайней мере, Степа его на альбоме не видит. Надо подождать...

Ждать пришлось недолго: через несколько недель Строева попросили написать заявление об уходе – правда, по причинам иного свойства.

...Пока программные директора раздумывали о ротации, Земфира дала на “Радио России” первое в своей жизни интервью на всю страну. Этот эфир мы с ведущим передачи “Четыре четверти” Сашей Алексеевым пробивали больше месяца – никак не могли достучаться до сознания его начальства. “Ты с ума сошел, парень, – говорила Алексееву администрация. – Ты что, не понимаешь? Она ведь наркоманка!”

Это было что-то новенькое. Но мы с Алексеевым зарубились на своем и вскоре придумали фишку. Теперь тема его программы звучала следующим образом: “Александр Кушнир представляет свою будущую книгу „100 магнитоальбомов советского рока“ – вместе с ее героями”.

Голь на выдумки хитра. В нашем варианте Земфира выступала в роли одного из героев энциклопедии. Получалась небольшая нестыковка по времени – в 80-х годах Земфира еще училась в школе и слушала “Наутилус Помпилиус” и “Кино”. В скобках заметим, что о Земфире в книге не было написано ни слова – кроме благодарности в разделе “плодотворное

сочувствие идее”... Но, видит бог, цель засветить ее песни оправдывала любые средства.

Первое появление Земфиры на радио ничем особенным не запомнилось. Кроме того, что в узком проеме студийной двери она столкнулась с предыдущим гостем – певицей Аленой Апиной. Экс-вокалистка “Комбинации” сжалась в комок и каким-то бабским нюхом почуяла неладное. Еще бы! Ей навстречу шла не просто новая артистка. Ей на смену шла новая эпоха.

Когда ночью я переслушал на диктофоне запись прямого эфира, то понял, что самое интересное происходило за кадром. Пока в студии на всю страну играли песни Земфиры, включенный диктофон фиксировал нашу расслабленную болтовню. Там было несколько забавных моментов – в частности, когда любознательный Саша Алексеев начал выяснять у Земфиры, не является ли песня “СПИД” автобиографической.

“Это всё личные переживания, – зная, что микрофоны выключены, разоткровенничалась певица. – Мне приятно, что вы обратили внимание на эту песню, но раскрывать секреты не хочется. Я сейчас скажу в эфире, что у меня СПИД, и со мной сразу разорвут все контракты. А если я этого не скажу, будет неинтересно. Как мне быть?”

Во время следующей паузы, когда в эфире играли “Маечки”, Алексеев преподал певице неплохой урок позиционирования. Несмотря на нашу договоренность, Земфира, рассказывая про уфимскую “Европу Плюс”, невзначай добавила: “А еще я четыре года в ресторанах работала...” – “Ты что, картошку там жарила?” – живо поинтересовался Алексеев. Земфира перехватила мой укоризненный взгляд. Больше слово “рестораны” я от Рамазановой не слышал никогда.

...Пока мы развозили промо-записи и давали первые интервью, Бурлаков договорился о встрече с Михаилом Козыревым, ушедшим с “Радио Максимум” на “Наше Радио”. Мы приехали в его офис в районе метро “Октябрьская”, взяв с собой весь джентльменский набор артистов “Утекай звукозапись”: “Туманный стон”, “Deadушки”, “Мумий Троль” и Земфира...

Первые две группы Козырев прослушал скорее из вежливости. Пластинка Земфиры сразу же произвела на него сильное впечатление. Это было видно невооруженным глазом. После долгих разговоров-переговоров решили начать ротацию с песни “СПИД”. Первый эфир планировался на пятницу, 26 февраля 1999 года.

Накануне радиийного дебюта Земфиры мне не спалось. Волновался. Поводы для этого были немалые – последние полгода деловые и

человеческие отношения тандема Козырев—Бурлаков были далеки от идеала. Поэтому случиться могло всякое. Утром я для подстраховки позвонил Козыреву.

Поскольку спрашивать про ротацию Земфиры “в лоб” было признаком дурного тона, я решил зайти с фланга. “Миша! – как-то чересчур возбужденно сказал я. – А вот если тебе, скажем, позвонит Березовский и запретит крутить „а у тебя СПИД, и значит, мы умрем“? Что ты тогда сделаешь?” Козырев выдержал эффектную паузу и как-то театрально произнес: “Если мне даже Ельцин позвонит, я все равно поставлю Земфиру”. И – таки поставил.

Вскоре альтруистический почин “Нашего Радио” подхватило еще несколько станций: “Радио Максимум”, “Авторadio”, “М-radio” и “Европа Плюс”. Жизнь налаживалась.

Параллельно Бурлакову удалось заинтересовать музыкой Земфиры Константина Эрнста. На столе у босса Первого канала появилась промо-копия альбома, на обратной стороне которого Бурлаков выдал прямо-таки гениальный в своем минимализме текст:

Краткая характеристика проекта: Земфире, на наш взгляд, впервые удалось так гармонично соединить накопленный материал советской эстрады (А.Пугачева, Л.Вайкуле, Валерия и т.д.) с самыми современными формами рок-музыки (Ж.Агузарова, “Мумий Троль”, Alanis Morissette и т.д.). Полученное ею высшее джазовое музыкальное образование по классу вокала, композиции и аранжировки позволило акцентировать внимание на многогранности и уникальности голоса певицы. Самодостаточность, законченность и простота ее текстов позволяют им прочно “войти в жизнь”. Благодаря невероятной работоспособности, настойчивости, внутренней независимости и полной самостоятельности (имеет готовую группу для живых выступлений) Земфира имеет реальные взгляды на шоу-бизнес. Практически все центральные средства массовой информации уже упоминали об ее “появлении”, но никто толком ее еще не слышал. Поэтому самый простой и необходимый рекламный ход – это непосредственное предъявление певицы...

В последней фразе Бурлаков был прав на двести процентов. Теперь наступил момент показать певицу журналистам. Как бы это странно ни звучало, ситуация с Земфирой в марте 99 года в чем-то предвосхитила Глюкозу – другими словами, об артистке все слышали, но никто не видел.

За неделю до запланированной нами пресс-конференции внезапно опомнилась Капа из “Московского Комсомольца”, которая давно хотела опубликовать большой очерк о Земфире. Логика журналистки была проста:

ее статья должна выйти в среду, 24 марта, – за несколько часов до начала пресс-конференции. Я всегда ценил Капу за то, что в бурном информационном потоке именно ей удавалось “по полноте охвата информации” быть впереди планеты всей. Так случилось и на этот раз.

У этой истории был единственный минус – Земфира в тот момент находилась в Уфе. Вместо певицы рассказывать о ее творческой судьбе довелось мне. Передо мной стояла не очень сложная задача – поделиться с журналисткой “Московского Комсомольца” впечатлениями о Земфире-артистке, Земфире-человеке, Земфире-поэте и композиторе. И, наконец, о волнующей всех теме отношений Земфиры и Лагутенко.

Теперь небольшое географическое отступление... Я знал, что в самом начале Ленинского проспекта, неподалеку от будущего клуба “Точка”, находится уютное кафе под названием “Cosmo”, в котором по телевизору транслировались передачи “MTV Россия”. Когда-то это было вершиной шика... Сегодня этого кафе уже нет, и на его месте стоит магазин с прозаичным названием “Обувь”. Но весной 99-го мы, не спрашивая ни у кого разрешения, превратили “Cosmo” в пресс-офис Земфиры. Забившись в одну из угловых кабинок, певица давала свои первые интервью. Именно в “Cosmo” я встретился с Капой.

Беседа длилась больше двух часов и оказалась на редкость поучительной. По двум причинам. Во-первых, для доверительности Капа пришла на встречу без диктофона и каким-то парадоксальным образом все мои охотничьи рассказы запомнила. Или у нее цифровой диктофон был спрятан в рукаве – не знаю. В любом случае, работала журналистка “Московского Комсомольца” профессионально.

В конце моего восторженного монолога Капа как-то по-хитрому прищурилась и спросила: “А ты можешь рассказать про Земфиру какие-то неочевидные подробности?” “Что именно ты имеешь в виду?” – удивился я. “Ну, например, об ее отношениях с девушками”, – ответила журналистка. “Да ты что, шутишь? – поразила пресс-служба Земфиры, собственно говоря, в моем лице. – У нее есть бойфренд Аркадий. Он отличный звукорежиссер, часто приезжает к ней в Москву из Уфы. Капа, что ты придумала? Какие девочки?”

Дискуссия становилась оживленной. На нас стали оглядываться из-за соседних столов. И тут настал звездный час Капы. “Да ты че, альбом не слушал? – задала она риторический вопрос. – Ты что, не слышал, что на первых двух песнях поется о любви девушки к девушке? А Анечка, которая просила снять маечку?”

Капа сказала, как гвоздь в крышку гроба вбила. Я был в нокдауне, ведь

эту тему мы не обсуждали ни с кем из участников процесса – ни с Земфирой, ни с Бурлаковым, ни с Лагутенко. Во-вторых, на это не обратил внимания никто из моих друзей и коллег, знакомых с музыкальным материалом. Но игнорировать реплики Капы я не мог...

До появления или расцвета творчества групп типа “Гостей из будущего”, “Ночных снайперов” и Butch оставалось от силы полгода-год. Но я, тем не менее, чувствовал себя натуральным инопланетянином. Можно сказать, совком. Мимо меня проносилась искрящая каким-то потаенным электрическим потенциалом жизнь, о которой я не только ничего не знал, но даже и не догадывался. Со свернутыми набекрень мозгами я распрощался с Капой и уныло поплелся в клуб “Республика Beefeater” – договариваться о пресс-конференции.

...Статья в “Московском Комсомольце” должна была явиться первой серьезной публикацией о Земфире, которая, по идее, могла заложить фундамент правильно сформированного общественного мнения. Я маялся и никак не мог дождаться среды, когда газета появится в продаже. Во мне бурлило ощущение грядущей сенсации. Во вторник вечером, почувствовав у себя в одном месте шило, я поехал на “Пушкинскую” и купил с рук у бабушек завтрашний номер “Московского Комсомольца”. Капа оправдала все ожидания, лихо шарахнув статью о никому не известной певице Земфире размером в половину полосы. Во второй половине музыкальной рубрики рассказывалось о сенсационных европейских контрактах певицы Линды. Судя по газетному объему, эти два события считались информационно равнозначными...

Материал о новой артистке назывался “Девочка-пожар”, а подзаголовок возвещал о том, что “на место „Мумий Тролля“ пришла его воспитанница Земфира”. На тему однополой любви Капа написала предельно деликатно: “Страстью всепоглощающей и мнущей, как шоколад стекло, переполнены все песни Земфиры. Но страстью к кому – непонятно. Предмет любви размыт (то ли дурной мальчишка, то ли отвергающая, непонимающая женщина), но выпирает из альбома глубокая, безумная жажда чего-то”.

С точки зрения начала PR-кампании это был просто идеальный текст. Здесь присутствовали и интрига, и реклама, и косвенный пиар... В восторге от того, что история творится прямо на глазах, я тут же позвонил Бурлакову. И с интонацией “о вручении ордена Ленина” зачитал статью целиком.

Леня довольно журчал в трубку. То ли жевал, то ли гедонистически радовался тому, как у него продвигаются переговоры по поддержке

Земфиры каналом ОРТ. И господином Эрнстом лично... Закончив издавать не поддающиеся идентификации звуки, он внезапно спросил: “А пресс-релиз для завтрашней пресс-конференции у нас готов?”

Вопрос Бурлакова застал меня врасплох. В клуб “Республика Beefeater” аккредитовалось более полусотни журналистов, а пресс-релиз, интервью для которого, смею напомнить, я брал еще полгода назад в Солнцево, готов не был. Более того, так получилось, что на нем даже “муха не сидела”.

Вспомнив, что лучшая защита – нападение, я стал рассуждать о том, что статья в “Московском Комсомольце” – отличный пресс-релиз. И, мол, нечего дублировать шедевры. Бурлаков молча выслушал эту демагогию, а потом вынес вердикт: “Пресс-конференция в четыре – значит, в двенадцать часов пресс-релиз Земфиры должен быть готов”.

Я для приличия немного сопротивлялся, но мои аргументы были скорее спонтанные, чем рациональные. В конце концов я быстро набросал небольшой текст, который первоначально назывался “Башкирский мёд”. И никак иначе.

Ларчик открывался просто. В названии содержался замаскированный воздушный поцелуй Земфире. Дело в том, что, приезжая из Уфы, она, как правило, привозила друзьям в подарок мёд. Биологические добавки для медведей перемещались на самолете Уфа—Москва в крохотных деревянных бочонках, на которых вручную было выжжено: “Башкирский мёд”. Очень трогательно. И очень вкусно.

Утром, перед тем как послать пресс-релиз на печать, я все-таки передумал. Решил, что все эти подарки Земфиры – что-то очень личное. А у нас тут как-никак московский шоу-бизнес. И в последний момент переделал название текста на более нейтральное – “Башкирское золото”.

5. Первый бал

Во всем мире артисты и журналисты находятся в разных лагерях. Они, наверное, никогда не поймут друг друга.

Брайан Мэй

Пресс-конференция Земфиры в переполненном “Бифитере” прошла удачно. Мы с Бурлаковым прокрутили весь альбом, рассказали про планы “Утекай звукозапись”, а затем – о том, откуда вышеупомянутое “башкирское золото” свалилось всем нам на голову.

Земфира в это время сидела не в зале, а в тесной гримерке – вместе с мамой Лагутенко Еленой Борисовной, которая немало помогала певице в тот период. Земфира старалась сконцентрироваться, словно перед финальными соревнованиями первенства России по баскетболу. Но когда она появилась перед прессой, от волнения не осталось и следа.

“Это твоя первая пресс-конференция?” – дружелюбно спросил Бурлаков. “Восьмая!” – огрызнулась Земфира. Кажется, ее не смущали ни диктофоны, ни десятки фотокамер, ни свет прожекторов. Не дожидаясь вопросов, она сразу же перехватила инициативу: “Чего это вы такие кислые и скучные? Давайте-ка я вам лучше что-нибудь спою”.

И в полной тишине исполнила а капелла башкирскую народную песню “Свет очей моих”. После чего все закулисные разговоры на тему ее искусственности отпали сами собой. “Вообще-то это был очень опасный ход: а вдруг не споется, – призналась мне после пресс-конференции певица. – Но я-то в себе уверена”.

Много вопросов задавалось Земфире на тему нюансов сотрудничества с Лагутенко. “Начнем с того, что я Илье доверяю безоговорочно – в силу того, что человек всего добился сам, – отвечала Земфира. – Я доверяю его вкусу, доверяю его порядочности в отношениях с людьми... На записи альбома у нас были некоторые разногласия, но я всегда делала по-своему. И это отразилось на пластинке. Может быть, кстати, даже в худшую сторону. Потому что музыкальному вкусу Лагутенко я бесконечно доверяю. Этот человек слушает много музыки – разной и хорошей. И спасибо ему за те пластинки, которые я слушала”.

Затем кто-то из журналистов спросил, не собираюсь ли я написать о

Земфире книгу – по-видимому, намекая на недавнюю “Правду о Мумиях и Троллях”. Я отшутился, сказав, что тираж книги “Башкирское золото” уже находится в типографии. Кто-то посмеялся, кто-то поверил – как правило, события вокруг “Утекай звукозапись” развивались с такой скоростью, что в любой момент могло произойти все что угодно. Поэтому лично я не сильно удивился, когда узнал, что через несколько дней мне вместе с Земфирой надо будет ехать в Питер – на фестиваль журнала “FUZZ”.

По нашим подсчетам группа “Мумий Троль” должна была завоевать там несколько призов. Я направлялся в Питер в качестве пресс-атташе “Троллей”. Земфира была откомандирована с менее пафосными целями. Скорее всего, “в разведку” – дать несколько интервью и вообще, что называется, увидеть мир.

В поезде мы почти не спали, поскольку в купе, помимо Земфиры и меня, ехали Капа и певица Маша Макарова. Это была ядерная смесь – мы говорили, наверное, обо всем на свете. В соседнем купе находилась съемочная бригада “MTV Россия”, которая где-то под утро предложила Земфире партизанскими тропами пробраться на сцену “Юбилейного” и под гитару спеть хотя бы одну песню...

В Питере московскую делегацию встречали активисты местного фан-клуба “Троллей”, которые пригласили нас “в гости” на завтрак. “Мы приехали и остановились у одной девушки, у которой в квартире было старое, хорошо звучащее пианино, – вспоминает Земфира. – И мне пришла в голову мелодия какой-то новой песни, которую я тут же и сыграла...”

После сытного завтрака я начал тащить Земфиру на какую-то выставку в Русский музей. Невыспавшаяся Рамазанова отчаянно отбрыкивалась. В конце концов я оставил ее спать и ринулся наслаждаться высоким искусством.

Встретились мы в “Юбилейном” только под вечер, где устроили импровизированный пресс-тур. С учетом того, что у Зёмы еще не было ни клипов, ни концертов, ни хитов, это выглядело настоящей наглостью. Первым нам встретился известный питерский фотограф Федечко-Мацкевич. “Андрей, сними девушку, – потянул я его за руку в сторону Земфиры. – Поверь мне, это будущая рок-звезда!”

Чуткий фотохудожник поверил на слово и добросовестно отщелкал в пресс-центре целую пленку. Дело сделано. Мы с Земфирой ринулись дальше – завоевывать новые территории. Казалось, нас ничто не может остановить.

В дверях оргкомитета мы столкнулись с Людой Титовой из минской “Музыкальной газеты”, которая, наслушавшись моих рассказов про

грядущую рок-сенсацию, тут же включила диктофон. Земфира вошла во вкус и начала гнать телеги: “У меня появился автомобиль – красивый и зеленый... На днях я увидела его возле казино и закатила истерику. И мне тут же его купили за восемьдесят тысяч долларов”.

Первые успехи в общении Земфиры и прессы были скорее исключениями из правил. А общие тенденции были иными. Большинство питерских журналистов, кучкующихся в кулуарах “Юбилейного”, знали меня по пресс-конференциям “Троллей”, но интервью у певицы брали неохотно. Да кто она такая? “Снимайте, суки, – не сдавался я и чуть ли не пинками подталкивал к телу господнему очередных фотографов и журналистов. – Потом „спасибо“ скажете!”

Что было потом? Когда через год Земфира буквально разорвет “Юбилейный”, они, вечно пьяные, будут хвастаться в кулуарах друг другу: “Это я первым взял у нее интервью”. Они будут спорить о пальме первенства, и, что удивительно, совершенно искренне. Мне сложно сказать, смешно это или грустно, но так в итоге и произошло.

...В паузах между боевыми схватками с носителями диктофонов мне приходилось выходить на сцену, получая для “Троллей” призы от журнала “FUZZ”. В номинации “лучшая рок-группа” и “лучшее видео”. Пресс-атташе “Троллей”, как и все живое вокруг, был чудовищно бухим. Поэтому не понимаю, как я едва не рухнул со сцены, отважившись посмотреть в зал. Зрелище было из тех, что надолго врезаются в память. Впереди колыхалось темное человеческое море, разрезаемое лучом военного прожектора, который светил прямо в глаза. “Гул затих, я вышел на подмости...” Сжимая в руках тяжелые фуззовские статуэтки, я хотел сказать что-нибудь своим новым тысячам друзей. Сказать про Земфиру...

Детектор работал по полной: говорить/не говорить. Ответственность была огромной. С одной стороны, зал находился в неведении, что здесь, в “Юбилейном”, находится человек, который через год, скорее всего, будет стоять на этой сцене в роли триумфатора. С другой стороны, можно было заочно-пафосно заявить, что через месяц выйдет альбом, который перевернет людям мозги...

В итоге ничего про Земфиру я не сказал. Пропел какие-то героические дифирамбы в адрес Лагутенко. Может, испугался. Может, в последний момент решил, что и так все будет нормально, без игры “в Ленина на броневике”.

...Вернувшись из Питера, я столкнулся с двумя видами новостей. Во-первых, количество недоброжелательных откликов на ротируемую песню “СПИД” превышало все мыслимые нормы. В радиотурнире дебютантов

“Нашего Радио” песня “СПИД” проиграла группе Mad Dog – кажется, со счетом 40:60. “И где вы только эту торговку урюком с башкирского рынка нашли?” – звонили в эфир чуткие радиослушатели. “Дай им Бог здоровья, – узнав о такой реакции, спокойно сказала Земфира. – И таланта побольше”. Кого она имела в виду, осталось непонятно. Переспрашивать я не стал, зато поторопился обрадовать артистку хорошими новостями.

После пресс-конференции в “Бифитере” газеты просто прорвало на комплименты. Это был плюс. Минус был один: все журналисты начали сравнивать Земфиру с Лагутенко. “Ее дебютная запись очень похожа на „Мумий Троль“, – писали “Известия”. – Убрать вокал – так и совсем похожа”.

“Земфира – это, грубо говоря, девичий вариант „Мумий Троля“, – сообщали “Московские новости”. – Она как бы взяла слова и манеры Лагутенко, бодрое безумие Агузаровой и легкость Ветлицкой. Иные песни альбома, впрочем, звучат так, как если бы покойную Янку Дягилеву продюсировал не Егор Летов, а, не приведи господь, все тот же Илья Лагутенко”.

У Земфиры подобные сравнения вызывали жесткую аллергию. Когда в кафе “Cosmo” она увидела по MTV клип “Ранетка”, то сказала насмешливо в диктофон: “О, кореш поет... Фрэнд”. Еще через полчаса в интервью “Собеседнику” на эту же тему она заявила: “Чудные вы люди. Я начала писать песни задолго до знакомства с Ильей... Я, между прочим, русскую музыку почти не слушаю и альбом „Морская“ не люблю. Считаю глупостью совершеннейшей. Илья не обидится, я ему это уже говорила”.

Илья обидеться не мог, поскольку записывал в Лондоне “Точно ртуть алоэ”. При визировании текста я слова про “Морскую”, естественно, убрал. А нам с Земфирой приходилось “выяснять отношения” – что-то на тему того, что мы плывем в одной лодке. Она, Илья, Бурлаков, я, наконец...

“Ну да – трое в лодке, не считая собаки... У меня почему-то складывается такое ощущение...” – как-то болезненно прореагировала она.

Тем не менее, когда на следующий день мы поехали давать интервью на “Радио Максимум”, Земфира заметно прогрессировала – в рамках собственной эстетики, естественно. На вопрос редактора “Макси ньюз” Юры Федорова, считает ли она себя воспитанницей Лагутенко, Земфира ответила: “Слово „воспитанник“ меня не то чтобы обижает... Я – женщина, он – мужчина. У меня есть музыкальное образование, у него – нет. У нас разный подход к музыке. Илья отражает в музыке свой характер, я – свой. Илья не является моим продюсером... Мы просто хорошие знакомые”.

Сегодня я понимаю, что в данной ситуации Земфире надо было помочь

и придумать для 22-летней девушки какую-нибудь универсальную формулировку. Мы же плыли по течению, которое неумолимо несло нас к дате презентации альбома, появления которого ждали тысячи поклонников...

Тут уместно напомнить, что выход пластинки, как правило, предваряется ротацией по телевидению одного или двух клипов. Чтобы альбом был ожидаемым. У Земфиры история с клипами сложилась неоднозначная. Отснятый в Праге ролик на песню “СПИД” сенсации, мягко говоря, не произвел. Его отложили на полку “до лучших времен”, а выход диска предварял клип, снятый Виктором Солохой на песню “Ариведерчи”.

“Клип, на мой взгляд, получился довольно странным, – вспоминает Земфира. – Но мы его придумывали вместе, если я назову эти фамилии – вы сойдете с ума: Константин Эрнст, Леонид Бурлаков, Виктор Солоха, Земфира Рамазанова. Мы сидели в „Останкино“ и придумывали в кабинете генерального директора клип. В итоге получилось нечто”.

После того как ролик “Ариведерчи” попал в телеротацию, презентацию пластинки решено было провести 8 мая в клубе “16 тонн”. Акция задумывалась совместно с журналом “ОМ” и компанией “Real Records”, которой “Утекай звукозапись” продала дистрибьюторские и смежные права.

...Непосредственно перед презентацией мы с Земфирой пошли в “16 тонн” – на выступление Жанны Агузаровой. Дело было за сутки до нашей акции.

“На втором курсе я впервые услышала „Русский альбом“ Агузаровой, – рассказывала Земфира по дороге в “16тонн”. – Там у нее играл просто потрясающий гитарист... А в 93-м году „Браво“ выступали в Уфе... Билеты тогда были дорогие – по двадцать пять тысяч рублей. Но я пошла – и не пожалела. Жанна была в ударе, а в конце выступления взяла и перепрыгнула через барабанную установку...”

В “16 тоннах” Земфира внимательно отслушала Агузарову и на мой вопрос: “Ну и как тебе королева рок-н-ролла?” – неожиданно заявила: “А у меня голос все равно лучше”. Сказано это было по-взрослому. Серьезно. “Вот завтра ты всем это и докажешь”, – подытожил я.

На следующий день приехавшие из Уфы музыканты Земфиры оккупировали клуб с самого утра. Я тоже примчался пораньше, поскольку работы по аккредитации было выше крыши. У станции метро “Улица 1905 года” купил букет весенних ромашек – такая у меня возникла не очень глубокая ассоциация с одноименной песней. Земфира заметно нервничала,

но ромашкам обрадовалась, воткнув одну из них себе за ухо. Так весь саундчек с ней и пропела.

Уже во время настройки стало понятно, что сыгранность уфимской группы далека от идеала. В небольшом клубе это было слышно особенно отчетливо. Именно на саундчеке, когда Земфира в сердцах материлась на весь клуб, я впервые увидел ее музыкантов в действии: Миролубов на клавишах, Созинов на барабанах, Вадим Соловьев на гитаре и Ринат на басу. Все они меня не особенно впечатлили, но я гнал дурные мысли прочь. Типа Земфира – не дура. Она знает, что делает.

...Устраивая презентацию в клубе на Пресненском валу, мы, конечно, сильно рисковали. С точки зрения элементарной логики не мог пивной паб, рассчитанный на триста мест, вместить около тысячи гостей.

Вместил.

Позднее Капа рассказывала, что, увидев у входа в “16 тонн” огромную толпу и узнав, “о чем базар”, проезжавшие мимо братки предлагали ей за проходку триста баксов. Несколько светских тусовщиков пытались прорваться сквозь двойной кордон охраны, но тщетно.

Начало концерта задерживалось дважды. Вначале все ждали Эрнста, затем Бурлакова. У Ленки от волнения поднялось давление, и в клуб он приехал, что называется, на морально-волевых усилиях. Собственно говоря, он и открыл вечер, заявив со сцены: “Язнаю, как попасть на ОРТ! Надо обладать гениальным голосом”. Это был реверанс не только в адрес Земфиры, но и непосредственно Эрнста, который уже начал ротировать клип “Ариведерчи”.

После Бурлакова на сцену поднялся сам Константин Львович. “Сюда пришли люди с хорошим музыкальным вкусом”, – как-то значимо произнес он. Сказал, как аттестат зрелости всем вручил.

Пора было начинать. Выйти из гримерки оказалось невозможно – люди вокруг стояли в два этажа. Охрана не без труда расчистила певице дорогу, музыканты уже находились на сцене. Я посадил на плечи несовершеннолетнего сына Бурлакова – с другой точки лицезреть происходящее у него просто не было возможности. Концерт наконец-то стартовал.

...Земфира начала с “Ракет”, но от волнения забыла подключить гитару к усилителю. Пока происходил этот процесс, публика смогла рассмотреть своего героя. Как писал впоследствии “Московский Комсомолец”, “на сцену выпрыгнуло слегка сутулившееся, нескладно-угловатое взлохмаченное существо в зеленом блестящем камзоле и в расхлябанных тинейджерских кроссовках. Невзирая на легенький макияж,

существо походило скорее на подготовившегося к ужасной драке бесстрашного дворового хулигана, нежели на воздушную обложечную красавицу”.

Отсканировав глазами певицу, народ переключился непосредственно на музыку. Земфира выступала полчаса, исполнив восемь песен. Своим голосом она пробивала до самых гланд – на фоне расхлябанно-кастрюльного “саунда” уфимских музыкантов. Она выглядела растрепанно-взъерошенной, а от ромашки не осталось и следа – во время исполнения одноименной композиции Земфира вынула цветок из волос и стала раскидывать лепестки зрителям...

Последней исполнялась “Мама-Америка”. И когда Земфира унеслась в припеве в известные только ей заоблачные фудзиямы, у находившихся в зале зрителей возникло ощущение, словно над их головами взорвалась неопознанная мегабомба.

Потрясенный увиденным, глава “MTV Россия” Борис Зосимов как-то растерянно спрашивал у окружающих: “Вы не знаете, кто ей делает аранжировки?” В этот момент директор “Радио Максимум” Михаил Эйдельман страстно агитировал Бурлакова на тему выступления Земфиры на грядущем “Максидроме”.

“Миша, ты – просто отличный переговорщик, – отнекивался промоутер Земфиры. – Когда я стану президентом этой страны, точно сделаю тебя министром иностранных дел. Но пока мы этот „Максидром“ пропустим. Обозначим присутствие Земфиры символически – с одной песней. Зато на следующем фестивале она выступит реальным хедлайнером”.

Вокруг все что-то бесперебойно говорили и поздравляли. Казалось, в этот вечер весь мир сошел с ума от комплиментов... Когда, абсолютно опустошенный, я добрался до дома, то в еженедельнике напротив даты 8 мая 1999 года написал всего два слова: “Мы победили!”

6. Шкалят датчики

Я достаточно легко расстаюсь с прошлыми этапами своей жизни.

Земфира

В поддержку только что вышедшего альбома Земфира продолжала давать многочисленные интервью. В серьезных гляцевых журналах наконец-то стали выходить крупные материалы. К этому моменту появились подготовленные мною еще зимой статьи в “Harpers Bazaar”, “Культе личности”, в ряде “телегидов”.

Новые интервью соответствовали весеннему настроению певицы. “У каждой моей песни добрый десяток версий, – кокетничала Земфира в интервью новому журналу “Yes!”. – Я могу сейчас сказать, что „корабли в моей гавани жечь“ связано с переездом в Москву. А через десять минут скажу Кушниру что-нибудь другое... А на самом деле – с чем это связано, я никому не скажу”.

“У меня восемь всяких масок, – заявила певица в другом интервью. – Сейчас у меня одна маска. Пойду давать следующее интервью, буду говорить совсем по-другому. Иногда я просто ужасно манерничаю. По-разному все. Куча настроений”.

В этом ответе – типичная Земфира модели “весна–лето 99 года”. Именно такая, а не другая. Закрытая на сотни замков. Застегнутая на десятки “молний”. Чтобы никто не пролез вовнутрь. В душу.

“Я люблю, чтобы на улице не приставали, люблю бродить по старым переулкам, – разоткровенничалась Земфира. – Люблю мороженое покупать. Недолго в метро кататься, люблю на небо зырить”.

Так прямо и сказала: “зырить”. Чем, честно говоря, неслабо меня удивила. Это было тогда ее любимое словечко – внимательно послушайте, к примеру, песню “Ненавижу”.

В очень бодром настроении я застал Земфиру через месяц. Все это время она провела в Уфе, готовясь к записи второго альбома. Мы встретились у меня на Шаболовке, и я не мог не обратить внимания, что певица явно похорошела. Она слегка постригла и подкрасила волосы, над правой бровью появился пирсинг... Новые джинсы, какие-то симпатичные летние футболки. Правда, Земфира стала много курить – как-то по-мужски,

глубоко затягиваясь и порой забывая про пепел...

У певицы опять разболелось ухо, а мои знакомые медики периодически его обследовали и лечили – в крупной дипломатической клинике, расположенной поблизости. Разобравшись со здоровьем, мы включили диктофон. Земфира прямо-таки брызгала идеями и информацией: “После того как мы смикшировали в Англии первую пластинку, я купила себе тетрадку для нового альбома, – улыбалась она. – И сейчас у меня модная тетрадка с двухэтажным автобусом, на которой написано: „London“. А в тетрадке – новые песни... Я привезла из Уфы восемь песен, и теперь проблема выбора постоянно давит на подсознание. Хочу выбрать пятнадцать. Из сорока одной”.

Похоже, в тот день Земфира все свои маски забыла – то ли в Уфе, то ли в багажном отделении Домодедово. Она была свежа, позитивна и открыта – не воспользоваться таким случаем было неправильно. “Давай, раз ты такая отдохнувшая, сделай-ка несколько заявлений для прессы”. – Я подвинул диктофон поближе к артистке. Мы всю продолжали наши игры: я – типа редактор из “Melody Maker”, а ей скоро выступать на Уэмбли...

“Хотелось бы сделать акцент на том, что не стоит ждать от меня „Икры № 2“, – не на шутку разошлась Земфира. – Это я говорю для подстраховки. Кроме того, я не прекращу бороться со сравнениями с Лагутенко... Продюсировать свой второй альбом я буду исключительно сама”.

“Ты сегодня прямо Кобейн в юбке”, – невольно вырвалось у меня. Земфира быстрыми шагами спускалась в подземный переход Ленинского проспекта: “Ну что ты, – останавливая плеер, обернулась она. – На самом деле я очень консервативный человек”.

На следующий день Земфира вместе с уфимскими музыкантами приступила к записи второго альбома. Работа без помощников и советников – только звукорежиссер остался тот же. В нескольких песнях Земфире подыграли Юра Цалер и Олег Пунгин. Во всем остальном она, по-видимому, хотела продемонстрировать миру свою самодостаточность.

Я к подобному максимализму относился спокойно. На тот момент отношения артистки с “Утекай звукозаписью” представляли исключительно джентльменское соглашение: мы “забываем” артистке тур, арендуем “Мосфильм”, помогаем с промоушеном.

Я по-прежнему выполнял роль ответственного за связи с общественностью. Как-то мне на пейджер пришло сообщение от Лены Карповой – музыкального редактора канала НТВ. Тогда она работала в программе “Антропология” и уточняла даты, чтобы пригласить Земфиру в эфир к Диме Диброву. Казалось бы, надо соглашаться, но был, как

говорится, один нюанс. В “Антропологии” артисты играли живьем, а у группы концертного опыта – с гулькин нос. И все-таки мы решили рискнуть...

На следующей неделе я забрал музыкантов прямо с “Мосфильма”, где они записывали “Шкалят датчики” – стартовую песню ко второму альбому. Не без труда загрузились в две машины, приехали в “Останкино” – навстречу новым приключениям.

Приключения начались быстро. С того самого пикантного момента, когда клавишник, удивленно разглядывая пустую стойку для синтезатора, обнаружил, что на ней, как ни странно, ничего не стоит. Более того. После перекрестного допроса выяснилось, что его синтезатор заперт в студии “Мосфильма” как минимум до завтрашнего утра. Взять его с собой на телевидение он банально забыл. В этот момент мне очень хотелось его задушить. Как-нибудь по-быстрому.

Вместо того чтобы отстраивать звук, мы с Земфирой по телефонам искали в Москве синтезатор. Ситуацию спас Димка Нестеров из “Свинцового тумана” – оперативно поймал такси и привез старенькую электроорганолу. Дышать стало легче, но ненадолго. Тут Земфира вспомнила, что в жаркий летний день ей надо принять душ. И обязательно – с чистым полотенцем. Немного нервов – и боевое задание выполнено. Путем уговоров сотрудников НТВ и подкупа охраны “Останкино” мы в сжатые сроки обеспечили артистке “душ с полотенцем”. Подробности вспоминать не хочется.

Единственное, что меня радовало, – что всего этого рокерского хаоса не видел Дибров. Он, красавчик, появился минут за двадцать до эфира в сопровождении эффектной барышни. Девушка была из породы “ноги из десен”. Мы поздоровались, и я проводил Диму к музыкантам.

“Я зашел в гримерку – там готовилась к эфиру Земфира с ребятами, – вспоминает Дибров. – Мне казалось, что именно так должен выглядеть Растиньяк в юбке, когда он приезжает завоевывать Париж. Две-три шутки – и мне кажется, что мы уже любя влетели в студию. Она немедленно поставила мне на голову банку с пепси-колой, но это было чудесно. Я давно ожидал, что кто-нибудь поставит мне банку на голову. Вот она это и сделала – со своей изумительной кошачьей непосредственностью”.

Дальше – больше. Представляя свою группу, Земфира от волнения перепутала имена музыкантов, но заставила Диброва подыграть ей на тамбурине. Если бы она села на шпагат или сделала “свечку”, я бы не сильно удивился. Адреналин хлестал изо всех щелей. Потом Земфира вступила в схватку со звонившей в студию анонимной артисткой, которая

заявила, что “девушка... ведет себя ужасно”.

В процессе эфира Земфира не без удивления узнала, что смотреть, оказывается, надо в ту телекамеру, где горит красная лампочка. Получив столь ценную информацию, она заявила: “У вас тут всё куплено... Звонят только москвичи”. И в ту же секунду на пейджер Диброва пришло сообщение: “Москва всегда ценила утонченность и внутреннее содержание, а провинциальное хамство Москву всегда коробило”. Услышав в прямом эфире этот мессидж, Земфира тут же исполнила песню, названную ею по случаю “Вороны-москвички”. Это была “Ариведерчи”.

В оставшееся время Земфира неоднократно употребляла сочетание “утонченные москвички”, а заодно отрекламировала свой осенний тур. В финале передачи она спела “Не бери себе в голову, Земфира” и сняла солнцезащитные очки, продемонстрировав миру свое самое интимное место – глаза. Этот жест запомнился тогда многим.

Поведение Земфиры в “Антропологии” в какой-то степени напомнило мне историю с Sex Pistols в прямом эфире “Thames Television”. С той лишь разницей, что матом госпожа Рамазанова не ругалась. Не успела. В любом случае, резонанс от передачи должен был быть оглушительным. Так в итоге и произошло.

...Буквально за неделю до начала ее первого тура я организовал интервью Земфиры Казахскому ОРТ. Ответив на дежурные вопросы, Земфира села за столик поужинать. Разговор, само собой, крутился вокруг предстоящих концертов. Выдержит ли Земфира? Выдержат ли ее музыканты?

“Мы уже год целенаправленно репетируем, и я порой ощущаю себя дрессировщиком Дуровым, – призналась, попивая светлое пиво, Земфира. – Очень тяжело, потому что двое музыкантов из группы – с улицы. Они heavy metal раньше играли. Приходится их переучивать. Если они, сволочи, нормально играть не научатся, я их всех убью. Но состав менять не буду”.

Я заметил, что Земфира поглядывала на часы – видимо, куда-то опаздывала. “Побегу заканчивать дизайн для футболок, – подтвердила мои догадки певица. – Закажу их себе штук пятьдесят”. – “Господи, зачем тебе так много футболок? – искренне удивился я. – И что ты будешь с ними делать?” – “Я буду их рвать, – не задумываясь, ответила певица. – На концерте мы выйдем на сцену, разогреем публику, сожжем и уйдем”. На том и порешили.

...Тур начался тяжело. В Питере у группы стащили гонорар – прямо из номера гостиницы “Октябрьская”. “Я помню, как она в этот день обедала с надвинутой на глаза бейсболкой, – вспоминает Александр Долгов. –

Земфира сидела спиной к Невскому проспекту, ела машинально, не получая никакого удовольствия от еды. Настроение у нее было на нуле”.

Проблемы продолжились в Краснодаре, где она вышла на сцену с температурой, близкой к критической. Ночью Земфиру отвезли в реанимацию. Диагноз врачей: “полное физическое истощение организма и обострившийся на его почве бронхит”.

...Мы встретились через пару недель, когда Земфира играла закрытый концерт в ночном клубе “Манхэттен-Экспресс”. Попасть на первое коммерческое выступление певицы в Москве было практически невозможно. Но когда-то я проводил там первые пресс-конференции – в частности, с украинско-французским составом “Воплей Видоплясова”. Короче, на концерт я все-таки попал. И не пожалел. Это была фирменная рок-истерика, а особенно – измененный до неузнаваемости “Снег”, сыгранный в жестком маршевом режиме. Подушки Земфира пока еще не рвала, но музыка Rammstein вынесла ей мозги до основания. А затем... певица носилась по сцене, по ее собственному признанию, “как заблудившийся лось”, а музыканты и зрители за всем этим броуновским движением не без удивления наблюдали.

В толпе я увидел массу знакомых лиц. К примеру, главу компании “АРС” Игоря Яковлевича Крутого, который стоял неподалеку от сцены в состоянии глубокой задумчивости. О чем думал, фиг поймешь – по-видимому, писал очередной “Ноктюрн”...

После концерта мы с Земфирой встретились в гримерке. Я поблагодарил ее за отличный концерт и подарил пахнущую типографской краской энциклопедию “100 магнитоальбомов советского рока”. Она взяла книгу почти без эмоций, сухо сказав: “Спасибо”. Я попрощался, не придав этим метаморфозам особого значения. Подумал, что артистка плохо себя чувствует. Или устала. Или находится “в образе”. Как выяснилось позднее, дело было в другом.

Вскоре мне позвонил Бурлаков и попросил заехать в гости – мол, не телефонный разговор. Когда я вошел к нему домой, продюсер “Троллей” без всяких преамбул заявил, что с Земфирой мы больше не работаем. Такие вот дела. Я не успел даже обувь снять...

Я пошел ставить чайник – на ту самую кухню, где Земфира когда-то впервые встретилась с Лагутенко. Включил воду, немного поревел и по-хорошему бодрый вернулся к Бурлакову. Мол, не томи – давай рассказывай. История была мутная. Мол, Земфира гонорарами с концертов рассчиталась с “Утекай звукозапись” за финансовые вложения, а теперь уходит в “свободное плавание”.

“Какие-нибудь подробности расскажешь?” – Я никак не мог поверить в реальность происшедшего. Лицо Лени не выражало большого желания давать развернутое интервью, но несколько фактов он мне все-таки поведал.

...Домой к Бурлакову Земфира пришла на переговоры вместе со старшим братом Рамилем. Внешне Рамиль напоминал мастера спорта по боевому самбо и был представлен Лене как новый директор группы “Земфира”. Затем начался дележ гонораров. Со слов Бурлакова, больше всего его добил спор на тему перевода долларов в рубли за какой-то концерт в Поволжье. Рамазанов-старший настаивал на более высоком курсе рубля – цена вопроса составляла всего порядка тридцати долларов. Больше говорить на эту тему Бурлаков не хотел. Да и, по-видимому, не мог. Я решил его не доставать и уехал домой.

Рана затянулась не быстро. По разным причинам информация о разрыве с Земфирой не предавалась огласке около двух месяцев. Так надо было...

Примерно в этот период я работал в пресс-центре киевского фестиваля “Просто рок” и несколько раз мотался в аэропорт Борисполь – в частности, встречать музыкантов группы “Земфира”. После семичасовой задержки рейса они все-таки вылетели из Москвы, но на свой концерт ехали по времени впритык. В аэропорту, по дороге и в гримерке киевского Дворца спорта мы молчали, словно незнакомые люди. Полный бред, конечно.

Затем, не дождавшись окончания фестиваля, я повез шумную делегацию столичной прессы в Москву. Мы опаздывали на поезд и успели посмотреть весь фестиваль и первые песни Земфиры. Дальше надо было бежать на вокзал, сверкая пятками – чтобы не опоздать.

Самое интересное произошло потом. Ровно через минуту после нашего отъезда местный “Беркут” замел Земфиру прямо на сцене. Аккурат на четвертой песне. Сделано это было под надуманным предлогом из серии “пора завязывать концерт – аренда зала до одиннадцати”.

Земфира в ответ выплеснула воду в лицо размахивающему руками подполковнику. Который, как выяснилось позднее, занимал должность заместителя начальника охраны порядка города Киева.

Всего этого я не видел. Как и не видел последующие скандалы в Оренбурге, Волгограде, Донецке и Якутске, сорванный тур по Сибири... В жизни, безусловно, должны присутствовать трудности и опасности – но не в таких же промышленных масштабах!

После выхода следующего альбома “Прости меня, моя любовь” в прессе было много полемичных рецензий, но больше остальных мое

внимание привлек текст Троицкого.

“Это уже не певица Земфира, а группа „Земфира“ с солисткой, – писал патриарх отечественной музыкальной журналистики в одном из глянцевого изданий. – Группа не имеет никакого отношения к „Мумий Троллю“ – более того, открыватель и первый продюсер Лагутенко даже не упомянут в списке благодарностей. Продюсером значится сама Земфира. В принципе, это абсолютно правильно: девочка созрела, и девочка очень самостоятельная – ходить в протезе ей явно не по нраву. Проблема только одна: опыта и профессиональных музыкальных познаний ей явно не хватает. Как артистка она созрела, а как „сам себе продюсер“ – нет. Отключая волевым решением внешнюю помощь со стороны блестящего Лагутенко и компании, Земфира шла на риск – и потери, наверное, были неизбежны”.

Я готов был подписаться под каждым словом, но когда издания просили меня написать рецензию на этот альбом, категорически отказывался. Пусть говорят другие. Другие и говорили.

Лагутенко эти события старался не комментировать, но в одном из интервью не удержался от эмоций, вскользь заметив: “Вторую пластинку Земфиры я слышал только в демо-версии. Если бы пришлось работать над ней – многое сделал бы там по-другому”.

“Не забывайте, что это не Земфира, а Лагутенко и Бурлаков создали на первом альбоме этот звук, – признавался продюсер “Троллей” спустя несколько лет. – На самом деле это звук Midnight Oil образца 87 года. То есть это барабаны и бас, какие-то клавиши и ярко выраженная акустическая гитара. Мы показали максимальную самобытность артистки, то есть, грубо говоря, не побоялись этого”.

...Разрыв происходил болезненно – даже спустя много месяцев после ухода артистки из “Утекай звукозапись”. Когда на пресс-конференции, посвященной выходу “Прости меня, моя любовь”, Земфира увидела меня, сидевшего в последнем ряду, она вдруг встрепенулась и, задев локтем Настю Колманович, громко и как-то фальшиво спросила: “Саша, а почему ты не задаешь вопросы?”

Все журналисты медленно повернулись в направлении ее взгляда. Настал такой вот тривиальный момент истины. Молчать было неловко, но и играть в ее игру – как будто бы ничего не произошло – тоже не хотелось. “Ты ведь хорошо знаешь, Земфира, что все вопросы, которые я хотел задать, я тебе уже давно задал, – спокойно ответил я. – Вопросов больше нет”.

На этой высокой ноте пресс-конференцию объявили закрытой. Через

несколько часов у Земфиры начинался сольный концерт в “Олимпийском”.

7. Одиночество

Я про Земфиру уже давно забыл.

Артеми́й Троицкий

За кулисами “Премии FUZZ-2000” мне навстречу уныло брел Сережа Чернов из газеты “St. Petersburg Times”. В добрые андерграундные времена, приезжая на фестивали Ленинградского рок-клуба, я ночевал именно у Чернова – где-то в районе Красного Села. Что там говорить, нам было что вспомнить из славной эпохи 80-х. И триумфальные концерты “Алисы”, и революционные манифесты “Телевизора”, и безумства Феди Чистякова, и бардачную психоделику “Аквариума”...

Мы крепко обнялись, но я не мог не обратить внимания на расстроенный вид Чернова. “Понимаешь, меня не пускают в примерку Земфиры, – выдохнул Сергей. – И я не могу выполнить задание редакции – взять у нее интервью. Звезда... Я-то помню, как вы с ней год назад к нам приезжали”.

Я немного оторопел – действительно, уже прошел целый год. Вернее, не прошел, а пролетел. И столько событий: у Земфиры вышло два альбома, у “Троллей” – два альбома, всю развернул свои знамена “Кушнир Продакшн”...

В рамках пресс-поддержки “FUZZ Music Awards 2000” мы привезли в Питер целый вагон московской прессы: газеты, журналы, радио, телевидение, информационные агентства. В том же “Николаевском экспрессе” ехала Земфира – вместе с музыкантами, новым менеджментом и неплохими шансами на победу в номинациях “лучший альбом” и “лучшая группа”.

Поскольку в последнее время мы с Земфирой общались дискретно, заходить к ней в примерку я не планировал. Но тут был другой случай. Сережа Чернов был не только моим другом, но и культовым журналистом, печатавшимся в легендарном подпольном журнале “РИО”, издававшим англоязычный фанзин “Russian Letters” и состоявшим в эмоциональной переписке с Егором Летовым. Как бы там ни было, Чернов являлся одним из тех людей, которые реально формируют общественное мнение. И отказывать ему в интервью было ошибкой.

“Идем со мной”. – Я крепко схватил Сережу за руку и, пройдя сквозь

кордон ОМОНа, оказался в заветной гримерке. Там было шумно: Земфира, Настя Колманович, люди из “Real Records”, питерские друзья, музыканты. Увидев меня, Земфира немного смутилась, но потом как-то по-детски обрадовалась. Затем попросила всех покинуть комнату. Через минуту в артистической не было никого.

Я оказался между двух огней – Земфирой и Черновым. В сжатой форме донес до артистки необходимость дать интервью. “Нет проблем, – как будто мы виделись только вчера, сказала Земфира. – Заходите, Сергей, сразу же после концерта. Полчаса вам хватит?”

Счастливый Чернов исчез так же внезапно, как и появился. Мы с Земфирой остались вдвоем. “Как дела? – разыграла “e2–e4” рок-звезда. – Коньяк пить будешь?”

Вопрос был риторический. “Хорошо, что ты пришел”. – Полбутылки “Hennessy” мы уболтали минут за двадцать. Говорили быстро и жадно – казалось, никак не могли наобщаться. Земфира просила подробнее рассказать впечатления от “Олимпийского”. Я отбросил в сторону привычную политкорректность и честно выпалил: “Зал был полный, и пелаты, в общем-то, неплохо. Со сцены шел драйв, и снаряды в зал летели. Но в меня не попали. Пронеслись над головой. До конца концерт я не досмотрел...”

По идее, в этом месте можно было и остановиться. Но под воздействием “Hennessy” меня понесло: “А это была твоя „блестящая“ идея собрать журналистов на прослушивание альбома, а самой не прийти? И пресс-атташе „Real Records“ объявляет: „Следующая композиция называется “Искала”“. А человек тридцать бухают под твой голос из колонок... Только на фига всё это делать?”

После дежурных вопросов про “Троллей”, Лагутенко и Бурлакова Земфира начала рассказывать про тур. Жаловалась на организаторов, сверхнагрузки, одиночество. “Понимаешь, в группе одни мужики, старые дружбаны... одни и те же разговоры, ничего нового... – Мы незаметно открыли второй “Hennessy”. – Свихнуться можно. Посоветоваться не с кем, поговорить не с кем... Например, написала ночью песню, утром у своих спрашиваю: „Ну как?“ Все говорят: „Отлично!“ И так каждый раз”.

Затем совершенно неожиданно Земфира начала рассказывать про свой последний роман. Я сидел в легком оцепенении – обычно мы таких деликатных тем в беседах не касались. Первый раз в жизни я видел, как Земфиру прорвало... Когда разговор стал совсем сентиментальным, в дверь постучали организаторы и напомнили, что пора выходить на сцену. Зашли музыканты, увидели на столе пустую бутылку. Ничего не сказали – взяли

инструменты и пошли готовиться к выступлению.

В “Юбилейном” путь от гримерки до сцены короткий – метров сорок. Казалось, ничего не должно произойти. Со всех сторон Земфиру окружали бойцы ОМОНа, но внезапно какая-то девчонка молнией пролетела мимо охраны и повисла у певицы на шее. И пока Земфира волокла ее до самой сцены, девка в голос рыдала. Обнималась, прижималась и ревела. Земфира стойко делала вид, что ничего не происходит, проявляя завидную выдержку и хладнокровие, – по-видимому, сказывалось спортивное прошлое.

Самое печальное, что менеджмент артистки тоже делал вид, что ничего не происходит. Я на секунду замешкался – у “Троллей” такая ситуация исключалась по определению. Наконец мне удалось подтолкнуть к Земфире лейтенанта, который по-питерски неторопливо начал выполнять свои обязанности. Вскоре ему не без труда удалось отцепить одно тело от другого. Через минуту певица была готова выйти на сцену – только сцена оказалась не готова ее принять. Барабанщик Сергей вдруг обнаружил, что куда-то пропал ключ от ударной установки.

Паузу заполняли всем миром. Одну или две песни спела Рита Митрофанова, еще одну, под гитару, – Земфира. Наконец-то ключ нашли, и концерт можно было продолжить. Кто бы мог предположить, что после двух бутылок “Hennessy” произойдет самое мощное, практически идеальное выступление группы “Земфира”? Через неделю после невнятного “Олимпийского” она взорвала Питер – исполняемое на бис “Небо Лондона” десятитысячный зал пел хором.

Помню, меня в тот момент прямо трясло – таким сильным был эмоциональный заряд. Стоявшие рядом незнакомые девушки громко плакали, не стесняясь окружающих... Впоследствии я очень хотел найти на видео запись этого выступления в “Юбилейном” – никаких денег бы не пожалел. Но так и не нашел.

...Я понимал, что Земфира находится в пике формы, но вокруг нее царила полная анархия. “Мы в туре совсем озверели, – призналась мне, перекикивая хард-роковый саунд группы “Земфира”, Настя Колманович. – Я детей своих не видела полгода”.

Неудивительно, что Питер я покидал со смешанными чувствами. Может, многие со мной не согласятся, но у меня было ощущение, что без железной руки Бурлакова дело добром не кончится. Через несколько месяцев дело кончилось Якутском. Слава богу, “разбор полетов” на пресс-конференции прошел удачно – об этом написано выше....

Мы с Земфирой продолжали встречаться фрагментарно – что называется, по работе. Она выступала на фестивалях, я вел пресс-

конференции. На “Максидроме” она вошла в пресс-центр вместе с музыкантами “Океана Эльзы”. Дело в том, что, будучи хедлайнером, Земфира выскочила на сцену во время сета “Океанов” и, по признанию журнала “Афиша”, “затмила своей харизмой лезшего из кожи вон Вакарчука”.

На той “максидромовской” пресс-конференции произошел любопытный случай. Молодая журналистка села у ног артистки, набралась мужества и, набрав воздуха, спросила: “Земфира, а кто тебе пишет песни?” В тот момент я начал понимать, почему у артистки изменилось отношение к журналистам.

“Я помню свои первые интервью, – говорила позднее Земфира. – Я разговаривала со всеми очень откровенно и в результате об этом страшно пожалела. С тех пор я несколько раз меняла стиль общения с журналистами... Когда у меня было очень много концертов – и не соображаешь ничего, – я просто глумилась над ними. Например, я могла вместо пресс-конференции пригласить их в гримерку, выключить свет и сидеть с зажигалкой. Они меня достали... Просто они меня очень разочаровали”.

...В конце 2000 года Колманович с Земфирой пригласили меня на концерт в “Горбушку”. Он состоялся ровно через три месяца после Якутска, и я Земфиру просто не узнал. Она прекратила носиться реактивным самолетом, перестала поливать себя водой, не рвала подушки, не дразнила музыкантов и не избивала звукотехников... Мне показалось, что она сознательно стала себя ограничивать. Стоит себе девушка у микрофона в черной широкополой шляпе, темных очках и шикарной белой рубашке. Стоит и поет. В темпе песни “Не бери себе в голову, Земфира”. Со стороны это все похоже, скажем, на застывшую лаву. Чувства еще есть, безумия – нет. Потом был выпущен DVD, который напоминал добротный эстрадный концерт, – хоть завтра показывай по телевизору. Или под Новый год.

...Даже постороннему человеку было понятно, что Земфира устала. По всем признакам пора было делать перерыв.

Весь следующий год Земфира не выступала. Мы несколько раз встречались: на юбилее “CD Land” (где она пела “Lady In Red”), в “Олимпийском” после сольника “Троллей” и на концерте Лагутенко в Цирке на Цветном бульваре.

“Слушай, Кушнир, я тут на днях гениальную песню написала, – сказала Земфира, когда после концерта мы остались в гримерке поболтать. – Ты же знаешь, я редко себя хвалю. Песня называется „Инфинити“ – про

бесконечность... Наверное, это мой „Satisfaction“... Написала с ходу, села за рояль и сыграла. Буквально за пять минут”.

Я искренне порадовался за боевого друга и внезапно вспомнил, что вскоре у Земфиры выходит альбом. Медийная ситуация вокруг него была абсурдной. Артистка уволила очередную пресс-службу, а выпускающий лейбл ситуацию не рулил. Практически целый год Земфира прожила отшельником – никаких обязательств, никаких концертов, никаких интервью. Отчаявшиеся редакторы звонили мне и предлагали обложки пачками. Но Земфире это было не нужно. И только по старой дружбе она согласилась дать мне развернутое интервью для журнала “ELLE”.

Спустя пару недель мы сидели на пыльном подоконнике ДК ГУВД на Новослободской – там Земфира заканчивала работу над альбомом “14 недель тишины”. “Журналисты жалуются, что Земфира скрывается, – пока я возился с диктофоном, говорила мне артистка. – А Земфира не скрывается – она уже несколько месяцев сидит в студии по десять часов в сутки. Я прихожу часа в два дня и работаю до двенадцати. Приезжаю домой, залезаю в интернет, а потом – спать. Утром проснулась – и опять в путь. О каких интервью при таком ритме может идти речь?”

Я выяснил, что на тот момент альбом назывался “:ЛЕГКИЕ:”. Соответственно первый вопрос был очевидным – не будет ли весь альбом таким же осторожным, как и его название?

“Действительно, этот альбом нельзя назвать нервным, – не очень охотно согласилась Земфира. – Но в нем есть масса других достоинств. Полная уверенность в себе – даже если никому не понравится. Это мое естественное желание и упрямство моего характера. Естественно, я не хочу ничего делать в угоду кому-то. Это было бы ужасно. Я хочу, чтобы нравилось мне”.

Наша беседа перетекла на рассуждения об успехе. Я напомнил про недавний провал сольного альбома Мика Джаггера – за первую неделю было куплено менее тысячи дисков. Никто бы не поверил, но так случилось. Будет ли Земфира следить за успехом своего альбома, за количеством проданных копий? Насколько для нее это важно? Эти вопросы пробудили в ней целую бурю эмоций.

“Я не знаю, я боюсь, – откровенно и слегка растерянно отвечала она. – Стопроцентно честно здесь ответить никто не посмеет, даже самые лихие панки. Попробую проанализировать: вопрос, конечно, с подвохом. Дело же не в цифрах. Потому что у нас сейчас такая ситуация, при которой мы ничего не зарабатываем. Я уже давно заработала те деньги, которые мне были нужны. Тут дело в самолюбии. Конечно, это тонкий момент:

наверное, я самолюбивый человек. Я анализировала истории успеха различных эпохальных альбомов и поняла, что чисто гипотетически сейчас взрыва быть не может. Потому что взрыв может быть только один раз. Все остальное будет его повторением”.

Неожиданно разговор перескочил на последний тур – в частности, на концерт в “Горбушке” зимой 2000 года. Я делился с Земфирой своими впечатлениями о застывшей лаве. “Все меняется, – рассуждала певица. – Наверное, меня просто ломает – как клоуна, который на представлениях должен делать одни и те же движения. Может быть, в этом дело? Была однозначная усталость... Буду ли я теперь прыгать? Совершенно не знаю. Мы будем делать так, как нам комфортно. Мы сейчас в силах делать все, что хотим”.

Земфира говорила так убежденно, что ей нельзя было не поверить. “Я уже соскучилась по концертам, – признавалась она. – Мне очень важно, чтобы зрители мне верили. Если я начну ощущать, что мне перестали верить, или почувствую, как проходит мода на меня как на артиста, то тогда, возможно, я вообще повешусь”.

Несмотря на подобные откровения, Земфира выглядела отдохнувшей и “жадной до жизни”. Постепенно лед таял – мы шутили, легонько подкалывали друг друга и затем вернулись к году ее затворничества.

“Сначала я отдыхала, вплоть до мая месяца. – Закуривая сигарету, Земфира в своих воспоминаниях как бы отматывала пленку назад. – Я много думала. У меня было время спокойно все проанализировать – без бумажки, конечно. Нужно было как-то отреагировать на многие вещи. Потому что за эти два года времени не было. Все спешка, спешка, спешка... Потом подумала – ну, это нормально, у человека бывает так. Он несется, его прет... А затем – нежданно-негаданно жизнь преподнесла мне подарок. И я оказалась в ситуации, когда только один человек решает, что мне делать. И этот человек – я. У меня было желание отдохнуть – я отдыхала. У меня появилось желание заняться музыкой – и я занялась”.

“Ты сейчас производишь впечатление абсолютно счастливого человека”, – сказал я ей на прощание. “Во всем этом есть только один минус – счастье не может продолжаться бесконечно”, – улыбнулась Земфира и плотно прикрыла за собой дверь в студию.

Счастье, как и предполагалось, долгим не было. Как я понял из предыдущего опыта, любой тур Земфиры заканчивался стрессами. От локальных до глобальных. Как-то ночью мне позвонила Колманович – с долгим монологом на тему “Земфира и наркотики”. Говорила, что устала с этим бороться и хочет дать несколько интервью. Поскольку, мол, на

артистке лежит ответственность перед тысячами поклонников. А артистка этого не понимает. Уже не первый месяц. И если Земфира не изменит свое отношение к наркотикам, Настя от нее уйдет.

Для меня это было довольно неожиданно. В тот момент мне искренне казалось, что “девочки поссорились – девочки помирились”. Я оказался не прав – где-то через месяц Колманович ушла. Сама дала несколько интервью о Земфире и стимуляторах, делилась творческими планами на будущее. Казалось бы, ничего страшного: “девочка ушла – девочки нету”. Но проблема-то осталась...

“Был период, когда я принимала тяжелые наркотики, – призналась вскоре Земфира еженедельнику “Аргументы и факты”. – Это было достаточно давно, я еще в Уфе жила. Писать же об этом стали спустя пять лет, как я завязала. Почему с таким опозданием... непонятно. В общем, что такое быть наркоманом, знаю не понаслышке. Но эту проблему я в итоге решила”.

Прочитав эти “откровения от Иоанна”, я не на шутку прифигел, но вскоре успокоился. В тот момент артисты в моем мозгу разделились на тех, с кем мы сотрудничаем, и остальных. С Земфирой мы сотрудничали фрагментарно.

На презентации “14 недель тишины” певица попросила меня оставить после концерта избранных журналистов и “всех своих”. Вместе с Цалером и новыми музыкантами она планировала сыграть джем. В просторном зале “Б2” осталось от силы человек семьдесят-восемьдесят. Именно они и стали свидетелями одного из самых ярких концертов в истории культового клуба. Эта была Земфира модели 98 года – бешеная, драйвовая, неукротимая. После концерта в гримерке мы все долго обнимались и пили коньяк – праздник жизни удался на славу.

На “Максидроме-2002” я провел очередную пресс-конференцию Земфиры, но, к сожалению, детали стерлись из памяти. Как, впрочем, и диктофонные записи. Помню только вспышки фотоаппаратов и разговоры об украденной со сцены “Олимпийского” кожаной куртке. Помню веселенькую белую футболку Земфиры с надписью “I’m not a rугomaniac, I’m a smoker”. Я не подрывник, я только покурить вышел...

Как корабль назовешь – так он и поплывет. Взрыв все-таки бабахнул – естественно, в конце тура. Мне позвонила Земфира с просьбой о небольшой любезности. Она хотела поставить в нашу информационную рассылку небольшой текст. Долго объясняла, в чем дело, но смысл происходящего был ясен как пень – со своими музыкантами Земфира больше не работает. Ни с Джавадом, ни с Родриго, ни с Ринатом. Я не

удивился, что артистка распускает уже второй состав, но новость написал деликатную – чтобы не обидеть действительно потрясающих музыкантов. При визировании текста Земфира не изменила ни слова.

Новость ушла в электронную рассылку. “14 недель тишины” заканчивались полной тишиной. И полной неопределенностью.

Затем мы встречались на презентации юбилейного номера журнала “ОМ”, на концерте Massive Attack, где-то еще. На “Максидроме-2003” Земфира так и не выступила – планировала отрепетировать программу с “Моральным кодексом”, но что-то не срослось. Концерты старалась играть по минимуму – группы-то толком не было. В какой-то момент Земфира рассталась с клавишником Миролубовым – и ни одного человека из первого состава вокруг нее не осталось. Она мечтала о девушке-басистке, пару раз даже выступила с музыкантами “Троллей” и с Лагутенко в роли внимательного VIP-зрителя...

За это время мне запомнились два ее интервью – взрослых и продуманных. Все ее монологи были об одном и том же. О разочарованиях. Об искусственной изоляции от жизни, от старых друзей. Словно после “14 недель тишины” наступили сто лет одиночества.

“Я раньше была веселым, открытым, общительным человеком, – как-то признавалась Земфира. – А сейчас я так... Одного человека можно затравить за месяц, второго – сломать за три месяца. Но ни один человек не в состоянии выдержать натиск ста тысяч людей. Все это накладывает свои отпечатки”.

Я хорошо понимал, о чем Земфира говорит. Попробуйте пожить несколько лет без кожи, под прицелами телекамер. Стало грустно. Это чувство усилилось, когда мне в руки попало одно из интервью, предварявших выход альбома “Вендетта”. Там был откровенный и глубокий монолог – мудрого, но усталого человека.

“Я помню, когда меня вокруг было очень много, – делилась своими ощущениями Земфира. – Но в какой-то момент от этого начинает подташнивать. Во всем должна быть мера. И я решила контролировать собственное появление в средствах массовой информации. Не скрою, я пережила некоторое разочарование”.

Так получилось, что разочарование на тему контроля Земфирой средств массовой информации пришлось пережить и мне. Вначале это чувство подкрадывалось словно издалека. Впервые – когда я узнал, что на сольник в “Горбушке” Земфира повелела аккредитовать только пятнадцать придворных журналистов. Мои знакомые, неоднократно помогавшие Земфире, вынуждены были тупо покупать билеты. Часть представителей

СМИ концерт проигнорировала. Агентство, которое занималось акцией, вынуждено было приносить маловразумительные извинения. Мол, нам сказали – мы сделали...

Затем история с “ограничениями по прессе” получила неожиданное продолжение. Сразу же после выхода “Вендетты” к нам в офис позвонил один из редакторов Первого канала – с персональным приглашением на ток-шоу Малахова, в котором планировалось обсуждать новый альбом Земфиры. Я искренне обрадовался – на эту телепередачу должны были прийти мои коллеги-журналисты, и лично мне было что сказать на тему “Вендетты”.

Я хотел донести до артистки важную мысль, что ей нужен если не местный Найджел Годрич, то хотя бы советчик. Честный и профессиональный человек, у которого “свежие” уши и свежий взгляд на музыку Земфиры. Который может в лицо артисту сказать, что альбом затянут по времени и в нем неудачная драматургия. И так далее. Возможно, таким человеком мог бы стать питерский электронщик Игорь Вдовин. Но по каким-то причинам не стал.

“Я жду русского Пола Окенфолда, чтобы он предложил песни, а я бы просто спела”, – как-то заметила певица. Судя по всему, не дождалась.

Сотрудничество со Шнуром, Ступкой, Самсоновым и Максом Фадеевым было эпизодическим или неудачным. Лагутенко, Бурлаков и весь состав уфимских музыкантов остались в прошлом веке.

Земфира варилась в собственном соку, и отсутствие продюсера чувствовалось на “Вендетте” во всем. Особенно остро это ощущалось на фоне удивительно подобострастных рецензий в прессе. Ни одной по-настоящему критической статьи опубликовано не было – как, впрочем, и после “14 недель тишины”. Какой-то массовый гипноз. У меня даже возникло ощущение, что у российских музыкальных критиков внезапно сработал древнеримский комплекс про жену Цезаря, которая должна быть вне подозрений.

...Узнав, что мы с Земфирой работали вместе несколько лет, телевизионщики из ток-шоу Малахова жутко воодушевились. В условиях цейтнота редактор программы звонил каждые полчаса – уточнял детали биографии певицы и разные нюансы. Передача обещала стать острой и по-настоящему полемичной...

Ночью из “Останкино” мне пришло эсэмэс-сообщение, в котором говорилось, что телевизионный эфир отменяется. “Грязно работает”, – подумал я, поскольку понимал, что ток-шоу с Земфирой состоится при любой погоде.

Позднее один из редакторов признался, что той ночью им позвонил менеджмент Земфиры и в категорической форме заявил, что артистка на эфир не придет, если из списка гостей не уберут две фамилии: Колманович и Кушнир. Фамилии сразу же убрали. Потихоньку, шепотом. Show must go on – эфир успешно состоялся и без нас. По-другому и быть не могло.

Позже я убеждал себя в том, что вся эта грязь происходила без ведома Земфиры. Что она ничего не знала. Что она ни о чем не догадывалась. И вообще, она хорошая.

Мне совершенно не хотелось на эту тему париться – так легче жить. Но больше всего мне не хотелось убирать с книжной полки деревянный бочонок с выжженной от руки надписью: “Башкирский мёд”.

Глава VI Глюкоза

Впервые название “Глюкоза” прозвучало летом 2002 года. Известный журналист и шеф компании “Кушнир Продакшн” Александр Кушнир, порой сотрудничающий с Фадеевым, в кулуарах, на вручении очередной музыкальной премии, проговорился своим влиятельным коллегам по перу: “Это что, у Макса есть еще один проект, который вскоре взорвет рынок!” К словам отнеслись спокойно: организаторы пригласили почетных гостей на фуршет. Но уже через пару месяцев ведущие критики получили нарезку с материалом дебютного альбома. Кто такая Глюкоза, кто играет в группе и, главное, кто в ней поет – на сопроводительном листке указано не было. А продюсер предпочитал на вопросы об этом не отвечать.

Из энциклопедии “Кто есть кто в российской рок-музыке”

Про Глюкозу я впервые услышал от вокалистки Total Марины Черкуновой. Впечатленная очередной поездкой в пражскую студию Фадеева, она восторженно рассказывала о том, как Максим химичит с новым прикольным проектом. Как дословно выразилась Марина, “с тарантиновским стебом”. Через несколько дней бизнес-партнер Фадеева Александр Аркадьевич Элиасберг с торжественным лицом включил в офисе “Шугу” – электротанго, спетое нарочито детским голосом. Какие-то дешевые инструменты, мелодия из трех нот и запоминающийся призыв “У-бе-гай, Шуга, Шуга...”. Александр Аркадьевич светился человеческим счастьем, а я шустро залез на стул и начал подпевать. Первая реакция была определяющей – мне нравились и название, и музыка.

...История “Шуги” казалась простой и сентиментальной. Как-то под вечер Фадееву попался в руки примитивный трехоктавный синтезатор его сына Саввы. Задумчиво уставившись на пластмассовую клавиатуру, Максим вспомнил пожилого шарманщика, которого любил слушать в детстве на улочках родного Кургана. В голове зазвучала мелодия – и через несколько минут из недр подсознания всплыл простой мотивчик. Так

родилась “Шуга”.

Измотанный причудами неритмичной Родины, Фадеев буквально за неделю выдал еще несколько композиций: “Ненавижу”, “Малыш”, “Невеста”. Подтекст этих экспериментов был примерно такой: раз вы не понимаете сложной музыки, получите то, что понимаете. На уровне молекул, на уровне эмбрионов. Такие вот музыкальные опыты с нами – простыми и многоклеточными.

Похоже, с этого момента с доминантсептаккордами и сложными мелодическими конструкциями в мозгу Макса было покончено. Экстремальные рок-группы типа “Турин” и DNK оказались замороженными. Теперь все внимание Композитора уделялось проекту “Глюкоза”.

Первоначально я воспринимал этот жест Макса не изнутри, а снаружи. Мне казалось, что наивность и примитивизм, доверительность и ненадуманность наконец-то сплелись у Фадеева в единое целое. И произошло это максимально органично. Мое воображение уже рисовало концептуальный эстетский материал в журналах типа “ELLE” или “Vogue”. Наивные мелодии Глюкозы хотелось сравнивать с хитами Matia Bazar и “очеловеченным” вариантом ранних Suicide. Упомянуть про плоский саунд стареньких синтезаторов “Casio”, “Korg” или “Yamaha DX 7”. Вспомнить традиции Бреговича или порассуждать на тему саундтреков к примитивистским полотнам Генералича и Михая Даскалу.

...Где-то через месяц Фадеев вручил мне промо-версии первых пяти композиций. В этот напичканный пикалками макси-сингл вошли “Глюкоза postra”, “Аста ла виста”, “Малыш”, “Невеста” и “Шуга”. Было приятно, что я оказался одним из немногих приближенных, которым доверили вкусить этот скороспелый шедевр. После авантюрного концерта Total с Мэрилин Мэнсоном в “Олимпийском” это был мой “Звездный час-2”. В голове пронеслась мысль, что макси-сингл Глюкозы – уникальная “лакмусовая бумажка”, которая позволит проверить прогрессивность вкусов музыкальных экспертов. Оставалось только понять, насколько подобный фадеевский минимализм воспримут мои “братья по оружию”.

1. Молчание ягнят

Если некоторое время вы попытаетесь быть вымышленной личностью, вы поймете, что вымышленные люди зачастую более реальны, чем люди с телами и бьющимися сердцами...

Ричард Бах. Иллюзии

...Зима в том году выдалась холодная. Наверное, тридцатиградусные морозы окончательно отбили у журналистов вкус к новому и прекрасному. В очередную сенсацию Фадеева они по традиции въезжали долго. Огромное количество СМИ – от “Неона” и “New Musical Express” до “Аргументов и фактов” стояло в позе вечного нейтралитета. Эдакий засадный полк на поле Куликовом. Они были готовы ждать первого места Глюкозы в национальном хит-параде, а потом опубликовать об артисте крохотную новость.

Или не опубликовать. Такое традиционное для российских журналистов молчание ягнят, когда нет никакого желания рисковать репутацией и рейтингами, продвигая на рынок нечто действительно новое. Они звонили мне по вечерам и бухими голосами рассказывали, как отмечают чей-то день рождения под музыку Глюкозы. Как вся редакция танцует под “Невесту”, причем именинник пляшет на столе. Но ставить публикации категорически отказывались. Причина не называлась.

Радикалов нашлось немного. Музыкальный редактор тинейджерского журнала “Cool” Наташа Полетаева заявила, что “на фразу „девочки-глюкозы“ так и хочется сказать: „kozy“. И вообще это не качественная поп-музыка. Вот „Премьер-министр“ – это качественно. Короче, очень не понравилось”.

Известный музыкальный критик Леша Певчев сказал про Глюкозу, что “все это мимо кассы. Не встало. Хотя бывает и хуже”. Его тезка Леша Мажаев догадался, что “скорее всего, проект будет распиарен по полной программе, хотя не заслуживает этого. Пародия на Агузарову и Gorillaz, но очень запоздалая. Восторги будут только от приближенных к Фадееву массмедиа. Публика отнесется сухо. Но три с плюсом можно поставить”.

Музыкальный обозреватель Антон Помещиков (“Газета”) заявил: “Они станут героями, но на час. Это музыка не для релакса и не для танцев –

нечто среднее. Нет медляков. Она поет на одной интонации, и это приедается”.

В принципе, весь этот негатив меня сильно не смущал. У нас в союзниках был Юра Сапрыкин из “Афиши”, который оценил проект емким словом “охуительно”. А потом задумчиво добавил: “Это же группа „Мираж“, наслушавшаяся Земфиры!” К Сапрыкину присоединился главный редактор “Птюча” Игорь Шулинский, который узрел в Глюкозе “русский ответ Miss Kitten”. С нами была Капа Деловая из “Московского Комсомольца”, которая жизнерадостно сообщила, что Глюкоза “перевернет весь российский шоу-бизнес”. Теперь нам надо было перевести всю эту теорию в практику.

Казалось бы, нет ничего проще. Летом 2002 года декодированная в формат mp3 “Шуга” полетела по интернету из Праги в Москву. А оттуда в форме сингла – прямиком на радиостанции. Появление “Шуги” в кабинетах программных директоров произвело атомный эффект. “Нам не нужен новый Total”, – уверенным голосом заявил Саша Пряников, в ту пору – успешный программный директор “Русского Радио”. Возможно, Пряникова сбила с толку надпись на пластинке: “новый проект Макса Фадеева”. Не знаю подробностей, но Глюкозу на “Русском Радио” тогда зарубили. По-быстрому.

На “Нашем Радио”, говорят, вообще был скандал. Из серии “Михаил Козырев против трудового коллектива”. Многораундовый боксерский поединок, посвященный ротации “Шуги” на уважаемой хард-роковой радиостанции, закончился победой сотрудников. Козырев любил играть в демократию – плоды этой демократии он теперь пожинал. В полный рост. В итоге “Любэ” и Владимир Кузьмин крутились на “Нашем Радио” круглосуточно, а Глюкоза – ни разу.

Похожая судьба ожидала “Шугу” еще на нескольких станциях. Фадеев попытался поставить песню на “Радио Максимум”, но у него ничего не получилось. Как, впрочем, и с “Европой Плюс”. Позднее в пресс-релизе мы написали, что “Шугу” не заметили на радио “из-за предновогодней суеты”. Ничего умнее, оправдывая чью-то недалекость, мы придумать не смогли.

Тем временем маразм крепчал. На одной из радиопланерок кто-то из боссов, обсуждая песни Глюкозы, ляпнул что-то про “еще одну группу второго эшелона”. Кто-то это неосторожное высказывание передал Максиму. И болезненно воспринимающий любую критику Фадеев взорвался. В его голове произошла очередная переоценка ценностей. Он звонил друзьям в Москву по несколько раз в час: переживал, советовался, рассуждал, кому-то

угрожал.

Несмотря на проблемы со здоровьем, он бросил дела в Праге и приехал в столицу. И с ходу сделал заявление для прессы: “Я вернулся в Россию к своим группам для помощи в творческом процессе. Я не хочу, чтобы хоть что-то шло не так. Я не потерплю, чтобы талантливые группы входили в категорию „артистов второго эшелона“. Теперь я этого не допущу и не оставлю их одних. Я хочу сказать многим „зубастым“ журналистам, что придет время, когда они со стыдом будут вспоминать, что писали гадости об этих группах. Total, „Монокини“ и Глюкоза скоро выйдут к вам с сюрпризами. И не только они: через год можно будет услышать еще несколько поистине необычных коллективов. Ждать осталось недолго”.

Макс прекрасно понимал цену Глюкозы, постоянно говоря друзьям, что его новый проект произведет взрыв, сопоставимый с дебютом Земфиры. Фадеев знал, что люди с коммерческим чутьем уже давно выкрали песню с радиостанций и с энтузиазмом ставят ее в пиратские сборники. Он не удивился, когда ему рассказали, что “Шуга” активно звучит на волнах “Балтик Плюс” и вошла в топ-5 “Нашего Радио” на Украине. По слухам, там даже не знали, что это за проект, – поэтому в эфире его анонсировали не иначе как “группа „Шуга“”. Песня звучала каждые четыре часа.

Понимая, что с ротациями Глюкозы происходит дикая несправедливость, Макс политкорректных выражений не выбирал вовсе. “Я считаю, что на некоторых радиостанциях, например на „Европе Плюс“, сидят непонятные мне люди, которые пытаются воспроизвести мнение народа в едином лице программного директора, – заявил Фадеев журналистам. – Какие-то упыри решают судьбы молодых певцов... На самом деле они не заботятся о своем медиа-пространстве, им наплевать на судьбы молодых артистов. Вот это мне противно. И это говорит об их убогости. Потому что они даже не могут предположить, будет эта музыка популярной или нет. Они боятся рисковать”.

В другом интервью Макс пошел еще дальше. “Я никогда не стану унижать себя, чтобы просить. Если у меня не будет возможности помогать Глюкозе, я уйду в педагогическую деятельность”.

Слава богу, ряды преподавателей Курганского музучилища не пополнились новым специалистом. Как это обычно бывает, Макса с головой засосала работа. К лету 2002 года он доделал альбом и запустил промо-экземпляры в ротацию. Как писал “Московский Комсомолец”, “под проект сразу же наняли штат менеджеров и пиарщиков, которые, как положено, продолжили расписывать фэбулу”.

Первый этап раскрутки Глюкозы представлял собой расширенный сбор мнений. Имея на руках полноценный компакт-диск, мы могли начинать мониторинг. Вопреки нигилизму радищников, мнения продюсеров и музыкантов об альбоме Глюкозы звучали весьма оптимистично.

“Охуенно свежая музыка, охуенно свежая попса, – вдохновенно заявила после прослушивания Диана Арбенина. – Очень качает. Тексты вообще не свойственны для нашей поп-музыки. Ждешь каждую следующую строчку – что же она там дальше придумает? Думаю, это будет модно. Супер. Очень прикольно”.

“Очень странный голос, который мне кажется искаженным, – считал Вячеслав Петкун из “Танцев минус”. – Так вообще-то не поют. Ей кто-то, наверное, сказал, что это – фишка. И она этот прием активно использует”.

“Примитивный звук, – выдал вердикт продюсер “Сплина” Саша Пономарев. – Но это будет популярным, будет пользоваться успехом”.

В принципе на этом сбор мнений можно было завершить. Но меня понесло. Это была дико кайфовая фишка – нести в народ явную сенсацию и наблюдать со стороны, как люди врубаются/не врубаются во что-то реально клевое. Поэтому за следующую неделю я встретился еще с доброй дюжиной игроков шоу-бизнеса.

“Мне не нравится. Значит, у проекта – большое будущее, – заявил лидер “Квартала” Артур Пилявин. – По мне, как по индикатору, можно проверять... Может быть, там и нет особой энергии, но есть девичья искренность... Использование игрушечных звуков – хорошо. Это напоминает о том, что девочка будто бы с соседнего двора”.

Как раз в этот энергичный период мимо офиса “Кушнир Продакшн” проплывал задумчивый диджей Грув. Неожиданно он был зверски атакован директором агентства, который оторвал модного диджея от производства ремиксов для Владимира Кузьмина. С кровавой улыбкой я затащил Грува в кабинет, закрыл дверь на ключ и заставил прослушать весь альбом Глюкозы. Вместе со всеми этими психоделическими пикалками.

“Мне очень понравились „Невеста“ и „Ненавижу“, – радостно сообщил мне Женя Грув. – Сказать, что это нечто новое, – слишком громко. Но то, что это необычно для сегодняшнего дня, – абсолютно точно. Музыкальный акцент выбран с ритмом реггей и с намеком на Gorillaz . Если у них будет интересный имидж и они не будут дурковать, их композиции могут понравиться не только эстетам, но и массам”.

“Это стопроцентно коммерческий продукт, – оценил альбом Илья Лагутенко. – Мне бы очень хотелось увидеть эту девочку”.

Не только ему. Но пока это было нереально. Дело в том, что саму Глюкозу в глаза никто не видел. Ни Черкунова, ни Элиасберг, ни ездивший к Фадееву в Прагу Михаил Козырев. Я и сам знал о ней очень мало. Скорее всего, студентка или школьница. Как-то по пьяни директор Total сболтнул мне, что покупал Глюкозе льготный билет на самолет в Прагу. Всё. Ни имени, ни города, ни возраста я не знал. Таковы были правила игры, придуманные Фадеевым.

Меня все эти мутности не пугали. Плавали, знаем. Единственное, что меня напрягало, – это байки Максима о том, что тексты песен пишет Глюкоза. Удивительно, что сам Фадеев от этих “детских” текстов постоянно пытался дистанцироваться. Правда, в редкие минуты откровений он ими гордился – в зависимости от настроения и новостей из Москвы.

“Ты обратил внимание на игру слов: „полосу готовь, и я взлетаю“?” – хвастался замаскированным наркосленгом Фадеев. “А еще я обратил внимание на строчку „по капиллярам не запустила твоих телеграмм“, которые написала не Глюкоза, а некто Максим Фадеев. – Я упрямо пытался вывести продюсера на чистую воду. – Что ты меня лечишь? Это – твой стиль! Или твоей супруги Наташи. Две последние композиции на альбоме – вылитая группа „Монокини“. Пойми: пройдет несколько лет, и ты будешь ассоциироваться не с группой Total или „Монокини“, а с Глюкозой, авторства песен которой ты сейчас стесняешься”.

2. Трудности перевода (в реальность)

Излюбленный пиар-прием Фадеева – тайна. Так было с Глюкозой, когда публика видела лишь мультяшный образ и гадала, кто поет.

“Комсомольская правда”

Прилетев в очередной раз из своего пражского гнезда, Максим собрал команду пиарщиков на новой репетиционной базе Total, расположенной в районе станции метро “Улица 1905 года”. Вместе с Фадеевым и креативщиками из нашего агентства мы принялись обсуждать нюансы позиционирования Глюкозы. Идея Макса на этом романтическом этапе состояла в том, что Глюкоза – это наглухо виртуальный проект вроде Gorillaz. С оглядкой на жутко модную тогда Мясню. Нам виделось, что у Глюкозы не будет существовать никаких контактов с внешним миром и все интервью артистка будет давать по электронной почте...

Показательно, что уже тогда, не имея клипов и хитов, Макс сразу замахивался на стадионы и дворцы спорта. “Уж если и появляться „на людях“, то только в „Олимпийском“, – делился планами Композитор. – И то – не сразу. Чтобы все просто истомилось от ожидания. Представьте себе забитый народом „Олимпийский“. Луч света выхватывает в центре сцены одиноко стоящую девушку. Все в экстазе. Внезапно девушка объявляет в микрофон: „Группа “Глюкоза”! Приветствуйте!“ И тут все видят огромные экраны, на которых играет рисованная, виртуальная группа. А настоящие музыканты находятся в глубине сцены и выступают живьем. Все будет нормально – вот увидите, скоро мы поставим мир на уши...”

Примерно в эти же дни мой давний приятель Леня Захаров из “Комсомольской правды” изрек стратегически важную мысль: “Если за Глюкозой стоит какая-то интересная история, то этот проект интересен. А если истории нет – то не интересен”.

Все понятно. Спасибо, Леня. Нам оставалось эту историю придумать.

Я видел здоровую наглость в том, чтобы сделать Глюкозу невидимкой. Теоретические предпосылки к появлению в России виртуальных артистов были понятны. Я посетил концерты культовой американской группы Residents, музыканты которой скрывались за освещенной прожекторами простыней. Это была не блажь, а продуманная концепция – каким-то

удивительным образом им в течение многих лет удавалось играть концерты и выпускать альбомы, оставаясь при этом безымянными.

Похожий “театр теней” демонстрировал и французский Gotan Project, прячась часть концерта за псевдоэкраном, а затем открывая все пространство сцены. Сам бог велел вспомнить Дэймона Олборна из Blur, который долгое время корчил из себя мудака, заявляя, что не имеет никакого отношения к Gorillaz. С прессой общался известный продюсер Дэн Накамура, который выдавал информацию дозированно и, по словам создателя мультяшных видеотворений Gorillaz Джеми Хьюлитта, являлся чуть ли не случайным прохожим.

Короче, нам было с кого брать пример. Если же копать глубже, то пиар-команде Глюкозы предстояло проиллюстрировать на практике небезызвестный тезис Ницше о том, что “настоящее искусство должно быть анонимным”.

Нет ничего проще.

Пусть Фадеев найдет в интернете новую группу и выступит исключительно в роли саундпродюсера. Ребята откуда-то с Верхней Волги, и им, кажется, по семнадцать-восемнадцать лет. И всё. Больше ничего не известно. Слушайте альбом, друзья.

...Базис и идеология этой легенды строились на двух китах. Во-первых, за последние годы на рынке ощущался перебор проектов Фадеева: Линда, Total, “Монокини”, Катя Лель, саундтреки и сольные альбомы самого Макса. Мы чувствовали: еще один проект, и это будет явный перебор.

Во-вторых, некоторую элитарность музыки Глюкозы я предложил “разбавить” ее “близостью к народу”. Пусть девочка будет родом с Поволжья. Почему? В нашем сознании этот ареал ассоциируется:

- а) с бескрайними просторами (хуй кого найдешь);
- б) с тотальным голодом 1918 года и продуктовым беспределом при Брежнев—Черненко—Андропове.

Как тут не запеть (соловьем)? Шутка.

В общем, простые поволжские ребята в противовес скучной работе их родителей радуются жизни и играют китчевый электро-поп. Холодные вокзалы, ветра, дожди, снег... А в центре этого мира, погрязшего в неонах, электронных ритмах дискотек и мерцании компьютерных мониторов, теплится девичья влюбленность в мечту.

Итак, на этот раз было решено не создавать никаких пресс-релизов. Чуть ли не впервые на моем веку нами сознательно были нарушены незыблемые заповеди “сексуальных” отношений “пресс-служба –

журналист”. Никто – ничего – никому – не разжевывает. Существует только легенда, которая проговаривается исключительно устно, при передаче промо-дисков Глюкозы из рук в руки. Никаких электронных писем, никаких курьеров. Всё делаем сами, всё на личных контактах. И максимум душевной теплоты.

Пока мы напускали шума и пыли, Фадееву настало время выбрать звукозаписывающую компанию, которая решилась бы выпустить диск Глюкозы. Вскоре такая компания нашлась. Юрий Слюсарь из “Монолита”, незадолго до этого купивший права на дистрибьюцию альбома Земфиры “14 недель тишины”, услышал от региональных партнеров о невероятном успехе песни “Шуга”, которую пираты ставили на первые позиции в сборниках. Несколько месяцев ушло у Слюсаря на поиски правообладателя “Шуги”, пока не состоялась его судьбоносная встреча с Фадеевым.

“Максим специально прилетел из Праги, а я не мог его принять, поскольку у меня была температура 39, – вспоминает Слюсарь. – Фадеев страшно обиделся, и я был вынужден встретить его у себя дома. Я вышел в гостиную, весь укутанный и в шарфах, в обстановке „полевого госпиталя“... Я думаю, что окончательное решение о сотрудничестве было принято под влиянием высокой температуры и, по-видимому, нарушения порядка в мозгах. Макс мне потом говорил: „Ты меня застал своим видом расплюх – и до сих пор я пожинаю плоды этой встречи“”.

После плодотворной встречи Слюсаря с Максом работу над проектом продолжили три структуры: продюсерский центр Фадеева “ELF”, музыкально-информационное агентство “Кушнир Продакшн” и компания “Монолит”. Подписание контракта о выпуске дебютного альбома Глюкозы считалось вопросом времени. Цифры, похоже, устраивали всех.

Цель, которая ставилась перед пиар-командой на втором этапе, – создать дикий шум при максимуме тумана. Раздолье для фантазии было безграничным. Вскоре в ряде изданий появилась информация, что Фадеев помогает новой группе, в которой поет известная вокалистка, причем ее голос сознательно искажен до неузнаваемости. “Группа „Глюкоза“ является, пожалуй, самым загадочным на сегодняшний день российским поп-исполнителем, – писал зимой 2003 года журнал “oTBeTь!”. – Чей это вообще проект и кто та таинственная солистка, исполняющая нарочито безголосо забавные песенки, вокальный диапазон которых не превышает октавы? В общем, все эти вопросы и привели нас в PR-службу „Кушнир Продакшн“, нанятую рекламировать эту самую таинственную „Глюкозу“”.

Корреспондент популярного тележурнала получил четкие и развернутые ответы на все свои вопросы. По одной из версий, в новом

проекте Фадеева прикалывалась Жанна Агузарова. По другой версии там пела ее незаконнорожденная американская дочь. По третьей версии – Ирина Салтыкова. По четвертой – Лена Зосимова, с которой Фадеев делал тогда альбом. По пятой версии – бэк-вокалистка Линды Ольга Дзусова. Еще по одной из версий на альбоме пел сам Максим, который трансформировал свой голос с помощью компьютера из мужского в женский.

В зависимости от степени фантазии гляцевые издания выбирали понравившийся вариант и начинали его активно обсуждать. Мы же продолжали двигаться дальше.

Пресс-день с региональными изданиями, который был сделан по Глюкозе, больше напоминал разведку боем. Было понятно, что за невидимую вокалистку будет отдуваться по телефону ее продюсер. “Я не могу о ней рассказывать ничего, потому что это вообще закрытая информация”, – осторожничал Макс, отбиваясь от назойливых журналистов. Порой в его не всегда уверенных ответах сквозили проблески конкретного образа: “Я являюсь консультантом и человеком, который просто нашел в зачаточном варианте Глюкозу, кое-что подсказал, помог со звуком. И теперь из яиц вылупились такие лапочки”.

В процессе интервью Фадеев попытался применить и расширенный вариант ответа: “Сложно сказать, что это мой проект. Я просто помог музыкантам найти свой стиль звучания. Они самодостаточные, очень яркие личности – группа „Глюкоза“. Мы назвали это „поп-панком“. Музыка с элементами ретро, но с модным звучанием. Девочка поет голосом, похожим на Агузарову, хотя сама она толком и не знает о существовании Жанны”.

По итогам экспериментального пресс-дня имело смысл сделать оперативный разбор полетов. Во-первых, все наши ответы были построены на принципе косвенного пиара. Непосредственно главная героиня в интервью по известным причинам не участвовала, и о ней говорили исключительно третьи лица: Максим, его брат Артем, представители пресс-службы.

Второй момент – несмотря на наши внутренние дискуссии, Фадеев настаивал на том, что авторство песен принадлежит не ему, а Глюкозе. Так впоследствии и было написано на альбоме: “Музыка и слова – Глюкоза”. Это был тот редкий случай, когда Макс проявил невиданную для себя последовательность. Правда, ненадолго.

И последнее воспоминание, связанное с первыми пресс-днями Глюкозы. Когда мы попытались через пару месяцев повторить подобные интервью, в нашу жизнь ворвались потусторонние силы. Причем в весьма

конкретном облике.

По дороге к нам в офис новенькую “мазду” Фадеева на большой скорости протаранила ветхая “газель”. Дело было в районе Белорусского вокзала. Машина Фадеева восстановлению не подлежала, а сам Макс почувствовал сильную боль в шее. И хотя рентгеновский снимок показал, что ничего страшного нет, на Композитора этот случай произвел сильное впечатление. Причем не потому, что нам пришлось отменить добрый десяток интервью. А потому, что, как выяснилось, за рулем “газели” сидел земляк Фадеева из города Кургана. Земляк был катастрофически трезвый и явно не понимал, что происходит. Можно было предположить, что на Максима, как на существо мистическое, этот случай произвел определенное впечатление.

Примерно в это же самое время стрелки часов начали отсчитывать второй год(!) производства дебютного клипа Глюкозы. Первоначально он планировался как рисованный мультик. По крайней мере, именно в данной эстетике предполагалось нарисовать пробный клип на хит Total “Сердце в руке”. Но когда события вокруг Глюкозы начали разворачиваться с кинематографической быстротой, Фадеев резко передумал. Он решил отказаться от клипа Total, а срочно рисовать в той же эстетике клип Глюкозы. Сейчас в мозгу у Макса вся ставка делалась на “Шугу”.

...Принципиально новой для России технологией 3D анимации владел молодой уфимский клипмейкер Марат Черкасов, который пылал желанием создать “русский ответ” не только клипам Gorillaz, но и таким видеоработам, как “In This World” Моби и “It’s Only Us” Робби Уильямса. Помощи Черкасову ждать было не от кого, поэтому с рисованными образами в “Шуге” он провозился несколько месяцев. К этому моменту стало понятно, что песня “Шуга” на радио не прорвется. И весной 2002 года Фадеев принял волевое решение – переделывать клип под “сингл № 2” – песню “Ненавижу”.

Но до выхода клипа еще надо было дожить. Долгое время у нас было ощущение, что вокруг ничего не происходит. Я вспоминаю, как одна из пресс-менеджеров Глюкозы бродила по офису с отрешенным лицом и громко причитала: “Ну почему мне всегда достаются самые безнадежные проекты? Ну как я буду продавать журналистам это фадеевское чудо, если там ничего нет – ни сиськи, ни письки... Да еще и интервью толком дать не может... Ничего она дать не может”.

Все это было. Но мы не унывали. Образ мультяшной вокалистки продумывался буквально по миллиметрам и миллиграммам. Первоначально в трехмерной Глюкозе существовала масса недоработок. Анимированная

кукла обладала угловатой пластикой и не слишком достоверно передвигалась по ночному мегаполису. А когда она все-таки передвигалась, то, будучи освещенной сбоку, “забывала” отбрасывать тень. Но все это были недоработки исключительно технического плана. Устранить их было делом времени.

В июле 2002 года образ фантомной Глюкозы процентов на восемьдесят был готов. Ее ботинки заменили на ультрамодные сандалии, на билете в кинотеатр “Молекула” напечатали: “Орган управления культуры Российской Федерации”, а на проезжавшем мимо автобусе ненароком красовалось название суперхита группы Prodigy.

Все эти трудности перевода мечты в реальность происходили в обстановке дикого цейтнота. К примеру, zip-дискета с образом рисованной Глюкозы была получена за пару часов до того, как последняя страница журнала “Афиша” с публикацией про новый проект Фадеева должна была уйти в печать. Дискету мы встретили ранним утром во Внуково и повезли напрямик в типографию, где в ожидании изображения какой-то непонятной Глюкозы томился дежурный верстальщик.

...Главный редактор “Афиши” Юра Сапрыкин был одним из первых журналистов, который безоговорочно поверил в этот виртуальный проект. На свой страх и риск он предоставил Глюкозе так называемую вторую обложку. Две трети страницы занимал только что вышедший из памяти уфимских компьютеров рисунок припанкованной кибер-девочки, а оставшуюся часть пространства занимал очерк про Глюкозу. Он был написан Сапрыкиным на основе моего монолога о виртуальной артистке – настолько откровенного, что я сам, похоже, поверил в придуманный нами с Фадеевым образ.

Первый вывод, который я сделал из беседы с редактором “Афиши”, – мы приняли верное решение рассказывать об артистке исключительно устно. Такой вот русский фольклор. Он очень выручал в ситуации, когда пресс-служба Глюкозы не могла ответить на простые вопросы из серии “как выглядит девочка на самом деле”.

Как всякий профессионал, Сапрыкин отталкивался не от пресс-релиза, а от музыки. Он писал: “Сыгранные на дешевых синтезаторах – самым модным сейчас звуком – и спетые странным, похожим на Агузарову голосом, десять вещей „Глюкозы“ – идеальная поп-музыка, в равной степени напоминающая Земфиру и группу „Мираж“”. Публикация в “Афише”, во многом предвосхитившая дальнейшие события, имела резонанс и была замечена практически всеми музыкальными экспертами.

...Вскоре анимационный клип “Ненавижу”, в котором не появлялось

ни одного живого объекта, был готов. Это был настоящий бенефис эстетики “манга” и передовых 3D технологий. Образ Глюкозы был решен по-наглому нетривиально – девочка в мини-юбке и футболке с компьютерным смайликом, трехмерно-равномерно жующая жвачку, прогуливающаяся по ночным улицам с клыкастым компьютерным доберманом. Планировалось, что этот клип положит начало целому мультяшному “клипо-сериалу”, где каждый следующий ролик будет начинаться с того момента, на котором закончился предыдущий.

Поэтому на третьем этапе раскрутки страну решено было атаковать мультяшными телеротациями. Здесь эстафетную палочку своевременно подхватило MTV. Президент канала Линда Дженсен – опытная бизнесвумен и человек тонкой душевной организации – не на шутку запала на клип. К началу 2003 года рисованная раздолбайка Глюкоза бодро маршировала по эмитивизишному экрану – с утра до вечера и с вечера до утра. Госпожа Дженсен морально уже была готова сделать виртуальную девочку “Лицом MTV 2003 года”.

Поскольку в лице “Ненавижу” у нас появился свой ответ на нашумевший клип “Clint Eastwood”, нам необходимо было историю с наполовину материализовавшейся артисткой двигать дальше. Надо было максимально срочно и максимально достоверно это лицо подать. И продать.

Настало время выбрасывать на рынок не устный, а письменный вариант пресс-релиза. В нем желательно было предвосхитить возможные ответы на возможные вопросы. Итак, заранее прошу прощения за тавтологию, образ Артистки выглядел следующим образом.

История. Пятеро школьников оккупировали родительский гараж, превратив его в репетиционную точку. Притащили старый военный рефлектор, из школьного радиоузла увели аппаратуру – и начали репетировать. Первоначально старшеклассников было четверо, и они назывались Disconnection. Потом сменили название, и их стало пятеро: Глюкоза, Японец, Хевик, Градусник и Мальвина. Имена музыкантов, с легкой оглядкой на Дэймона Олборна, талантливо придумал Фадеев. Я предложил максимально бестолковое название студии: “Квартира Без Родителей Рекордз”. Прижилось...

О музыке. С западными рок-звездами, которых слушают дети, все было понятно: Gorillaz, Ману Чао и Placebo. Согласитесь, звучит современно и по сей день... Из русских артистов мы выбрали ранний “Мумий Троль” и Земфиру. “Из творчества Рамазановой Глюкозе нравится песня „Корабли в моей гавани“, – убеждал я Макса. – Слово „Ариведерчи“

она в жизни не выучит. А остальные песни Земфиры звучат для провинциальной девочки слишком специфично. Она ведь у нас не испорчена знаниями терминов вроде „куннилингус“, не так ли?”

На очередном мозговом штурме было решено, что любимые занятия девочки – видео и интернет. Дома у Глюкозы стоит навороченный четвертый пень 2.0 Гц, который она дважды разбирала и собирала. Из фильмов любит “Криминальное чтиво” и “Терминатор-2”. Отсюда и название песен “Глюкоза posta” и “Аста ла виста”...

Образ жизни. Глюкоза живет одна, поскольку родители сейчас работают по контракту программистами в Москве. Ранее они объездили кучу городов, повсюду таская Глюкозу с собой. Как-то даже взяли девочку на замороженную атомную станцию – на фестиваль Казантип. Там 14-летняя барышня полюбила джангл и басиста какой-то группы из Питера. Но ненадолго.

Характер. Глюкозе импонируют сильные парни, которые способны на поступок. Она терпеть не может красавчиков, фриков и пижонов в стиле рекламы Stimogol: “Лучше жевать, чем говорить”. И естественно, в силу молодости/юности она не признает никаких авторитетов: “Вообще, кто такой Троицкий? Лагутенко, конечно, молодец, но что он понимает в моей музыке?”

Озвучка образа. На финальной стадии пресс-релиза нам оставалось вложить в уста будущего кумира молодежи несколько слоганов. “Очень нудный и замораживающий творчество предмет сольфеджио отбил у меня всякое желание заниматься в музыкальной школе... О музыкальной литературе я вообще помолчу”, – говорит артистка, ушедшая из музшколы и пославшая своих преподавателей далеко в степь. Неудивительно, что впоследствии она наотрез отказалась профессионально заниматься вокалом: “Если люди меня любят, то любят такую, какая есть”.

Финал текста выглядел следующим образом: “Оглянитесь по сторонам! Вскоре Глюкоза будет атаковать вас отовсюду: из подворотен (восторженные студенты/школьники), с флангов (противоречивые слухи, распространяемые на тусовках), с тыла (периферия). Пока Глюкозу не видно, но скоро она войдет в ваш дом. Из телевизора. Из радиоприемника. С кассетного магнитофона на улице. Расслабьтесь. Ждать осталось недолго”.

Как любят говорить спикеры телепрограммы “Время”, конец цитаты.

Финальный этап популяризации состоял из пробивания максимального количества публикаций данного пресс-релиза. Мы ринулись в бой, вбрасывая легенду в мозги охреневших от происходящих вокруг Глюкозы

метаморфоз журналистов.

Вскоре статьи стали появляться в прессе как грибы после дождя. Идеальным в ракурсе эффективного пиара выглядел материал в журнале “ELLE” – в рубрике “ELLE выбирает”: “Можно долго упражняться в эпитетах по поводу молодой формации „Глюкоза“. Микки-маус-панк. Марлен Дитрих после общения с Масяней. Gorillaz со Среднерусской возвышенности. Группа таинственная и зашифрованная: истинный облик юной создательницы проекта, Глюкозы, известен, пожалуй, лишь ей самой да еще маститому Максиму Фадееву, которому однажды попались первые кустарные записи электронной хулиганки и который был настолько очарован ее нестандартными эстетическими взглядами, что решил взять девушку под свое крыло. Плод их совместной деятельности „Ненавижу“ уже могли наблюдать зрители MTV. Песня уверенно пробивается к вершинам национальных чартов. А еще – силиконовые обезьянки потихоньку выходят из подполья, выпускают дебютный альбом и готовятся к живому выступлению, которое, возможно, перевернет наши представления об отечественном роке”.

Таких статей про Глюкозу у меня набралась целая папка – я ее бережно храню и, по правде говоря, искренне горжусь этой работой. Порой центральная и региональная пресса, не мудрствуя лукаво, перепечатывала наш пресс-релиз целиком. Так поступили еженедельник “Аргументы и факты”, журналы “Неон”, Bravo, “Ровесник”, “ОМ”, “TV Парад”. Наверное, это был наиболее многотиражный текст, вышедший из-под моей руки. Полагаю, что количество копий уверенно превысило несколько миллионов экземпляров...

Надо отдать должное – некоторые журналисты не перепечатывали пресс-релиз, а все-таки пытались анализировать ситуацию. Мыслили они в правильном направлении.

“Глюкоза – это действительно девушка, а не Максим Фадеев, поющий странным голосом, – писал в “МК-Бульваре” Илья Легостаев. – И действительно школьница – поговаривают, будто бы за молоденькую ее выдали хитрые пресс-агенты. Хотя есть, конечно, подозрение, что трогательная история про поволжский городок, гаражное творчество и размещение музыки в интернете придумана циничными пиарщиками”.

Конечно, в то время мы играли с огнем. Но – с чувством меры. В той же папке находился еще ряд статей – в частности, добрый десяток новостных телег из серии “Фармацевты против Фадеева”. Вообще, долгое время интерес к проекту поддерживался исключительно за счет вымышленных интервью и несуществующих новостей, которые, надо

признаться, выглядели весьма правдоподобно.

...Папку с пресс-мониторингом Глюкозы закрывало мое интервью “Известиям”, где в рубрике “Кого мы будем слушать в 2003 году” я в импровизированной форме пересказал нашу легенду. Мой монолог заканчивался на оптимистичной ноте: “У нас в офисе телефон буквально разрывается от звонков региональных промоутеров, которые хотят видеть виртуальную пока группу на местных концертных площадках”.

Но до таких результатов оставалось сделать еще несколько шагов. Несмотря на телеротации и лестные отзывы коллег, песни “Глюкозы” все еще толком не звучали в эфире. Первым молчание ягнят нарушил новый программный директор “Русского Радио” Андрей Макаров, который поверил в проект и все-таки поставил Глюкозу в эфир. Вначале “Шугу”, чуть позже – “Ненавижу”. Затем эти песни подхватило “Радио Шансон”. Затем – еще пара радиостанций. Жить и работать после этого стало легче. У нас наконец-то появилась возможность дышать полной грудью.

3. Хвост виляет собакой

Когда год назад монстр музыкального пиара Александр Кушнир принялся рассказывать о проекте, в котором школьница из приволжского городка поет сочиненные ею песни, это было даже странно: просто школьница? Всего-навсего поет? Никаких жабр и пенисов?

“Афиша”, осень 2003 года

В принципе, со стороны многое в сложной и поэтапной пиар-кампании Глюкозы выглядело неплохо. Мы разрабатывали новые технологии, и эти технологии пробивали дорогу нашему артисту. Артисту? Какому артисту? Ведь живой, настоящей певицы в природе пока не существовало.

“Говорят, что Глюкоза живет в пустой квартире, любит ездить на мопеде и стучать по клавишам своего навороченного четвертого пентиума, – писал об артистке журнал “TV Парад”, в котором новый проект Фадеева получил номинацию “Виртуальность года”. – Впрочем, еще говорят, что никакой Глюкозы не существует, а сам проект – гениальная мистификация. Сумеет ли мы познакомиться с девушкой лично или все останется на уровне виртуального романа – покажет новый год”.

При этом нервном ожидании “явления Христа народу” у меня была железобетонная уверенность в том, что человек-пароход по фамилии Фадеев не подкачает и все будет нормально. Будет, обязательно будет в настоящей жизни бойкий подросток из клипа – и у вас, и у нас.

По большому счету, мы с Максом друг друга никогда не подводили. Нам оставалось только набраться терпения и ждать. Лично меня вполне устраивало объяснение Продюсера, что у девочки сейчас грядут выпускные экзамены в школе. И вообще, она для себя еще окончательно не решила, нужны ли ей в будущем концерты или не нужны. Ее, мол, кроме интернета вообще мало что интересует. Такие вот виртуальные дела...

Вскоре у меня неожиданно нарисовалось реальное randevu с Глюкозой. С живой и настоящей. Этот эмоциональный ужин организовал Фадеев, нагнав лютого пафоса о том, что я – первый в мире журналист, который видит артистку живьем. Я, естественно, проникся. Позднее я понял, что купили меня не бог весть как дорого, – но это было потом...

Место встречи изменить нельзя – дело было в клубе “16 тонн”. Ожидая появления “восьмого чуда света”, я искал ответ на вопрос, который давно не давал мне покоя: в каком бабкином сундуке Фадеев столько времени прятал артистку? Непонятно...

Мы сидели на веранде с парой пресс-менеджеров, когда с шумом и хохотом туда ввалились Макс и светловолосая весенняя фея. Они весело общались между собой, не обращая особого внимания на окружающие флору и фауну. Девушка выглядела настолько юно, свежо и непорочно, что ее сразу же захотелось пригласить в кино. Просто так.

Девушку звали Наташа Ионова. Я не очень хорошо помню, во что она была одета, но иллюзорное ощущение непорочности улетучилось минут через пять. Сразу же после того, как она поведала какой-то отвязный анекдот про случайный минет в поезде. Улыбалась она при этом так, как будто знала все мои мысли в отношении себя. Но я твердо решил, что “первым делом – самолеты”, и поэтому самое время перейти к делу. А именно – уточнить, насколько это море юной плоти соответствует образу из пресс-релиза.

Вскоре выяснилось, что Наташа – дерзкий панк, с отменным чувством юмора. “Возле какого метро ты живешь?” – Я начал вести подкопы издалека. Она удивленно спросила: “А зачем тебе?” – “Ну, может, мы соседи...” – “А номер квартиры ты не хочешь узнать? Может, у нас и номера квартир похожи?” – перешла в контрнаступление Глюкоза. Меня отбрили по полной программе, и я успокоился. За последние несколько лет никто из артистов со мной в таком тоне не разговаривал. Значит, в обиду себя она не даст. Хорошо.

Макс тоже старался не отмалчиваться. “Когда я встретился с Наташей, то с ужасом понял, что во многих моих старых треках форма главнее, чем содержание, – доверительно поведал продюсер. – Я замузыкалился. Стал таким Тихоном Хренниковым, который сидит за роялем и думает, какой тут должен идти доминантсептаккорд и что должно идти за ним. А с Глюкозой все иначе: из меня музыка настолько легко вытекает, как вода... Вдобавок ко всему, Наташа на записи поет один раз. Один дубль. Я много раз пытался заставить ее спеть второй и третий – но это бессмысленно: у нее невозможно взять один кусок из одного дубля, другой из другого и склеить вместе. Мне нравится, когда все идеально сделано, но тут она разрушила вот это мое ощущение. Я решил оставить все как есть”.

После этого пронзительного монолога Наташа ударилась в воспоминания и рассказала о своем кинематографическом опыте. История звучала прямо-таки душераздирающе. Однажды, гуляя с подружками по

подмосковному Красногорску, увидела какие-то съемки. Киношная площадка была огорожена полосатыми ленточками, но будущую Глюкозу это не остановило. Она поспорила, что обязательно пройдет внутрь. Свой микроплан она перевыполнила на двести процентов. Строгой тетке-администратору Наташа сказала, что снимается в массовке, и искренне извинилась за опоздание. А еще через полчаса наша святая Магдалена снялась в клипе Юры Шатунова “Детство”.

Рассказ Наташи меня успокоил окончательно. Судя по всему, у Фадеева растет надежная фронтвумен. Не пропадет. Вскоре Макс прервал мои разрозненные мысли: “Я только что с самолета, у меня высокое давление... Я, наверное, все-таки поеду домой”. Я проводил Макса с Глюкозой из клуба, впечатленный и обрадованный увиденным. Для дальнейших контактов Наташа дала мне телефон своего приятеля. Я обрадовался – это уже была какая-никакая конкретика.

Спустя месяц Глюкоза–Ионова нарисовалась в просторном офисе “Монолита” на Академической. К этому моменту она еще больше похорошела и уверенно вошла в образ девочки с искусанными ногтями. Она шутила и кривлялась перед президентом “Монолита” Юрой Слюсарем, корчила рожицы под свою пластинку. Это была Артистка, уже готовая выйти на Большую сцену. И Слюсарь дал “добро” на весенне-летние появления Глюкозы на “Бомбе года” в “Олимпийском”, “Фабрике звезд” в “Останкино” и на акции “Мегахуса” в Лужниках. Именно там впервые народ мог воочию лицезреть, как “в натуре” выглядит Глюкоза.

Заканчивалась весна 2003 года, и Фадееву пора было определяться с рядом существенных деталей в развитии группы “Глюкоза”. Сейчас этот проект напоминал “игру наперняка”: “Монолит” выкупил альбом за рекордную шестизначную сумму, радио и телевидение артистку поддерживали, промоутеры приглашали на концерты. Завершалась работа над вторым виртуальным клипом “Невеста”. Более того – через пару месяцев Фадеев мог показать миру обаятельную юную вокалистку, поющую песни из альбома. Мультик, созданный год назад буйным воображением Макса и его уфимских коллег, начал стремительно претворяться в жизнь.

Проблема заключалась в том, что если продолжать игру в Gorillaz, миру надо было показывать не Наташу Ионову, а рисованный концерт из нескольких суперклипов (которые пока не сделаны) и прочих виртуальных прибабасов. На подготовку такого праздника жизни могла уйти еще пара лет. Как минимум.

А время поджимало. У виртуального метода был еще целый ряд

серьезных недоработок. Понятно, что подобную постановочную технику не повезешь на концерт в маленький сибирский Дом культуры и не поставишь в модном ресторане “Дача” на Рублевке. С другой стороны, если отказаться от идеи виртуальности и перейти к банальным концертам, получится курица, ежемесячно несущая огромные золотые яйца. Как у Фаберже.

Как минимум одно яйцо доставалось Продюсеру. Второе яйцо – выпускающей фирме. Все правильно – люди вкладывали деньги, рисковали репутацией. Теперь настало время пилить пирог.

Мне сложно сказать, что именно происходило в этот момент в голове у Фадеева, которого я всегда боготворю за его ослепительные мозги. Не знаю, что происходило в голове у Слюсаря. Но когда стало понятно, что победа не за горами, ими было сделано три стратегически важных хода.

Первый – у партнера и инвестора Фадеева Александра Аркадьевича Элиасберга были выкуплены все авторские и смежные права на данную музыкальную продукцию.

Второй ход – пресс-службу в моем лице искренне поблагодарили за креативную и профессиональную работу. Всем спасибо. Пока достаточно.

Третий ход Фадеева был самый значимый. Он принял решение, что Глюкоза вместе с группой будет выступать живьем. Насколько это изменило ситуацию, стало понятно через пару месяцев. А пока что проект становился рентабельным и коммерчески неуязвимым.

24 мая 2003 года на “Монолите” вышел дебютный альбом “Глюкоза nostra”. “Ощущение прорыва и первого успеха у меня, как у индустриальщика, возникло в первый день продаж, – вспоминает Слюсарь. – За стартовые 24 часа нами было отгружено 150000 компакт-дисков и 300000 кассет. Для нового артиста такие цифры были просто супер. Единственное, с чем мы промахнулись, – это с первоначальным маркетингом. Поскольку видели Глюкозу как проект исключительно для 18-летних, для которых выпускался бы журнал комиксов и линия по производству обуви. На самом деле пластинка зацепила множество людей более взрослых”.

Дальнейшие события развивались следующим образом. Лицо Глюкозы, как и планировалось, открыли сразу в нескольких местах – на “Фабрике звезд” (где она выступала в роли гостя с песней “Невеста”), на фестивалях “Бомба года” и “Мегаххаус”. И сразу же наша безупречная виртуальная теория начала давать сбой.

Во-первых, Артистку опознали ее московские одноклассники – история про Поволжье потонула в море интервью свидетелей бурного прошлого 17-летней школьницы Наташи Ионовой. Во-вторых, режиссеры

“Ералаша” радостно рассказывали, как в десятилетнем возрасте Наташа снималась в нескольких выпусках этого популярного детского киноальманаха. Даже назывались конкретные серии: “Поганки”, “Переселение душ”, “Неприятное известие”. В-третьих, выяснилось, что Наташа исполняла одну из эпизодических ролей в кинофильме “Триумф”, саундтрек к которому написал Фадеев. Круг замкнулся.

Кульминацией всех этих разоблачений стала нашумевшая статья в “Афише”, вышедшая после того, как поверившее в талант девушки издание посвятило Глюкозе обложку. Теперь наступал момент истины.

Еще во время первого интервью с Глюкозой Юра Сапрыкин натренированным взглядом заметил, как 17-летняя Наташа не по-детски грамотно уходит от ответов на прямые вопросы: из какого она города, как ее фамилия, где сейчас живет? Сапрыкина также смущал тот факт, что продюсер и артистка во время интервью путались в показаниях: Макс рассказывал, как они с Наташей делают наброски нового альбома, а непосредственно Глюкоза об этом ничего не знала...

Затем забеспокоился фоторедактор: “Все музыканты на фотосессии поют, а Наташа не пела. Это, наверное, не в ее органике”.

В итоге “Афиша” провела целое расследование, попутно придя к мысли, что Наташа имитирует чужой голос. “Выяснилось, что Наташа всю жизнь прожила в Москве и никакого приволжского детства не было, – здраво рассуждал Сапрыкин. – Все это время она вела себя как разведчик с холодной головой и железной волей. Но персональные дела Наташи уже не так интересны – более любопытны новые технологии. Изобретатели Глюкозы придумали и подготовили к продаже не просто образ – красивое лицо, эксцентричную привычку, жабы и крокодилий хвост, – но реального человека с биографией, с готовым мнением по любому поводу и, чего уж там, с нешуточным обаянием. В случае Глюкозы – фикция не пара строчек в пресс-релизе, а живая девушка: если что, вот паспорт и аттестат. Ужасно интересно, что будет дальше”.

Мне уже, честно говоря, интересно не было. Я иронично относился к происходящему и чем-то напоминал политтехнолога из фильма “Хвост виляет собакой”. Который в финале картины узнает из теленовостей, что придуманная им война завершилась победой американских вооруженных сил. Все лавры достаются президенту Соединенных Штатов Америки, который эту войну выиграл. Но, в отличие от вымышленной киноситуации, наш условный президент эту битву умов сейчас проигрывал.

За моим нейтралитетом стояла определенная позиция. “Ребята, вы хотите работать без пресс-службы – тогда не жалуйтесь, когда журналисты

разводят вас вашими же приемами, – грустно анализировал я новейшую историю Глюкозы. – Вначале они берут интервью у Наташи, а потом – у Фадеева. И радуются, как дети, когда собеседники путаются в показаниях. Заниматься черновой работой и координировать ответы некому... Затем вы делаете просто непростительные, детские ошибки – когда Макс начинает декларировать, что весь альбом написал именно он. А ведь журналисты – не лохи. Да, порой они ленивые, но не все. И лучшие из них вспоминают ранние интервью и надпись на буклете альбома: „Музыка и слова – Глюкоза“. Для устранения подобных ляпов и существует пресс-служба. Зато без нее жить дешевле. Оптимизация бюджета – налицо”.

...Летом 2003 года я пришел в Лужники посмотреть на первый концерт Глюкозы. Дело было на фестивале “Мегаххаус”, проходившем в рамках ежегодного праздника газеты “Московский Комсомолец”. Я смотрел на пока не очень уверенные движения Наташи – мне было любопытно, во что конкретное материализовалась наша виртуальная “игра в классики”.

После выступления уставшая артистка сидела, одетая в легкий весенний плащ, в каком-то чухлом микроавтобусе. За окнами бесновалась толпа, и Глюкозе предстояло давать большое интервью каналу MTV. Никого из менеджмента поблизости не было. Суббота – нерабочий день. Выходной. Ее просто бросили в открытое человеческое море – мол, плыви, девочка. Смотреть на это было больно...

Говорят, что после драки кулаками не машут. Я помахал. Подошел к знакомым телевизионщикам из “News блока” и договорился о “закрытых темах”, которых они не будут касаться в интервью. Затем зашел в автобус, закрыл за собой дверь и на правах “хуй знает кого” все-таки успел подготовить Наташу к беседе. Это было ее первое в жизни телеинтервью. Перед камерой она держалась свободно и на вопросы отвечала в точности по рецепту – как доктор прописал. В принципе, своей работой я мог искренне гордиться. Стоя скромно в стороне.

...Перед выездом Глюкозы в осенний тур 2003 года мне позвонил Фадеев. Он был встревожен участившимися публикациями на тему того, кто же в группе “Глюкоза” поет на самом деле. “Как мне объяснить журналистам, что это именно ее вокал?” – Макс начал беседу с довольно простого вопроса. Видимо, жизнь достала его не на шутку. Я вспомнил фрагмент его интервью в “Московском Комсомольце”, которое, увы, не показалось мне верхом убедительности.

“Если быть совсем откровенным – это ведь моя бабушка поет, – отбивался Фадеев от вопросов назойливой Капы. – Бабушка хорошо сохранилась. Сидит в деревне под Курганом, мы специально ездим ее туда

писать с передвижной студией. Картошку прополет – сядет, пропоет „Аста ла виста“”.

...В момент телефонного звонка Макса я подходил к своему дому, пересекая футбольное поле в районе штрафной площадки. Дойдя до одиннадцатиметровой отметки, я остановился и предложил под предлогом грядущего тура устроить Наташе пресс-конференцию. И там, с целью заполнения паузы между вопросами, ненароком спеть фрагмент какого-нибудь кавера. Да взять хотя бы “Черный кот” – как, скажем, Земфира спела на своем первом брифинге песню “Свет очей моих”. Если Глюкоза исполнит этот рок-н-ролл чисто – все вопросы исчезнут сами собой. И спела как бы не специально. Типа импровизация. И отличная реклама перед грядущим туром.

Идея Фадееву понравилась, но дальше разговоров дело не пошло. Возможно, не хватило времени, возможно – денежных потоков. ...

Прошли месяцы. Слухи о том, кто именно вокалирует на альбоме, стали постепенно стихать. В конце концов, все помнили русские поп-повести временных лет – истории, связанные с группами “Мираж” и “Ласковый май”, когда на альбомах пели одни артисты, а на гастролях – другие. Скандальный опыт франко-немецкого дуэта Milli Vanilli можно было и не вспоминать...

Настала пора подводить первые итоги. Журнал “Афиша” заказал мне материал про Глюкозу – что-то из серии “Прорывы 2003 года”. Так сказать, взгляд изнутри. Я решил ретроспективно пообщаться с Элиасбергом – на тему “бойцы вспоминают минувшие дни”. Инвестор Фадеева уже вышел из шоу-бизнеса и поэтому мог быть вполне объективен. Наша беседа получилась слегка ностальгической, милой и достаточно откровенной. В процессе монолога Александр Аркадьевич внезапно вспомнил, что на самой первой кассете Глюкозы, присланной из Праги, вокал был... мужской. Услышав это, я чуть не упал со стула вместе с диктофоном. Вот это поворот!

Задним числом выяснилось, что первоначально все “арии” Глюкозы пропевал Максим. Это получалось у него настолько феерически, что, разъезжая тем летом по Кипру, Элиасберг радовался жизни исключительно под музыку “Глюкозы”. Закольцевав фадеевскую версию на кассете, Александр Аркадьевич ловил нечеловеческий кайф в режиме “нон-стоп”.

“Фадеев, как исполнитель своих песен, просто изумителен, – задумчиво произнес Элиасберг. – В плане голоса он просто волшебник. Любой человек, который будет петь это после Максима, все равно создаст только копию. А оригинал сделан рукой Мастера. Фадеев ловит и отражает

все нюансы, которые возникали еще в процессе создания Произведения. Каждый звук, который издает Максим, идет изнутри. И он владеет им в совершенстве”.

Спустя полгода я заглянул по делам в новый офис Композитора, расположенный в подвале жилого дома где-то на севере Москвы. “Где тут у вас студия Фадеева?” – спросил я у старушек, энергично лущающих семечки на освещенной солнцем скамейке. “А, это который Шоколадный заяц! – радостно прошепелявили беззубые пенсионерки. – Это, значит, направо. За углом”.

Я завернул направо и спустился в подвал. Вместе с братом Артемом Фадеев разрабатывал анимационный ряд концертного тура Глюкозы. Ставил мне новые песни “фабрикантов”, показывал home-video репетиций с Наташей, в которых она пропевала новые песенки. В конце съемки Макс, довольный результатом, даже по-отечески поцеловал ее в щечку. Я не очень понимал, зачем он эту творческую кухню мне демонстрирует, но Фадеев словно прочитал мои мысли: “Ты-то хоть веришь, что это Наташа поет?”

Мы выползли из полутемного подвала на свежий воздух. “Макс, мы же с тобой сто раз говорили на эту тему, – ответил я. – Мне похуй. Ты, глядя мне в глаза, говоришь: „Поет Наташа“, – значит, Наташа. Так тому и быть. Понимаешь, когда я покупаю дорогие часы, то не имею дурной привычки задумываться, как в них устроен механизм. Магия бренда... Как напишем, так и будет”.

...Тем временем Глюкоза заканчивала свой первый тур. Пятьдесят городов, шестьдесят концертов. Всё честно, всё по-взрослому. На каждом выступлении – шесть экранов, шесть проекторов и сборный круглый подиум. А также – две гавайские гитары, стик-бас и клавиша-стойка в виде пружины. Периодически применялась снег-машина, которая метала хлопья искусственных метеорологических осадков на песнях “Снег” и “Вокзал”.

На концерте в Питере толпа легко снесла металлические ограждения на многотысячном стадионе. После первой же песни. “Все разнесли в пух и прах, как пластмассовые игрушки из незапертого детского магазина”, – вспоминает концертный директор Глюкозы. В Ялте после выступления Наташа отказалась играть за сумасшедшие деньги на дне рождения местного депутата. Города сменяли города, а Глюкоза перед выходом на сцену по-прежнему чуть нервно пила минералку. И шла петь в микрофон.

Все в нашей истории было бы славно, если бы не вышедшая спустя несколько лет книга мемуаров Михаила Козырева – как уже упоминалось, близкого друга Фадеева. Выяснилось, что бывший гендиректор “Нашего Радио” присутствовал в Праге при зарождении проекта “Глюкоза”, когда

первые песни напела на пленку Наташа. Но не Ионова, а Наташа Усачева – жена Максима Фадеева. Затем голос обрабатывался в студии, пропускался через компьютерные программы и стилизовался под девичий вокал. А всё остальное вы знаете. И Макс знает. И я знаю. Пусть будет так.

...С Наташей Ионовой я встретился где-то через год после ее прорыва. За ее спиной уже были сотни концертов, более миллиона копий альбома, а клип “Невеста” получил приз “Best Russian Act-2003” на церемонии вручения премии “Europe Music Awards”. Она выпустила второй альбом – с чуть другим, более низким вокалом – по-видимому, связанным с ломкой голоса. Сама написала несколько текстов и вообще стала держаться поувереннее. На ее сайте хронически отсутствовала рубрика “Архив”, что по-человечески было понятно. Наташа стала персонажем истории, в которой ее ждало блестящее будущее, но у которой не существовало прошлого...

“Ну как, тяжело?” – спросил я Глюкозу где-то в районе примерок “Олимпийского”. Того самого “Олимпийского”, о котором мы грезили с Фадеевым в контексте триумфального концерта виртуальных приволжских Gorillaz. Блядь, какая же красивая у нас была мечта!

“Честно говоря, я думала, что будет тяжелее”, – мультяшным голосом ответила Глюкоза. И уверенной походкой отправилась на сцену.

Глава VII Леонид Бурлаков

Если бы я всегда понимал, что делаю и зачем, то, наверное, писал бы сейчас книги в Йельском университете. И Крис Томас, читая их, кивал бы головой в подтверждение моих выводов.

Леонид Бурлаков, 2003 год

Незадолго до сдачи книги в печать я приехал в гости к старому другу Бурлакову – взять у него что-то наподобие интервью и обсудить текущие дела. Мне надо было решить запутанный вопрос с оплатой одного из региональных концертов “Братьев Грим”, который в итоге так и не состоялся. Деньги были выплачены, но назад не возвращены. Ситуация выглядела сложной, и ее требовалось каким-то образом прояснить. Но, хорошо зная мои приемы ведения переговоров, открыть рот и набрать скорость мне не дали.

Бурлаков очень грамотно перехватил инициативу в дебюте, сразу же обозначив свою жесткую позицию по данному вопросу. Похоже, я терпел обидное поражение ценой в несколько тысяч долларов. С точки зрения линейного бизнеса это было, безусловно, печально. “Но какой игрок, какой игрок”, – завистливо думал я, зорко разглядывая Леню не только как героя книги, но и как произведение современного искусства. Пристальное наблюдение за объектом велось в режиме “он-лайн” – аккуратно с расстояния в полметра. Такой себе юный натуралист...

В это время легендарный продюсер немного смягчил напор и предложил гостю легкий ужин. За чашкой кофе начал рассказывать про замысел своей первой книги, которую вскоре начнет писать. Исчезнет с горизонтов цивилизации на целый год и вернется с толстым готовым фолиантом. Поскольку разговоры о книге я слышал уже не первый год, то не сильно удивился. Более того – даже “включил” заинтересованное лицо.

Интерес мой выражался в следующем. В контексте “Хедлайнеров” мне хотелось пообщаться со знаменитым промоутером о бывших подопечных: певице Земфире и группе “Мумий Тролль”. Без диктофона, по-дружески, с позиции прожитых лет. Но этой, без сомнения, увлекательной беседе состояться было не суждено.

“Ты ведь знаешь, я никому не комментирую этот период моей жизни, –

бесцветно глядя куда-то в сторону, сказал Бурлаков. – Для меня это – закрытая тема”.

1. How Much Is the Fish?

Успех – это девяносто девять процентов случайности и один процент таланта. Случайностей в нашем мире хватает, а вот талант – большая редкость... Прикоснуться к таланту в самом начале пути – это как пережить чудо.

Леонид Бурлаков

Хватит умничать! Пора ввести в текст портрет героя. Когда всем откроется абсолютная истина, человечество с несомненным единодушием признает в Бурлакове второго Леонардо. И это справедливо, ибо Леонид Владимирович умеет все: делать деньги из воздуха и воздух из денег, ездить на транспорте с правым и левым рулем, снимать и монтировать клипы, продюсировать альбомы, работать библиотекарем, почтальоном, кочегаром, психологом, читать студентам лекции, создавать из подвалов plombированные студии, а затем их разрушать, вести дискотеки, рок-фестивали и телепрограммы, писать статьи, командовать ротой, батальоном, фронтом, быть непревзойденным переговорщиком и образцовым семьянином. А кто не знает – пусть и не говорит.

С Бурлаковым я знакомился как минимум дважды – в 95-м и 96 годах. Эти встречи сопровождались обильными чаепитиями, о чем достоверно написано выше. Куда ты так высоко голову задираешь? Не так далеко, в самом начале книги.

...В отличие от ровесников, наш герой всегда был подобен многорукому Шиве. В школе учителя называли его “спекулянтом”, но наградили при этом почетной грамотой за проведение дискотек. На уроках химии Бурлаков писал тексты группе “Мумий Троль”, но затем взял непродолжительный тайм-аут – отрулил в армию, где основал первый в Приморье видеосалон. Там местное офицерье дружно зырило порнуху + концерт “Троллей” 1987 года, записанный на бытовую камеру. По признанию Бурлакова, эта видеокассета помогла ему тогда “не скурвиться”.

Очутившись на гражданке, стройный как жердь Леонид Владимирович умудрился проплыть половину земного шара в качестве матроса первого класса и штурмана-судоводителя, вести музыкальную передачу на владивостокском телевидении и активно катализировать местное рок-

движение. Все это он пытался делать одновременно.

Насмотревшись на мир, Бурлаков надумал основать во Владивостоке первый пластиночный магазин. Учитывая тогдашние экономические реалии, это была авантюра чистой воды. Но человек-победа считал иначе.

“В 94–95 годах я работал в баре-ресторане на судне, – вспоминает он. – Там меня научили таким понятиям, как „себестоимость“ и „прибыль“... всем этим ласковым словам. Со временем мне предложили работу коммерческого директора с ежемесячным окладом 2500 долларов, но я отказался. Через полтора месяца, когда у меня закончились деньги, я в восемь часов утра придумал открыть магазин компакт-дисков. И вот 24 апреля 1995 года мы открылись”.

Магазин располагался в самом центре Владивостока, правда, в полуподвальном помещении, площадь которого приходилось делить пополам с парфюмерным ларьком. Предполагалось, что женщины, пришедшие сюда покупать духи и лаки, тут же ринутся приобретать новый альбом Исе-Т или Боба Дилана. Не говоря уже об Аллегровой с Ветлицкой...

Чтобы покрыть долг, который Бурлаков взял под пятнадцать процентов в месяц, и при этом остаться в живых, магазину нужно было ежедневно продавать хотя бы тридцать дисков. Как гласит история, в первый день было реализовано всего шесть пластинок. Во второй – восемнадцать.

“У моих партнеров-одноклассников появилась мысль, что это – конец, – улыбается Бурлаков. – Настроение было на нуле. В этот момент в парфюмерный отдел вползла бабушка и начала выбирать дезодорант – ей, скорее всего, не нужный. И тут я говорю партнерам: „А если я ей сейчас продам пластинку, вы поверите, что не все безнадежно?“ И они мне так скептически отвечают: „Ну продай!“ Я тут же втюхал ей какой-то русский сборник, после чего все воспрянули духом. В следующую смену мы реализовали уже двадцать семь пластинок, а через полгода продавали по двести дисков ежедневно”.

Вдохновленный стартовыми успехами, Бурлаков занял под проценты очередные пять тысяч и направился в Москву закупать модные диски. Леня чувствовал, что ему надо развиваться дальше. В Приморье он достиг всего, чего мог добиться бизнесмен, специализирующийся в такой иррациональной сфере, как российская рок-музыка.

Столица бывшему диджею с Дальнего Востока пришлась по душе. “Москва – это большой базар, – делился первыми впечатлениями с земляками наш герой. – Ходишь по рядам, выбираешь товар. Если есть деньги – покупаешь. Если нет – можно взять в долг, а потом отдать. Если

тебе этот товар в принципе не нужен, но ты хочешь, чтобы он у тебя был, – тогда начинаешь думать. И появляются хорошие мысли”.

Через несколько месяцев Бурлаков в свойственной ему манере принялся навязывать этому городу свои законы. Не без труда ориентируясь в незнакомой обстановке, он уверенным голосом говорил своим владивостокским шоферам: “В Москве, если не знаешь дорогу, всегда поворачивай направо”. Водители в подобный экстремизм не врубались и поэтому менялись каждые пару месяцев – чаще, чем у Ксении Собчак.

Со временем Бурлаков не на шутку вгрызся в пластиночный бизнес, осуществляя поставки западных дисков во Владивосток еще до того, как они прошли растаможку в Москве. Он наладил четкую систему сбыта, благодаря которой, к примеру, новый альбом U2 продавался во Владивостоке в тот же день, что и в Дублине. Видя такую нечеловеческую активность, московские дистрибьюторы кусали локти...

Вскоре рискованный коммивояжер обзавелся собственной точкой на “Горбушке”, изучая рынок компакт-дисков практическим путем. И в какой-то момент наш пилигрим понял, как выдохнул: впарить в этой стране можно все. Стоя на промозгом ветру и продавая компакт-диски безнадёжной группы “Старый приятель”, он вспомнил про незнакомую бабушку из Владивостока, которая хотела приобрести дезодорант, а купила сборник поп-музыки. Вспомнил, как в средней школе вжучил по двойной цене учительнице сапоги Salamander. Вспомнил, как на Приморском телевидении при помощи бесплатной рекламы продавал тоннами аудиозаписи. И тогда Леня понял: все зависит от того, не что продавать, а как продавать.

И напала на Бурлакова лютая тоска. Он не мог ответить на вопрос, почему торгует “всяким отстоем”. Чувствуя в себе потенциал Малкольма Макларена, Леня не понимал, почему у него на лотке не лежат диски любимых владивостокских групп: “Депеша”, “Туманный стон”, “Опиум”, “Третья стража”, “Мумий Троль”. Групп, которым он реально помогал в далекие восьмидесятые. Групп, которым он построил “Dekada Studio”, скоммуниздив со стройки кирпичи и разведя собственное мореходное училище на сумасшедшую сумму в 70000 советских рублей.

Это были сушие вопросы-наказания, на которые в голове у Бурлакова не существовало ответов. И вскоре, словно по мановению волшебной палочки, он неожиданно встретил своего школьного приятеля Илью Лагутенко. Когда-то у них была суперпопулярная на Дальнем Востоке группа “Мумий Троль”. И хотя талантливый Илья жил в Лондоне, а сам Леня – в Москве, эмоциональная почва для грядущих подвигов была

готова.

...Вся эта история больше похожа на легенду. Как-то раз, плавно дефилируя по Тверской, владивостокский коммерсант увидел в толпе знакомое лицо. Он не поверил собственным глазам – ему навстречу собственной персоной двигался Илья Игоревич Лагутенко, который уже несколько лет проживал в городе Лондоне. Если бы бронзовая кобыла под Юрием Долгоруким чихнула, Бурлаков, наверное, удивился бы меньше. Дело было зимой 96 года.

Лохматый и по-модному всклокоченный Лагутенко, одетый в приталенный китайский военный китель, выглядел на фоне всунутого в лыжный свитер Бурлакова настоящим лондонским денди. В столицу Илья прибыл не от хорошей жизни – одна из московских фирм задолжала ему деньги за брокерские услуги, и их необходимо было срочно экспроприировать.

Неожиданная встреча со школьным другом взорвала атомный мозг Бурлакова. Он вспомнил начало 80-х, когда они вместе с Ильей создали “Мумий Троль”. Звонкий голос Лагутенко, поющий о том, что “ночь прекраснее дня”, звучал на торговых кораблях, в уссурийской тайге, на волнах японского и финского радиоэфиров. Красавицы-яхты бороздили Тихий океан, лихие скейтбордисты рассекали по притихшим микрорайонам, а в их привезенных из Японии плеерах звучали хиты “Мумий Троля”. Затем Лагутенко уехал в Китай, а после в Англию, лишь изредка делая наброски новых песен. С владивостокскими друзьями он не виделся около пяти лет.

...На следующий день воодушевленный судьбоносной встречей Бурлаков устроил Илье специфическую экскурсию по Москве, показывая новые заводы компакт-дисков, оптовые склады пластинок, рынок на “Горбушке”. Леня блистал энциклопедическими знаниями и сыпал цифрами, рассказывая Илье, какими гигантскими тиражами продаются новые альбомы Пугачевой и Меладзе. Его глаза блестели, как паркет в Кремлевском дворце, а руки описывали концентрические окружности. Бурлакову надо было любой ценой убедить Лагутенко, в талант которого он свято верил, войти второй раз в ту же реку.

“Не пора ли нам подумать о новом „Мумий Тролле“?” – накачивал школьного друга Бурлаков, сидя на дне рождения у знакомого пирата в клубе “Табула Раса”. Лицо Лени выражало неподдельную страсть. Лицо Ильи недоверчиво внимало. И сомневалось...

На вопрос Бурлакова, делал ли Лагутенко что-нибудь в последние годы, хитмейкер “Троллей” ответил: “Ну делал... Только кому это все

надо?” Тогда морально готовый на любые аферы Бурлаков запустил в ход последний аргумент: “У меня есть деньги, чтобы записать в Лондоне пять-шесть песен”. В беседе зависла пауза. “Давай сделаем по-другому, – ответил после некоторых раздумий вокалист “Троллей”. – Мы найдем еще деньги, одолжим, в конце концов, но запишем альбом целиком”.

Со стороны это уже напоминало торг. Прогресс в переговорах был налицо. Как бы там ни было, вскоре процесс пошел.

Почувствовав поддержку, Илья начал писать Лене эмоциональные письма, которые отсылал факсом в Москву. Интернета еще не было, разговаривать по междугороду было дорого. Зато в эпистолярном жанре будущие компаньоны добились заметных успехов. Одна из идей Лагутенко выглядела следующим образом: “Я хочу соединить вместе Lighting Seeds, Space, Sleeper, Dubstar, Cardigans, Edwyn Collins, Squeese, Garbage + Blur, ABBA, Amanda Lear, Sex Pistols... Я хочу добиться (а может, это и получится) неповторимого „Мумий Тролля“. Плагиатор из меня, ты знаешь, никудышный... Своих идей миллион, но я – человек нерешительный”.

Решительности можно было одолжить у Бурлакова. С запасом. Вспомнив о том, что у него в Москве есть знакомый журналист Кушнир, он приехал ко мне в гости и убедил помогать будущей владивостокской рок-сенсации. Леня ангажировал меня заниматься пресс-поддержкой еще не существующего альбома и параллельно не давал расслабиться Илье, чуть ли не ежедневно забрасывая его пожеланиями присылать новые песни.

Через несколько недель Илья прислал композицию “Вдруг ушли поезда”. Прослушав строчку “никогда не любим, не забыт, не открыт”, Бурлаков вдруг понял, что новый “Мумий Тролля” неизбежен.

Следующая присланная Лагутенко кассета содержала брит-поповскую композицию “Кот кота”, написанную еще в Китае “Девочку” (со словами “пьет своих девчонок сок”) и странноватую песенку “Утекай”, напоминавшую шлягер Пугачевой “Улетай, туча”. “Услышав „Утекай“, я просто выпал в осадок, – вспоминает Леня. – Попросту умер. Когда я рассказывал людям про новый „Мумий Тролля“, я начинал беседу с прослушивания „Утекай“. А Илье после этого я сказал: „Делай что хочешь! Я вообще не буду влезать ни в твою музыку, ни в твои тексты... Но если этот альбом провалится, мы с тобой встретимся через десять лет“”.

Надо хорошо знать Бурлакова, чтобы понимать, кто именно послужил прототипом поговорки “обещать – не значит жениться”. Как только Леня решил не редактировать тексты, он тут же заставил всех знакомых написать на присланные Ильей песни рецензии, которые моментально отправлял в Лондон.

Бурлакову грело душу, что вокалист “Троллей” начал прислушиваться к мнениям друзей. “Со мной Лагутенко советовался, поскольку считалось, что я – эксперт по компакт-дискам и как будто бы знаю, что именно надо продавать, – вспоминает Бурлаков. – К ребятам Илья прислушивался, потому что его, наверное, пообломала судьба, и он научился ценить чужое мнение. Раньше у него этого не было”.

Незадолго до начала сессии Лагутенко написал часть нового боевика “Владивосток 2000”. Послушать его мы толком не успели – со слов вокалиста “Троллей”, песня была о том, как Владивосток катится в ... Мол, конец света оттуда и начнется. А еще за неделю он прислал в Москву письмо, которое порадовало меня творческой свободой и здоровой наглостью.

“На подпевках у нас будут английские девчонки, которые хором станут повторять куплеты на ужасном русском языке с акцентом, – писал Илья. – В первом клипе нам надо снять настоящих трансвеститов, целующихся парней, скучающих проституток. Такая мы, б... шокирующая группа. А вы чего хотели?”

Мы хотели, чтобы быстрее стартовала запись. Когда у Лагутенко набралось десять новых песен, Бурлаков засел за калькулятор. По скромным подсчетам, для записи альбома надо было найти порядка тридцати тысяч долларов. Поиски денег Леня начал с себя, как Горбачев – перестройку. Бурлаков вложил в процесс все свои заработки за последний год, легко разорив собственный пластиночный магазин (“если бы не предновогодние продажи, нам было бы трудно”) и заложив квартиру. В августе 1996 года он выехал к Илье для записи альбома “Морская”. Как сказал бы вождь Мао, портрет которого висел в лондонской квартире Лагутенко, “огонь по штабам начался”.

2. Слушая радио

Все говорили: “Радио, радио!” И вот – радио есть, а счастья нет...

Илья Ильф

Когда Бурлаков улетал в Лондон, он сказал на прощание: “Кушнир, ты не поверишь – с нами в „Alaska Studios“ будет работать звукорежиссер по имени Санни, которая записывала дебютный альбом Трики”.

Это был красивый ход. Я очень любил “Maxinquaye”, поэтому от восторга чуть не потерял дар речи. И еще я остро почувствовал связь времен и цивилизаций. А также то, что вскоре у владивостокских авантюристов начнутся сплошные приключения. Я даже не догадывался, насколько был близок к истине.

Вскоре выяснилось, что студийная команда, которая должна писать альбом “Морская”, строго говоря, не имеет отношения к группе “Мумий Тролль”. Кроме клавишника Алика Краснова, все владивостокские музыканты идею о реанимации “Троллей” проигнорировали, назвав ее “полным безумием”. Они были взрослыми и обеспеченными людьми – с семьями, на престижных должностях и на престижных машинах. В такой ситуации каждому, как говорится, свое...

Собака лает – караван идет. Гитарист, саксофонист и ритм-секция искались непосредственно в Лондоне. В частности, на роль басиста оказался приглашен полуполяк-полугрузин по имени Алик Джигия, которому суждено было стать главным действующим персонажем первого дня записи. В конце смены Джигия медленно встал со стула, подошел к английскому барабанщику и, сверкая по сторонам грузинской аурой, медленно произнес: “Если ты будэш так стучать, я твоими палочками выколю тэбэ глаза. Прямо сычас”.

После чего, отодвинув локтем звукорежиссера, поменял положение ручек на микшерном пульте. Мол, звук – полное говно. Саундпродюсер Санни, которая до этого искрилась ощущением собственной значимости, молча встала, поправила юбку и, пробормотав себе под нос что-то на тему “крэйзи рашн”, вышла из студии в ночь. Больше ее никто не видел...

Лагутенко часто везло на хороших людей. На следующий день хозяин “Alaska Studios” сообщил, что найден звукорежиссер по имени Крис Бенди,

который, как выяснилось впоследствии, был буквально рожден для “Троллей”. Крис работал от зари до зари, но, что самое главное, он кожей чувствовал Илью.

“Мы не знали послужного списка Криса и даже не догадывались о том, что он сотрудничал с The Cure и Duran Duran, – вспоминает Бурлаков. – К концу работы над „Морской“ Крис выучил транскрипцию слов песни “Девочка”, но так до конца и не понял, почему эта композиция заставляет его петь, плакать и смеяться одновременно”.

Чтобы не искушать судьбу, с неугомонным Аликом Джигия пришлось срочно расстаться, и все басовые партии на альбоме сыграл русский музыкант Игорь Тимофеев. Конфликтов в студии больше не было, и в начале сентября 96 года запись “Морской” была завершена.

На следующий день Бурлаков вместе с Ильей оказался на передаче Севы Новгородцева “Севаоборот”. Я слушал этот эфир в Москве, и когда на волнах Би-би-си раздалась фраза на китайском языке, у меня возникло ощущение, будто на радиоприемнике сбилась настройка. Ни фигу не сбилась. Это Илья на английской радиостанции пропагандировал русский рок-н-ролл на китайском языке.

“А вам Китай нравится?” – спросили у Лагутенко редактора Би-би-си. “Мне очень нравится...” – начал отвечать Илья. “И мне”, – жизнерадостно перебили вокалиста “Троллей” хозяева студии. Больше его никто не слушал, а Лагутенко не имел дурной привычки перебивать старших.

Разбавляемая звоном бокалов беседа пошла обо всем на свете – от Марса до Маркса, от Ричарда Брэнсона до владивостокских гастролей ВИА “Добры молодцы”. В какой-то момент передача незаметно превратилась в бенефис Леонида Владимировича. Он сумел переговорить не только Севу Новгородцева, но и его соведущих. В полемическом азарте Леня про Илью совсем забыл.

“Я – русский Ричард Брэнсон, в будущем, конечно. – Промоутера “Троллей” несло по коротким волнам мирового эфира. – Я взял себе жизнь Брэнсона за основу... Мы с ним не знакомы, но то, как он продает компакт, мне очень нравится. Я изучал его опыт, когда в 93-м году впервые попал в Англию – конкретно в Бристоль и Эдинбург. И когда все наши моряки шастали по супермаркетам, я посещал музыкальные магазины – изучал, как можно продавать компакт-диски...”

Когда мне подарили кассету с записью этого эфира, я часто ставил его сотрудникам – в качестве примера, как делать не надо. Лагутенко – по идее, главный герой программы – практически всю передачу был вынужден молчать. Я понял это не сразу, а лишь спустя некоторое время, когда жизнь

распорядилась раскручивать “Морскую”. Про название альбома в эфире не было сказано ни слова. А зачем? Позиционирование “Троллей” отсутствовало как класс. Как подавать “Морскую” в медийной среде и как продвигать группу на рынок, было непонятно. Ни Бурлакову, ни Лагутенко, ни мне.

...Вернувшись в сентябре из Лондона, Леня вручил мне хромовую кассету с записью “Морской” и сказал, что планирует выпустить “Троллей” в октябре на кассетах и в ноябре – на компакт-дисках. То есть где-то через месяц-полтора. Откуда взялись эти сроки, я в принципе понимал. Это были дни рождения Лагутенко и Бурлакова соответственно. Даты были абсолютно нереальные, но я решил не спорить. “И каким тиражом ты собираешься выпускать альбом?” – скептически спросил я. “Ну, тысяч десять-пятнадцать”, – задумавшись, изрек Бурлаков.

Я решительно возразил, что продать 15000 экземпляров неизвестной группы “Мумий Троль” невозможно – ни физически, ни химически. “Ва-Банкъ”, “Телевизор” и Настя Полева продавали в то время от 3000 до 5000 компактв. Данные были точные – во всех лейблах у меня работали друзья, которые не имели дурной привычки хранить коммерческие тайны. “Если так рассуждать, то можно напечатать тысячу дисков и все их пораздарить”, – раздраженно пробормотал Бурлаков.

Наша беседа проходила на высоте 9000 метров – на борту самолета Москва—Владивосток. Мы направлялись на крупномасштабный рок-фестиваль “Владивудсток’96”, где вместе с “ДДТ”, “Аквариумом”, “Туманным стоном” и несколькими гранжевыми группами из Сиэтла был заявлен “Мумий Троль”.

На родину героев мы везли две новости: хорошую и плохую. Позитив заключался в том, что у нас был записан шикарный альбом “Морская”, который с нетерпением ожидали все местные радиостанции. Негатив – “Тролли” на фестивале выступить не могли по банальной причине отсутствия у Лагутенко концертного состава.

Изначально предполагалось, что вместо группы прилетят Бурлаков с Кушником, типа все в белом, и начнут давать интервью – мол, какой классный альбом записал “Мумий Троль”. С точки зрения Бурлакова, раскрутка группы должна была начаться именно с Дальнего Востока. Мне эта идея нравилась, поскольку появлялась возможность слетать к знакомой журналистке Наташе, с которой у меня за пару лет до этого был чумовой роман. Совмещая приятное с полезным, я также планировал подзарядиться местной энергетикой, о которой Бурлаков прожужжал мне все уши.

...Первое впечатление от Владивостока напоминало картины ранних

импрессионистов. Город – где было развито романтическое начало, где в центре плещется море, а набережная усеяна стройными девушками в мини-юбках, где лимонник уже не лимон, но еще не конопля, – казалось, жил по своим приморским законам. Я искренне попытался их понять и почувствовать. Я жаждал впечатлений – я их получил. Выше крыши.

В первый же вечер, во время просмотра пиратской видеoverсии новехонького фильма Пола Верховена “Showgirls”, во всем микрорайоне вырубили свет – точно так же, как поется в песне “Владивосток 2000”. В итоге вместо фильма я начал подзаряжаться разливным американским вином – из картонных коробок с краником, которых в Москве тогда днем с огнем было не найти. Компанию мне составила симпатичная продавщица из бурлаковского магазина. Нам было хорошо. О работе никто не думал.

Теплый приморский ветер сносил мне крышу. Остановиться перед местными соблазнами оказалось невозможно – поэтому про все последующие события я узнал исключительно из рассказов очевидцев. От них я услышал, как оказался на сцене стадиона – аккуратно в момент исполнения Шевчуком песни “Фонограммщик”. От ментовской кутузки меня спасло лишь журналистское удостоверение газеты “Известия”.

Мне старались не рассказывать, как глубокой ночью я поставил пластмассовый электрический чайник на газовую плиту и уверенно зажег конфорку. Наверное, меня просто жалели. Но то, что осталось от чайника, мне попытались всучить в аэропорту в качестве инсталляции – вдруг на подмосковной даче пригодится...

Затем мне поведали, как после бессонной ночи мы с Бурлаковым посетили прямой эфир на “Radio New Wave”. Блок, посвященный “Троллям”, мы отпиарили выше всяких похвал. Я понял, что Лагутенко в этом городе знают, поэтому нам оставалось только разжигать огонь всенародной любви. Что мы и сделали, прокрутив “Морскую” целиком. Леня не растерялся и притащил с собой небольшую шпаргалку – типа самодельного пресс-релиза, который он с выражением зачитывал в эфире. Это был такой добрый и наивный текст, несколько строк из которого зацепили даже меня.

“Театральность голоса Лагутенко наполнена отнюдь не мхатовскими интонациями, – вещал Бурлаков на все Приморье. – Пустив его к себе в душу, вы становитесь его рабами и в этом видите смысл сего. Ибо через грязь, через боль сердца вы, как феникс из пепла, восстаете в новой божественной красе своей души. И происходит это всего за сорок семь минут – время, пока длится „Морская“... Новый альбом „Троллей“ – это очередной разворот на 182 градуса, и надеюсь, сегодня стрелка успеха

снова вернется к отметке 1985 года. Но это будет новая музыка для новых людей XXI века...”

Речь Бурлакова произвела на окружающих сильное впечатление. Самое время было сделать паузу и скушать Twix. Но беда Лени состояла в том, что остановить его в прямом эфире практически невозможно. Будь то Би-би-си или “Radio New Wave”. Поэтому через несколько минут Леонид Владимирович ринулся учить жизни местных музыкантов: “В России рок-н-ролл надо исполнять на родном языке! И передайте, пожалуйста, группе „Тандем“, что до тех пор, пока они не запоют по-русски, я ими заниматься не буду...”

В целом все было бы ничего, но в какой-то момент словоохотливая диджейка Алена рискнула узнать мое мнение на тему только что завершившегося рок-фестиваля “Владивудсток’96”. Зная, что через три часа у меня самолет, я раньше времени поверил в собственную безнаказанность и решил оторваться. Наследить, так сказать, на прощанье. И прогнал телегу о том, что в отсутствие “Троллей” фестиваль, в общем-то, превратился в гранжевую вакханалию – особенно во время выступления группы “Аквариум”.

Сказал, что когда Гребенщиков вышел на сцену, тень Курта Кобейна мрачным облаком нависла над приморским стадионом. К чему я гнал все эти мистические ужасы, не знаю. Наверное, выдергивался перед владивостокскими журналистками. Единственное, что меня хоть немного оправдывало, – это то, что я и близко не догадывался о степени популярности “Radio New Wave”.

В этот пикантный момент группа “Аквариум” ехала на тот же рейс, на котором должен был лететь и я. В гробовой тишине они внимательно выслушали по автобусной радиоточке весь этот бред и мрачно встретили меня через час в холле аэропорта. Их обветренные продолжительным туром лица искажали недобрые улыбки. И не надо злорадствовать – лично мне в тот момент было невесело.

Пора подводить итоги. В целом мне крупно повезло. Сейчас я не могу не отдать должное Гребенщикову, который мои музыкаловедческие радиоизыски не без иронии отслушал. И в какой-то степени оценил.

Я не могу не отдать должное терпению Бурлакова, который молча лицезрел, как за день до этого я штурмовал семиметровый забор стадиона, чтобы вернуться на рок-фестиваль после собственной пожизненной дисквалификации. Заходящее в Тихий океан солнце освещало мои мутные глаза.

Я не могу не поблагодарить гостеприимного Рому Самоварова –

хозяина пострадавшего чайника, которому это новейшее чудо техники привезли из дружественного Китая. Тогда это был настоящий дефицит, жестоко уничтоженный пьяным московским культуртрегером. Вывод был один – теперь перед городом Владивостоком я оказался в большом и неоплаченном долгу. Не раскрутить “Мумий Троль” я попросту не имел морального права. И работа закипела.

Вскоре мне удалось договориться с бывшим басистом “Наутилуса” Димой Умецким об эфире на “Эхе Москвы” – в рамках его авторской передачи “Танцы с волками”. В итоге два бывалых партизана Бурлаков и Кушнир пришли на радиостанцию с безобидной целью рассказать про запись в Лондоне и под шумок прокрутить несколько песен из “Морской”. Но уже через пару минут выяснилось, что наших радиослушателей на мякине не проведешь. Звоня в прямой эфир, они не скрывали своего раздражения. “Это же русская группа! – надрывался какой-то майор в отставке. – Почему там нет русских мелодий? Это просто какой-то ужас! Это кошмар!”

Аналогичных звонков было немало. Мне запомнился пронзительный монолог интеллигентной Нины Викторовны, которая искренне жаловалась, что, несмотря на два высших образования, она в этой музыке ничего не понимает. Судя по всему, от этого факта ей было плохо и дискомфортно.

Умецкий пытался переубедить слушателей, но его аргументы нельзя было назвать неотразимыми. Что-то из серии: “не нравится – не слушай”. Подобная нетерпимость оказалась для него полным сюрпризом, к которому он был явно не готов. В итоге каждый второй звонок заканчивался тем, что голос слушателя на пульте плавно уводили из эфира.

Нас с Бурлаковым подобная реакция тоже застала врасплох. Слишком далеко мы оказались не только от прессы, но и от народа. Пора было возвращаться на землю.

На земле поводов для оптимизма оказалось немного. Издавать “Морскую” никто из лейблов не торопился: ни “Polygram”, ни “General Records”, ни “Союз”, ни “FeeLee”, ни “Rise Music”. На этих фирмах считалось, что “Мумий Троль” – это такой незаконнорожденный ребенок – уже не рок, еще не поп. И что с ним делать, непонятно. Казалось, вся страна спит крепким сном, и мечта Бурлакова выпустить “Морскую” на свой день рождения 21 ноября 1996 года так и осталась несбыточной.

“Мой менеджер переговорил с большим количеством представителей звукозаписывающих компаний, – вспоминал впоследствии Лагутенко. – Больше всего мне понравилось выражение: „Вы – неформатная группа. Вы у нас ни под какой формат не подходите“”.

Практически это выглядело следующим образом. Бурлаков приносил кассету “Морской” на лейбл. Там ее либо теряли, либо не обращали внимания, либо сразу выбрасывали в мусорное ведро. Такой вот бизнес по-русски. Лидер кассетных продаж – фирма “Союз” – даже провела “совет директоров”, в результате которого “Морскую” решили не выпускать – соотношением голосов “три к одному”. Позднее президент “Союза” Виталий Петрович Беляков рвал и метал, пытаясь узнать, кто же из его сотрудников проголосовал “против”. Я знаю их имена. Сегодня они – учредители и президенты крупных пластиночных лейблов.

3. Морская мина

Война – это массовый туризм.

Леонид Бурлаков

Поверив, что рано или поздно дебютный альбом “Троллей” все-таки рванет, я начал называть его не иначе как “Морская мина”. Но при этом общая ситуация вокруг группы складывалась трагикомическая. С одной стороны, у нас было твердое ощущение, что “Мумий Тролль” ничуть не хуже модных в ту пору неоромантиков вроде “Мечтать”, “Мегаполиса” или “Свинцового тумана”. С другой стороны, несмотря на несанкционированную популярность “Морской” во Владивостоке, в Москве альбом никому не был нужен. К примеру, приятели Бурлакова из фирмы “CD Land” в группу не верили и не решались субсидировать рекламную кампанию, лишь периодически выделяя небольшие суммы в беспроцентный долг. И на том спасибо.

Слегка романтичный Бурлаков начал потихоньку звереть. От людской тупости, от духовной лени, от нелюбознательности. Как-то раз он позвонил на один крупный лейбл с просьбой поставить в их сборник боевик “Владивосток 2000”, который лидировал в хит-парадах сразу нескольких приморских радиостанций. Ему жестко ответили, что лейбл не работает с малоизвестными группами. “Ну, не хотите работать – не работайте, – подумал Бурлаков. – Ваши проблемы”.

И все-таки надо было что-то делать. Или печатать на пиратском заводе подарочный тираж в пару тысяч экземпляров, или продолжать борьбу. И Леня стал на тропу войны.

“Когда ты общаешься с людьми, ты говоришь с ними, словно бандит”, – укоряли Бурлакова знакомые. “Я не бандит, – отвечал им менеджер “Троллей”. – Просто у нас во Владивостоке у всех такой акцент”. Шутил он или говорил серьезно, было непонятно даже мне.

В тот момент Бурлаков максимально сконцентрировался. Вместо выпуска пластинки он заказал несколько тысяч кассет с четырьмя песнями: “Девочка”, “Забавы”, “Утекай” и “Новая Луна апреля”. На обратной стороне обложки были написаны контактные телефоны московских радиостанций. Мол, если вам понравятся эти песни, звоните – просите, чтобы их поставили в эфир...

Дистрибьюцию кассет Бурлаков придумал просто уникальную – он собственноручно начал раздавать их на “Горбушке”. В холод и зной, утром и вечером, по субботам и воскресеньям.

Поскольку название “Мумий Тролль” никому ничего не говорило, Леня подкупал “горбушкинских” меломанов другим. “Известный звукорежиссер The Cure Крис Бенди спродюсировал в Лондоне альбом группы из Владивостока! – вопил он во всю ивановскую и совал кассеты каждому встречному. – Берите бесплатно! Настоящая халява!”

Обитатели “Горбушки” активно реагировали на три ключевых слова: Лондон, The Cure, бесплатно. Задолго до введения в России технологии рекламных распродаж в их мозгу огненными шарами взрывалось слово “халява”. Они из жадности брали у Бурлакова кассеты, слушали их дома и даже звонили на радиостанции. Со временем программные редактора начали офигевать от подобной популярности “Троллей”, не догадываясь, из какого места у нее растут ноги.

Дальнейшие события разворачивались еще более детективным образом. Сейчас объясню. Одна из “горбушкинских” кассет попала на стол к президенту компании “Rec Records” Александру Шульгину. В тот момент “Rec Records” были, что называется, мэйджорами и успешно конкурировали с “Союзом”. В их каталоге находились многие российские хедлайнеры – от певицы Валерии и группы “Мечтать” до “Алисы” и “Иванушек International”.

У фирмы Шульгина были отличная региональная дистрибьюция и – что самое главное – эфирное время на крупнейшем федеральном телеканале ТВ-6. Как это время использовать, Шульгин эффективно продемонстрировал на примере песен “Тучи” “Иванушек” и “Словно летчик” группы “Мечтать”, которые крутились на ТВ-6 непрерывно. После такой телеактивности артисты автоматически попадали в радиоэфиры. Другими словами, бизнес на “Rec Records” велся толково и структурированно. Попасть в каталог к Шульгину мечтали сотни молодых артистов. Удавалось, естественно, единицам.

Как именно кассета с “Мумий Троллем” очутилась у Шульгина, доподлинно неизвестно. Но, прослушав песню “Утекай”, Александр Валерьевич не на шутку впечатлился. Еще больше его зацепила фраза, легкомысленно напетая Ильей в песне “Кот кота”: “Водку любишь? Это – трудная вода”. Как бы там ни было, вскоре в телефоне у Бурлакова раздался голос Шульгина: “Я послушал кассету „Морской“. Приезжай прямо сегодня! Будем подписывать контракт”.

В этом “звонке с небес” был сильный элемент спонтанности. За

несколько дней до этого Шульгин насмерть разругался с группой “Мечтать”. И, по-видимому, решил их проучить, явив миру новых “Мечтать”. Тут и попался ему “Мумий Тролль”.

Наведя справки, Александр Валерьевич выяснил, что к нему в руки плывет удача нечеловеческой силы. Оказалось, что практически все русские лейблы эту кассету непостижимым образом проебали. Другими словами, группа до сих пор относилась к категории “неподписанных”. И глава “Rec Records решил рискнуть.

Слегка офигевший от стремительности происходящих событий Бурлаков все-таки успел позвонить мне с дороги – кассета “Морской” понравилась Шульгину! Мол, еду на встречу – беседа начнется через двадцать минут. Я тоже офигел, но пожелал удачи и настоял на том, чтобы после завершения переговоров Леня мне перезвонил.

Два часа ожидания казались вечностью. Наконец Бурлаков вышел на связь, и я узнал правила игры. Шульгин был готов возместить все средства, затраченные на запись альбома. Это звучало серьезно. Дальше начиналась взрослая жизнь: съемки клипов, ротации, туры, “Максидромы” и хит-парады. Одним словом, сказка. О цене этой сказки и процентных отчислениях выпускающей фирме мы в силу неопытности не задумывались.

...Последующие два дня прошли у Бурлакова в жестких переговорах. Но не с Шульгиным, как вы сейчас подумали, а с Лагутенко. В факсовой перестрелке Москва—Лондон / Лондон—Москва делились цифры грядущих доходов. Это были длинные эмоциональные разборки старых друзей-земляков. И если бы в тот момент они не пришли к общему знаменателю, подозреваю, ничего бы не было вообще. И даже Александр Шульгин с его медиаресурсами в этой ситуации не помог бы.

На решающей стадии переговоров Бурлаков вынул из камзола два припрятанных “на черный день” аргумента. Первый из них звучал примерно так: мол, не хер было Илье бросать красное знамя “Мумий Тролля” и сваливать в начале 90-х в Китай. Поэтому, писал Леня, с 91-го по 96 год группа – по воле Лагутенко – фактически не существовала. В качестве контрпримера приводился Костя Кинчев, который жил только “Алисой” и поэтому всегда был в тонусе – кто бы в его группе ни выпрыгивал из окон. Результат подобной последовательности был налицо – сегодня “Алиса” воспринималась как самая востребованная рок-группа в стране...

Второй аргумент: если Илья не примет условия Бурлакова, то переговоры с Шульгиным Лагутенко будет вести самостоятельно. А Леня

займется раскруткой владивостокской группы “Туманный стон”. “Мумий Троль” раскрутил, раскрутит и “Туманный стон”. Как известно, когда Леню прижимала судьбинушка, он не брезговал никакими терапевтическими методами.

Не знаю, что происходило в голове у Лагутенко, но в итоге он согласился на условия Бурлакова. В самом конце 96 года контракт между лейблом “Rec Records” и группой “Мумий Троль” был подписан.

24 апреля 1997 года – ровно через два года после открытия пластиночного магазина во Владивостоке – альбом “Морская” увидел свет. Утром этого дня меня разбудил неожиданный звонок в дверь. Я открыл.

На пороге стоял сияющий, словно начищенные гуталином офицерские сапоги, Леонид Бурлаков. В руках он держал так называемое “коллекционное издание” “Морской”: с картонной коробочкой, роскошным буклетом и личной благодарностью мне. Что там говорить, Леня умел в нужное время и в нужном месте производить сильное впечатление.

И, что меня совсем тронуло, – только потом он поехал дарить пластинки Шульгину, Троицкому и Козыреву. Меня взяли не нефтедолларами. Меня взяли голыми руками.

...Выход “Морской” предваряли снятые Мишей Хлебородовым гениальные клипы “Кот кота” и “Утекай”, которые с утра до вечера крутились по ТВ-6. Вскоре эти песни стали ротировать ведущие радиостанции. В стране началась “мумиймания”. “Морская” мина таки бабахнула – через несколько месяцев тираж дебютного альбома “Троллей” превысил миллион экземпляров.

“Вероятно, скоро в московских травмпунктах увеличится число пациентов с покусанными локтями, – писала весной 97 года “Комсомольская правда”. – Из числа тех деятелей грамзаписи, которые, прослушав присланные им пленки, признали группу „Мумий Троль“ бесперспективной и отказались заключать с ней контракт”.

В каждой шутке есть доля правды. Мне помнится, что, прочитав эту заметку, Леняка обрадовался, словно ребенок. Позднее, когда журналисты выстраивались в очередь за интервью к Лагутенко, Бурлаков доставал из толстой папки их разгромные рецензии на “Морскую”, которые они доверчиво писали Кушнику осенью 96 года. Затем лучезарно улыбался и спрашивал, глядя прямо в глаза: “Это вы писали?”

Корреспондент читал свою беспощадную критику из серии “нам такой брит-поп не нужен”, и у него начинала ехать крыша. Человек оказывался буквально раздавлен – он приехал издалека на подмосковную базу “Троллей”, где ему прямым текстом говорят, что он – полный лох.

Вернее, не говорят – ему показывают его же собственный текст. “Боже мой, и почему я раньше был таким глупым и недалёковидным?” – тяжело вздыхая, думал очередной знаменитый журналист. После чего начинал соображать, а каким образом эта “секретная” писулька попала к “Троллям”? Кто-то догадывался, кто-то – нет. Но после таких психоделических испытаний они общались с Ильей как шелковые. А Бурлаков вовсе радовался торжеству мировой гармонии.

...Пока вся страна слушала “Морскую”, Лагутенко с сессионными музыкантами засел в Лондоне записывать новые композиции. Дело было в июле–августе 97 года.

“Первая песня будущего альбома должна быть мощная, красивая, яркая, впечатляющая, избивающая, прощающая, истерично-кричащая, – писал Бурлаков Илье после того, как прослушал черновой вариант стартовой композиции “Доля риска”. – В общем, чтобы диджей точно повесился”.

“Я – самый неверующий в „Мумий Троль“ человек, – сказал мне Бурлаков незадолго до отъезда в Лондон на новую студийную сессию. – Я в них до сих пор сомневаюсь”. Зная, что материал второго альбома очень сильный, Бурлаков мог позволить себе немного пококотничать.

...Ранним утром 21 августа 1997 года продюсер “Троллей” поехал не в лондонскую “Protocol Studios”, где писался альбом, а напрямик на Пикадилли. В этот торжественный день в продажу поступил третий альбом группы Oasis “Be Here Now”. По этому поводу Леонид Владимирович надел белую рубашку и встал в конец длиннющей очереди в “Virgin Megastore”. Магазин открывался на час раньше – именно в это время там начали продавать первые диски Oasis. Счастливую многонациональную очередь вовсе снимало английское MTV – это было романтическое время расцвета брит-попа...

С одной стороны, вся эта промо-экзотика Бурлакова впечатлила – мол, вот как надо проводить презентации! С другой стороны, из нового альбома Oasis он сразу же попытался слизать новейшие тенденции. А именно – утяжеленные композиции с плотным гитарным звуком протяженностью не менее пяти-шести минут. Все эти нововведения братьев Галлахеров “Тролли” попробовали применить в стенах “Protocol Studios”. Безупречный Крис Бенди был на высоте, поэтому вскоре я услышал в Москве эмоциональный телефонный звонок Бурлакова: “Ты знаешь, я думаю, это будет шоковый по звуку альбом! Это будет наш „Треугольник“!” Короче, Леня в очередной раз меня заинтриговал...

Альбом решили назвать “Икра” – после того, как Илья из ста

предложенных Бурлаковым вариантов выбрал один. До поры до времени название решено было не афишировать.

Все шло четко по плану – до тех пор, пока не выяснилось, что к концу работы у владивостокских пилигримов закончились деньги. Увлечшись звуковыми экспериментами, группа превысила лимит студийного времени. А Илье предстояло записать несколько вокальных партий, а также сделать микширование и мастеринг. Причем не на “Мосфильме”, а в недрах “Exchange Studio”, где происходила финальная звуковая косметика альбомов Dapche Mode и Oasis.

Деньги на завершение лондонской сессии добывались всем миром. Моментально были поставлены на уши пол-Владивостока и пол-Москвы. Дело святое – друзья знали, что “Морская” писалась на сбережения Бурлакова, а “Икра” – на деньги Лагутенко, который с этой целью продал свой дом во Владивостоке.

До искомой суммы “Троллям” не хватало нескольких тысяч фунтов. Времени на размышления не было. Не колеблясь ни секунды, я незаметно вынул из толстой книжки “Достопримечательности столицы” часть сбережений родственников и под покровом темноты вручил пачку долларов жене Бурлакова. Как говорится, без лишних слов...

Мы запланировали, что конверт с деньгами передадут в Лондон знакомые журналисты-международники, которые надежно спрятали груз в коробку с тортом “Пражский”. Утром курьеры с контрабандным товаром успешно долетели до Лондона. Четвертого сентября 1997 года запись “Икры” была завершена.

Буквально на следующий день Бурлаков прилетел в Москву с оригиналом заветного альбома. Я перехватил продюсера “Троллей” по дороге из Шереметьево в Перово, где Леня тогда снимал квартиру. Меня разрывало на части от нетерпения: и что же там “Тролли” накропали в студии? На следующий вечеру Бурлакова намечалось массовое прослушивание “Икры”, но ждать целые сутки я не мог. Умер бы от любопытства.

Дома Бурлаков торжественно поставил черную хромовую кассету в магнитофон и врубил громкий звук. По хуй, что на дворе ночь. По хуй, что за стеной спят соседи. Мы сидели и не дышали. Как вообще можно дышать, если “пурпурно метеоры кровоточат” и “на Луне заблеяла коза”?

Дерзкий хард-рок обновленного “Мумий Тролля” размазал мой мозг по стене. Сверху тяжелым катком проехался толстый слой гитар. Барабанная бочка вбивала сознание в пол. “Морская” казалась теперь талантливым детским лепетом. Можно сказать, что если Лагутенко с

Бурлаковым поставили задачу “шарахнуть током” и “трахнуть звуком” всех вокруг, то они ее с блеском выполнили. С массовым оргазмом на десерт...

Тексты вообще сносили крышу. Какие-то наркотические дельфины, зареванные ранетки, повесившиеся диджеи и слепые водители ввергли меня в состояние ступора. Можно сказать, накрыли с головой. В диско-песне про сайонару я четко расслышал слово “минет”, но ни капельки не удивился, а даже обрадовался подобной смелости. Я знал, что от креативного Лагутенко можно ожидать всего на свете. Хорошо – девчонки теперь будут краснеть. Такая вот милая провокация...

Часа в три ночи мы позвонили Илье, который с нетерпением ждал в Лондоне первой реакции. “Поздравляю! Классный альбом! Ну и как же мы все это богатство будем раскручивать?” – не без сарказма поинтересовался я.

“А что ты, собственно говоря, имеешь в виду?” – профессионально выставил защитный блок Лагутенко.

“А я, блядь, имею в виду, что вы записали великий рок-альбом, в котором есть всего два хита: „Не звезда“ и „Так надо“”, – грустно ответил я. Оглушенный футуристическим хард-роком, “Ранетку” и “Дельфинов” я просто не заметил. По-видимому, ждал чего-нибудь типа “Забавы-2” или “Утекай-2”. Все ждали. Не дождались.

Мне стало понятно, что работать с альбомом надо по каким-то другим правилам. Тем более что выход “Икры” планировался уже в ноябре, спустя всего полгода после появления “Морской”. Так до этого никто не делал...

Домой я возвращался под утро. Улицы были тихи и безлюдны, тускло светили фонари. Как пели друзья Ильи из группы “Туманный стон”: “Снова осень, пластилин, импотенты... как один”.

В ожидании открытия метро мне было о чем подумать. В четыре часа утра Бурлаков поведал мне новость, что клавишник Алик Краснов, записывавший “Икру” и “Морскую”, уходит из группы. Администрация дальневосточного филиала “Shell”, в котором он трудился, чувствуя, что теряет ценного сотрудника, предложила ему в качестве компенсации квартиру. И Краснов сломался. Это было нормально, поскольку тогда в “Троллях” “моментом истины” была дилемма: или группа, или квартира. И каждый решал ее по-своему.

4. Под крылом сильной компании

Говоря про феномен “Мумий Тролля”, неизбежно, как на риф в тумане, натыкаешься на фигуру Леонида Бурлакова, широкой публике почти не известного. Потому что в основе столь громкого успеха “Троллей” лежит уникальный симбиоз яркого таланта Лагутенко как артиста и организаторского гения Бурлакова как продюсера.

Журнал “ОМ”, 1997 год

...Жизнь продолжалась, и самое время было вспомнить, что через месяц “Мумий Троль” выезжает в супертур по стране. А концертного состава у Лагутенко все еще не было. Это выглядело очень по-русски – получить предоплату за десятки концертов, а потом начать набирать музыкантов. Во время летнего промо-тура по Приморью “Троллями” была обкатана ритм-секция: Сдвиг—Пунгин. Там же спонтанно нарисовалась 17-летняя бэк-вокалистка Олеся Ляшенко. К слову, очень в тему – женских вокальных партий на “Морской” и “Икре” было выше крыши.

Затем на дне рождения поэта Ильи Кормильцева Бурлаков почему-то вспомнил о недостающем гитаристе, а текстовик “Наутилус Помпилиуса” почему-то вспомнил, что у него такой гитарист, кажется, есть. Откуда-то из– под стола именинник достал черно-белую фотографию, на которой красовался похожий на кудрявого Диониса Юра Цалер. Лидер малоизвестной панк-группы “Птица Зу” не так давно перебрался из Первоуральска в Москву, где учил Кормильцева игре на акустической гитаре.

Пока мы с Бурлаковым не без волнения разглядывали кандидата на роль троллевского Джимми Пейджа, Кормильцев вспомнил, что у него в квартире валяется целый склад компакт-дисков “Наутилуса”, которые неплохо было бы продать – скажем, во Владивостоке. Два поэта договорились очень быстро – оптовая цена оказалась символической. Бонусом прилагался телефон Юры Цалера и его фотография – чтобы оперативно выслать Илье в Лондон. Как показали дальнейшие события, эта сделка была совершена поистине на небесах...

Еще через несколько дней московские приятели Бурлакова подогнали

нам клавишника Дениса, по иронии судьбы жутко похожего на ушедшего из группы Алика Краснова, изображенного на обложке “Икры”. В итоге получалось, что как будто из группы никто не уходил и никто не приходил. Порой это напоминало сон, но в кратчайшие сроки кадровый вопрос оказался решен.

Затем в окрестностях подмосковной Балашихи была арендована двухэтажная дача, в которой происходили первые репетиции того, что критики назовут вскоре “концертным феноменом „Троллей“”. Дачу нарекли “Мумий Домом”, тут же придумав ей звонкую мифологию, – мол, находится она недалеко от того места, где бросилась под поезд эксцентричная Анна Каренина. Журналисты весь этот бред не без удовольствия хавали. И они, и мы были довольны происходящим.

...Времени оставалось в обрез – Илья прилетал из Лондона буквально за неделю до начала тура. И тут Бурлаков проявил себя как тонкий психолог и менеджер высокого полета. В первую очередь ему надо было создать в коллективе рабочую атмосферу. Вначале он пролечил мозги Цалеру, который приехал на “военные сборы” со странным настроением – типа “раньше я занимался музыкой, а теперь работаю в группе „Мумий Троль“”.

В лучших традициях российского педагогического искусства Леней была проведена беседа – с прослушиванием наиболее ярких образцов брит-попа в качестве саундтрека. Не прошло и трех дней, как Бурлаков донес до первоуральского сознания Цалера, что и в группе “Мумий Троль”, оказывается, можно эволюционировать, исполняя и рок, и панк, и “новую волну”. Все зависит от первоначальной установки...

Затем Леня взялся за морально-боевую подготовку бывшего диджея и электронщика Дениса. Ему были приобретены специальные клавиши и картриджи последней модели, а в паузах между репетициями Леня играл с Денисом в “вопросы-ответы”. “Ты понимаешь, что выступаешь в составе группы, которая через десять лет станет легендой?” – пытал менеджер “Троллей” бывшего студента музучилища имени Гнесиных. Несмотря на нечеловеческую рассеянность, Денис кожей догадывался, что с Леней лучше не спорить. И вежливо соглашался.

...За сыгранность “Троллей” Бурлаков волновался в последнюю очередь – все-таки в группе собрались профессионалы с опытом гастрольной деятельности. Куда больше его тревожила нестабильность состава.

“Пока критики поймут, что во Владивостоке в 80-е выступала одна группа, „Морскую“ и „Икру“ записывала другая, а на сцене играет третья,

пройдет как минимум полгода”, – задумчиво рассуждал Бурлаков. “Не вопрос, – радостно подхватывал я его очередную авантюру. – В конце концов, в качестве примера всегда можно привести „Аквариум“. Там кадровый вопрос вообще бьет все рекорды – только что они опять поменяли очередную ритм-секцию”.

На том и порешили. Когда в Балашиху приехал Лагутенко, и группа и мифология были в полной боевой готовности.

Перед выездом в тур мы провели небольшой медиатренинг с Ильей. Я предложил Лагутенко сыграть роль участника популярной телепередачи “Акулы пера”, которого журналисты попросят рассказать об отличиях между автором композиций группы “Мумий Тролль” и образами героев его песен.

Илья отнесся к заданию серьезно и выдал в ответ примерно следующее (цитирую по памяти): “Мое творчество не автобиографично, а виртуально. В песнях моделируется вторая реальность, в которой живут свои герои. С этими героями мы стоим на одной и той же платформе, только заходим в разные вагоны подошедшего поезда”.

Я половины не понял, но мне понравилось. При желании Илья умел произвести впечатление. Тут в нашу беседу вмешался Бурлаков, который внезапно заявил: “А мне бы хотелось как-то связать твой миф в России с мифом о Марке Болане во всем мире... Может, вам на концертах исполнять какую-нибудь кавер-версию из репертуара T.Rex?”

Илья отреагировал мгновенно: “Когда я стану рок-звездой международного уровня, я, возможно, спою песню „From Russia With Love“ – из кинофильма 60-х годов про Джеймса Бонда. А пока я буду петь свои песни”.

Для меня эта беседа двух школьных друзей оказалась познавательной. Главный вывод, который я сделал, – что и у Лагутенко, и у Бурлакова есть масса собственных идей. Настолько оригинальных, что они порой даже друг друга не слышат. Один говорит о Марке Болане, второй – о Джеймсе Бонде, но при этом как-то находят общий язык. Я понял, что, общаясь друг с другом, эти люди живут по своим законам. До поры до времени я решил в них не вмешиваться.

Вскоре у меня с Бурлаковым состоялись очередные финансовые торги. На повестке дня стоял вопрос оплаты работы пресс-службы. Я предложил Лене два варианта: тысячу долларов за линейную пресс-поддержку и полторы тысячи – за крупномасштабный пиар с активным креативом. К моему удивлению, Бурлаков согласился на более дорогой вариант. А ведь по меркам 96–97 годов это были неплохие деньги. По идее, такие суммы

должны были получать музыканты “Троллей” за месяц изнуряющих гастролей.

Суровая правда жизни раскрылась через пару недель. Я полагал, что буду зарабатывать эту сумму ежемесячно. Бурлаков был уверен, что это нормальные деньги “за весь пакет услуг”. Типа – до конца жизни. В итоге разобрались.

...Тур “Морская” начинался в октябре 1997 года концертами в питерском ДК Горького. Затем – Рига, Калининград, Минск, снова Питер, Москва, Одесса, Киев. Мы с Бурлаковым выехали в город на Неве разными поездами – чего-то там перепутали в спешке. Такая же суэта сопровождала все первые концерты. “Тролли” играли выше всяких похвал, но из-за административной суеты времени пообщаться друг с другом у нас просто не было.

Как правило, на концертах Леня снимал “Троллей” на видеокамеру – с целью последующего анализа. Я же работал с журналистами, в паузах проводя через служебный вход музыкантов молодой группы “Сплин”, у которых не хватало денег на билеты.

Одни города сменялись другими, роскошные хоромы – скромными номерами. Иногда нам приходилось жить с Бурлаковым в двухместной комнате. Мне импонировало, что он не делал тайны из финансовой составляющей тура и делился необходимой информацией. Подобная доверительность не могла не окрылять, что, впрочем, не мешало нам периодически конфликтовать. Раньше подобного не было. Впрочем, раньше не было и подобного напряжения – в первый месяц в графике “Троллей” случались города, где приходилось играть по три концерта в сутки. Типа стадион + два ночных клуба. Так долго продолжаться не могло.

Первая стычка произошла в сравнительно благополучном Калининграде, когда на радиоэфир я повез Лагутенко вместе с бэк-вокалисткой Олесей. Леня был твердо уверен, что Илья в эфире справится один. Мне же казалось, что первые интервью Лагутенко дает пока не слишком убедительно. А 17-летняя Олеся своей наивностью умела очаровывать буквально всех, снимая ненужное напряжение.

Мы стояли с Бурлаковым у входа в гостиницу и, не стесняясь никого, орали друг на друга. Вопрос касался жизни или смерти – поедет Олеся на эфир или не поедет. Еще минута – и мы начали бы драться. Первым успокоился Бурлаков: “Если Олеся пойдет на эфир, ты не поедешь в Одессу и Киев”, – жестко сказал он.

“Отлично, – как бы обрадовался я, вовремя вспомнив рассказы Лени о том, что он никогда не был на Украине. – Посмотрим, как ты в одиночку

будешь носиться по этажам киевского Дворца спорта! Посмотрим, как ты станешь организовывать там телеинтервью... Кстати, Леня, а на каком языке ты будешь общаться с журналистами? На украинском?"

Это был блеф чистой воды. Практически все киевские СМИ брали интервью на русском. Но из уст бывшего киевлянина проблема звучала правдоподобно. Бурлаков не на шутку задумался. Через день мы помирились.

Наше примирение заслуживает нескольких строк. Дело было в Минске. Коммунизмом от столицы Белоруссии веяло, как от бензоколонки – бензином. Невидимая машина времени перенесла “Троллей” в условный 1937 год. Вокруг нас жили такие же хорошие люди, как в довоенных кинофильмах, только сильно напуганные. Они просили нас громко не разговаривать, выразительно поглядывая по сторонам.

Я отнесся к этому как к галлюциногенному трипу. Но местным жителям, похоже, было не до шуток. Правда, наша минская пресс-конференция прошла настолько живо, что в газетах даже появились заголовки “„Мумий Троль“ – Oasis белорусского масштаба”. После пресс-конференции мы с музыкантами сидели в одном из ресторанов и никоим образом не соблюдали диету. Даже не пытались соблюдать.

В разгар этой вакханалии я уткнулся носом в местную прессу. Дойдя до раздела новостей, я чуть не грохнулся со стула. Там черным по белому было написано, что наш тур-менеджер Спартак Гафаров, который сидел аккурат напротив меня, на днях со скандалом изгнан из группы “Агата Кристи”. За финансовую нечистоплотность.

Все стало ясно как божий день. Спартак был единственным человеком, который представлял интересы московских промоутеров тура. Поэтому я молча подошел к Бурлакову, протянул газету, ткнув пальцем в конкретную новость. Леня прочитал текст и молча пожал мне руку. Так мы с ним, собственно говоря, и помирились.

Произошло это на редкость вовремя. В ноябре у “Троллей” вышла “Икра”, концертную презентацию которой мы провели в “Пурпурном легионе” на Сходненской. Этой акции предшествовал легкий ажиотаж, связанный с игрой в зашифрованное название альбома. Это была великая тайна – даже я долгое время не знал правильного ответа, а на обложке диска вместо букв стояли пустые квадратики...

Замутив детскую “игру-угадайку”, Бурлаков вдохновенно интриговал журналистов: “Это очень легко. Слово из четырех букв, вы все это любите”. И акулы пера, не сговариваясь, радостно выкрикивали: “А, мы знаем, знаем! Это – секс!!!”

Название было рассекречено во время так называемой “Мумий ночи” на “Радио Максимум”, в течение которой в эфире прозвучали все песни из альбома. Вскоре “Икра” уже занимала верхние строчки в большинстве хит-парадов.

В это время у группы стартовал украинский тур. Мы не на шутку волновались: как известно, другая страна – другие законы. И приключения не заставили себя долго ждать. Они начались еще в Одессе, когда после ночного концерта к нам подвалили двухметровые братки – с предьявами из серии “какого хера вы играли пятьдесят пять минут вместо часа, за который мы забашляли бабки?”. В этот момент я представил себе, как куратор одесского казино танцевал под “Владивосток 2000” с включенным секундомером...

В итоге разобрались, пообещав в следующий раз сыграть на две песни больше. Спустя буквально пару минут Бурлаков и Лагутенко, наглухо позабыв о конфликте с окружающей средой, заперлись в гримерке и попытались вспомнить текст полузабытой песни “С Новым годом, крошка!”, которую Илья сочинил еще в армии. Я записывал их эксперименты с памятью на диктофон – судя по всему, у нас намечался новый концертный боевик.

В какой-то момент я взглянул на происходящее со стороны. Только что мы успешно отразили нашествие черноморских анацефалов и, жадно поедая бутерброды, тут же занялись творчеством. Казалось, нас не сможет разлучить даже стихийное бедствие. Это был какой-то расцвет доверительности – те запоминающиеся мгновения, когда один за всех и все за одного. Так мне в тот момент казалось.

...На следующий день нас ожидал фестиваль “Просто рок” – эдакий украинский “Максидром”, проходивший в киевском Дворце спорта. Тут все было на высшем уровне: состав участников, ажиотаж, организация и, естественно, интриги.

Это было первое выступление “Троллей” в Киеве. В тот момент они являлись самой модной игрушкой сезона и поэтому должны были играть последними. Но прилетевшие из Москвы менеджеры “Агаты Кристи” устроили по этому поводу скандал: либо их группа – хедлайнер, либо они не играют вообще. У организаторов не выдержали нервы, и они уступили требованиям “буревестников декаданса”. Наверное, сегодня не всем хочется об этом вспоминать, но это было.

На пафосной пресс-конференции выяснилось, что “Тролли” играют предпоследними. Узнав о снижении статуса, Бурлаков изменился в лице. В отличие от слегка пофигистичного Лагутенко для Лени подобные вещи

имели важное стратегическое значение. Вдобавок ко всему мы узнали, что организаторы поменяли наши билеты с самолета на поезд, который уходил через сорок минут после концертного сета.

Эта рокировка означала две вещи. Во-первых, срывалось романтическое “афтепати” с киевскими поклонниками, которые по такому поводу зафрахтовали целый корабль с ночной прогулкой по Днепру. Во-вторых, мы с Бурлаковым пропускали выступление “Троллей” и вынуждены были срочно мчаться сломя голову на базу в Кончу-Заспу – собирать вещи музыкантов. Иначе группа не успевала бы на поезд, а значит – на следующий концерт.

Древние китайцы справедливо считали, что ничто не объединяет людей так сильно, как общий враг. По дороге в Кончу-Заспу мы с Бурлаковым пришли к выводу, что сегодня “Агате Кристи”, судя по всему, наступит великий пиздец. Когда с Лагутенко поступают подобным образом, пощады не жди. Мы как в воду глядели.

Впоследствии очевидцы рассказывали нам, что Киев такого концерта не видел. Лагутенко превратился в лохматое чудо-юдо, с легкостью прыгал в зал и обратно, поливал всех водой, переворачивал мониторы и микрофонные стойки. В финале выступления Илья, пользуясь служебным положением, в очередной раз нырнул в океан безумствующих зрителей, где буквально расстрелял поцелуями дрожащую голубоокою красавицу, стоявшую в первом ряду.

В итоге “Тролли” просто разорвали Дворец спорта. Выходить после них на сцену уже не имело никакого смысла.

Когда мы, заваленные шмотками, подъезжали к служебному входу, до отхода поезда оставалось около получаса. Нам навстречу густыми толпами валил абсолютно счастливый народ, хором распевая “Утекай”. “Вы не знаете, „Тролли“ уже сыграли?” – проорали мы в открытые окна автобуса. “Сыграли, сыграли”, – как-то чересчур воодушевленно отвечали киевляне. “А почему же вы на „Агату Кристи“ не остались?” – вежливо спросил любитель социологических опросов из Владивостока. Дружная тишина и недоуменные взгляды были Лене ответом.

А народ густыми первомайскими колоннами все валил и валил из Дворца спорта. В этот момент мы испытали нереальное чувство гордости за “Троллей” и крепко обнялись с Бурлаковым, как самые счастливые люди на земле. Несмотря на кривляющуюся перед полупустым залом “Агату Кристи”, фестиваль “Просто рок” можно было считать успешно завершенным.

Как показала жизнь, заочный спор на тему хедлайнеров был решен

практическим путем. Просто и спокойно, без шума и пыли. Все последующие годы “Мумий Троль” выступал на “Просто роке” в качестве главной приманки фестиваля.

5. Хозяин

Я никому в этой стране не доверю продавать пластинки группы “Мумий Троль”.

Леонид Бурлаков

Бурлаков быстро вырослел как руководитель. Объездив с “Троллями” несколько десятков городов, он начал чувствовать пульс концертной деятельности. Результаты не заставили себя ждать.

Как-то раз Лене позвонили из города Риги – с просьбой сыграть через неделю в Латвии концерт на чьем-то дне рождения. Без раздумий Бурлаков прокрутил блестящую комбинацию, убедив заказчиков в том, что “Тролли” находятся в Сибири и для поездки в Латвию им придется отменить пять выступлений тура. Прибалтийский абонент от подобной наглости даже не поморщился, и цена на рижский концерт “Троллей” моментально возросла на пятьсот (!) процентов. Теперь оставалось воплотить в жизнь идею беспосадочных перелетов, не сорвав ни одного концерта в Сибири.

Вот когда группе наверняка бы пригодился собственный “боинг”. Но поскольку “боинга” у “Троллей” не было, приходилось думать головой. В ход было пущено все – от математических расчетов разницы во времени до знакомств в крупнейших аэропортах страны.

Группа прилетала из Новосибирска в Москву, а через два часа улетала из другого аэропорта в Ригу. Параллельно целая бригада концертных менеджеров держала рижский самолет за хвост, за трап и взлетную полосу. За что только его не держали! В итоге “Тролли” успели проскочить, перескочить, вскочить, долететь, выступить, впрыгнуть в последний вагон и сыграть вовремя следующий концерт в Омске. Я с замиранием сердца следил за этим сериалом с кодовым названием “Успеют / не успеют” и понял, что фарт и наглость у Бурлакова имеют место быть.

Вскоре опьяненного рижской авантюрой Леню посетила мысль, что он познал весь шоу-бизнес и может организовать собственную инфраструктуру. Все предпосылки для этого у него были. Концерты “Троллей” оказались расписаны на полгода вперед. Продавать их пластинки Бурлаков умел – лучше многих. Отношения с массмедиа были налажены как четкий часовой механизм. Почему бы и не попробовать?

Лене мешала лишь одна загвоздка – подписанный контракт с “Res

Records”. Ему надо было каким-то непостижимым образом решить извечную проблему: как рыбку съесть и море переплыть. Но морские трудности Леню не пугали...

Бурлакову с его максимализмом активно не нравилась работа выпускающего лейбла. Не нравилось, как распространяются диски “Троллей”, как организуют туры, как проводят пресс-конференции. Особенно его возмущали обрывки кулуарных разговоров, случайно услышанные в офисной курилке. “У нас отличный бизнес, – говорили друг другу менеджеры, сбрасывая пепел на пол. – Есть только один минус. Это – артисты, которые мешают нам жить...”

Леонида Владимировича от подобных шуточек трясло. Он любил свою группу и сурово знал свое дело. Он двадцать четыре часа в сутки жил “Мумий Троллем”. И поэтому Бурлаков в очередной раз решил бороться.

Вначале он ежедневно приезжал в офис “Rec Records” на улице Казакова и пытался контролировать рабочий процесс. К добру это, естественно, ни привело. “Леня, ты переругался со всеми нашими сотрудниками, – пытался остановить это стихийное бедствие Шульгин. – Тебя это не сильно смущает?”

Казалось, Бурлаков ждал этого разговора всю жизнь. Ему было что ответить. И про водителей автобусов, которые везли нас из Питера в Ригу восемнадцать часов вместо восьми. И про практику трех концертов в день, которую не без труда удалось отменить. И про приснопамятного тур-менеджера “Агаты Кристи”, которого в здравом уме кто-то отправил с “Троллями” в Минск. И про нового администратора, который назвал группе неверный гонорар за очередной концерт – с разницей в тысячу долларов в свою пользу.

Со стороны эти факты напоминали то ли диверсию, то ли примеры вопиющего непрофессионализма, от которого страдала группа. Было очевидно, что долго так продолжаться не может.

Последней каплей, переполнившей чашу терпения Бурлакова, стал инцидент в Оренбурге, после которого “Московский Комсомолец” вышел с красноречивым заголовком на первой полосе: “„Мумий Троль” сутки держала в заложниках уральская братва”.

Так оно и было. Все началось с того, что “Тролли” приехали в город в тридцатиградусный мороз на автомобилях с неработающими печками. Типичная история. Дальше начался эксклюзив. Рабочей аппаратуры на сцене не было. Зато были сотрудники местного РУОПа, предложившие музыкантам срочно проехать для дачи показаний “о финансовых аферах вокруг этого концерта”.

Потом было двухчасовое ожидание концерта, заблокированный выход из гостиницы, разборки московско-оренбургской коалиции и ночные гонки по маршруту Оренбург–Орск с участием “троллевского” автобуса и иномарок с гаишными номерами. Когда в шесть часов утра музыканты вылетели в Москву, они не верили собственному счастью. Бурлаков вежливо задал концертным промоутерам из “Rec Records” резонный вопрос: “Ну и кто все это организовал?”

В ультимативной форме Леня предложил звукозаписывающему лейблу собственный концертный менеджмент. Более того, он поставил Шульгина в известность, что собирается весной 98 года открывать новый лейбл, на котором будут издаваться “Тролли” и продюсируемые им вместе с Лагутенко группы. Я не знаю финансовых подробностей, но к началу 98 года Бурлаков добился для “Троллей” невозможного – идеологической независимости от “Rec Records”.

Естественно, авторские права и ряд финансовых обязательств оставались за Шульгиным. За президентом “Rec Records” осталась и его точка зрения на происходящие события. Спустя несколько месяцев в еженедельнике “Аргументы и факты” вышло его интервью – с красноречивым названием “Как я раскрутил „Мумий Троль“”. Текст выражал субъективную точку зрения Александра Валерьевича на события 96–98 годов и был инкрустирован снимком обнимающихся Шульгина и Лагутенко, который представлял собой обычный фотомонтаж. На фотографии Шульгин выглядел чуть выше ростом, а Илья был весь в себе. Отличная парочка – прямо как Чук и Гек...

Лично я к этой публикации отнесся философски, поскольку, несмотря на все конфликты, по сей день воспринимаю Шульгина не только как Учителя, но и как одного из полководцев великого прорыва “Троллей”. Самое время сказать ему за это большое человеческое спасибо.

Так вот. После выяснения отношений с “Rec Records” Бурлаков получил в приданое самое главное – он мог управлять своим государством самостоятельно. Принято считать, что с этого момента и началась сверхчеловеческая карьера Бурлакова. Ричард Брэнсон мог спокойно отдыхать. На Дальнем от него Востоке у основателя “Virgin Records” росла достойная смена.

В ближайшие дни Леонид Владимирович набрал новый штат сотрудников. Счет шел на часы – концерты у “Троллей” проходили практически ежедневно, поэтому перестраиваться приходилось на ходу.

С дружественного лейбла “CD Land” Бурлаков похитил Сергея Козина, который на долгие годы стал концертным директором “Троллей”. Из

Владивостока Леня выписал целый десант друзей: Пашу Бабия, Юру Ложечника, Кирилла Бабия. Нас было мало, но в тельняшках, – так мне тогда казалось...

Я по-прежнему выполнял обязанности “ответственного за связь с общественностью”. Или что-то в этом роде. 30 марта 1998 года я разослал по всем СМИ сообщение про образование нового пластиночного лейбла “Утекай звукозапись”, в котором Бурлаков являлся финансовым директором, а Лагутенко – президентом.

“Я считаю, что „Утекай звукозапись“ – не игрушка для удовлетворения амбиций, – заявил в одном из интервью Лагутенко. – Это действительно предприятие, пусть маленькое и независимое, но которое должно хорошо и плодотворно работать. В расчете на собственный бюджет мы не собираемся нагружаться кучей имен и коллективов. Мы не собираемся издавать дешевые записи. У нас все будет хорошо и правильно”.

“Меня всегда поражало количество бесполезных сотрудников, равнодушно взирающих на посетителей в разных звукозаписывающих компаниях, – признался впоследствии Бурлаков. – Мой первый учитель по русскому бизнесу говорил: „Заведя офис, фирма разваливается“. В результате мы решили не заводить никаких офисов, а общаться между собой по интернету, а также с помощью старого доброго телефона”.

Так рождалась романтическая версия происходящего. Нашей штаб-квартирой по-прежнему оставался “Мумий Дом” в Балашихе. Теперь, правда, в нем жила целая коммуна: музыканты, обслуживающий персонал, родственники. Вскоре к ним добавились участники владивостокской группы “Туманный стон”, дебютный альбом которой Илья планировал записать в Лондоне весной.

Это был первый продюсерский проект тандема Лагутенко–Бурлаков. Их мотивация была очевидна – помочь прорваться землякам, с которыми они сидели в глухом андерграунде еще в конце 80-х. Это желание выглядело по-человечески понятно – в свое время “Туманный стон” помог “Троллям”, делегировав в их ряды басиста Сдвига. Теперь настало время отдавать долги...

После “Туманного стона” мы готовились провести презентацию группы “Deadушки” (актуальную электронную модификацию культовой питерской команды “Странные игры”), которая еще в 96 году стала экспериментировать с эстетикой Prodigy. Они значительно опережали время, и это интриговало...

Креатив, придуманный Бурлаковым к презентации, зашкаливал за все мыслимые отметки. Со стороны все выглядело максимально

сюрреалистично: пустой павильон одного из корпусов ВДНХ, в нем висит огромный экран, с которого толкают телеги Рахов и Сологуб – идеологи “Deadyшек”. Самих музыкантов в здании не было, зато был замаскированный от мирской суеты Илья Лагутенко. Он выполнял роль таинственного телефониста, который помогал осуществлять звонки в Питер – с целью пообщаться с группой “Deadyшки”. Журналисты медленно сходили с ума, но при этом соглашались, что такой странной презентации они еще не видели. В конце акции барабанщик “Троллей” нашел на улице новенький видеомэгнитофон, который, по-видимому, вывалился из проезжавшей мимо машины. После чего все поняли, что “Утекай звукозапись” – это такая страна чудес, которая живет по своим законам.

Многие псевдоэксперты считали, что нас на рынке “слишком много”, но наиболее дальновидные видели в этом новые тенденции и веяние времени.

“„Мумий Троль“ – группа вообще нелогичная, – признался в одном из интервью Артем Троицкий. – Вопреки всякой логике они построили схему релизов своих пластинок – выпустили за очень короткий срок много альбомов. С точки зрения грамотного рекорд-бизнеса это шаг абсурдный. Тем не менее дела у них идут совсем неплохо... Я считаю Леонида Бурлакова очень талантливым предпринимателем. Илья Лагутенко – исключительно талантливый артист. В любом случае, они не пропадут, и все, что они могут потерять, – это только деньги. Вообще деятельность „Утекай звукозапись“ была одной из самых симпатичных черт 1998 года”.

Со стороны это выглядело именно так. Но Троицкий многого не знал. Основным источником доходов, на которые осуществлялась деятельность “Утекай звукозапись”, являлись гонорары от концертов “Троллей”. Недрогнувшей рукой Бурлакова они отправлялись в казну нового лейбла, оставляя участникам концессии лишь незначительный прожиточный минимум.

У Лагутенко не было квартиры, у Бурлакова – машины, у меня – нормального компьютера. Роль мобильного телефона выполнял старенький пейджер, подаренный пресс-службой “Радио Максимум”. Но при этом в наших рядах царила немыслимая эйфория, связанная с успехами “Троллей”, у которых, казалось, получалось буквально все. По-видимому, мы считали, что изобрели формулу успеха, по которой любую группу можно вывести на первое место в хит-параде. Это была дикая иллюзия, с последствиями которой мы столкнулись буквально через месяц.

В августе 98 года грянул кризис, и для нас это оказалось страшным

ударом. Вскоре мы сидели практически без денег. Я, в частности, жил на шальные гонорары, полученные за спецвыпуск “Звездного журнала”, целиком посвященного “Троллям”.

В какой-то момент нам даже пришлось отказаться от аренды “Мумий Дома”. Я придумал наглую телегу, что нас достали фанаты и поэтому музыканты переехали в другое место. Эту “новость” подхватили все уважающие себя издания, да и неуважающие тоже. В итоге получалась анекдотичная ситуация – “Тролли” возглавляли хит-парады, “Утекай звукозапись” считался самым актуальным лейблом, а мы сидели практически на голодном пайке. Не выдержав тягот подобной жизни, “Мумий Тролль” покинула Олеся Ляшенко, у которой концерты являлись единственным источником дохода. Ей просто не хватало денег на жизнь.

Бурлаков, узнав о решении Ляшенко, рвал и метал. Год назад он мечтательно говорил в одном из интервью: “Олеся в ближайшие десять лет от нас не уйдет – это точно”. Самое мягкое выражение, которое я слышал от него после ее отъезда во Владивосток: “Крысы бегут с корабля”. Бывало и похуже.

Чтобы хоть как-то смягчить последствия, мне пришлось журналистам лить в уши клей, рассказывая про зимнюю сессию Олеся в Дальневосточном университете. Мне всегда была симпатична бэк-вокалистка “Троллей”, – заметая следы ее отъезда, я чувствовал себя чуть ли не предателем. С другой стороны, вбросив в массмедиа версию “зимней сессии”, я сознательно не сжигал все мосты, оставляя Олеся пространство для маневра.

Илья Игоревич крепился и делал вид, что ничего не произошло. Но когда журналисты все-таки раскусили изменения в составе “Троллей” и начали жалеть о заячьих ушках, которые носила на концертах незабвенная Олеся, Лагутенко немного по-людоедски отозвался: “Уши-то остались!”

...Мои отношения с Бурлаковым переживали очередной расцвет упадка. Причем не из-за денег. Все началось с того, что на очередной планерке Лагутенко продемонстрировал привезенный из Лондона фотоальбом, посвященный нашей любимой группе Kula Shaker. Я сдуру сказал, что английский текст про Kula Shaker – говенный, да и дизайн можно придумать более прогрессивный. Мол, и дизайнер у меня имеется, и я знаю человека, который мог бы быстро написать какую-нибудь веселую “Правду о Мумиях и Троллях”. На тему человека – это я так удачно пошутил, имея в виду себя.

Как ни странно, меня поняли. Лагутенко задумчиво сказал: “Интересно-интересно”, а Бурлаков подозрительно промолчал. Зато на

следующий день часов в десять утра он стремительно приехал ко мне домой. Леня выглядел как именинник и брызгал идеями. Все идеи упирались в одно – мол, давай скорее считать бюджет книги про “Троллей”. Покой нам только снился...

Надо отдать должное напористости Бурлакова. Не имея четкого понятия о законах книжного бизнеса, он построил беседу следующим образом: “Все элементарно: существует куча издательств, которые будут счастливы выпустить книгу про „Мумий Троль“. В общем, так: ты, Кушнир, пишешь книгу. Твои люди ее макетируют, издательство издает, а мы продаем. Делаем это на концертах и через фан-клуб. Вот тебе себестоимость, вот оптовая цена, вот продажная цена, вот прибыль. Никаких проблем!”

Первоначально проблем действительно не было. Я оперативно брал интервью у “Троллей”, а мои бойцы под руководством дизайнера Саши Коротича макетировали написанные по ночам тексты. Вскоре мы нашли столичное издательство, которое печатало книги в дорогой, но очень качественной типографии в Хельсинки.

Мы вывели макет на пленки и планировали презентовать “Правду о Мумиях и Троллях” во время выступления группы в “Лужниках”. При поддержке “Московского Комсомольца” на фестивале “Мегаххаус” ожидалось около 50000 зрителей – поэтому продажи предполагались соответствующие.

Мы вовремя сделали книгу, издательство ее вовремя сдало в типографию, а типография вовремя напечатала. Мы успевали к фестивалю в “Лужниках”, что называется, с закрытыми глазами. Но тут в дело вмешались простые финские водители, которые умудрились везти тираж из Хельсинки целую неделю – вместо обещанных двух дней. Где они бухали все это время, тайна великая есть...

Когда лучшие представители скандинавского пролетариата допилили до московской таможни, был вечер пятницы. До утра понедельника на таможне никто не работал. “Тролли” выступали в “Лужниках” в субботу вечером. Продажа книги срывалась – по крайней мере, ее первый день.

Дальше начались поиски виновного. Наше издательство все сделало вовремя – как, впрочем, и финская типография. В договоре был задекларирован срок завершения работы, но убийственным образом не стояла дата доставки тиража. Бурлаков почему-то решил, что из всех сотрудников “Утекай звукозапись” ехать на таможню должен именно автор – типа спасти тираж.

Я, естественно, в абсолютно раскрепощенной форме сказал все, что на

эту тему думаю. В ответ Бурлаков решил “включить Сухомлинского” и заявил, что если я не заберу тираж, то на поездку во Владивосток – на презентацию книги и съемку клипа “Владивосток 2000” – могу не рассчитывать. Я огрызнулся, сказав, что наконец-то допишу “100 магнитоальбомов”. А то трачу кучу времени на всякие типографии. Короче, занимаюсь какой-то хуйней...

В итоге вместо меня во Владик полетел Макс Семеляк из “Афиши”, который много сделал для популяризации “Троллей” в те годы. Может, оно и к лучшему – Макс попал в клип “Владивосток 2000”, чего со мной бы точно не произошло – по многим причинам.

...Нас с Бурлаковым помирила Земфира – вернее, ее кассета. Когда мы прослушали демо-запись, стало понятно, что перед нами – талант огромного масштаба. Одновременно для “Утекай звукозапись” это был реальный шанс выкарабкаться из того места, в котором фирма тогда находилась. Мы сконцентрировались и начали распределять обязанности по новому артисту. Лагутенко занимался художественной стороной процесса и саундпродюсированием, Бурлаков – стратегией и финансами, а я – прессой.

Помню, в один из августовских дней Леня, Илья и я топали от новой солнцевской квартиры Бурлакова на репетиционную базу “Троллей”, расположенную по соседству. По дороге мы со школьным энтузиазмом начали обсуждать перспективы Земфиры. У нас было ощущение надвигающейся сенсации, но какие-то сомнения, естественно, точили душу.

Илья честно признался, что не представляет, как Земфира будет выглядеть на сцене с гитарой. Я сказал, что не представляю ее на сцене в юбке. Итог этому “мальчишнику” подвел Бурлаков: “Если это действительно будет нужно, она выйдет на сцену и с гитарой, и в юбке. Обещаю”.

Мы с Лагутенко удивились подобной уверенности и переглянулись друг с другом. Леня, как великий психолог, перехватил это перемигивание и решительно добавил: “Можете не сомневаться!”

...До того как начать плотно работать с Земфирой, Бурлаков сделал ряд важных шагов. Во-первых, встретившись с артисткой, он в свойственной ему манере расписал ее творческую жизнь вплоть до декабря 2010 года. Делал он это жутко убедительно – не поверить было нельзя. Неудивительно, что Земфира вмиг позабыла все свои предыдущие договоренности – в частности, обещание работать с продюсером “ЧайФа” Димой Гройсманом.

“Это очень неприятно, когда артист уходит от продюсера, который

успел хотя бы какую-то долю внутреннего мира в него вложить, – позднее исповедовался мне Гройсман. – Всегда это обидно. Кажется, что это нечестно, так нельзя. Когда я об этом думаю, меня больше всего злит, что Бурлаков не позвонил мне. Он знал о том, что мы с ней договорились. Но он не позвонил мне, а стал звонить Земфире и спрашивать, подписала ли она со мной контракт. А если этого контракта нет, то он предлагает ей более выгодные условия. И я так понимаю, что имя Лагутенко использовалось. Конечно, тогда „Мумий Тролль“ на рынке шоу-бизнеса звучал очень серьезно...”

Короче, в определенный момент менеджер “Троллей” произнес нужные слова, и Земфира стала артисткой “Утекай звукозапись”. Бурлаков начал заниматься отбором репертуара для ее дебютного альбома, получая из Уфы по пять-шесть композиций ежемесячно.

“Если меня зацепила хотя бы одна песня из десяти, я уже готов этим заниматься, – вспоминает Бурлаков. – А у Земфиры мне из десяти композиций нравились все десять. И это меня настолько шокировало, что я несколько месяцев не соображал, что делать. Я просто запарился отбирать... В итоге в первый альбом так и не вошла моя любимая песня „Петарды“ – про ощущения девочки, курсирующей между Уфой и Москвой, постоянно получающей отказы, но круто заряженной на достижение цели... И еще у Земфиры был один стопроцентный хит – „Имя мне суицид“. Настолько сильная была песня, что я просто побоялся ее брать. Я нутром почуял: если она появится, мы точно получим десятки смертей. И в альбом ее тоже не включил”.

К середине осени 98 года Леня с Земфирой определили набор из четырнадцати композиций. Когда настала пора писать альбом, центр креативного циклона перенесся из квартиры Бурлакова в тон-ателье “Мосфильма”, в студию Володи Овчинникова.

Многое из того, что происходило там, категорически не поддавалось элементарному логическому анализу. Например – финансовая сторона вопроса.

“Эта запись состоялась сразу после кризиса, – вспоминала впоследствии Земфира. – И этим самым Бурлаков меня, наверное, купил. Я подумала: „Надо же, какой человек!“ Я и сейчас так думаю. Потому что Леня – это человек, который совершает какие-то немыслимые поступки вовсе не из-за денег, как кому-то может показаться. Просто он действительно верит. И если Бурлаков верит, он будет делать – неважно, дефолт там или 11 сентября. Он будет делать, несмотря на кризис, который всю страну опрокинул на лопатки. Леня взялся за запись альбома, потому

что верил. И это, конечно, меня очень расположило к нему”.

“В запись на „Мосфильме“ мы не думая вложили деньги, которые должны были быть выплачены в качестве зарплаты, – говорил Бурлаков. – Музыканты „Троллей“ знали об этом и не возмущались... Если посмотреть съемки с „Мосфильма“, вы увидите увлеченных людей с горящими глазами. Потому что все верили в конечный результат...”

6. Кризис? Какой кризис?

Если хочешь продавать мороженое, организуй День Шарика.

Леонид Бурлаков

Так получилось, что 1999 год должен был стать для “Утекай звукозапись” моментом истины. Незадолго до декабрьских сольников в “Горбушке” было принято решение, что в течение 99 года группа “Мумий Троль” готовит новый альбом в Лондоне и с концертами не выступает. На эту тему даже был проведен специальный брифинг.

Недавно я переслушал запись этой акции и не поверил собственным ушам. За целый час общения с прессой словоохотливый Бурлаков не произнес ни слова. С журналистами в основном общались я и Лагутенко. Тогда, посреди организационной суеты и кучи полемических “вопросов-ответов”, на такие вещи внимания не обратили. Теперь становится понятно, почему так произошло. Это был тот редкий случай, когда почва у Бурлакова уходила из-под ног. И дело было не только в кризисе 98 года. Дело было в финансовой нестабильности “Утекай звукозапись” в целом.

В связи с грядущим творческим отпуском “Троллей” деньги для лейбла в течение будущего, 99 года должны были зарабатывать “Туманный стон”, “Deadушки” и Земфира. Плюс роялти от продаж компакт-дисков, которые, как известно, не являются в России основным источником дохода. К сожалению, финансовые запасы “Троллей”, на которые мы рассчитывали по итогам тура 97—98 годов, дали неожиданную трещину.

Как выяснилось впоследствии, организаторы двух сольных концертов группы “Мумий Троль” в “Горбушке” оказались абсолютно некредитоспособными. Глазами сегодняшнего дня сложно представить, как Лагутенко и К° могли выйти на сцену, не получив предоплаты. Но время было другое, и порой Бурлаков мог поверить старым партнерам на слово. По закону подлости, как только Леня надеялся на “кредит доверия”, партнеры его тут же кидали...

В итоге мы получали две стороны одной медали. На бумаге идеолог “Утекай звукозапись” планировал потратить на лейбл более полумиллиона долларов. Кроме оплаты студийного времени нового альбома “Троллей” и зарплат сотрудников, в эту сумму также входили затраты на раскрутку

Земфиры (\$139000) и ряда молодых групп: “Иван Панфилов” (\$72000), “Пеппи” (\$15000) и “Скрябин” (\$10000).

“Мы называемся не „Титаник“, а группа „Мумий Тролль“”, – бодрился Леня в одном из интервью, пытаясь собственным примером поддерживать свою команду. Мы же по несколько месяцев сидели без зарплаты.

“У меня последние полгода протекают в состоянии легкого коммунизма, – проговорился в одном из интервью Лагутенко. – Денег я не получаю, потому что все деньги, которые я зарабатываю, идут в казну звукозаписывающей компании”.

Аналогичная финансовая ситуация была и у меня. Я не мог получить даже малую толику гонорара за “Правду о Мумиях и Троллях” – все вырученные средства немедленно вкладывались в профильное производство. Таким образом реализовывалась очередная гениальная формула Бурлакова: “Музыка – деньги – музыка”.

Порой дело доходило до смешного. К примеру, мой рабочий день начинался с того, что я звонил другу Бурлакову и задавал дежурный вопрос: “Леня, а когда ты планируешь выплатить деньги своим сотрудникам?” – “Позвони на днях”, – отвечал, не сильно смущаясь, пунктуальный Бурлаков.

Я прекрасно понимал, что и ему несладко. Лично я мог заработать деньги в куче мест: написать статьи, сделать репортаж, прочитать лекцию, провести пресс-конференцию, получить гонорар за очередную книгу. У Ленки таких возможностей не было. Вложив себя и все свои средства в “Утекай звукозапись” и “Мумий Тролль”, он поставил на карту практически все.

В итоге Лене пришлось выбирать между теорией и практикой. Между желаниями и возможностями. Между “хочу” и “могу”. Между ожиданиями и конечным результатом.

Прокалькулировав суровую реальность, он был вынужден отказаться от части проектов. Таким образом, оказались замороженными не только контракты с владивостокскими группами “Иван Панфилов” и “Тандем”, но и с “Воплями Видоплясова” и Бутусовым, переговоры с которыми выглядели многообещающе. Про группы типа “Скрябина” и “Пеппи” не вспоминал теперь даже Бурлаков.

Наше будущее представлялось туманным. По музыкальной тусовке поползли слухи, что вокруг “Утекай звукозапись” не все так радужно, как было принято считать в глянцевых изданиях.

“В то время многим казалось, что Бурлаков, взлетевший с „Мумий Троллем“ на самые небеса шоу-бизнеса, обречен вскоре пойти ко дну, –

вспоминает журналист Сергей Гурьев. – Так как теперь вкладывает деньги в безнадежные с коммерческой точки зрения проекты „Туманный стон“ и „Deadушки“. Последние были бы еще ничего, говорили знатоки, но слишком уж несусветные деньги Леня в них вложил. Знатоки также считали, что среди новых проектов Бурлакова все-таки есть один, который имеет хорошие шансы выстрелить, – новая девушка Земфира из Уфы. Но типа у гениального продюсера все уже так запущено, что даже это одинокое жемчужное зерно Леню не спасет”.

Эта точка зрения была не так уж далека от истины. “В какой-то момент мы поняли, насколько сильно попали под каток кризиса, – признавался позднее Бурлаков. – Все, что „Мумий Троль“ заработал в 97—98 годах, мы потеряли на „Туманном стоне“ и „Deadушках“”.

Потери были аховые – до \$120000 на “Туманном стоне” и \$80000 на группе из Санкт-Петербурга. Альбомы этих коллективов практически не продавались, промоутеры не заказывали концерты, синглы по радио не звучали, а MTV и ТВ-6 практически не ротировали их клипы.

Я помню, как незадолго до съемок очередного клипа “Туманного стона” Леня радостно говорил мне: “Мы сейчас снимем такой клип, который никто не будет показывать”. Похоже, эта мысль его сильно возбуждала. Ровно до того момента, пока он не понял, что клип действительно никто не хочет ротировать. Даже за деньги.

Спустя несколько лет Бурлаков в одном из интервью, комментируя события того времени, скажет: “В работе с „Туманным стоном“ у меня были неограниченный бюджет, масса тщеславия, самоуверенность и отсутствие музыкального вкуса”.

Но эти “прозрения” были значительно позже. А в начале 99 года, не в силах смириться с поражением, Бурлаков организовал демонстрацию фан-клуба “Туманного стона” у головного офиса MTV – с самодельными транспарантами и речевками. Все было как в Америке, на подступах к Пентагону. Но успеха эта акция не имела. Зато отношения с администрацией канала MTV были испорчены – вскоре они не взяли в ротацию клип “Троллей” на песню “Инопланетный гость”. Раньше такое и в страшном сне представить было невозможно...

В марте 99-го, за два месяца до выхода дебютного альбома Земфиры, мы провели очередную пресс-конференцию “Утекай звукозапись”. Целей было три: поведать о творческих планах лейбла, рассказать новости про “Троллей” и познакомить столичную общественность с Земфирой.

По доброй традиции акция проходила в клубе “Республика Beefeater”, который в ту пору курировался владивостокской диаспорой. Слово на

итоговом перевыборном собрании Бурлаков отчитался за проделанную лейблом работу. Со стороны она и впрямь выглядела впечатляюще: “прощальные” концерты “Троллей”, дебютные диски “Туманного стона” и “Deadушек”, запись альбома Земфиры, выпуски сборников молодых групп “У1” и “У2”.

“Я сейчас проходил мимо обменного пункта, увидел курс доллара, и он меня порадовал. – Неожиданно мысль идеолога “Утекай звукозапись” прыгнула сильно в сторону. – Но нас уже ничего не остановит”.

Звучало это крайне эффектно. На этом первая часть пресс-конференции закончилась. Затем состоялось явление Земфиры народу.

Предваряя появление молодой артистки, Бурлаков светился от счастья и уверенности в правоте избранного курса. “Если Земфира не выстрелит, то я тогда просто не знаю, что в этой стране делать, – торжественно сообщил Леня журналистам. – Недавно программный директор одной из радиостанций бросил мне – мол, таких, как твоя Земфира, у меня десятки на столе валяются... Посмотрим, где через пару лет будет он, и где будет Земфира. Я официально заявляю, что если Земфира не пробьется, я пойду работать туда, откуда пришел, – плавать по морям и океанам”.

...Пообщавшись с Земфирой и получив промо ее альбома, журналисты поняли, что в недрах “Утекай звукозапись” зреет новая сенсация. После пресс-конференции представители нескольких СМИ подошли к Бурлакову. Они чувствовали, что вокруг этого человека сейчас крутится все самое интересное в российской рок-музыке. Все они мечтали взять у Лени интервью. Кто-то даже успел задать вопрос, считает ли он себя гениальным продюсером? И тогда Бурлаков разразился совершенно неожиданным монологом.

“Гениальным продюсером в России будет тот, кто сможет продавать миллион дисков одного альбома по цене 6–7 долларов, – внезапно заявил он. – А пока этого не произойдет, в России не будет шоу-бизнеса. Поэтому ответы на ваши вопросы я готов дать не раньше чем через год – когда в стране стабилизируется экономическая ситуация”.

Задним числом я понимаю, что Бурлаков был прав. В финансовом плане нас ожидали нелегкие времена – собственно говоря, до тех пор, пока у Земфиры не начнется концертный тур, приносящий реальные дивиденды.

Работа с артисткой требовала постоянных вложений. Съёмки клипа “Ариведерчи” – \$12600, съёмки клипа “СПИД” – \$15000, запись и мастеринг альбома – \$10000. Откуда Леня брал эти деньги, было непонятно. Видимо, одалживал и переодолживал... Вдобавок на пражских съёмках “СПИДа” Земфира впервые “проявила характер” и решила сделать

все по-своему. В результате клип получился настолько “трэшевый”, что ни один канал ставить его в эфир не решился. Пятнадцать тысяч баксов накрылись медным тазом, а клип до сих пор валяется у меня где-то на антресолях...

Вообще неверно думать, что все бросились сломя голову помогать продвигать Земфиру. Помню, как на презентации ее дебютного альбома я общался с главным редактором журнала “ОМ” Анзором Канкуловым. Дело в том, что “ОМ” являлся информационным спонсором альбома, и Земфира украшала обложку их майского номера. Эта самая обложка увеличенных размеров висела на сцене в качестве задника – отличная реклама: как Земфире, так и журналу.

Я механически спросил, не жалеет ли Анзор, что поставил певицу на обложку. Это был, что называется, чисто риторический вопрос – с учетом того ажиотажа, который творился вокруг этой акции. “Понимаешь, – честно признался Анзор, – Земфира на обложке нашего майского номера – это мы раскручиваем Земфиру. А Земфира на обложке июньского номера – это Земфира раскручивает „ОМ“. Жаль, что мы поторопились...”

Через несколько дней после этой беседы Земфира уже выступала на “Максидроме”. И здесь не обошлось без напряжения. “Радио Максимум” настаивало, чтобы артистка обязательно спела под гитару. Земфира петь под гитару не хотела. Бурлаков вообще никуда не поехал и остался дома смотреть какой-то триллер. По характеру он домосед и не очень-то любит выезжать на презентации и фестивали. “Разбирайтесь сами”, – буркнул Леня по телефону, узнав про какие-то конфликты.

Пришлось мне срочно заниматься народной дипломатией и наобещать программному директору “Радио Максимум” золотые горы и все ближайшие прииски в придачу... В итоге договорились, что Маша Макарова представит Земфиру, которая, в свою очередь, споет фрагмент “Ариведерчи” а капелла. В итоге кульминацией фестиваля стал момент, когда весь “Олимпийский” пропел хором припев из “Ариведерчи” вместе с Земфирой. Этот факт вселял уверенность в правильности избранного маршрута.

“После качественных, но скучных „Deadyшек“ и непонятного „Туманного стопа“ Земфира, без сомнения, станет очень красивым прорывом, – писала в те дни пресса. – И на здешнем рынке, и вообще в российской музыке”.

...История продвижения Земфиры лейблом “Утекай звукозапись” закончилась так же стремительно, как и началась. Первоначально все выглядело действительно неплохо. Выехав осенью 1999 года в тур,

Земфира буквально за полтора месяца честно вернула Бурлакову все вложения, сделанные продюсером. С этого момента финансовая ситуация кардинально менялась.

Устная договоренность была следующей. Пока отбиваются вложения, продюсер получает восемьдесят процентов прибыли, а артист – оставшиеся двадцать. Как только вложения отбивались, Земфира получала восемьдесят процентов, а Бурлаков – двадцать. Возможно, в какой-то момент Земфире подобное финансовое соотношение показалось не слишком экономичным. Поэтому, как только певица погасила долги, она посчитала себя свободной от большей части обязательств. И вскоре начала работать с другим продюсером. На смену Бурлакову пришла финансово независимая Настя Колманович. В принципе, на этом историю отношений Земфира—Бурлаков можно было считать завершенной.

Разрыв популярной артистки и известного продюсера не прошел незамеченным для прессы. Часть СМИ была на стороне Земфиры, выходя с заголовками “Земфира кинула жадного продюсера”. Другая часть была на стороне Бурлакова, соответственно разразившись заголовками “Земфира поступила, как свинья”.

Я дружил с Земфирой, и поэтому мне приходилось метаться между двух огней. Порой я давал какие-то расплывчатые интервью – перечитывая их сегодня, не могу назвать их “высшим пилотажем” антикризисного пиара.

Бурлаков долгое время не комментировал события, связанные с уходом Земфиры. И только на звонки региональных промоутеров, предлагавших очередные коммерческие концерты, Леня отвечал: “Я с Земфирой больше не работаю... Кто с ней работает? Понятия не имею!”

В скобках отметим, что если бы открыватель “девочки-скандала” принимал заявки на выступления Земфиры, то имел бы с этого неплохие комиссионные. Но... не захотел. Причем – в категорической форме.

Мне несложно догадаться, что чувствовал продюсер, который предоставлял артистке не только свою квартиру, музыкантов, средства, но и жизненный опыт, печень и сердце. Который открыл ей глаза на всю кухню шоу-бизнеса. Который попытался привнести в голос певицы “энергетику Duran Duran”, а в студийный саунд ее непутевой группы – “звук Midnight Oil образца 1987 года”. Который, несмотря на лютый финансовый кризис, создал все условия для того, чтобы ей все-таки “приснилось небо Лондона”.

На людях Бурлаков держался стойким оловянным солдатиком, как будто ничего не произошло. И только спустя несколько лет в одном из

интервью обмолвился: “Обид к Земфире нет, кроме одной. Это как к своему ребенку обида. Который вдруг отвернулся и ушел”.

7. Фигура сеятеля

Ловушка нужна, чтобы поймать зайца. Когда заяц пойман, про ловушку забывают.

Лао Цзы

Расставшись с Земфирой, Бурлаков сконцентрировался на “Троллях”, которые заканчивали работу над альбомом “Точно ртуть алоэ”. Здесь необходимо отметить, что промоушн-кампания, связанная с выходом этого релиза, стала пиком креатива “Утекай звукозапись”. Все было просчитано по шагам, секундам, центам и миллиметрам.

В первую очередь Бурлаковым был создан документ под названием “Программа по культу личности „Троллей“ и значению рокапопса”. В нем обсуждались стратегия, тактика и идеология рокапопса, причем – на конкретных примерах.

“Нам необходимо собрать все рецензии на будущий альбом, сделать выжимки комплиментов и выдающихся фраз, – писал “главный философ коллектива” в преддверии грядущей культурной революции. – Не обязательно похвальных рецензий, а вносящих смуту... В общем, подать все это очень красиво и драматично... Персонально поработать с каждым представителем прессы. И увидеть результат. Охмурить и заинтересовать. Чтобы все прониклись окончательно и остались со светлым осадком посвященных в великую тайну рокапопса”.

Я попытался в сжатые сроки претворить заветы партии в жизнь, спродюсировав цикл полемических статей про “Троллей”. Мне хотелось, чтобы эти опусы провоцировали дискуссию из серии “Есть ли у „Мумий Тролля“ конкуренты?”. Это была не самая глубокая тема, но все же...

Первые плоды подобной деятельности меня порадовали. Огромная статья Макса Семеляка в журнале “Итоги” доносила до читателей следующую мысль: “Прежде в русском роке единственно возможной была конструкция „Ты – дрянь“. Лагутенко утверждает обратное: „Я – дрянь“. Устоять перед этим в самом деле тяжело. Во всех этих „может, выпьешь яду“, „подушка вся в крови“, „он порежет тебя на меха“, „кровь мешали с соком и со льдом“ сквозит месть русскому року – с его морализаторством, перегруженностью и напыщенностью. Кстати, проницательный Гребенщиков как всегда первый почувствовал неладное. На недавней

пресс-конференции во Владивостоке он вдруг сообщил: „Мне Илья интересен как феномен. Человек, который продает цинизм, и все это у него покупается в невероятных количествах, наверное, очень талантливый человек““.

Конец цитаты. Спустя годы, наверное, можно раскрыть карты. В данном контексте задача пресс-службы состояла в том, чтобы подобные высказывания вовремя спровоцировать и вовремя “вынуть из сундука”. Нет ничего проще.

Лидера “Троллей” и лидера “Аквариума” мне удалось познакомиться в клубе “16 тонн” – сразу после очередного концерта великой питерской группы. Оторваться друг от друга они не могли в течение целого вечера. Я притащил в гримерку фотографов, и они запечатлели на пленку это историческое знакомство.

...Подобными акциями и статьями мы венчали первый этап рекламной кампании. Этап-ностальгию, этап-напоминание про недавнюю “мумийманию”. Дальше все пошло динамичнее и веселее.

Вскоре по городу пронесся слух, что в одном из столичных клубов состоится так называемое “секретное выступление” “Троллей”, которые не давали концерты в течение целого 1999 года. Мол, в Москве группа оказалась и вовсе по случаю – проездом из Токио в Лондон. Это сегодня все произошедшие события кажутся очевидными, а глазами того времени – нет. Весь город знал о факте концерта, но никто не мог ответить на вопросы “когда?” и “где?”. Ажиотаж был огромным...

“Эта трюковая история характерна для стиля рекламных акций группы „Мумий Троль“, – восторженно писала газета “Новый взгляд”. – Точная дата и место проведения концерта долгое время держались в секрете... Люди, которых трудно удивить, включились в игру. Место и время концерта им сообщили за три часа до его начала – 14.00, клуб „16 тонн“... Счастью представителей шоу-бизнеса не было границ, когда, придя в клуб, они смогли оценить красоту комбинации. Вход был абсолютно свободным! Стало быть, любой человек, решивший отобедать в клубе „16 тонн“, оказался бы на суперсекретном, нигде не рекламируемом концерте группы „Мумий Троль“. Об этом событии говорила вся Москва...”

Буквально через пару месяцев после секретного концерта случилась презентация сингла “Невеста?”. Выглядело это действие крайне экзотически и, пожалуй, заслуживает отдельного рассказа.

...В морозное ноябрьское утро 1999 года смотровая площадка на Воробьевых горах представляла эффектное зрелище. Все пространство, которое можно было охватить взглядом, оказалось усеяно толпами юных

невест. Положенные в подобных случаях женихи отсутствовали как класс. Мало того. Кое-где под подвенечными платьями нескромно скрывались персонажи явно не женского пола, которые громко скандировали хиты “Мумий Тролля”. Провокация? Непохоже, поскольку лица участников утреннего маскарада светились неподдельным человеческим счастьем...

Повод радоваться жизни у псевдоневест, безусловно, был. Для подданных своего королевства “Мумий Тролль” организовал очередную игру. Очередную забаву. Очередной праздник жизни. Правила очень простые: приходи утром в нужное место в свадебном наряде – получишь в подарок новый сингл “Невеста?”.

Щелкали затворы фотоаппаратов, синхронно работали телекамеры. Проходившие мимо студенты МГУ не совсем понимали, что происходит в двухстах метрах от входа в главный вуз страны. Вездесущее “Радио Максимум” вело прямой репортаж с места событий. Звук в эфир шел с помехами – автобус “Троллей”, из которого велся репортаж и откуда в открытые окна пулеметными очередями вылетали стайки новеньких синглов, раскачивался сотнями фанов.

Меня вместе с басистом Сдвигом и пресс-атташе “Радио Максимум” Димой Конновым мотало от стенки к стенке, словно пилотов попавшего в воздушную яму “кукурузника”. Мы успевали делать два дела одновременно: вести репортаж и разбрасывать пластинки. Как из амбразуры дота, компакт-диски стаями почтовых голубей вылетали из автобуса и опускались в руки новоявленных “новобрачных”.

Когда полтысячи синглов закончились, мы поняли, что пора сматываться. Но не тут-то было. В мареве мумий-эйфории толпа лупила кулаками по корпусу машины и не давала водителю отъехать хотя бы на несколько метров. Мы не без труда прорвались, потеряв запасное колесо, которое еще долго катилось за нами по Воробьевым горам, пыхтя и подпрыгивая на склонах.

Эта игра стоила свеч. Уже через несколько часов поклонники “Троллей” начали обзванивать радиостанции с просьбой поставить в эфир новый хит любимой группы. “Аттракцион неслыханной щедрости”, “полускандалный хэппенинг” – напишут на следующий день газеты об этой акции. “Может, они над нами издеваются? – будут вальяжно рассуждать в телевизионном ток-шоу бородатые критики. – „Мумий Тролль“ ведет свой бизнес очень странно, не так, как другие. Нет, они все-таки издеваются”.

Но дело было вовсе не в этом. Просто в стране наступил период, когда чуть ли не все идеи Бурлакова триумфально воплощались на практике.

Сегодня это было шоу на Воробьевых горах. Несколько месяцев назад он запустил на орбиту Земфиру. Через месяц в лондонской “Abbey Road” завершится микширование “Точно ртуть алоэ” “Троллей”. Через две недели в России выйдет скомпонованный им “Сборник новой музыки У2”, открывший стране “Мультфильмы”, “Океан Эльзы”, Найка Борзова, “Сегодня ночью” и “Тандем”.

Этой была вершина зигзагообразной карьеры Леонида Бурлакова. Человека, который привнес в тусклый русский шоу-бизнес ощущение праздника. Человека без друзей. Человека без иллюзий. Человека без жалости. К себе. И к окружающим.

...Бурлаков предполагал, что пик рекламной активности вокруг “Точно ртуть алоэ” должен прийти на первый февральский уикенд 2000 года – когда MTV и “Радио Максимум” 48 часов эфирного времени посвятили феномену и песням “Троллей”. Результат не заставил себя ждать.

“За несколько дней до выхода нового альбома „Троллей“ меня разбудили, – вспоминает музыкальный редактор журнала “Эксперт” Алексей Мунипов. – „Я все поняла. Мы ошибались. Надо срочно писать про Лагутенко“, – сообщила телефонная трубка голосом моей начальницы Анны Наринской. Из чего стало ясно, что до этого мы не писали о нем по идеологическим соображениям, а теперь еще один бастион рухнул в одночасье. Причиной перемен послужила случайно увиденная Анной „Лучшая двадцатка российского MTV“, в которой уже несколько недель первые два места занимали клипы „Мумий Тролля“ на песни из нового альбома: „Невеста?“ и „Карнавала. Нет“ соответственно...”

Шахматные партии рекламных акций Бурлакова поддерживались существенными инвестициями. На раскрутку “Точно ртуть алоэ” финансовый директор “Утекай звукозапись” выделил баснословный бюджет в размере \$310000. В него входили деньги на производство четырех видеоклипов, их ротация на центральных телеканалах, а также прямая реклама, демонстрировавшаяся в течение зимы 2000 года в передачах ОРТ и звучащая на ряде радиостанций.

“Моя теория состоит в том, что каждые два года группа должна раскручивать себя заново, – говорил мне Бурлаков, сознание которого еще не было обременено словом “ребрендинг”. – И каждый раз увеличивать предыдущий бюджет на семьдесят процентов. На раскрутку „Икры“ было затрачено \$190000, а в промоушн следующего альбома мы вложим \$552000... Кстати, на запись нового альбома мы тратим в два раза больше, чем на запись предыдущей пластинки...”

Я впечатлился. Я догадывался, что деньги опять взяты в долг – в

расчете отбить их из средств, заработанных “Троллями” в процессе “Ртуть алоэ тура”. Но тут был один тонкий момент. И состоял он в следующем. И Бурлаков, и Лагутенко прекрасно понимали, что музыкальный материал “Точно ртуть алоэ” труден для восприятия масс. И все-таки упрямо гнули свою линию – как музыкальную, так и идеологическую.

“В одном из пресс-релизов необходимо отметить заслуги не только группы, но и нашей публики, – рассуждал после завершения тура Бурлаков. – Несмотря на расхожее мнение о глупости и тупости, публика оказалась готова к такому альбому. И мы все должны этим гордиться. Новое поколение „Точно ртуть алоэ“ оказалось более интеллигентным, чем поколение „Морской“, – в них появился дух просвещения. Благодаря „Точно ртуть алоэ“ мы не только сохранили старых слушателей, но и приобрели новых, которым „Морская“ и „Икра“ казались поверхностными и попсовыми”.

Я полагал, что неплохо знаю Бурлакова, но даже мне его монологи о судьбах страны казались откровениями. Которые завораживали гораздо сильнее, чем беседы о бюджетах в полмиллиона долларов. Я искренне считал “Точно ртуть алоэ” “альбомом десятилетия”, а концерты “Троллей”, которые неоднократно наблюдал в процессе тура, позволяли мне называть группу “самым сильным концертным составом страны”. Мнения недоброжелателей, завистников и людей неглубоких интересовали меня в последнюю очередь.

Все, наверное, было бы идеально, если бы не одно обстоятельство. Не мной замечена тенденция – когда у Лени все получалось, его периодически одолевала мания величия. На языке спортсменов это называется “поймать звездочку”. В такие периоды его начинало заносить, и мы в очередной раз ругались. Все сильнее и сильнее.

После ухода Земфиры Бурлакову стали мерещиться вокруг подвохи и предательства. Возможно, поэтому ему вдруг вздумалось материализовать наши многолетние отношения путем контрактных обязательств. Ему явно не нравилось расширение сферы деятельности “Кушнир Продакшн” – в частности, эффектная работа с “Танцами минус” и рядом проектов Макса Фадеева. Честно говоря, со стороны все это смахивало на ревность...

В принципе, я был не против подписать контракт. Но меня смущали детали, не имеющие отношения к бизнесу. Например, я в здравом уме должен был подписать строчки о том, что “всецелой своей нынешней популярностью я обязан группе „Мумий Тролль“”. Спорить с этим тезисом было глупо – в магазинах продавались четыре мои книги, посвященные культурологии русского рока...

Лагутенко такой бред составить не мог по определению. Последние месяцы Илья не вылезал из тура, играя по 20–25 концертов в месяц. Он был настолько занят, что мы даже толком не общались, – как когда-то пел Гребенщиков, “чем дальше, тем будет быстрее”. Зато с Леной мы общались выше крыши...

Зачем подобные контракты-откровения были нужны Бурлакову, можно только догадываться. Похожая история произошла у меня в свое время с Шульгиным. Прежде чем выдать часть средств на полиграфическое производство “Правды о Мумиях и Троллях”, Александр Валерьевич предложил подписать документ, гласящий, что книга выражает исключительно авторский взгляд. “А чей же еще взгляд она выражает?” – удивился автор в моем лице, без колебаний подписав эту странную бумагу.

Случай с Бурлаковым был посложнее, и все мои друзья не сговариваясь убеждали меня контракт не подписывать. Я немного подумал и... контракт подписал. Без проблем. Эволюция “Троллей” и общественного мнения мне были важнее местечковых заебов. Показательно, что при этом и я, и Бурлаков понимали цену любого российского контракта, касающегося шоу-бизнеса. Но... играть так играть.

Военные действия продолжились в процессе подготовки к сольному концерту “Троллей” в “Олимпийском”. К этому моменту отношения между Бурлаковым и Лагутенко уже оставляли желать лучшего. Леною несло в экстремальный креатив – например, в бесконечные вкладывания средств в так называемый “Утекай Банк”. Илья, о чем уже упоминалось выше, тяжело переживал провал в ГУМе и трансляцию недоделанной телеверсии “Необыкновенного концерта” на канале ОРТ. Ему, к примеру, было непонятно, почему песня “Забавы” не была отдана в саундтрек к “Брату-2” – несмотря на просьбы создателей фильма. Поэтому к любым инициативам Бурлакова Лагутенко относился настороженно – начиная от высосанных из пальца “10 заповедей рокапопса” и заканчивая идеей записи альбома на яхте – во время кругосветного путешествия.

До поры до времени Лагутенко терпел, но потом его прорвало. “Мне не нравится дизайн билетов в „Олимпийский“ принципиально, – писал Илья Бурлакову. – Текст на обратной стороне, по-моему, отражает всю непродуманность ситуации с продажей билетов. Какие браслеты? Какие поддельные билеты? Все это опять мне напоминает бред, которым никто не будет впоследствии заниматься... О продаже. Если уж т. н. „чечены“ придумали, как продавать билеты, – то нужно идти и с ними договариваться. Пусть продадут 20000 билетов и отдадут нам деньги за 10000. Вместо того, что мы продадим пять и эти пять будут там сидеть – и

все. А так хоть людям праздник...”

Бурлаков взгляды Ильи на “Олимпийский” не разделял и начинал нервничать. Вначале незаметно для окружающих, потом – заметно. Когда Илья принялся игнорировать акции Бурлакова, стало понятно, что в датском королевстве что-то не так. Ссоры и взаимные упреки стали нормой жизни. Эти настроения отражались и на мне. Когда на очередном совещании по “Олимпийскому” Бурлаков начал в резкой форме обвинять пресс-службу... в плохой продаже билетов, мое терпение лопнуло.

Сейчас я понимаю, что это была элементарная провокация, но тогда меня просто трясло от несправедливости. Не дослушав эти упреки до конца, я поднялся со стула. У меня был неплохой опыт жестких переговоров, да и терять было нечего – кроме отношений с Бурлаковым. “Хороших артистов вокруг немало, зато попробуй-ка, парень, найди хороших пиарщиков”, – кипел мой разум возмущенный. И в смертный бой идти готов был...

“Прошу внимания. – Я отпустил тормоза и помчался с горки навстречу новым приключениям. – Мне есть что ответить на эти чудовищные обвинения. Пиар-кампания по концерту в „Олимпийском“ проведена в соответствии с предварительным планированием: поэтапно, структурированно и креативно. Начиная от количества опубликованных анонсов и заканчивая работой с информационными спонсорами: „Московским Комсомольцем“, „Радио Максимум“, журналом „Yes!“... Неслучайно эксперты оценивают работу пресс-службы „Троллей“ выше всяких похвал. Все обвинения, которые были произнесены сейчас Бурлаковым, – это неадекват и полный, просто невиданный пиздец. Все. Общих тем с этим человеком у меня больше нет. Я ухожу. Давайте посмотрим, друзья, – как же получится провести „Олимпийский“ без такой хуевой пресс-поддержки”.

Я вышел из квартиры Бурлакова и плотно прикрыл за собой дверь. На улице румяные бомжи с Киевского вокзала танцевали брейк – прямо посреди весенних луж. Сил радоваться жизни у меня не было. Я шел по набережной Москвы-реки, смотрел на радугу и думал о “Троллях”. Было очевидно, что с таким состоянием менеджмента группа долго не протянет. К сожалению, я как в воду глядел.

Как известно, коммерческий результат концерта в “Олимпийском” оказался печален. Убытки от выступления “Троллей” превысили \$40000. В итоге долги пришлось закрывать всем миром. В частности, “Real Records” судорожно выбросил на рынок сборник лучших хитов “Троллей”. Сделано это было не от хорошей жизни, а с целью минимизировать финансовые

потери партнеров. Параллельно в лагере группы шли интенсивные поиски ответа на вопрос, “кто виноват” в отрицательном балансе “Олимпийского”. Позиция Лагутенко была жесткой – он артист и отвечает за качество шоу на сцене. Никаких подписей под документами он не ставил. Кто ставил – тот пусть и отвечает.

События последних трех-четырех лет стали вырисовываться в мозгу у Ильи в некую систему. У “Троллей” постоянно не хватало денег. Сначала виной тому были кризис и нечеловеческие затраты на “Утекай звукозапись”. Затем – неудачно выбранные партнеры. Когда же его менеджмент-команда во главе с Бурлаковым попыталась все сделать самостоятельно, мы получили отрицательный баланс “Олимпийского”. Со всеми вытекающими последствиями.

Эти события сложились в единый паззл и послужили поводом для разрыва деловых отношений между Лагутенко и Бурлаковым. Произошло это закономерно – и неожиданно.

“В какой-то момент группа от меня отказалась, – не без боли вспоминал Бурлаков. – Это случилось вскоре после „Евровидения-2001“. На следующий день мы с Ильей общались, и все было нормально. И буквально через неделю я получил от него письмо – с содержанием типа „Пожалуйста, больше концертов от моего имени не организовывать, никаких денег не брать“. И потом на сайте „Троллей“ я прочитал, что Илья поменял менеджера... Если бы я вновь оказался в тех временах, я бы, конечно, начал все сначала и ничего не менял. Я бы точно так же не заключал договор с Ильей Лагутенко. Потому что не могу заключать договор с человеком, которого знаю с седьмого класса. У меня просто не возникло бы такой идеи. Я к таким людям обычно отношусь максимально доверчиво. И хотя у меня и существуют принципы, я верю один раз... Видимо, я добрый человек. И привык прощать”.

Эти эмоции мне удалось вытащить из Лени лишь спустя несколько лет. Причем – в контексте совершенно другого интервью, которое брал у него посторонний человек. Летом же 2001года бывший продюсер “Троллей” и Земфиры старался никак не афишировать этот разрыв. Возможно, выигрывал время, чтобы оправиться от удара.

Когда музыкальная общественность узнала, что тандем Бурлаков—Лагутенко распался, многие отказывались в это верить. Настолько нерушимой казалась эта спайка. Но времена, как пел Боб Дилан, меняются.

“Наверное, это закономерно, дети вырастают и уходят, – заявил Бурлаков в одном из интервью. – Сейчас я еще одну группу раскручу, а потом и они от меня уйдут. Это естественный процесс, и я к этому

отношусь философски. У нас не было никаких идеологических расхождений – все, что делает Лагутенко, гениально. Пару раз мы с ним уже расходились, может быть, и опять встретимся, но нес группой, а так – посидим, поговорим”.

Как бы там ни было, осенью 2001 года один из популярнейших продюсеров страны оказался вообще без артистов. Вначале от него ушла Земфира, затем – Лагутенко. Кроме того, Леня остался без пресс-службы и дружественного лейбла, с которыми он умудрился поссориться в процессе подготовки концерта в “Олимпийском”. Но хуже всего было то, что он оказался в абсолютно изолированном пространстве. Практически без друзей. За его спиной оставались только сожженные многолетними войнами мосты – к примеру, долги за “Олимпийский” ему пришлось возвращать вплоть до лета 2007 года. Как бы там ни было, в тридцать пять лет Леониду Владимировичу Бурлакову надо было начинать жить заново.

8. Музыка нас связала

*Ни с кем и никогда, кроме группы “Мумий Троль”,
я работать больше не буду.*

Леонид Бурлаков, 2000 год

Мир шоу-бизнеса оказался тесен. Мне и в голову не могло прийти, что, разойдясь навечно с Бурлаковым, мы вскоре будем работать в одной команде. Но, как ни странно, так произошло.

Мои давние партнеры из звукозаписывающего лейбла “CD Land” внезапно осознали, что их ведущая группа “Сегодня ночью” осталась без директора и продюсера. Первооткрыватель “Сегодня ночью” Илья Лагутенко помогал музыкантам в студии, но их концертная ипостась в тот момент оказалась вакантной. Глянцевые журналы ломались от публикаций про “Сегодня ночью”, но из-за отсутствия концертов убытки фирмы “CD Land” превысили \$180000. И тогда администрация лейбла приняла решение привлечь к работе с группой маявшегoся без дела (и без артистов) Бурлакова. В качестве продюсера и антикризисного менеджера. А поскольку пресс-поддержкой “Сегодня ночью” занималось агентство “Кушнир Продакшн”, работать нам предстояло вместе.

Более термоядерной смеси на тот момент не смог бы придумать самый отчаянный креативщик. Это выглядело как, скажем, бензин и спичка. Как арабы и евреи. Как Жириновский и Немцов. Как “Спартак” и ЦСКА. Но делать было нечего – и мы начали сотрудничать. Прохладно здоровались друг с другом – да и странно, если бы было по-другому...

В тот момент работа с группой “Сегодня ночью” давала Лене возможность выбраться из того места, в котором он, пусть и незаслуженно, находился. А место это было глубокое. Массмедиа потеряли к Бурлакову всякий интерес. Созданные им фан-клубы двинулись за своими кумирами, а кумиры особой ностальгией в адрес Лени не страдали.

Более того. Когда Бурлакову вздумалось посетить в Киеве концерт “Троллей”, охрана Дворца спорта вежливо, но настойчиво попросила его покинуть помещение. Лене не помогли ни бейджик с надписью “All Area”, ни влиятельные знакомые, которые пытались за него заступиться. Охране было “до лампочки” – она выполняла приказ. По чьей инициативе – организаторов концерта или музыкантов – этот геноцид произошел, неясно.

Но так было. На служебном входе мимо растерянного Бурлакова проходили какие-то мелкие промоутеры, которые даже не пытались скрыть злорадных улыбок. Что чувствовал в этот момент сам Леня, можно только догадываться.

...Зато в “CD Land” Бурлаков ощущал себя как за каменной стеной. Рядом были друзья, которые в свое время помогали ему продавать диски “Троллей”. Они ждали от Бурлакова подвигов. Желательно – завтра.

Бывший финансовый директор “Утекай звукозапись” начал действовать по всем канонам предвыборной кампании американского президента. А именно – раздавать обещания направо и налево. Я всегда ценил Бурлакова за его умение мастерски пускать пыль в глаза – так, чтобы всем казалось, что эта пыль золотая.

Обещания именитого продюсера грели душу и сердце. Его планы впечатляли – перевести тексты “Сегодня ночью” на английский и прорваться на западный рынок. А заодно – и на украинский. Параллельно, в духе фантазий Уэллса, Бурлаков возжелал совместить неоновые рекламные щиты с... сигналами “Радио Максимум” – по-видимому, для какой-то акции в поддержку “Сегодня ночью”. В идеале он планировал захватить в Москве телеграф, почту и канал MTV. “Они у меня с руки едят”, – доверчиво делился своими планами Бурлаков с чиновниками русского отделения “Sony”. Те немедленно процитировали эту фразу руководству MTV. И буквально в тот же день канал прекратил ротировать “Сегодня ночью”. Подобная судьба ожидала группу на ряде радиостанций, с программными директорами которых Леня порвал отношения еще со времен “Туманного стона” и “Deadушек”.

Аналогичным образом таяли иллюзии на западный прорыв группы. Песни на английский не переводились. Вернее, переводились, но очень медленно. Ричард Брэнсон, наверное, уже устал ждать, когда же в “Virgin Megastore” привезут тираж англоязычных дисков “Сегодня ночью”. Обещанный к концу 2002 года тур по Украине так и остался красивой мечтой. Джинглы единственной лояльной к “Сегодня ночью” радиостанции “Радио Максимум” никак не желали коммутировать с рекламными щитами. “Мне стыдно получать у вас деньги”, – говорил Леня в бухгалтерии “CD Land”, и на первых порах эта красивая фраза работала. Все вокруг Бурлакова чувствовали себя виноватыми.

...Наша совместная работа в фирме “CD Land” представляла собой еженедельные совещания на тему “как спасти группу „Сегодня ночью“ от застоя, а выпускающий лейбл – от убытков”. Каждый вторник мы трудились над новой “боевой задачей” – обсуждали придуманный

Бурлаковым конфликт между “Сегодня ночью” и выпускающим лейблом. В результате подписчики наших рассылок узнавали, как продвигаются военные действия между враждующими сторонами. Полагаю, что источником Лениного вдохновения была переведенная на русский язык книга про Sex Pistols, которые меняли свои лейблы как рваные перчатки.

Итак, еженедельно мы обсуждали важный вопрос – как штурмовать условный Марс. Взрослые мужики с серьезными лицами вели дискуссии, как именно мы будем атаковать Марс – с фланга, с тыла или с воздуха. У меня возникло острое ощущение, что Лене, словно американскому генералу, необходимо иметь перед собой образ конкретного врага. Я в эти игры играть категорически не хотел. И поскольку лейбл поддерживал продюсера целиком и полностью, я не без скандала вышел из этого проекта. Напоследок публично нахамил Бурлакову, о чем сейчас жалею. Фразу “ты, конечно, гениальный продюсер, но ни хуя не понимаешь в пиаре”, можно было сказать и один на один. Короче, погорячился...

Сейчас я даже и не вспомню, из-за чего, собственно говоря, случился весь сыр-бор. Похоже, мне не нравилось, что Бурлаков перессорил между собой автора текстов “Сегодня ночью” и вокалиста, музыкантов и выпускающий лейбл, пресс-службу и средства массовой информации. Очевидное – невероятное: абсолютно безобидная группа внезапно оказалась в эпицентре боевых действий. Мне было понятно, почему так происходит, – все корни этой ситуации уходили в деструктивные идеи Бурлакова.

Вскоре я узнал, что в модном киевском клубе “Опиум” состоялся суд над группой “Сегодня ночью”. Инициатором суда выступил Леонид Бурлаков. По-видимому, с точки зрения Лени, это была на редкость удачная PR-акция. Опустить его с небес на землю было некому.

В беспрецедентном судилище в клубе “Опиум” приняли участие представители дюжины украинских СМИ, которые добровольно выступили в роли присяжных заседателей. Там же были свои истцы и судьи, а также музыканты “Сегодня ночью” и несколько представителей местного шоу-бизнеса. Бурлаков, как человек опытный и неглупый, на суд, естественно, не приехал...

Вы не поверите, в чем обвинялись (заочно) музыканты собственным антикризисным менеджером. А обвинялись они в том, что пластинки не продаются, их искусство убыточно, а музыка – не востребована. Мол, все вокруг терпят убытки, а значит, кто-то в этом виноват.

Вот я сижу сейчас и читаю протокол этой акции. За окном – зимняя московская ночь. Я не верю собственным глазам, и на душе скребут кошки.

Я не могу понять, как один человек, пусть даже и Бурлаков, мог загипнотизировать такое количество людей. Я не могу поверить, что на протяжении целого часа три десятка профессионалов, словно лютые зомби, несли чудовищную ересь, завершившуюся “победой справедливости”. Мол, группа “Сегодня ночью” ни в чем не виновна. Ура, товарищи!

И я не сильно удивился, вскоре прочитав на украинских музыкальных сайтах следующую информацию: “Суд помог журналистам утвердиться во мнении, что группа слабая. Теперь нужно тратить время на то, чтобы убедить их в обратном”.

Убедить в обратном, увы, никого не удалось. По итогам сезона русскоязычный журнал “New Musical Express” признал “Сегодня ночью” “худшей группой 2002 года”. Правда, Леню это не смутило. Весной 2003 года он организовал на канале СТС передачу “Черное / Белое”, имитирующую еще один суд над “Сегодня ночью”. Неплохую идею – использовать Украину как испытательный полигон для своих медийных экспериментов – Бурлаков применил с точностью до наоборот. Он катастрофически не учел своих ошибок в Киеве и в результате получил то, что получил.

“Группу „Сегодня ночью“ я знаю с 98 года, – начал свой сбивчивый монолог Бурлаков. – Мне эта группа нравится, я считаю, это одна из самых перспективных групп 98—99 годов. Что же произошло? Я хотел бы сегодня вместе с вами разобраться и попросить, может быть, совета о своей дальнейшей работе с группой. Может, дадите музыкантам совет какой-то... Я, чтобы не запутаться, завел папочку для себя, все записал... Я на самом деле, уважаемые дамы и господа, вижу несколько основных причин того, почему нет продаж пластинок. Нет необходимого количества концертов, я не говорю уже о проблемах финансовых... Есть проблемы, и их нужно как-то решать. Наверное, мы будем их решать”.

Далее в своей насквозь искусственной речи Бурлаков применил все основные приемы НЛП, задев при этом и интересы лейбла “CD Land”, и пресс-службы, и журналистов, и самих музыкантов. В итоге новоявленный борец за справедливость разбудил спящего льва. Лев проснулся и зарычал. Затем – встал на ноги. Развлекательное ток-шоу стихийным образом превратилось в суд над неструктурированным продюсером Леонидом Владимировичем Бурлаковым.

На телепередачу пришли Настя Колманович и Ира Миклошич, в то время – продюсеры групп “Земфира” и “Мумий Троль”. Палец в рот им лучше было не класть – откусят по самое не хочу. Давно конфликтуя с Бурлаковым, они, что называется, подготовились к телепередаче. С женской

стервозностью они задавали Лене вопросы, на которые он не мог ответить публично. Они отрывались, и это было виртуозно. В этом действе был какой-то первобытный драйв, какой-то неожиданный момент истины. Такой вот Международный женский день на канале СТС. Кроме того, в студии резко активизировались представители печатной прессы – здесь не Украина, здесь климат иной. И в какой-то момент игра пошла в одни ворота.

Долгие годы Леня был моим другом – и теперь, несмотря на наши постоянные конфронтации, мне было больно на него смотреть. Такое ощущение, что человек остался жить в 97 году и позабыл, что за окнами бушует XXI век... От полного краха Бурлакова спасло лишь то, что передача шла не в прямом эфире. Почти все, что продюсер “Сегодня ночью” проиграл в открытом бою, он затем отыграл на монтаже. Посмотрев это судилище по телевизору, я не без облегчения вздохнул. Если бы Леня не контролировал процесс, от удара такой силы он не смог бы оправиться никогда. Это могло быть хуже, чем подписка о невыезде. Интересно, какие выводы он для себя сделал? И сделал ли?

Самое удивительное, что через пару месяцев мы с Бурлаковым вновь помирились. Произошло это после взаимных обвинений в чудовищном непрофессионализме, последнее из которых звучало так: “Вы в „Кушнир Продакшн“ совсем не умеете работать”. После чего Леня привел к нам на коммерческое обслуживание новых артистов: Аврору, Нату и Олега Чубыкина. Логика в его действиях прослеживалась нечетко. Но в том, что я согласился сотрудничать с ним по демпинговой цене, логики было еще меньше. Одним словом, старики-разбойники отрывались вовсю. “Ваши отношения с Бурлаковым пугают не своей жестокостью или жесткостью, – вынесли вердикт сотрудники. – Они отпугивают своей непрогнозируемостью”.

На самом деле ларчик открывался просто. Дело в том, что Бурлаков решил проверить на практике диалектический постулат “перехода количества в качество”. В 2003—2004 годах он смело набрал целый десяток проектов: “Седьмой прохожий”, Юлия Лорд, “У.Л.К.А”, “Миссия: А”, “Алкоголь” + вышеназванные Аврора, Ната, Чубыкин, а также несколько молодых групп, работающих в стиле электроклэш.

“Мой „Новый проект“ – это Музыка для Среднего Класа, – декларировал Леня новые продюсерские принципы в одном из интервью. – Человек, купивший, наконец, Хороший Автомобиль и собирающийся в мае 2002 года в отпуск, уже будет думать о том, какую музыку он возьмет в дорогу. Вряд ли его магнитола с кроссовером и сабвуфером будет терпеть

низкосортный музыкальный продукт, а его уши и мозги, привыкшие за год к романам Ван Гулика и саунду новой Земфиры, вряд ли вынесут очередную порцию „чайного фуфла“...”

Бурлаков планировал, что количество его новых артистов обязательно перейдет в качество, и хотя бы один из проектов выстрелит. В итоге не выстрелил ни один.

У кого-то был слабый потенциал, у кого-то – некоммерческий репертуар, на кого-то банально не хватило денег, где-то ошиблись продюсер с пиарщиками. “Не все то хорошо, что Бурлаков”, – писал в то время журнал “Афиша”. “После расставания с „Троллями“ у меня было одиннадцать проектов, о которых никто ничего не знал”, – признался как-то Леня. Это была сущая правда...

Вообще Бурлаков тогда много маялся. Маялся без крупных артистов, крупных афер и крупных побед. Хулил на чем свет стоит фаворитов последних сезонов: “Зверей”, “Город 312”, “Ночных снайперов”. “К примеру, UMA2RMAN – отличная группа, – рассуждал Леня. – Но мы ее забудем ровно через год. Потому что первую песню они спели так же, как и последнюю”.

В паузах между душевными метаниями знаменитый эксперт читал лекции молодым продюсерам. “Самое главное в преподавании, – вещал приват-доцент Бурлаков, – передать будущим продюсерам огромное желание помогать артисту. Такое безудержное, чтобы обратно пути не было. Ведь в каждом городе есть свой „Мумий Троль“, а в каждом десятом – своя Земфира. Только надо этим заниматься, искать, находить и вкладывать деньги”.

Иногда Леня давал в интернете ностальгические интервью про славное боевое прошлое: “Лагутенко являлся мозгом группы, а я был ее сердцем. Когда я ушел, у „Мумий Тролля“ исчезла душа, исчезло хорошее, доброе, человеческое”. И так далее...

Порой мне казалось, что Леня напоминает опытного футбольного тренера, которого бесчеловечная государственная машина пытается раньше времени отправить на пенсию. Невооруженным глазом было видно, что форму он не потерял. Даже наоборот.

Иногда в беседах Бурлаков выдавал такие идеи, что у меня перехватывало дух. Как-то раз он предложил всем артистам собраться вместе и пойти ограбить какой-нибудь банк. Мол, с банком он договорится лично. Смысл акции: пираты грабят артистов, а государство их не защищает. А чем мы хуже пиратов? Мы тоже пойдем грабить – может, тогда кто-нибудь обратит внимание на проблемы неприкаянных артистов...

Иногда Леня пытался решать конфликтные вопросы с помощью силы. Однажды он показал мне свою телефонную книгу, где на букву “К” красным маркером был записан мобильный телефон. “Это на случай, если мне начнут угрожать”, – признался продюсер.

Когда же дела шли сравнительно неплохо, Бурлакова все равно тянуло на популистские заявления. “Вскоре я займусь политикой и лет через десять стану президентом России, – периодически заявлял он в интервью. – Я знаю, что сделать в этой стране, чтобы она заработала. Конечно, это случится нескоро. Ведь я пока только учусь”.

...Со временем наши отношения стабилизировались – на каком-то ином, космическом уровне. Когда Леня влюблялся в очередного артиста, он с одухотворенным лицом прилетал к нам в офис. Часами охмурял женское население фирмы, словно ксендзы в “Золотом теленке” – Козлевича. Свои речи Бурлаков, как правило, заканчивал одной и той же фразой: “Если перед вами встанет выбор, за кем пойти – за Артистом или за „Кушнир Продакшн“, то, без сомнения, надо выбирать Артиста”.

Мне импонировала подобная душевная дефлорация – она давала простор для игры воображения. Развивала чувство юмора и самоиронии, которые особенно пригодились нам во время промо-кампании певицы Авроры – совершенно безбашенной панк-дивы, живущей ныне в Лондоне.

Наше сотрудничество началось с того, что в прямом эфире НТВ новая подопечная Бурлакова исполнила разудалый гимн про погибшего в ее желудке гнилого утенка. После этой “Анархии в Останкино” редактора утренних программ НТВ отказывались сотрудничать с нами более двух лет. На все наши “почему” они отвечали загадочным словом “Аврора”. Словно это какой-то пароль...

Но настоящее “феерическое шоу” мы устроили не на НТВ, а в клубе “16 тонн” – на презентации диска Авроры. Это была красивая акция. За пару дней до пресс-конференции нашей безумной панк-блондинке сделали роскошную укладку. В итоге оказалось, что Аврора стала чудовищно похожа... на певицу Валерию. И надо же такому случиться, что именно в эти дни в продажу поступил еженедельник “Семь дней” – с Валерией на обложке и сенсационным интервью о том, как бывший муж резал ее кухонным ножом на меха. С визуальной точки зрения это совпадение двух непересекающихся образов было большой дизайнерской удачей. Нам жутко повезло. И решение пришло мгновенно.

Серый кардинал “Кушнир Продакшн” Сергей Гурьев вручную вырезал красные буквы из заголовков “Семи дней” и аккуратно наклеивал их на обложку таким образом, чтобы теперь под изображением Валерии стояла

подпись “Аврора”. Что-то типа “Аврора: муж бил меня сковородкой”. И на обложке была изображена ослепительная блондинка Аврора. Только глаза у нее казались грустными – не такими, как в жизни.

В решающий момент пресс-конференции мы с Авророй достали “из широких штанин” этот шедевральный постер, а сотрудник “16 тонн” по моему сигналу притушил в клубе освещение. Журналисты впали в полный ступор, поскольку, вопреки расхожему мнению, они ведь не дураки. Они не часто изучают содержание газетных ларьков, но интуитивно понимают, что никто не поставит на обложку “Семи дней” эту дикую панкушку. Даже если артисткой занимаются Кушнир & Бурлаков.

Но факты – вещь упрямая. Когда я проходил по притихшим рядам с этой восхитительной обложкой в руках, все вокруг видели, что это – действительно Аврора. Восторгу журналистов не было предела – я понимал, что на ближайший месяц пакет публикаций нам обеспечен...

“Ну, вы и работаете”, – восторженно говорили телевизионщики, поднимая обложку крупным планом. “А то!” – гордо сказал возникший откуда-то из полутьмы рыжебородый Гурьев. Он мог смело гордиться своим ювелирным трудом...

Рядом давали интервью вошедшая в образ cover girl Аврора и насквозь счастливый Бурлаков. Вид у него был слегка хмельной, что совершенно не соответствовало действительности, поскольку Леня, как Железный Феликс, не пьет вообще. Никогда...

Я вспомнил! У Бурлакова было такое выражение лица, словно он нашел новую Земфиру. До Земфиры Авроре было, конечно, далеко. Но ближайшее открытие Леонида Владимировича находилось уже не за горами.

9. Рыжий бизнес

Я три с половиной года не делал концерты – это как три с половиной года не заниматься сексом.

Леонид Бурлаков, 2005 год

Весь следующий сезон мы с Бурлаковым проработали над продвижением на музыкальный рынок группы “Братья Грим”. Тандем рыжих близнецов из Самары рванул вверх с такой скоростью, что никто даже пикнуть не успел...

Начинали с нуля, а точнее – с демо-записи пяти песен. Зимой 2005 года Бурлаков принес к нам в офис “Вторую половину”, “Ресницы”, “Норвегию” и что-то еще. “Это что, очередная присланная тебе демо-запись? – без особого энтузиазма спросил я. – И где ты их нашел?” “Мне по интернету прислали несколько песен, меня зацепило, и я позвонил в Самару, – признался Бурлаков. – Правда, музыканты решили, что это розыгрыш. Тогда я пригласил их в Москву, а в конце разговора спросил: „Как я вас узнаю?“ И в ответ услышал, что они – братья-близнецы. Здесь я получил такой электрический заряд... Потому что не думал, что кроме музыки есть еще другой фактор, который поможет мне с этими ребятами”.

Вскоре Бурлаков пригласил меня съездить с ним в подмосковную деревню Немчиновка, где проходили первые репетиции переехавших в столицу “Братьев”. На двух машинах мы пропилили мимо поста ГАИ за линию горизонта – до тех пор, пока не увидели полуразрушенный одноэтажный Дом культуры образца 1973 года. Там в атмосфере сырости, мистики и таинства Бурлаков презентовал нам своих новых фаворитов.

...Репетицию снимал известный фотограф из Владивостока Миша Павин. В исполнении самарского квинтета меня особенно впечатлил психоделический “Аэроплан”, а также отражавшийся в зеркалах басист Костя Бурдаев, уверенно подпевавший в унисон своему брату Боре. “В них, конечно, нет лоска Лагутенко, но они не настолько просты, как кажутся, – сказал я своим пресс-менеджерам. – Похоже, они действительно могут выстрелить”.

...Первый альбом “Братьев Грим” записывался во дворе нашего бизнес-центра – в том самом подвале, где Олег Чубыкин работал с UMA2RMAN, Лерой Массквой и вторым альбомом “Сегодня ночью”.

Вспомнил прикол: в паузах между сессиями я записал у Чубыкина претенциозную речь для пресс-конференции “MTV Russia Music Awards”. Это был такой жесткий стеб-концепт: провести в элитном ресторане “Желтое море” пресс-конференцию под фонограмму. А самому стоять на сцене и пить минеральную воду. Перед глазами стоят растерянные лица Бори и Кости, наблюдавших, как я наговариваю в микрофон эту пафосную ахинею. Потом в студию зашли топ-менеджеры “Радио Максимум”, которых Бурлаков пригласил послушать “наш ответ Maroon 5”. Затем пришли мои студенты-продюсеры, которым я в тот день должен был читать лекцию. Там под “Ресницы” все и перезнакомилось.

...Весной 2005 года, проезжая на своей белой “тойоте” по ЦПКиО им. Горького, Бурлаков обнаружил в конце парка искусно замаскированный Театр музыки и драмы. Зайдя внутрь, великий мистификатор увидел небольшой зал мест на двести. Лучшей площадки для первого концерта новой группы ему было не найти. Музыка у “Братьев” присутствовала, а для драмы существовал режиссерский талант Лени...

Система попадания на эту акцию красноречиво свидетельствовала, что порох в пороховницах у Бурлакова еще не подмок. Все действие называлось “Концерт для Первых Фанов” и было строго засекречено. Со стороны это могло вызывать ассоциации с презентацией акции “Явление Христа народу”, которую проводил бы классик современной рекламы сэр Огилви.

На сайте “Братьев Грим” давались какие-то невнятные намеки на “адреса, пароли, явки”. Людям предлагалось приехать в назначенный час в условное место. Найти автомобиль, под дворником которого находился бы журнал “Q” выпуска 1989 года. Подойти, шепнуть пароль и получить билет на заветный концерт.

Но и это было еще не все. Оказывается, билеты существовали двух видов: на одном был изображен Боря, а на другом – Костя. Правда, доверчивые фанаты об этом не догадывались. На входе в театр их встречали представители пресс-службы, которые доброжелательно объясняли правила игры: “Здорово, что вы пришли. У вас в руках настоящий билет на „Концерт для Первых Фанов“. Теперь, чтобы попасть внутрь, вам нужно найти снаружи свою вторую половину. У нее на билете должен быть второй близнец. Совместите ваши билеты – и проходите”.

Поклонники стойко выслушивали этот издевательский монолог, почти без эмоций на лице. И так же мужественно под снегом с дождем “вычисляли” вторую половину. На весь Театр музыки и драмы разносились в тот вечер нечеловеческие крики: “Девушки, а у вас Боря или Костя?”

Затем мы провели концерт в джазовом зале “Б2”. Там собрались

представители всех лейблов, которые не мигая рассматривали двух рыжих чертов, мужественно пытавшихся побороть говняный звук. Иногда им это удавалось. Тем не менее атмосфера в зале была такая, будто бы Бурлаков нашел новый “Мумий Троль”. Ажиотаж нарастал, и нам оставалось лишь подливать масла в огонь...

Чувствуя, что поймал за хвост птицу-удачу, Леня вновь приехал к нам в офис и, сверкая очками, предложил новую схему работы. Для раскрутки коммерчески привлекательных “Братьев” он собрал целую команду бизнес-партнеров. Это сообщество ласково называлось нами “коалиция” и со стороны выглядело как целая Антанта. Сам Бурлаков занимался линейным менеджментом и общей координацией, “Кушнир Продакшн” – пиаром, выпускающий лейбл “Мегалайнер” – продвижением группы на Муз-ТВ и “Европе Плюс”, Алена Михайлова из Velvet Music – работой с киноиндустрией и ротациями на “Русском Радио” и канале MTV. Схема начала работать нереальными темпами.

“„Братья Грим“ – это раскудрявые, страшно харизматичные самарские близнецы Боря и Костя, – писал о группе накануне фестиваля “Максидром-2005” журнал “Афиша”. – Примечательны близнецы свежими романтическими гитарными опусами, пробивающимися кое-где британскими гармониями и высосанным из пальца определением „грим-рок“. Небесталанных Борю и Костю надувают как мыльный пузырь, и деваться от них в этом году будет некуда: первооткрыватель „Мумий Тролля“ Леонид Бурлаков бросил на них все силы. Большому бизнесу – большой фестиваль”.

Но, как вы понимаете, Бурлаков не был бы Бурлаковым, если бы “Братья Грим” просто выступили на “Максидроме”. Не обошлось без приключений. Во-первых, Леня изнасиловал столицу несметным количеством афиш, на которых под логотипом “Максидрома” крупными буквами стояло название хедлайнера: “Братья Грим”. Снизу, более мелким шрифтом, значились остальные, менее значимые участники фестиваля: Земфира, “Мумий Троль”, Franz Ferdinand. Сплетники поговаривали, что, увидев эти афиши, Земфира Талгатовна долго психовала и даже отказывалась играть на фестивале.

Но и это было далеко не все. Во время концерта в “Олимпийском” новоявленные хедлайнеры вытащили из зала притаившегося под колонками звукорежиссера Чубыкина, который в сопровождении “Братьев” исполнил свой суперхит “Rain”.

Затем была куча летних рок-фестивалей, прорыв “Ресниц” и нашумевшее реалити-шоу канала Муз-ТВ “Сказки „Братьев Грим“”. У

группы начался полноценный тур, и все случившиеся с ними приключения шли в эфир практически без купюр. Количество поклонников у братьев Бурдаевых росло не по дням, а по часам...

Одновременно с началом концертного тура к нам наконец-то потекли первые денежные потоки. Вложенные в “Братьев Грим” \$326000 окупились ровно через одиннадцать месяцев – на два месяца быстрее, чем Земфира, и на семь месяцев быстрее, чем “Мумий Тролль”.

От такой скорости успеха Бурлакова начало заносить. “С „Мумий Троллем“ мы раскрепостились, с Земфирой стали чувствовать себя более откровенно, а с „Братьями Грим“ научились быть счастливыми, – говорил он в одном из интервью. И там же развивал свою мысль: – По степени таланта „Братья Грим“ стоят чуть выше „Мумий Тролля“ и чуть ниже, чем Земфира”. Примечательно, что из контекста интервью следовало, что Леня искренне верил своим словам.

...Дебютный альбом “Братьев Грим” вышел летом 2005 года, и это событие было отмечено психоделической презентацией на пароходе в Самаре. Затем, чтобы не сбавлять напряжение, мы провели в Москве презентацию клипа “Кустурица”. Разуверившись в способностях отечественных клипмейкеров, заметно помолодевший Бурлаков решил снять клип сам. Самое странное – у него это получилось. Видеоряд смотрелся по-западному модно и кое в чем выглядел убедительнее, чем работы отечественных мэтров. Короче, нам было что презентовать. К тому же выпускающий лейбл “Мегалайнер” решил вручить группе “Золотой диск” – за сто тысяч проданных компактв... Тоже, согласитесь, достойный информационный повод.

...Саму акцию Леня захотел проводить в заблудшей пивнухе возле Киевского вокзала – там, где снимались фрагменты “Кустурицы”. Слева находился “Макдоналдс”, справа – венерический диспансер. У входа в паб, прямо над головой, на железной цепи висела деревянная пивная бочка. Более странное место найти было сложно – зато все выглядело вполне в духе фильмов Кустурицы. И еще один неявный плюс – дом Бурлакова находился буквально через дорогу. Короче, вы поняли, откуда росли ноги.

Сюрреализм проходил сквозь эту презентацию красной нитью. Двух братьев мы посадили в разные концы зала – причем звук шел таким образом, что если на вопросы отвечал Костя, голос раздавался из динамиков, висевших над головой Бори. И наоборот.

“У нас не было никаких иллюзий, что продюсер – это дядя, у которого в глазах только доллары, – рассказывал Костя Бурдаев. – До нас Бурлаков находился в некотором забвении – после того как расстался со своими

предыдущими партнерами: группами „Мумий Троль“ и „Земфира“. Поговорив с ним, мы поняли, что вероятность нашего успеха равна где-то двум процентам. Это намного хуже, чем рулетка. Но у нас вроде бы все получилось”.

Получилась и пресс-конференция. Было очень весело, журналисты задавали толковые вопросы и энергично уничтожали неисчерпаемые запасы халявного пива. В какой-то момент мне показалось, что это действие напоминает лучшие PR-акции “Троллей”. По крайней мере, прессу мы транспортировали по месту жительства далеко за полночь.

...В декабре “Братья Грим” собрали аншлаг в клубе “Б2”. Недоброжелатели криво улыбались, но сказать ничего не могли – в заведении яблоку упасть было негде. VIP-ложа просто ломилась от дорогих гостей. Бурлаков был доволен. Мы – тоже...

Что там говорить, 2005 год стал временем прорыва “Братьев Грим”. По итогам сезона они выступили на Трафальгарской площади в Лондоне и получили в СМИ кучу титулов типа “открытие года”. Я вовремя подсуетился и всунул “Братьев” в рейтинг пятидесяти самых дорогих звезд журнала Forbes, где подопечные Бурлакова поделили 41–47-е места с Мстиславом Ростроповичем, Маратом Сафиним, Олегом Газмановым, Земфирой и футболистом Александром Кержаковым.

Когда наш контракт с “Братьями Грим” завершился, Бурлаков выплатил агентству прямо-таки королевскую премию, а мне подарил роскошный японский DVD-фильм про Марка Болана. Наступал Новый год, и нам обоим было чем гордиться. Не в силах сдержать эмоции, мы, стоя в комнате у Бурлакова, крепко обнялись – пожалуй, первый раз с того памятного вечера, когда осенью 1997 года “Мумий Троль” убрал всех конкурентов на фестивале “Просто рок”. Идеальная модель мира была налицо. Наверное, мне порой не стоило забывать, что Бурлакову, хоть он и будущий Президент России, ничто человеческое не чуждо.

...В дальнейшем в стане рыжих близнецов многое оказалось не столь благостно. Я, к примеру, сильно расстроился, обнаружив их второй альбом в магазине “Союз” в довольно неожиданном месте – в корзине с надписью “Распродажа”. На диске красовался гигантский красный стикер: “Новая цена – 69 рублей”. Поэтому неудивительно, что вскоре отношения Продюсера с музыкантами претерпели массу метаморфоз. От очередных штурмов Европы до очередных разрывов отношений. Но это, как любят писать в нудных книгах по истории российского рока, совсем другая история...

Завершая работу над книгой, я получил от Бурлакова эсэмэс-

сообщение следующего содержания: “Я нашел Ее! Из восемнадцати записанных на демо песен я выбрал семь!!! Песен. И есть хит для любой радиостанции!” Вот такой вот мессидж. Как поется в одной из песен, “боже, спаси королеву!”. Продолжение следует...

Глава VIII Илья Кормильцев

Мое сердце – не большое и не доброе. Я очень педантичный, скептический и желчный человек.

Илья Кормильцев

Я познакомился с Кормильцевым в середине 90-х, когда у “Наутилуса” готовился к выходу альбом “Крылья”. Илья позвонил рано утром, скромно представился и сказал, что хочет встретиться. Мол, не телефонный разговор. Мы договорились пересечься у меня дома на Шаболовке.

Он приехал на следующий день. Без всякого пафоса – на метро и без опозданий. Когда я открыл дверь, то слегка оторопел, поскольку не узнал человека, стоявшего на пороге. Наверное, сначала надо было глянуть в дверной глазок, чтобы шок оказался не так силен. Вместо бородатого Софокла из Свердловска передо мной стоял абсолютно лысый мусульманин в толстых пластмассовых очках и с добродушной еврейской улыбкой на пол-лица. Хитрый блеск умных глаз выдавал в утреннем госте поэта популярной группы “Наутилус Помпилиус”.

“Илья?” – переспросил я на всякий случай. “Ну что, испугался? – довольный произведенным эффектом, ответил вопросом на вопрос поэт. – Давай-давай, приглашай в гости...”

Мы направились в комнату. Кормильцев сел на стул и без всякой раскачки начал эмоциональный монолог про новые технологии, с жаром жонглируя непонятными мне терминами. Какие-то web-страницы, сайты, сервер, интернет-коммуникации. Затем стал рассказывать про компьютерные книги, мультимедийный CD-ROM и AVI-файлы... Я попытался прервать этот поток сознания и жалобно попросил повторить текст еще раз. Так сказать, “для троичников”.

Врать не буду – со второго раза я понял еще меньше. Все правильно – если человек технически тугой, ему никакой мехмат не поможет... Но Кормильцев не унывал, принявшись чертить на обрывках бумаги какие-то схемы. Я чувствовал, что меня вовлекают в какую-то мутную секту. Для полноты картины не хватало разве что гадалки и ученого черного кота.

В какой-то момент я встряхнулся и осознал суть происходящего. Отмечая десятилетие творческой деятельности, генштаб “Наутилуса” задумал провести глобальное подведение итогов. “Проведение черты такой

толстой”, – значимо сказал Илья. С этой целью было решено выпустить энциклопедическое компьютерное издание “Погружение”, в которое планировалось включить “правдивое” жизнеописание группы...

Мне недвусмысленно предлагали стать соавтором проекта. Кормильцеву, по его словам, нравились стиль и энергетика “Золотого подполья” – он хотел, чтобы в подобном ключе я написал “новейшую историю” группы. Всё, что случилось с “Наутилусом Помпилиусом” после ухода Димы Умецкого.

Я пулей опустился на Землю. У меня кипела работа над “100 магнитоальбомами советского рока”. Я находился на другой волне и пребывал в жутчайшем внутреннем пафосе. Чувствовал, что получается что-то реально клевое. Поэтому, несмотря на всю симпатию к Кормильцеву и его недюжинной эрудиции, отвлекаться на мелочи мне не хотелось.

От всей своей полурусской души я поблагодарил Илью Валерьевича за доверие, но вежливо отказался, сославшись на нечеловеческую занятость. В финале этого насквозь фальшивого спича какой-то черт дернул меня сказать: “Спасибо, Илья. Правда, спасибо... Но этим, как ты его там назвал, „си-ди-ру-мом“, я заниматься не буду. НИ-ЗА-КА-КИЕ-ДЕНЬ-ГИ”.

Кормильцев выдержал макиавеллиевскую паузу, по-доброму улыбнулся и с достоинством назвал цифру. “Стопроцентная предоплата”, – добавил он после небольшой паузы.

Меня мгновенно смыло с письменного стола, на котором почему-то сидел. “Согласен!” – по-военному бодро отрапортовал я, пораженный в самое сердце долларовым эквивалентом собственного труда.

Судя по всему, Кормильцев был доволен. Я, естественно, тоже. Мы бегло оговорили нюансы работы и через пару минут распрощались как лучшие друзья.

1. Погружение

У свердловской музыки всегда было свое лицо. Ее отличало нечто вроде наивной серьезности, если можно так говорить... Все время у нас происходило изобретение велосипеда или колеса – такое невинное новаторство, туземный примитивизм, какой бывает у первобытных народов в искусстве.

Илья Кормильцев

Буквально на следующий день мы встретились с поэтом “Наутилуса”, который добросовестно притаранил мне для работы свой архив. Архив представлял собой аккуратно подобранные папки с публикациями – как из официальной прессы, так и из самиздата. Количество и размах статей впечатляли. Здесь были интервью с тандемом Бутусов—Кормильцев, с Илей-соло, публикации его стихов, анонсы концертов “Наутилуса”, репортажи с них, светские и музыкальные новости, рецензии на альбомы. Теперь, по идее, все было готово для того, чтобы начинать работу над мультимедийным изданием. Но у меня на этот счет существовал ряд соображений.

В итоге мое сотрудничество с Кормильцевым началось с невинного обмана. Получив архив и предоплату, я убедил Илью начать работу с диктофонных разговоров на вольные темы. Под таким расплывчатым углом я планировал повыспрашивать у уральского рок-аксакала нюансы истории свердловского рока. К “Наутилусу” 90-х эта беседа имела косвенное отношение, но была крайне необходима для книги “100 магнитоальбомов”.

Слегка удивленный подобной любознательностью, Илья Валерьевич пригласил меня домой – в съемную квартиру в районе Нахимовского проспекта. Мы расположились на залитой солнцем кухне, которая напоминала высеченную в скале берлогу. Здесь все дышало примитивизмом и креативом. Илья сварил кофе и удобно уселся рядом со стойкой компакт-дисков. Мы начали болтать про Blur и Oasis, презентацию “Титаника” и последний альбом “Аквариума”...

Я не торопился форсировать события и держал паузу, что называется, до упора. Наконец-то Кормильцев вспомнил о теме встречи. Не без труда преодолевая закон всемирного тяготения, он поднялся с дивана и достал с

полки коробку с аккуратно сложенными черно-белыми фотографиями. Япочуял запах добычи и включил диктофон...

Картина боевого прошлого Кормильцева уходила корнями в далекий 1981 год. Находясь после Уральского университета на военных сборах, он написал стихи для молодой свердловской рок-группы “Урфин Джюс”. Не успел Илья вернуться к мирной жизни, как лидер “Урфин Джюса” Саша Пантыкин радостно наиграл ему на рояле новые песни, сочиненные на стихи Кормильцева.

В фортепианной версии поэзия вчерашнего студента воплотилась в концептуальный арт-рок, местами стилизованный под музыку Прокофьева и Шостаковича. Спустя год эти наброски материализовались в двойной альбом “Урфин Джюса” “Пятнадцать”, который начинался с интеллектуального хита “451 градус по Фаренгейту”:

“Пока ты куда неизвестно ходил,
Потушен, погашен твой юношеский пыл...
Пожарной командой.
Ты не знаешь ли, кто эти люди в касках и масках
С лицами честных героев, не чувствительных к боли?”

...Незадолго до описываемых событий в Свердловске состоялся первый рок-фестиваль, на котором лидер “Урфин Джюса” рекрутировал в группу новых музыкантов.

“Мы собрались на квартире у Пантыкина, – вспоминает Кормильцев. – Сидя на подоконнике, пили пиво, перелитое из полиэтиленовых мешков в большую кастрюльку, откуда черпали его кружками. Так я познакомился с Егором Белкиным и Вовой Назимовым, которые и определили в дальнейшем лицо „Урфин Джюса“”.

Репетиции новорожденного трио проходили в пригороде Свердловска Верхняя Пышма, на базе производственного объединения “Радуга”. Там удалось пристроить свои трудовые книжки: Кормильцеву достался пост штатного технолога, а ушлый Пантыкин захватил должность руководителя вокально-инструментального ансамбля.

Но не все в окружавшей “Урфин Джюс” биосфере было безоблачно. После нескольких месяцев репетиций начинающий продюсер Кормильцев взял верх над начинающим поэтом Кормильцевым. Дело в том, что дипломированному выпускнику химфака категорически не нравилось, во что превратили его стихи патлатые уральские рокеры. Как пелось в одной

из композиций, “ты не стал бы слушать эти песни, если бы их перевели тебе”.

“В „Урфин Джюсе“ была демократия: песню не принимали до тех пор, пока ее не одобрит большинство. И поэтому из-за текстов вечно происходили баталии, – вспоминает Пантыкин. – Когда мы начали записывать „Пятнадцать“, это оказался единственный в моей музыкальной практике альбом, у которого первоначально была не музыка, а текст. А у Кормильцева был такой период, когда ему хотелось выразить достаточно философские вещи – путем сложных фраз и многоэтажных конструкций. Уже когда многие композиции были записаны, Илья приходил в студию и говорил: „Я вам свои тексты не отдам, и вам придется писать новые песни“”.

“Кормильцев плохо шел на компромиссы, – свидетельствует фотограф “Урфин Джюса” Олег Ракович. – Он был агрессивный, знающий чего хочет, в том числе – и в музыке. Смеялся – не как все. Одевался – не как все. Говорил афоризмами – малопонятно, и слушал только себя. По уровню мозгов он всех превосходил... Все считали, что он ненормальный, но, во всяком случае, его уважали”.

Стоит отметить, что агрессивно-странный Кормильцев и упрямый трудоголик Пантыкин стояли друг друга. В то время они были далеки от своего креативного пика. Музыка Пантыкина мешали академизм и схематичность, ей не всегда хватало дерзости и здорового рок-н-рольного хулиганства. В свою очередь, тексты “раннего” Кормильцева грешили вкусовыми перегибами и нонконформизмом. Но... будем объективны. Идеологическая конфронтация Поэта и Композитора меркла на фоне более радикальных схваток, которые чуть ли не ежедневно происходили в группе.

“По идее, мы не должны были работать вместе, – считает барабанщик Володя Назимов. – Мы должны были на пятой репетиции набить друг другу морды и разойтись”.

“Пантыкин постоянно дрался с Белкиным – это стало доминантой начальной истории „Урфин Джюса“, – вспоминает Кормильцев. – Столкновение двух абсолютно полярных людей: одного – воспитанного на классике, второго – воспитанного на наглости... Одного – патологически упрямого, другого – патологического демагога и вождя народов... Столкновение двух лбов – одного козерожьего, другого овнячьего – давало потрясающие искры. Рога так и бились. Это было просто фантастическое противостояние”.

Как вы догадались, творческий процесс в “Урфин Джюсе” не сильно отличался от подобного действия в сотнях других рок-групп. Что там

говорить, рок-н-рольную школу Кормильцев прошел по полной программе. И именно в “Урфин Джюсе” Илья впервые столкнулся с теорией и практикой “продвижения музыкального товара на рынок”. Произошло это после того, как записанный в тяжелых баталиях альбом “Пятнадцать” был полностью готов, а творческий коллектив “Урфин Джюса” решил распространять его по всем правилам рекламного искусства.

“В домашних условиях нами был организован процесс копирования, – вспоминает Пантыкин. – Счет отправленных по почте катушек шел на сотни. Мы сделали оформление, размножили на копировальной машине „Эра“ вкладки с текстами и пресс-релизы. Затем качественно переписывали пленку и посылали по почте в Москву, Питер, Новосибирск, Казань. Заказов было очень много, и я отправлял, отправлял, отправлял...” “Как-то раз я пошел на почту и выслал в разные города около пятидесяти катушек”, – подтверждает Кормильцев.

Процесс тиражирования альбомов “Урфин Джюса” осуществлялся экзотическим способом. Две коробки от маленьких катушек склеивались клапанами одна к другой. В результате получался двойной альбом. Большие 520-метровые катушки не покупались принципиально, поскольку “двойник” представлял собой редкое явление. В сдвоенных катушках присутствовал определенный пафос, который работал на общую идею.

Поскольку перезапись осуществлялась бесплатно, дистрибуция альбома напоминала четко налаженное бесприбыльное производство. За первые полгода по стране было распространено более четырехсот копий – своеобразный рекорд для советской магнитофонной индустрии того времени. Неудивительно, что спустя добрый десяток лет Володя Шахрин вспоминал, как по Свердловску бродили слухи, будто на “Урфин Джюс” работает целый рекламный отдел в количестве 18 человек. По одному агенту на каждую песню из альбома “Пятнадцать” плюс еще трое стажеров. На подстраховке...

“Когда в 84 году я поехал в Москву, у меня было около двадцати бобин, которые я должен был разнести по конкретным адресам, – говорит Кормильцев. – В то время в стране практиковались кагэбистские „чистки“, и люди откровенно шугались, когда я приходил к ним и говорил: „А вы не посылали к нам в Свердловск бобину? Вот она“. Пару раз народ принял мои визиты за следственный эксперимент. Мы на Урале жили в святой наивности, поскольку те „наезды“, которые происходили у нас, были исключительно на уровне комсомольской организации”.

После поездки в Москву текстовик “Урфин Джюса” взглянул на

свердловскую сцену другими глазами. Он понял, что местный рок существует в изоляции от Москвы, Питера и Прибалтики. При этом он видел, что в условиях отсутствия элементарной инфраструктуры рок-движение продолжает развиваться. Кроме арт-рокового “Урфин Джюса” и андрогинного “Трека”, в городе поднимали голову молодые команды “Р-клуб”, “Метро”, “Змей Горыныч бэнд”, а также группа из архитектурного института под названием “Наутилус Помпилиус”. Со многими музыкантами Кормильцев дружил, некоторым писал тексты.

Илья понимал, что перед свердловскими рокерами стоят как минимум две проблемы. Им негде было выступить и им не на чем записывать альбомы. И тогда Илья решился на неординарный поступок.

В теплый июльский день 84 года Кормильцев направился в ломбард на проспекте Ленина, где с безумной улыбкой снял с руки обручальное кольцо. Вместе с кольцом он заложил в скупку ювелирные украшения жены и золотые запасы своих друзей. В тот же день на вырученные деньги поэт приобрел последнее чудо японской бытовой техники – четырехканальную портостудию Sony.

“Портостудия предназначалась для молодых японских балбесов, которые пытались в домашних условиях записывать электрический звук, – вспоминает Илья. – Это было примитивное устройство, состоявшее из двух несинхронизированных дек с небольшим четырехканальным пультом и встроенным ревербератором. Включать ревербератор не рекомендовалось, поскольку по звучанию он напоминал не достижения мировой цивилизации в области микросхем, а Синюшкин колодец из сказок Бажова. Тем не менее это была реальная аппаратура, на которой можно было записывать альбомы”.

Вскоре портостудия оказалась у музыкантов “Наутилус Помпилиуса” Славы Бутусова и Димы Умецкого. Будущие архитекторы уже несколько месяцев изучали подаренную Кормильцевым папку с не прошедшими цензуру “Урфин Джюса” “бесхозными текстами”. Спустя какое-то время молодые архитекторы запали на странную лирическую зарисовку “Кто я?” – шизовый прообраз психоделического “трипа”, описывавший моральный вакуум на порядок глубже большинства отечественных аналогов того времени:

“Я отрезаю от себя части, леплю из них сержантов внешней разведки,

Посылаю их выполнять прокладку коммуникаций.

Они не возвращаются

Никогда, никогда, никогда...”

“У Ильи всегда была склонность к таким балладным вещам типа Боба Дилана и раннего Боуи, – вспоминает Слава Бутусов. – Он легко выдавал огромные баллады, с которыми я просто не знал, что делать, – потому что у нас был немножко другой ракурс... В ситуации с „Кто я?“ Илья подкинул нам текст, который всем понравился, но слова не ложились на музыкальную заготовку. Я пытался произнести текст речитативом, но он получался таким занудным, что было решено – на нашем новом альбоме „Невидимка“ эти слова будет наговаривать клавишник Витя „Пифа“ Комаров”.

“Невидимка” записывался на новенькую кормильцевскую портостудию на квартире у Димы Воробьева – однокурсника Бутусова по архитектурному институту. Картина была следующая. Стояла глубокая ночь, и за тонкими стенами девятиэтажного дома мирно спали соседи. Злобным голосом, пропущенным через ревербератор, Пифа мрачно вещал в микрофон фрагменты психоделики Кормильцева: “Школы, школки, университеты...”

Припев создавали еще более экстремально. Бутусова укладывали на кровать и для лучшей звукоизоляции накрывали двумя одеялами. Посмотрев на часы, тяжело вздыхали и “для верности” сверху водружали полосатый матрас. Находясь внутри этого бескислородного саркофага, Бутусов что есть мочи орал в микрофон: “Где я? Кто я? Куда я? Куда?” Затем вылезал – весь красный и потный – и начинал жадно глотать ртом воздух. Так закладывался фундамент будущих побед “Наутилуса”.

...Парадоксально, но в те сказочные времена сотрудничество “Наутилуса” с Кормильцевым воспринималось в кругах свердловских рокеров подобно взрыву атомной бомбы. От этого альянса Бутусова отговаривали все кому не лень – начиная от Сан Саныча Пантыкина и заканчивая Юрием Юлиановичем Шевчуком. Последний периодически наведывался в Свердловск и производил впечатление своими песнями и цитатами из философских трудов Льва Николаевича Толстого.

В один из таких набегов лидер “ДДТ” перешел от теории к практике. Хлебнув водки, он заявил Бутусову, чтобы тот ни в коем случае не связывался с Кормильцевым. Потому что “по-настоящему”, по-рокерски, у Бутусова получаются песни только на собственные тексты. “Например?” – осторожно спросил Слава. “Ну, например, „Ален Делон“!” – уверенно заявил Шевчук. Но на этот раз мудрый Юрий Юлианович ошибался. Текст

этой песни написал Кормильцев.

Впервые эта композиция прозвучала на квартире у Пифы Комарова в разгар очередной дружественной попойки. “В кругу друзей Слава неожиданно заявил, что хочет подарить Илье на день рождения новую песню, – вспоминает звукорежиссер “Невидимки” Леонид Порохня. – До дня рождения оставалось еще месяца три, но это были детали. Тогда впервые и выяснилось, что „Ален Делон не пьет одеколон“. Услышав песню в исполнении Бутусова, Кормильцев жутко взбодрился и выскочил на балкон, где у Пифы жил манекен по имени Федор... Недолго думая, Илья схватил Федора в охапку и сбросил с третьего этажа. Бродивший поблизости народ был ошарашен невиданным в здешних краях зрелищем. На их глазах из окна, прямиком в небо, вылетал почти натуральный человек. Тут же Пифа, Бутусов и Кормильцев с хохотом выскочили на улицу и с причитаниями, „Осторожно, осторожно! Ногами за дверь не зацепись!“ утащили Федора в подъезд”.

Так состоялась премьера будущего хита группы “Наутилус Помпилиус”.

А спустя несколько месяцев Кормильцев уехал в Ревду, где на строящемся заводе работал переводчиком с итальянского на промышленно-русский. Там он дистанцировался от свердловской суеты и вдумчиво созерцал картинку провинциальной жизни. По пыльным проселочным дорогам неторопливо бродили несметные полчища доверчивых ревдинских девушек, которые стимулировали творческую активность наутилусовского текстовика. И к нему с небес спустилось вдохновение.

В новых песнях (“Казанова”, “Рвать ткань”, “Наша семья”, “Всего лишь быть”, “Эта музыка будет вечной”, “Скованные одной цепью”) Кормильцев отошел от расплывчатых образов эпохи “Урфин Джюса” и точно стилизовал Бутусова с Умецким времен “Невидимки”. Пиком творчества поэта стала композиция “Скованные одной цепью”, в которой было “сказано все, что накопело” и после которой уже не имело особого смысла возвращаться к социальной тематике.

“За два года до ревдинской командировки Кормильцев часто сидел по ночам в собственном подъезде, – вспоминает Порохня. – Дома Илье курить не позволялось, поэтому прямо в подъезде, он, одетый в пижаму, писал на кусочках бумаги тексты. Тогда, холодной черненкольской зимой, я прочитал два и с полной уверенностью сказал: „Илья, тебя посадят...“ Кормильцев в ответ улыбался, но невесело. Он никогда не был героем. Тексты назывались „Скованные одной цепью“ и „Метод Станиславского“. Впоследствии оба перешли к Бутусову, и в 86-м один из них стал песней. Второй потерялся.

Мне до сих пор кажется, что второй был намного лучше, но так всегда потом кажется... Увы, Слава не слишком осторожно обращался с бумажками, а Илья никогда не оставлял черновиков”.

...Летом 86 года “Наутилус” в “золотом составе” Бутусов—Умецкий—Пифа—Могилевский оккупировал подвал архитектурного института, превратив его в мини-студию. Никто не подозревал, что спустя несколько недель они запишут один из самых ярких альбомов советского рока.

“Альбом „Разлука“ делался совершенно разгильдяйским образом, в достойной и легкой форме, – говорит саксофонист Леша Могилевский. – Было весело, потому что отсутствовал какой-либо намек на рок-индустрию. Со стороны это напоминало кружок по интересам, как нечто, сопутствующее общению. Как товарищеский чай в секции „Умелые руки“”.

Когда подвал архитектурного института превращался в благостный чилл-аут, пламени в огонь добавлял вернувшийся из Ревды Кормильцев.

“Илья писал нам по три тома материала и бился насмерть за каждую страницу, – вспоминает Дима Умецкий. – Из этого богатства можно было выбрать три-четыре текста, и то с последующими доработками. После того как закончилась рефлексия у Бутусова, началась рефлексия у Кормильцева, который считал, что мы все делаем не так. Он приходил в подвал и начинал разбивать ногами стулья... Успокоить его было очень сложно. Звукорежиссер Андрей Макаров бледнел прямо на глазах, поскольку нес за стулья материальную ответственность”.

“Илья в тот момент вообще в таком состоянии находился, так сказать, в очень взбудораженном, – говорит Бутусов. – Все, что происходило в студии, его либо устраивало, либо не устраивало. То есть вот так – очень категорично”.

Поклонник терапевтических методов в шоу-бизнесе лютовал не на пустом месте. Скажем, Кормильцев еще мог смириться, что в “Алене Делоне” Бутусов отказывался петь словосочетание “тройной одеколон”. Или с тем, что в “Скованных одной цепью” вместо “за красным восходом коричневый закат” исполнялось “розовый закат”. Нежелание вокалиста “Нау” петь “про блядей” в песне “Рвать ткань” Илья воспринимал как личное оскорбление. Но ничего, пережил...

“То, что в подвале архитектурного института получается нечто эпохальное, мы поняли лишь в конце записи, когда сели прослушивать альбом, – вспоминает Кормильцев. – Откровенно говоря, до „Разлуки“ никто к „Наутилусу“ серьезно не относился и почти никто в них не верил. Многие мыслили тогда более глобальными категориями, включая меня самого”.

Слушая Илью, я ударился в легкую ностальгию. Осень 87-го. Эпохальный рок-фестиваль в Подольске. Это было мое первое знакомство с поэзией Кормильцева и первое публичное появление “Наутилуса” в окрестностях Москвы.

Этого события ждали давно. Вся андерграундная Москва взахлеб слушала альбомы “Разлука” и “Невидимка”. Информации о группе не было практически никакой – говорили, что это осколки “Урфин Джюса” и “Трека”, что песни написаны на стихи венгерских поэтов-импрессионистов, что “Наутилус” – это почти что русский Duran Duran. Много чего говорили.

За пару месяцев до “советского Вудстока” мои друзья метнулись автостопом на выступление “Нау” в Питере. Вернулись с горящими глазами. Долго и горячо рассказывали о триумфальном концерте уральских рок-музыкантов, во время которого молодая группа из Свердловска фактически “убрала” “Аквариум”. Я заразился их неподдельным энтузиазмом и настроился на фурор.

“Наутилус” выступил в Подольске со своим типичным жестким имиджем: врангелевская унтер-офицерская форма, ордена, боевой макияж и галифе. После того как музыканты агрессивно исполнили а капелла песню “Разлука”, над Зеленым театром зависло тотальное оцепенение. Затем застывший у микрофона с широко расставленными ногами Бутусов “врубил” боевики: “Мальчик-зима”, “Казанова”, “Скованные...”.

“Экстракачественный звук и натасканная проникновенность вокала Бутусова сделали концерт „Нау“ праздником для тысяч москвоподольчан, – вспоминает один из организаторов фестиваля Сергей Гурьев. – Неожиданный сюрприз ждал группу на „Шаре цвета хаки“: на сцену вломилась камера Центрального телевидения, подъехала к Бутусову и стала заползать ему объективом промеж челюстей. Эта варварская акция, впрочем, неожиданно послужила Славе допингом: он перестал забывать тексты, вообще весь подобрался и запел с удвоенной выразительностью, словно засосав у телевизионщиков творческое биополе”.

Триумфальный сет “Наутилуса” венчало саксофонное соло Могилевского, вдохновенно сыгранное им в финале “Гудбай, Америка”. В этот момент ни один человек ни сидел на месте – несколько тысяч зрителей хлопали музыкантам стоя... Возможно, с этой минуты и началось всесоюзное восхождение “Наутилуса Помпилиуса”. Возможно, именно с этого вечера в стране и началась “наутилусомания”.

2. Праздник фараонов

Я человек, который является частью коллектива, в котором происходит коллективное творчество.

Илья Кормильцев

Пик медийного интереса к “Наутилусу” продержался чуть больше года – с осени 87 года по конец 88-го. В этот период средства массовой информации просто сходили с ума: Бутусова дружно называли лучшим вокалистом и композитором, Кормильцева – лучшим поэтом-песенником. Многими газетами “Наутилус” был назначен лучшей рок-группой страны. Группой, которой в ноябре 88 года уже не существовало.

События вокруг “Наутилуса” развивались с кинематографической быстротой. Вначале “по идеологическим соображениям” группу покинул Умецкий, а спустя полгода измотанный жизнью Бутусов принял решение распустить коллектив. Навсегда.

Дальнейшие сообщения о судьбе музыкантов напоминали некрологи или судебные репортажи на тему “Куда плывет „Наутилус“?”. С этого мутного исторического момента и должно было начинаться мое жизнеописание прославленного коллектива.

Чтобы воскресить в памяти Кормильцева события того времени, я прихватил с собой архивный выпуск “Комсомольской правды”, датированный августом 1990 года. Публикуемый там материал назывался “Скованные одной цепью... – о „бракоразводном процессе“ основателей группы „Наутилус Помпилиус“”: он представлял собой интервью с Бутусовым и Умецким, взятые по отдельности. Их совместная фотография была демонстративно разорвана на две части – так, словно распалась группа The Beatles.

Примечательно, что в такой щекотливой ситуации поэту “Наутилуса” право голоса никто не давал. Спустя несколько лет самое время было восстановить эту историческую несправедливость. Несложно догадаться, что Илье, который всегда общался со мной максимально доверительно, было о чем рассказать. Но то, что я услышал, поразило своей откровенностью даже меня. Об этом никто не писал, никто не говорил, никто не знал... Поэтому публикуемое ниже интервью воспроизводится с минимальным количеством сокращений.

Александр Кушнир: Каким был твой внутренний статус в “Наутилусе” накануне кризиса?

Илья Кормильцев: К осени 88 года ситуация была такова: при всяких драматических обстоятельствах Слава решил разогнать “Наутилус”... Я, естественно, не числился в числе разогнанных и отнесся к этому спокойно. Потому что считал, что группа уже износила себя... Разогнаны были все, кроме Бутусова и меня. И Слава, в общем-то, хотел оставить в коллективе Лешу Могилевского и Егора Белкина, а остальных уволить. Он хотел разогнать всю старую гвардию: Пифу, Алавацкого, Елизарова, Хоменко. Эта четверка проходила у нас в разговорах по кличке “Битлз”. Я к этой идее отнесся положительно...

Затем Слава внезапно вспомнил про Умецкого. Насчет Димы я немного напрягся и спросил: “Слава, а ты его давно видел?” “Давно”, – ответил Слава. “И что? Он ведь у нас ну очень московским стал?” Слава сказал: “Это неважно”. Бутусов всю жизнь не любит деление людей по национальностям и городам... Эта другая крайность, тоже опасная... Итак, они встречаются в Москве и начинают что-то делать. Я звоню Диме и понимаю, что мне не дают Бутусова к телефону. Потом Умецкий все-таки решился: “Давай встретимся”. Это произошло после длительного перерыва длиной в два месяца, когда я приехал в Москву. “Слава не в состоянии сам контактировать с окружающим миром, – заявил Умецкий. – Он не понимает, что нужно отвечать и говорить... Поэтому говорить буду я и моя жена Алена. Ты будешь передавать нам тексты, а я буду передавать деньги”.

Меня эта ситуация обидела и напрягла. Потом летом 89 года я еще раз съездил к ним, на этот раз – в Питер, пытаюсь установить контакт. Они встретились со мной, но Бутусова не показали. И показать не могли, потому что Слава лежал в больнице с сотрясением мозга и с переломом скуловой кости... Потому что в гостинице “Россия” ему навешали пиздюлей азербайджанцы. Произошло это по вине Умецкого, но это так, сплетни... Я был в очень настороженном состоянии. И решил для себя, что раз такое продолжается, мне это не интересно. Потом между Бутусовым и Умецким случился разрыв, а я отказался от премии Ленинского комсомола...

Затем мне позвонил новый директор “Наутилуса” Дима Гербачевский и сказал, что нужно приехать. Мол, мы начинаем работать по-новому, набрали новый состав, будем снимать кино... Надо разобраться с материалами, которые они сняли. Надо разобраться, как быть с Умецким, его покровителями, которые требуют назад аппаратуру...

Я приехал в Коломьяги, познакомился с новыми участниками группы. Пожил у них, пописал вместе с Леной Порохней сценарий для фильма,

который в итоге так и не вышел. В феврале 90-го съездил с “Наутилусом” в Берлин. Написал новый материал... Честно говоря, материал был написан еще осенью, но я его не хотел отдавать, потому что в группе был Умецкий.

Потом у меня с “Наутилусом” случился перерыв... Я не знал, будем ли мы вместе работать или нет... У меня в Екатеринбурге был свой проект – культурологический журнал. И я им с удовольствием занимался. А они где-то ездят, у них опять начались проблемы с администраторами... Администраторы не хотят давать денег, меня не берут в Америку и еще куда-то. И я махнул рукой – на фиг всё...

Из отданного мной материала Слава скроил два альбома: “Наугад” и “Чужая земля”. Я в это не лез. Изредка появлялся у Славы в Питере, пару раз заезжал к ним на гастроли... Мне не нравилась убогая обстановка, эти пьяные гитаристы и все прочее...

В 93 году у группы появился новый директор Игорь Воеводин, который сразу сказал: “Что это такое? Почему нет Ильи? Нам надо писать новые песни!” Воеводин – человек совершенно другого склада, чем предыдущий директор. У меня начал устанавливаться с ним контакт. Он пригласил меня на юг – отдохнуть с группой... Я съездил и начал возобновлять отношения. И после этого уже плотно участвовал во всем, что происходило с “Наутилусом”.

А. К.: Территориально ты где находился? Мотался между Свердловском и Питером?

И. К.: Где-то осенью 92 года я перебрался в Москву, накануне презентации в “Горбушке” альбома “Чужая земля”. Тогда я сказал Славке: “Как-то мы с тобой странно живем, надо все это по-другому делать”. И мы решили собраться в Москве и написать новый материал. У меня была большая восьмикомнатная квартира на Остоженке, в которой никто не жил. Там были заняты две или три комнаты, а остальные оказались доступны для размещения большого количества людей. Теоретически в других комнатах должны были жить алкоголики, которые уже лет пять сидели в тюрьме...

Я притащил Славку на Остоженку, и мы сидели с ним и что-то писали. За этот период были написаны: “К Элоизе”, “Кто еще”, “Железнодорожник” и “Тутанхамон”. Из разных альбомов, на самом деле. После того как Бутусов прожил у меня две недели, у нас восстановилось плотное общение. Я поехал на гастроли и своими глазами увидел, что обстановка в “Наутилусе” просто невыносимая. Однажды я присутствовал на уникальном концерте в городе Вильнюсе, где песню “Тихие игры” группа пыталась начать шесть раз. Три музыканта шесть раз начинали

играть в разных тональностях... Это было больше похоже на какую-то банду анархистов, возглавляемую Белкиным и Беляевым. Вечно пьяные гитаристы, пьяный Гога Копылов. Все пьют, и Слава от этого как-то мрачно работает.

А. К.: Новый директор тоже пил?

И. К.: Как лошадь. Ведроми. И я понял, что это кисляк... Увидел, что Воеводин спивается вместе с группой. В последние дни работы Игоря его норма дошла до двух бутылок “Распутина” в день. Как директор он очень хороший парень – надежный, честный человек... Но совершенно не способен появляться в приличном обществе, работать с массмедиа... Способен забивать гастролы, ездить по селам и весям. Я видел, что все кисло и плачевно. Весной 93-го я сказал: “Слава, ты не устал от всего этого?”

Ситуация в группе была все хуже: писать новые песни никто не хочет, заниматься новым материалом никто не может. Все пьяные плюс озлобленная истерическая демонстрация протеста. Летом мы поехали в Ялту, где фактически закончилась директорская карьера Воеводина. Он вручил паспорта какому-то хмырю, который обещал нам достать билеты на самолет из Симферополя в Москву. С тех пор паспортов мы больше не видели.

Воеводин начал опухать, и его пришлось выгнать. Затем было три дня безобразных разборок в Калининграде – с киданием предметов, повсеместным пьянством, матом Белкина, плевками в лицо и т.д. И я сказал: “Всё, Слава! Давай закроем этот печальный этап”. И мы всё закрыли...

А. К.: Если вы опять всех разогнали, то с кем планировали играть? И записывать “Титаник”?

И. К.: Славка отправился заниматься демонстрационной записью вместе с “Аквариумом”. В процессе работы в студии на Фонтанке у Бутусова начали складываться хорошие отношения с Сакмаровым и другими музыкантами. Но потом напрягся Гребенщиков. Начали обсуждать совместные поездки, и Борис стал показывать свое недовольство. И тогда Славка сразу отрулил, поскольку относится к Гребенщикову со священным трепетом.

И тогда встал извечный русский вопрос: “Что делать?” Из-за отсутствия других кандидатур я взял на себя роль продюсера коллектива. Каковым фактически являюсь по сей день. Хотя публично себя так нигде не называл и нигде это не написано. И никогда я не получал за это никаких денег... Это был октябрь 93 года. Я понял, что если этого не сделаю, то

скоро вообще не буду получать денег. Поэтому пошел на этот отчаянный шаг.

Насчет нового альбома я сделал предложения фирме “Фили”, попросив довольно наглые по тем временам цифры. Аванс \$15000, неограниченное время работы в студии и роялти от продажи пластинок и кассет потом. “Фили” долго копались и дали ответ на два дня позже, чем “JSP” – свердловская компания, которая выпускала пластинки “Чужая земля” и “Разлука”. Там работали хорошо знакомые мне люди – в частности, с Сережей Кисловым мы вместе делали альбом кавер-версий “Наутилуса” “Отчет”. В его же студии, где когда-то писалась “Пятнашка” “Урфин Джюса”, все было переделано и куплена новая аппаратура. И там писалось много свердловских групп: “ЧайФ”, “Агата Кристи”, альбом кавер-версий “Отчет”. Мы туда приехали, рекрутировали на помощь Вадика Самойлова, потому что у нас осталось мало народу: Бутусов, Гога Копылов на басу и Алик Потапкин на барабанах. Приготовились работать, отказали “Филям” окончательно...

А. К.: Скандала не было?

И. К.: Был, но в другом месте. Страшный скандал разразился между двумя директорами студии. Дело в том, что один жил с женой другого – за спиной у партнера. Поскольку один из них был связан с верхушкой бандитских кругов Свердловска, он начал выяснять все именно на таком уровне. Его жена тоже нашла каких-то защитников-покровителей. Вот так мы и писали этот альбом... Я помню запись “Титаника”, состоявшую из следующих компонентов. Постоянно врывающиеся в студию какие-то бритозатылочные, которые начинали орать: “А ну, блядь, всем встать! Где там этот пидарас, который...” Примерно с такими текстами они выступали.

Параллельно приезжали мрачные люди из охраны банка, в котором была заложена эта студия. С суровыми лицами они накладывали печати, и помещение закрывалось... Мы, которые то выгонялись из студии, то снова в нее приходили. Вадик Самойлов, поглощающий с подноса, заказанного в хоум-сервисе, невероятное количество жратвы. Два салата, два первых, три вторых, мороженое сверху и еще эклер. Помню Вадика, который облизывает эти пальцы, жирные от сала и мороженого. И тыкает ими в компьютер, а компьютер покрывается пятнами...

А. К.: И кто оплачивал этот праздник жизни?

И. К.: Сам Вадик. Вадик очень много ест. За год до этого они записали “Позорную звезду” – и как-то у “Агаты” плохо шли дела с концертами, с директором, со студией... Они были в полной жопе, и Вадик всерьез подумывал, куда бы ему свернуть. Тем более что отношения между двумя

братьями воздухом никогда не озонировали и не были особенно братскими...

По вечерам в студии постоянно устраивались танцы и пьянки. Самойлов, Алик Потапкин и второй директор “JSP” Паша Антонов приглашали каких-то бесконечных блядей из шейпинга. Однажды они так плясали, что сломали колонки, опрокинув их на пол. В очередной раз приехали бандиты с пистолетами...

Затем в студии появился очнувшийся от пьянства Воеводин... Картина такая: я и Слава сидим в валенках... Была очень холодная зима, минус сорок. Рядом сидит Гога Копылов и грустно говорит: “Эх, хорошо было при Воеводине! Всегда полтаху нальет”. Ровно в этот момент бесшумно открывается дверь в студию. На пороге стоит Воеводин – в одной руке пистолет, в другой – бутылка “Распутина”. И говорит: “Я слышал, у вас тут разборки? Скажите, кто вас обижает?” Надо сказать, что сам Игорь отсидел лет восемь в местах не столь отдаленных...

А. К.: Аесли надо было бы нажать курок, Воеводин бы нажал?

И. К. (смеется) : Я думаю, да... В общем, запись проходила в странном сочетании мрачной внешней обстановки, просто военной. Мрачного зимнего Екатеринбурга, этих бандитов, кругом снующих. Разборок, угроз, каких-то перезваниваний... То исчезает первый директор, прячется на конспиративной квартире. То первый директор побеждает, второй прячется на конспиративной квартире. Студию то опечатывают, то открывают. Чья власть будет завтра, никто не знает. Но у нас было ужасно бодрое настроение. И Славка все время бодрый – несмотря на то, что перенес операцию по удалению и вставлению двенадцати зубов. Судя по всему, Бутусов становится веселым, когда вокруг начинается дикий прессинг.

А. К.: На самом деле Слава как-то вспоминал, что когда приходили на запись “конкретные люди”, ощущения были неприятные... Мол, “такой нервяк дурацкий”.

И. К.: Короче, мы записали этот альбом, финансовые последствия землетрясений вокруг которого расхлебываем до сих пор. Но тут вовремя появился Александр Васильевич Новиков, который прикупил студию у Паши Антонова и Сережи Кислова, чтобы записываться на ней сам... В общем, никто не погиб, никому бандиты голову не срубили. И на том спасибо.

А. К.: Что было потом?

И. К.: Я приехал в Москву, на Нахимовский проспект... “Наутилус” снял новую базу в Питере на “Леннаучфильме”, и мы стали репетировать

программу с новым составом. По поводу которого мы с Бутусовым сидели на квартире его родителей в два часа ночи... Наевшись пельменей и напившись водки, мы раскладывали карточки, выясняя, кто с кем совместим и кого пригласить на освободившиеся места.

А. К.: Что на карточках было написано?

И. К.: Фамилии.

А. К.: И всё? Без астрологических знаков?

И. К.: Славка не верит. Это я сильно верю. На клавиши рвался Мурзик из “ДДТ”, на бас рассматривался Сашка Титов, потом – Серега Галанин. В итоге решили оставить Гогу Копылова. Были разговоры о нескольких питерских гитаристах, фамилий не помню. В очередной раз говорили о неизменном Пантыкине в качестве клавишника, но потом решили, что он сам не согласится. И остановились на варианте, который получился сейчас. Вадик Самойлов согласился играть с нами столько времени, сколько ему будет позволять “Агата Кристи”. В это время у них появились средства, они связались с “Росремстроем”. Им нужно было ехать гастролировать, и Вадик попросил его отпустить. Иначе его из “Агаты” выгонят. Короче, мы опять остались без гитариста. И тогда Лешка Могилевский привел своего друга Колю Петрова, с которым учился еще в музучилище Чайковского и которого знал по группе “Ассоциация содействия возвращению заблудшей молодежи на стезю добродетели”. В этом составе мы и провели презентацию “Титаника”.

А. К.: Вы ведь уволили Воеводина... Кто занимался менеджментом?

И. К.: Я не горел желанием заниматься концертами и рекламой. Мне казалось, что это не нужно, и кажется так до сих пор. Нам надо было кого-то найти, кто бы выполнял эти функции “директора в пиджаке”. Еще весной 93 года мы были на очень удачных гастролях в Израиле. И там мы познакомились с Вольфом Месхи, который тогда организовывал концерты советских коллективов по Израилю. Ему помогал Макс Лейкин, у них была фирма “Вольф энд Макс”. И нам очень приглянулся Месхи – своим веселым нравом, обилием фантастических идей и тем, что у него из ушей всегда идет дым от шамали. На три версты кругом...

А. К.: Добрая киевская школа.

И. К.: Мне они оба были очень симпатичны. Я всю жизнь был таким ярко выраженным юдофилом. И поэтому сразу зарубился и сказал: “Хватит с нас этих пьющих воеводининых. Пусть лучше в директорах будет пара хитрых, ловких южных людей, умеющих всем этим воротить”.

А. К.: Бутусов как-то признался, что “Наутилус” побил все мировые рекорды по количеству директоров и администраторов, перебранных в

надежде на то, что найдется кто-то, кто научит жить правильно... Очень наивно...

И. К.: Ну да... Что было дальше? Месхи и его друг Леня Ланда приехали в Москву – заниматься концертами Агузаровой. Они появились яркие, как два павлина. Сразу произвели сильное впечатление – такие экзотические райские птички: Вова Месхи – впереди, Леня, как барсучок, скромно семенит сзади, с папкой Месхи и его кошельком. Потому что Вова их постоянно теряет. Ну не может человек после двадцатого косяка помнить, где у него что находится. Как ты сказал, “хорошая киевская школа”...

Они позвонили мне и спросили: “Что у вас тут происходит? Давайте мы вами займемся, раскрутим. Денег море – только что продали корабль со свининой и окорочками”.

Мы дописали “Титаник”, передали им альбом, и где-то с марта 94 года они начали рулить нашими делами. Буквально через месяц мы провели презентацию в клубе “Карусель”. Вова с Леной начали раздувать пургу вокруг “Титаника” – достаточно успешно, так как о группе в верхних слоях шоу-бизнеса уже начали забывать...

Потом мы поехали по разным городам – к слову, в очень бодром настроении. В июне дали презентацию в “России”. Со всеми киевскими брейк-дансами, с девицами – как говорится, по гранд-стилю. С пафосом, который раздували Вова и Леня... Это было очень мило, то есть “Титаник” прошел достаточно хорошо. Коля Петров сразу включился в работу, и лето очень светлое, и Славка был в нормальном настроении.

С осени начались напряги. Первым тревожным сигналом стала поездка в Берлин – на концерт, приуроченный к выводу российских войск из Германии. Идиотская поездка, против которой мы сильно возражали. Вова и Леня позарились на нее, потому что хотели украсть много денег у Министерства культуры. А украсть не смогли, потому что их очень вежливо подвинули в сторону Бари Алибасов и Людмила Зыкина. Мол, что это еще за мелкие мальчишки? Откуда они тут взялись?

Еле-еле уговорили организаторов, чтобы нас взяли. Ни про какие миллионы уже и речи не было... Мы вылетали в Берлин на военных самолетах из Чкаловска. Это был последний день воздушного моста Чкаловск – аэропорт Шперенберг. Не поддающаяся описанию неразбериха... У меня в паспорте не сохранилось никаких следов пересечений государственной границы. Никакой таможни, никаких пограничников. Мы вышли в центре Германии, и никому до нас нет дела.

Мы жутко устали после этой поездки, которая сильно подорвала

доверие Славы к Месхи и Ланде. Бутусов начал напрягаться и несколько раз проверил, сколько наши директора брали за концерт и сколько денег группа получила на руки. Цифры, естественно, не совпадали. И мы со Славой поняли, что добрая киевская школа, кроме своих плюсов, имеет и свои обратные стороны.

Внутри “Наутилуса” начался напряг, который привел к изгнанию Вовы и Лени. И по доброй традиции их место занял первый заместитель – Саша “Хип” Пономарев, который до этого работал с “Браво”. У нас он появился в июне 94 года, когда пришел помогать делать презентацию в “России”. Тогда он был администратором по рекламе. В октябре 94 года Хип был принят на должность директора группы.

Увольнение происходило здесь, прямо на кухне – в составе я и Хип. Группа в это время была в круизе – вместе с Месхи и Ландой... Потом вернулся из круиза Слава, и мы ему сказали: “Знаешь, мы тут Вову с Леной уволили”. “Давно пора”, – мрачно ответил Бутусов. Получив санкцию Славы, мы тут же собрали профсоюзное собрание, на котором сообщили про это увольнение. После этого у “Наутилуса” профсоюзных собраний больше не было.

А. К.: Похоже, что где-то в этот период ты начал писать “Крылья”?

И. К.: История с “Крыльями” очень странная. На самом деле там мало новых песен. Потому что новые песни туда не попали – по тем или иным причинам. “Крылья” состояли в основном из поэтического материала, написанного одновременно с “Титаником”. Музыка к нему во многих случаях написана значительно позже. Новых песен там – раз-два и обчелся... “Золотое пятно”, по-моему, вообще было написано одновременно с “Бриллиантовыми дорогами”...

Слава отнесся к новому материалу достаточно настороженно, потому что он оказался агрессивным, суицидальным и довольно грубым по своей фактуре. Там преобладали сильные эмоции и довольно грубая форма высказываний... Славка очень этого боится. К сожалению, у него почему-то присутствует железное желание быть “children kissing motherfucking corporated rock star”. Очень ему нравится быть хорошим, таким вот семьянином во всех СМИ. Не нравятся ему эти эмоции. “Поздно ты, Кормилцев, собрался панком становиться”, – сказал Слава, прочитав этот материал.

Первоначальное название альбома “Усталость” – по одноименной песне, которая начиналась со слов, которые Бутусов никак не принимал:

“Если встречаюсь с ворами, мечтаю всадить в них свинец.

Не думай, что это безумие, я просто сошел с ума наконец.
Это усталость, это просто усталость”.

У этой песни была мелодия достаточно жесткая... Но потом Слава сказал, что не хочет делать никаких заявлений. Что мы берем на себя слишком большую ответственность.

А. К.: Поговорим о форме. Как родилась идея смены прически?

И. К.: Мы со Славкой говорили об этом еще зимой. Тогда я в шутку сказал, что к новому альбому нужна новая кожа. Надо как-то по-другому выглядеть. Мол, давно мы шуток не шутили. Очевидно, у Славы в подсознании это осело, и через два с половиной месяца он предстал передо мной в новом облике. Я приехал в Питер, позвонил ему в дверь, совершенно не зная, что он постригся. Бутусов открыл дверь, абсолютно лысый, а я сказал ему: “Ну, здравствуй!” А Славка ответил: “Ну у тебя и нервы!” Короче, я вообще никак не отреагировал... Я побрился наголо спустя два месяца после этого. Было непредсказуемое желание. Это как-то автоматически произошло. Я чувствовал, что это нужно. Мне какой-то голос сказал во сне: “Побрейся!” Наверное, мне в голову подсознательно пришла мысль, что было бы клево, когда во время пресс-конференции рядом сидят два таких вот безволосых человека. Ну, я и побрился. А через несколько дней мы с тобой познакомились...

3. Связь с общественностью

Моя мать по национальности – русская, а отец – юрист.

Владимир Жириновский

Пообщавшись с Кормильцевым и не без труда осмыслив услышанное, я продолжал работу над текстом к “Погружению”. По уму теперь настала пора делать интервью с музыкантами “Наутилуса”. Это была не самая сложная задача. Гогу Копылова я помнил еще со времен питерской группы “Петля Нестерова”, Олега Сакмарова знал по “Аквариуму”, Лешку Могилевского помнил по фестивалю в Подольске. Накануне одного из московских концертов я накрыл их на саундчеке. Дождавшись окончания настройки, я зафиксировал на пленку их доверительные монологи.

Особенно меня поразила встреча с Могилевским, с которым мы попытались обсуждать грядущую презентацию “Крыльев”. “Я не знаю, кто у нас заведует генеральной линией продвижения группы, – признался саксофонист “Наутилуса”. – Цэ мне неведомо. И звонить узнавать это я, честно говоря, не хочу. Я просто боюсь... Боюсь показаться назойливым – директору, Славе с Ильей, у которых и без этого головы пухнут. Если хочешь, можешь считать, что ты попал в очередную кризисную обстановку. Всякий раз, когда „Наутилус“ презентует альбом, начинается невроз”.

Мою репортерскую работу по мультимедийной книге “Погружение” венчала встреча с Бутусовым. Схема беседы была старая. Мне надо было убить двух зайцев сразу: получить информацию по “Наутилусу” 90-х, а также пообщаться на тему “100 магнитоальбомов советского рока”. Наше интервью состоялось в одном из номеров гостиницы “Россия” при активной помощи Кормильцева. Беседа происходила аккурат перед ночным концертом “Наутилуса” в казино “Метелица”. Первые полчаса вид у Бутусова был флегматичный и традиционно невеселый. Он пил пиво из бутылки, смотря куда-то под нос. Но, вспоминая запись “Разлуки” и “Невидимки”, Слава взбодрился и начал рассказывать со студенческим энтузиазмом. Рискну предположить, что воспоминания молодости согревали его значительно сильнее, чем мысли о предстоящем ночном выступлении.

Кормильцев сидел поодаль и во время интервью не проронил ни слова.

Ни разу. Зная словоохотливость Ильи, я был поражен. Во всем этом молчании мне виделась огромная теплота и неподдельное уважение к Славе.

Пообщаться с Ильей удалось лишь в “Метелице”, заказав столик неподалеку от сцены. Правда, вначале мы лицезрели концерт группы “Наутилус Помпилиус”. Это было не лучшее выступление. Был будничным день, и казино прямо-таки кишело блядьми и бандитами. Чувствуя это, Слава пел так, словно его сейчас расстреляют. В зал он пытался не смотреть и пару раз забывал слова. Группа спала – прямо на ходу... Зрелище было так себе. Забудем скорее...

Когда музыка про батарейки закончилась, я обратился к Илье с наглой просьбой. Я знал, что на днях он должен был лететь по делам в Екатеринбург. Меня же угораздило в очередной раз влюбиться. Немного не вовремя. Поэтому я летел на целый месяц на юг Италии – радоваться жизни... А мне надо было сдавать в издательство “100 магнитоальбомов”, и на меня со страшной силой давили сроки. Мне показалось, что энциклопедически образованному Кормильцеву сама идея книги об отечественной магнитофонной культуре была небезынтересна. Поэтому, размешивая виски с колой, я попросил “великого русского поэта” (так его часто называли друзья) взять в Екатеринбурге несколько интервью у местных рокеров. А я в это время допишу в Италии “Погружение”.

Сделка состоялась. Вскоре Илья носился с диктофоном по плохо освещенным свердловским переулкам и виртуозно пытал очумевших от такого напора музыкантов. В особо сложных ситуациях Илье помогал бывший звукорежиссер “Невидимки”, а ныне преуспевающий драматург и сценарист Леня Порохня. Зафиксированные на пленку интервью оказались выше всяких похвал. В то же самое время, нежась под ласковым итальянским солнцем, я оперативно написал текст, составивший основу мультимедийной книги “Погружение”. Совесть моя была чиста – работа над “100 магнитоальбомами” не останавливалась ни на секунду.

Жизнь “Наутилуса” в это время шла своим чередом. Раскрутка еще не вышедшего альбома “Крылья” началась со скандала. Известие о том, что “Европа Плюс” получила на месяц эксклюзивные права на трансляцию нового материала “Наутилуса”, вызвало бурную реакцию других радиостанций. В частности, “Радио Максимум” решило вообще бойкотировать альбом и группу.

“Даже если от слушателей поступят заявки на новые песни „Наутилуса“, то, очевидно, пока они выполняться не будут, – заявил программный директор “Радио Максимум” Михаил Козырев. – Я считаю,

что музыка принадлежит всем... И надеюсь, что наши слушатели отнесутся к этому шагу с пониманием. Я вполне осознаю, что это – очень радикальная мера. Но с ее помощью я надеюсь показать музыкантам, что такой метод раскрутки альбома нецивилизован”.

Ответный ход не заставил себя долго ждать. Заявленный хедлайнером “Максидрома-95” “Наутилус” выступать на рок-фестивале отказался. Для организаторов с “Радио Максимум” это был сильный контрудар. На войне как на войне: следующая битва вокруг “Наутилуса” происходила между звукозаписывающими компаниями – вышеупомянутой фирмой “JSP” и новым лейблом “Апекс Рекордз”. Обе организации решили одновременно выбросить на рынок два альбома “Наутилуса”: “JSP” выпускал архивный “Человек из ниоткуда”, а “Апекс Рекордз” – “Крылья”.

В один прекрасный момент до руководства “Апекс Рекордз” доперло, что с такими раскладами рынок будет перегружен “Наутилусом”, и они не смогут отбить \$100000, вложенные в рекламную кампанию “Крыльев”. В итоге представители “Апекс Рекордз” в резкой форме выразили свое недовольство в адрес конкурентов. “Ситуация усложняется тем, – писали газеты, – что на все телефонные звонки, исходящие от „JSP“, члены группы „Наутилус Помпилиус“ не отвечают”.

Узнав о конфликте из прессы, я понял, что ситуация с загрязнением СМИ ненужной информацией контролируется группой слабо. Точнее – вообще не контролируется. Я спросил Илью, что он думает по этому поводу, но продюсер/поэт пустился в пространные рассуждения о том, что роль пресс-службы в “Наутилусе” выполняют сразу несколько человек: Кормильцев, Хип Пономарев и представители лейбла. Музыкально-информационного агентства, ответственного за “связь с общественностью”, у группы толком не было. Да, пожалуй, в 95 году ни у кого из русских артистов пресс-службы не было. Так тогда и жили...

По этому поводу вспоминается предшествовавшая презентации “Крыльев” пресс-конференция “Наутилуса”. Для представителей СМИ с любовью были подготовлены сброшюрованные пресс-релизы, стилизованные под обложку “Крыльев”. В те славные времена факт существования у артиста внятных комментариев к альбому был чем-то сродни внеплановой культурной революции в Китае.

Находящийся внутри пресс-релиза текст был настоящим бенефисом будущего рок-журналиста Ильи Валерьевича Кормильцева. Причем составленные поэтом “Наутилуса” аннотации к новым песням порой воспринимались ярче, чем сам предмет исследования. Судите сами:

“Песня „Крылья“ связана с проблемами общения с девушками в

условиях становления капиталистического общества;

„Небо и трава“ – религиозный спор опять же с девушками, приспособившимися к существованию в становящемся капиталистическом обществе;

„Кто еще“ – попытка с помощью девушки спасти нарождающееся капиталистическое общество;

„Русский рок“ – это песня про то, какие мы козлы позорные, вместе со всеми своими дурацкими музыкальными занятиями;

„Человек на Луне“ – единственная светлая песня в альбоме, потому что она тесно связана с темой алкоголизма... В этой композиции наконец находится единственное спасение девушек в условиях становящегося капиталистического общества”.

В качестве резюме Кормильцев пришел к выводу, что *сейчас на Руси жить никому не хорошо, в том числе и группе “Наутилус Помпилиус”*.

...В отличие от ироничного буклета пресс-конференция “Наутилуса” носила спонтанный характер. Бутусов, Кормильцев и директор Хип Пономарев, сидевшие в “президиуме”, понадеялись на собственные силы. Как выяснилось впоследствии, зря. Дело происходило в наспех подготовленном зале МДМ – без баннеров, без предварительного прослушивания альбома, без ведущего. Роль модератора взял на себя Кормильцев.

Несмотря на то, что это была первая за 10-летнюю историю “Наутилуса” московская пресс-конференция группы, начало брифинга напоминало плач Ярославны.

“Я не могу припомнить, чтобы когда-нибудь раньше мы с таким усердием делали альбом, – заявил Бутусов. – Во-первых, было очень много материала, во-вторых, он очень долго готовился, и в-третьих, долго записывался. Так что я вынужден сформулировать это таким образом: альбом записан с усердием шахтеров, добывающих уголь в канализации”.

После столь “оптимистичного” дебюта в зале зависла пауза. В это время отряд фотографов ослеплял вспышками темные стекла очков Кормильцева и желтоснежного (по цвету волос) Бутусова, серьга которого в левом ухе жила своей, не зависимой от вопросов массмедиа, жизнью. Лидер “Наутилуса” мрачнел и пытался уйти в себя. Но не тут-то было. Первый вопрос кого-то из телевизионщиков был адресован именно ему – что-то про связь между кризисом в стране и творчеством группы “Наутилус Помпилиус”.

Опытный переговорщик попросил бы повторить вопрос еще раз – чтобы выиграть время. Но Слава, что называется, полез в бутылку: “За

последние годы я привык к дестабилизации на всех уровнях и поэтому отношусь к этому несколько отвлеченно... Легче всего впасть в состояние, близкое к пространственному идиотизму. Для меня это естественный физиологический процесс, но я не рекламирую свой сегодняшний образ жизни”.

Видя, что пресс-конференция движется не в ту сторону, на пару с Бутусовым загрузил и Кормильцев. Это “отсутствие счастья на лицах” не укрылось от внимания прессы. “Скажите, а чего вы такие усталые?” – внезапно поинтересовался Миша Маргулис из “Недели”.

“Я очень инертный человек, а всю повозку тянет за собой Илья, – после некоторой паузы признался лидер “Наутилуса”. – В чем причина моей усталости, непонятно. Наверно, надо бросать пить. Ведь все дурные привычки отягощают и затмевают”.

Реакцией на это высказывание стал вопрос газеты “Сегодня”: “Раз вы так устали и вас уже ничто не радует, стоит ли продолжать выпуск новых альбомов?” Недолго думая, Бутусов ответил: “Ну что же поделаешь, если я сам по себе такой скучный человек? И я вовсе не собираюсь опровергать ваше высказывание по поводу того, что в наших словах чувствуется какая-то мрачность. Что поделаешь, если все так и есть на самом деле...”

Не в силах выдержать подобный декаданс, в дело опять вмешался Кормильцев. Он бросился в бой с шашкой наголо, напоминая своей неожиданной лысиной легендарного комдива Котовского.

“Очень сожалею, что мы не можем вас чем-нибудь заинтересовать, – вступил в перепалку с журналистами поэт “Наутилуса”. – Лично я являюсь скучным по понятиям этой страны человеком. Не педерастом, к сожалению, и не наркоманом... Что вы хотите, если нам всем уже по тридцать с небольшим лет? И естественно, что мы не будем прыгать до потолка, чтобы вас развеселить. Мы все устали, а если кто-то не устал и может прыгать до потолка, пусть идет на концерт Филиппа Киркорова”.

От мрачных мыслей всех отвлек вопрос газеты “СМАК”: “В одном из интервью вы, Вячеслав, говорили, что готовитесь к замысловатой прическе. Скажите, это уже окончательный вариант или все еще идет подготовительный этап?”

“Это пока что подготовка, – заметно подобрел блондинисто-пергидрольный Бутусов. – А дальше волосы будут расти и трансформироваться во что-то другое. Но это я шучу. А на самом-то деле я просто пытаюсь привести в гармонию свою внешность и внутренний мир... Я даже обложку „Крыльев“ предложил оформить в виде фотомонтажа: моя голова и тело Ильи”.

Разговор плавно переключился на Кормильцева. Присутствующих взволновал вопрос, кем господин Кормильцев хотел быть в детстве. Выяснилось, что “сначала химиком, потом – биологом, потом – писателем”. Илья признался, что хотел посвятить себя стихосложению, но вместо этого ему все больше приходится иметь дело с финансовыми документами, обеспечивающими функционирование рок-группы. Поэтому сейчас заветная мечта поэта “Наутилуса” – стать пенсионером.

“Я чувствую себя трупом, нет, даже чем-то большим, – категорично заявил, поправляя очки, Илья. – Потому что между мной и теми, кому сейчас восемнадцать, просто никого нет. То есть существуют в музыке новые люди, у них нормальные мысли, но о них никто не узнает, потому что никто не вложит в них денег. Дело не собственно в деньгах, а в умных деньгах. Когда появляется Сташевский, спаси нас бог от таких денег”.

Отвечая на финальный вопрос пресс-конференции, не посетила ли автора текстов “Наутилуса” мысль подарить свои стихи еще кому-нибудь, Илья Валерьевич весело заявил: “Я выкидываю девяносто процентов из того, что пишу. Этим, наверное, и объясняется то, что я не пишу больше ни для кого, кроме „Наутилуса Помпилиуса“”.

4. Восход и закат яблочитайцев

“Наутилус” плывет вслепую – это грустный, но факт. Но плывет – это факт радостный.

Из книги “Введение в Наутилусоведение”

После тура, проведенного “Наутилусом” в поддержку “Крыльев”, группа начала готовить программу “Акустика”, состоящую из лучших хитов. Пользуясь паузой, Кормильцев укатил в Прагу, где в течение нескольких месяцев писал тексты для нового альбома. К презентации “Акустики”, состоявшейся в марте 96-го в ДК Горбунова, Илья вернулся совсем другим человеком.

“В Чехии я писал стихи, чувствуя, как с меня сходит весь невроз, приобретенный в Москве за последние три года, – признался мне Илья. – У меня появилась уверенность в собственных силах, необходимая жесткость и образность мышления. Я посетил кучу концертов: от King Crimson до Dead Can Dance. И постепенно начал „отмокать“. Вернувшись домой, я почувствовал себя как заколдованный. Теперь я впервые поверил, что никакая сила здесь не сможет меня сокрушить. Впервые за много лет мне все стало по хую”.

В этот период Кормильцева буквально разрывало от обилия идей. Все новые тексты он передал Бутусову и почувствовал себя свободным человеком. Он наконец-то закончил работу над диском “Погружение” и успешно издал его. Параллельно, вкусив запах издательской деятельности, Илья уболтал меня модернизировать тексты из “Погружения” для новой книги про “Наутилус”. Непосредственно сам Кормильцев отвечал за поэтическую часть будущего фолианта, в котором планировал опубликовать все тексты группы.

В свободное время Илья организовал издание антологии альбомов “Наутилуса” и начал плотно заниматься рок-критикой – писать рецензии на диски – в частности, в мою музыкальную рубрику газеты “Неделя”. Схема сотрудничества была простой. Кормильцев кропал литературные шедевры, а я вместо символических гонораров презентовал Илье актуальные альбомы – от Chemical Brothers до Prodigy. Поскольку интернета в 96—97 годах у нас не было, Кормильцев привозил свои тексты на дискетах. Помню, что я окончательно поверил в литературный гений Ильи после

того, как в эссе про группу Blur он перевел название композиции “Essex Dogs” как... “Шавки из Капотни”. Для меня это был высший и практически недостижимый пилотаж.

Как-то под вечер я затащил “великого русского поэта” в гости к начинающему продюсеру Бурлакову. Развалившись на диване, мы поглощали приморские яства и слушали песни владивостокских групп: от “Тандема” до “Туманного тона”. Затем смотрели только что смонтированные клипы “Троллей”: “Кот кота” и “Утекай”. “Смазливый чертенок, – задумчиво отозвался Илья Валерьевич о своем тезке Лагутенко. – Да и Бурлаков – парень не промах. Шустрый. Судя по всему, далеко пойдет”.

Проводив Кормильцева домой, я, сгорая от любопытства, тут же перезвонил Бурлакову: “Ну, скажи, как тебе поэт „Наутилуса“? Не человек, глыба?” Продюсер “Троллей” подумал добрых полминуты, а затем как-то весомо сказал: “Мне кажется, он уже перерос рамки не только рок-поэта, но и рок-музыки. По-моему, вся эта история с рок-н-роллом его тяготит”.

Я сильно удивился, но для себя решил, что недавно прибывший из Владивостока Бурлаков ничего в московской жизни не понимает. А я, блин, естественно, понимаю. Ведь “Наутилус”, в отличие от никому не известной группы “Мумий Троль”, был в явном топе. Будущее свердловско-питерской субмарины выглядело совершенно безмятежным. Кормильцев написал для “Нау” действительно драйвовые тексты – в чем я убедился ночью, прослушав данную мне Ильей демо-кассету.

Запись была сделана Бутусовым на домашней портостудии. На кассете шариковой ручкой было написано: “Китайское яблоко”. В самом начале Слава серьезным голосом говорит: “Проверка на вшивость номер четыре”, а затем на одном дыхании поет двенадцать хитов: “Странники в ночи”, “Девятый скотч”, “Три царя”, “Апельсиновый день” и другие. Поет под гитару, под простенькие клавиши и ритм-бокс.

Когда я с нечеловеческой гордостью поставил эту кассету знакомым журналистам, они долго цокали языками. Затем откровенно признались: “Если все у „Наутилуса“ получится, этот может быть покруче „Князя Тишины“... Даже если „Князь Тишины“ был бы записан по-человечески, а не в скотской электронной студии”.

Услышав демо-запись “Китайского яблока” и мнения друзей, я не на шутку впечатлился. От Кормильцева я знал, что новый альбом планируют писать в Англии – с приглашенными продюсером и музыкантами. Чтобы узнать подробности, я через пару дней встретился с Кормильцевым в клубе “Бедные люди” на Ордынке. Кроме информации про альбом, мне надо

было взять у поэта итоговое интервью для книги про “Наутилус”. С этого и начали.

Илья Кормильцев: Главными событиями уходящего 96 года, если брать какие-то идеологические моменты, было завершение флирта с попсовым подходом к продвижению своей продукции. Завершение флирта со средствами массовой информации, попово ориентированными, с московским духом, так назовем это. Это был необходимый компромисс со столичной помпезностью, который делался без воодушевления – с сердцем, зажатым в кулаке, с “отвернутыми” яйцами. Просто потому, что нужно. Потом я понял, что сегодня наши журналисты чувствуют себя особенно хорошо, только кого-то похоронив, поплясав на его могиле и пописав на нее. Без этого они считают себя как бы несостоявшимися. Большая часть их не верит ни во что, кроме денег. Да и в те не особенно верит... Параллельно у нас начались два очень перспективных флирта. Первый – это флирт с психоделикой, а второй – с компьютерами, с компьютерной эстетикой и с компьютерным миром. Они отличаются большой влюбленностью и делаются по огромному желанию. Это те моменты, которые определили все настроение 96 года. Флирт с компьютером начался, строго говоря, летом 95 года... Тогда было еще не очень понятно, что из этого выйдет.

Александр Кушнер: Что послужило импульсом?

И. К.: Так получилось, что руководители фирмы “Апекс Рекордз”, будучи людьми с физико-математическим образованием, всегда питали слабость к новым технологиям. И ваш покорный слуга, будучи человеком с естественнонаучным образованием, тоже питал слабость к новым технологиям. Поэтому, когда пришли эти люди и сказали, что есть такое предложение, я с восторгом за него ухватился. Хотя не до конца понимал, что из этого выйдет. Все вокруг относились к этому как к какому-то пафосному некоммерческому предприятию. Никто тогда не ожидал, что это окажется выгодным коммерческим и рекламным шагом. Делалось это как эксперимент – для того, чтобы застолбить новую дорогу...

Было видно, что этот компьютерный роман – на самом деле замечательный роман. Благодаря ему я лично снова вошел... немного отстав от компьютерного мира за последние три года... я окунулся в него с большим удовольствием, увидев в этом большие перспективы. Вплоть до того, что вся ближайшая работа “Наутилуса” планируется в основном интерактивными мыслями, мультимедийными. Один из проектов – это проект осуществить новый альбом, так называемый “CD +”, который, помимо аудиодорожек, содержал бы также компьютерную мультимедийную дорожку.

А.К.: Понятно... Это как на последнем альбоме Rolling Stones “Stripped”. Скажи, ведь приятно с умным человеком поговорить?

И. К. (*смеется*): Мне тоже приятно. “Pleasure is mine” – как говорится в таких случаях по-английски... Следующий наш шаг – открытие интернет-сайта, который уже работает. Он еще не доделанный, но с него уже можно получать какую-то информацию: альбомы, тексты, все прочее. Сейчас его нужно довести до ума. Он позволит поклонникам получать не только ту информацию, которая есть на “Погружении”, но и свежие новости. Задавать вопросы, писать письма, обращаться с коммерческими предложениями... Знакомиться с девушками. И так далее.

Ну, вот эти два компьютерных проекта сейчас продолжают. Я очень тащусь от этого и сосредотачиваю внимание на мультимедийных и интерактивных технологиях. Потому что считаю, что темпы, которыми они будут внедряться в музыкальную жизнь, значительно выше, чем сейчас ожидают скептики. То есть это то, куда нужно кидаться очертя голову, потому что именно в этом направлении лежит будущее.

Второй большой роман, который во многом определил настроение 96 года, – это роман с возрождением психоделической культуры. С брит-попом и всем, что вокруг него происходит. Когда я только начал входить в это дело, то принял его сразу – эту перемену в направлении английской музыки. Без оговорок. Мы сейчас говорим о более психоделической стороне брит-попа. Той, которая ориентирована на “neohippy ideology”, на возрождение психоделической культуры. Я не имею в виду совсем попсовые варианты, хотя они мне тоже нравятся. Сегодня Джарвис Кокер из Pulp стал для меня одним из самых любимых людей. Новый культовый герой, вытеснивший в моем сознании, например, Мика Джаггера. И преемственность этой культуры, и новое увлечение психоделикой.

...Интерес к 60-м годам, снова возвратившийся. И в связи с этим появление нового психоделического оптимизма в творчестве “Наутилуса”, который связан с преодолением социальной заторможенности, социальной загнипнотизированности тем, что происходит вокруг. И в итоге посыланием этого всего на хуй.

За этот роман нужно выразить огромную благодарность группе “Аквариум” и тому культурному посланию, которое она несет в себе и в своих отдельных членах. И которое, к сожалению, не всегда, по ряду различных причин, творческих, объективных и субъективных, находит отражение в творчестве самой группы. Увы. И традицию хранителей духовного наследия 60–70-х годов, которой следуют многие члены этого коллектива... Она, может быть, в каком-то смысле является их значительно

большим достижением, чем музыка, которую они в последнее время играют.

Другими словами, роман с психоделиками привел меня к коренной переоценке сознания. Ка-те-го-ри-че-ской. К какому-то духовному отрыву от тяжелого наследия так называемых “русских проблем”. Несмотря на весь риск подобного поведения в этом обществе... У меня уже давно не было ничего – ни интервью, ничего – в течение нескольких месяцев... Меня последние публикации о “Наутилусе” скорее радуют, чем расстраивают. То есть я собираюсь внаглую везти тексты антипрогибиционистского характера повсюду, так сказать.

А. К.: А это движение какое название носит? “Свобода марихуане”? Или “Свобода легким наркотикам”?

И. К. (*смеется*) : “И не только легким”, – ответил я задумчиво... А вообще это называется антипрогибиционистское движение.

А. К.: Я с тобой советуюсь. Может, не переводя огонь на “Аквариум”, рассказать о психоделической дружбе Кормильцева с Олегом Сакмаровым?

И. К.: В такой формулировке, как “окружение группы „Аквариум“”, это звучит настолько... Кому нужно, тот поймет. А кому не нужно, не хуй и понимать. Можно этим все сказать. Без имен и без ничего.

А. К. (*жалостно*) : Мне бы конкретики хотелось услышать.

И. К. (*включая четвертую скорость*) : Какой, блядь, конкретики?! Вряд ли это для книжки может иметь значение... Ну, короче говоря, запоздалое знакомство с духом 60-х, выраженным в виде конкретных веществ, вызвало у меня большую радость и одновременно большую грусть. Блядь, ну почему это не произошло лет пятнадцать назад? Понимаешь? Потому что уже все равно возраст есть некоторый. Конечно, лучше было пройти через все это в более молодом возрасте.

А. К.: Я правильно понимаю, что в 80-х всякие психологические-психоделические-возбуждающие проплыли мимо “Наутилуса”? Только алкоголь был?

И. К.: Ну как, мы покуривали... Но это никогда не носило такого культового характера. Это было такое экзотическое развлечение. Теперь это стало как бы нормой. Ряд людей выбрал себе траву в качестве энджина, а отдельные люди – и кое-что покруче. В общем, каждый выбрал себе топливо и понял, что алкоголь отупляет. Он является одним из мощных средств развития специфического русского менталитета, такого очень угнетающего. Который не ведет никуда, кроме длительных разборок и стенаний про жизнь. То есть долбание привело к категорическому изменению содержания в лучшую сторону. Впервые за много времени у нас

появились радостные, а также юмористические нотки. И даже трагические и мрачные вещи стали трагическими совсем по-другому и по-другому мрачными. Они потеряли привкус скулежа, стали просто... драматическими.

Ну и дальше. Во всей этой обстановке духовного подъема и разрыва с традициями появилось естественное желание записать альбом в Англии. Пример Гребенщикова сыграл здесь роль только в смысле опыта, показывающего возможности такого мероприятия. Непосредственным толчком была попытка оторваться от всей этой заебавшей реальности. От ее проблем. И, в общем, оторваться где угодно. И когда у БГ появились в Англии связи, стало понятно, что если писаться где-нибудь не здесь, то в самом лучшем месте, которое можно вообразить по наработанному культурному материалу. Ну, на родине жанра творить. С этой целью началась разведывательная работа – поиск английских продюсеров, которые могли бы за приемлемые деньги заинтересоваться нашим проектом и смогли бы его реализовать... Так нами был нащупан Бил Нельсон.

Про него ничего рассказывать не буду, дам пачку его материалов, его пластинки. Ты сам досочиняешь... Потом я съездил на разведку в Великобританию, познакомился с людьми, и процесс пошел. То есть сейчас заключаются соответствующие контракты, платятся деньги, и в ноябре мы отправляемся туда, чтобы сварганить что-то.

А. К.: Последний вопрос – об эволюции личности Бутусова модели 96 года. Что делал Бутусов все это время? Девочки-читатели бегают, интересуются.

И. К.: Бутусов частично разделил эти веяния на три романа, которые мы с тобой нащупали: роман с Европой, назовем его так, роман с компьютерами и роман с психоделиками и новой музыкой. Из этих трех увлечений Слава разделил одно – психоделики – и собирается разделить второе: поездку в Европу. С компьютерами роман не очень разделился – по причине патологической технобоязни господина Бутусова. Главное, что он понимает важность этого романа. Даже если сам не может психически и интеллектуально в нем участвовать. Эволюция – то, что человек тоже очень расслабился и понял, что его позиции непоколебимы. Что ему не нужно бороться каждую минуту, доказывая, что он есть то, что он есть. А он может просто начать делать то, что ему хотелось бы сделать. И чувствовать себя свободным.

...На этом месте беседы в моем диктофоне закончилась пленка. Мы завершили интервью, еще немного поболтали и разъехались по делам. А

через пару недель Илья улетел в Англию. В Москву Кормильцев вернулся лишь под Рождество. Вернулся заросший, без пресловутой бороды и темных очков, какой-то светлый. Привез записанный, но пока не смикшированный альбом. “Ну, рассказывай”, – с нетерпением начинающего журналиста сел я на уши Кормильцеву.

Английская картина вырисовывалась следующая. Основным действующим лицом в студии, как и планировалось, оказался Бил Нельсон – человек, два альбома которого в свое время попали в английский “Top of the Pops”. Затем игра в рок-н-ролл Нельсону надоела, и он решил уединиться на собственной ферме под Йоркширом, где писал музыку для кинофильмов и спектаклей. “У вас в композициях все слишком отточено и поэтому немножко скучновато, – заявил Бил Кормильцеву при первой встрече. – Вам надо добавить задора и легкого сумасшествия. В идеале нам надо немного побесшашничать”.

И работа закипела. В студии трудились четыре человека: сам Нельсон (продюсирование, клавиши, сэмплеры, секвенсоры, программирование, кольца, гитары), миксинг-инженер Джон Спенс, Бутусов и Кормильцев. Илья отвечал за общий моральный дух, идеологические нюансы и волю к победе.

“Мы с Бутусовым решили, что последнее слово в студии будет за Билом, – вспоминает Кормильцев. – Поэтому все расхождения во взглядах происходили исключительно между мной и Славой. Когда я увидел, в какую сторону клонит Нельсон, то запаниковал. Мне показалось, что это не „actually“. Мол, это не Black Grape и не Pulp – все-таки Нельсон человек другого поколения. Но в какой-то момент я успокоился и решил: „Может, Слава всю жизнь мечтал исполнять именно такую музыку“”.

В свою очередь Бутусов, придя на запись первых треков, начал нервничать, как невеста перед свадьбой. Затем, увидев, насколько уверенно Нельсон рулит “пейзажем звука”, Слава успокоился – вслед за Кормильцевым. “Если бы Бил умел петь по-русски, нам можно было вообще не приезжать”, – пошутил Илья, отдавая должное профессиональной выучке Нельсона.

Потянулись трудовые будни. Студийные смены проходили с 11 до 20 – без выходных и праздников. После работы наши герои заходили в паб, где вели оживленные беседы с местным населением. В частности, обсуждались метаморфозы капризной английской погоды, которая менялась по несколько раз на дню – от мокрого снега с дождем до плюс пятнадцати. Затем Илья и Слава возвращались в коттедж, где вели умные беседы возле камина. Беседы сопровождалась забиванием косяков, распитием виски и

обсуждением новых песен.

Ближе к финалу случилась кульминация сессии – запись композиции “Нежный вампир”. Эта песня была написана Кормильцевым последней и заслуженно считалась одной из удач альбома. Чтобы усилить коммерческий эффект от “Вампира”, эту композицию решено было спеть дуэтом... с Гребенщиковым. Это выглядело реальным, поскольку лидер “Аквариума” в то время жил в Честере – в полутора часах езды от Йоркшира.

Идея была обречена на успех и хранилась в строжайшей тайне. Опыт исполнения Бутусовым и БГ песни “Я хочу быть с тобой” подсказывал Кормильцеву, что в таком варианте “Нежный вампир” должен превратиться в радиийный суперхит. Также на него планировалось снять клип – с участием Бутусова и БГ.

Встреча лидера “Аквариума” на захолустном йоркширском полустанке напоминала, по словам Кормильцева, прибытие Ленина на Финляндский вокзал. Гребенщиков приехал из Честера, сверкая новыми зубами, и сразу принялся за работу, внося в нее новую позитивную энергетику. В “Нежном вампире” Бутусов с БГ пели по куплету – в порядке живой очереди. Получилось эротически, таинственно и проникновенно. На этом эмоциональном всплеске запись альбома “Яблокитай” была завершена.

Я внимательно выслушал рассказ Кормильцева, а дома в наушниках прослушал весь альбом. Я понимал, что Бутусов и К° попытались записать модную танцевальную музыку – с высокохудожественными текстами и современным саундом. Разуверившись в отечественных студиях и музыкантах, генштаб группы отдался с потрохами в руки опытного англичанина, который довольно удачно сделал альбом для русского рынка. Это выглядело свежо: а) для “Наутилуса”, б) для России.

Бил Нельсон действительно не подвел. Тем не менее вопросов к Кормильцеву у меня было не меньше, чем комплиментов аранжировочным паутинам англичанина. Например, драматургия “Яблокитай”: почему “Апельсиновый день”, который, ясен пень, должен был открывать компакт-диск, стоял на последней позиции? А самая неудачная композиция стояла первой? Почему в “Яблокитай” не вошли песни “Матерь богов” и “Бедная птица”? Почему изменено первоначальное название “Китайское яблоко”? И, наконец, почему проект называется “Виртуальная группа „Наутилус Помпилиус“”? И как этот студийный вариант “Яблокитай” музыканты будут озвучивать “живьем” – все эти кольца, лупы, сэмплы?

“Никак не будут озвучивать, – жестко ответил Кормильцев. – Выпустим альбом, сыграем тур, издадим книгу, архивные записи и... все. Лавочка закрывается. Группы больше не будет”.

Подробности Кормильцев комментировать отказался. Я вышел на балкон – половить ртом загазованный московскими химикатами воздух. Хотелось позвонить друзьям и пожаловаться на не сильно логичную жизнь. Об истинных событиях этого решения я мог только догадываться. Мне почему-то казалось, что вся эта игра в рок-продюсера Илью устраивает. Значит, инициатива распада группы исходила не от него, а от Славы. Почему?

Ни для кого не было секретом, что Бутусов не любит ездить в затяжные туры и играть концерты. Кроме того, на него давило постоянное чувство ответственности – за коллектив, за “духовные послания поколению” и т.д. Плюс в последнее время он сильно увлекся мистикой – такой вот период в жизни у человека.

Но это были не больше чем предположения. Правды и истинной “сути вещей” я не знал тогда, не знаю и сейчас... Встретившись через год с Бутусовым и его женой, я узнал, что у Славы уже полностью готов сольный альбом. Но это было словно в другой жизни – в период Бурлакова и “Утекай звукозапись”.

...Помню, что последние дни “Наутилуса” были не слишком радостные. В клубе “Желтая подводная лодка” прошла скромная презентация “Яблокитая” – вместе с Бутусовым, Гребенчиковым и будущим режиссером фильмов “Брат” и “Брат-2” Алексеем Балабановым.

Вскоре Кормильцев подарил мне черную футболку с расписанием прощального тура июня 97 года и пригласил на последние концерты “Наутилуса” в “Россию”.

Я посетил эти торжественные похороны вместе с Лагутенко и Бурлаковым. Мы сидели на шикарных местах, только впечатления были не шикарные. Музыканты играли с большим рвением, но без вдохновения. Все очень старались, но это было, по вышеупомянутому выражению Бутусова, “усердие шахтеров, добывающих уголь в канализации”.

Когда я вышел из “России”, было ощущение, что у меня отобрали любимую игрушку. Заканчивалась одна эпоха, начиналась другая. Наша совместная с Кормильцевым и Леной Порохней книга “Введение в Наутилусоведение” фактически была никому не нужна. Она поступила в продажу ровно через две недели после последнего концерта уже не существующей группы.

5. Музыка для поколения бритых лобков

Кормильцев, помимо того, что он полиглот, он еще и штурман настоящий. Илья держит перед собой карту и, не видя, куда идет, просто идет по карте – туда, куда надо.

Вячеслав Бутусов

После распада “Наутилуса” и выхода “Введения в Наутилусоведение” Кормильцев исчез из моего поля зрения. Он не подходил к домашнему телефону, не появлялся на концертах, не ездил меняться пластинками, не давал интервью. Похоже, он стал затворником и маргиналом. Я думал, что Илья уехал в Екатеринбург, Лондон, Питер или Прагу.

Через несколько месяцев я случайно узнал, что Илья забаррикадировался в своей московской квартире и экспериментирует с электронной музыкой. Компанию Кормильцеву составил его бывший коллега по “Наутилусу” Олег Сакмаров. В тот момент он оказался за бортом “Аквариума” – аккуратно после того, как Гребенщиков разогнал всю группу и начал записывать “Лилит”. Похоже, уходя в свободное плавание, Бутусов и БГ мыслили прямо-таки синхронно...

Сакмаров переехал в Москву, где безвылазно сидел дома у Кормильцева, с утра до вечера занимаясь созданием новой музыки. Их совместный проект назывался “Чужие”. Еще в 95–96 годах Илья мечтал сделать необычный электронный альбом – даже придумал название: “Музыка для поколения бритых лобков”. Но в одиночку ему эту затею было не потянуть. Теперь эту идею реализовывали двое.

Кормильцев отвечал за тексты, компьютерные технологии, сэмплы, пытался читать рэп и играть на гитаре. Остальная музыкальная фактура легла на плечи Сакмарова. Идеология проекта “Чужие” была общая.

Предчувствуя, что намечается что-то интересное, я приехал в домашнюю студию Кормильцева вместе с дизайнером и фотохудожником Сашей Коротичем – к слову, автором обложек альбомов “Пятнадцать” и “Титаник”.

“Незванные гости хуже татарина”, – глубокомысленно заметил выходец из древней Казани Олег Сакмаров. Я догадался, что нам обрадовались. Мы прошли в логово затворников и осмотрелись по сторонам. Вся квартира

была усеяна проводами, инструментами и компьютерами, а два взрослых дядьки энергично ползали на карачках по полу и старательно что-то записывали.

Усадив нас в холодные кресла, они включили несколько треков. Первое впечатление – какой-то необычный гибрид Chemical Brothers с ORB и Prodigy. Плюс радикальные тексты на русском языке. У меня было твердое ощущение, что эти люди опережают время настолько, что это выглядело просто вызывающе. Стиль, на который Гребенщиков замахнулся лишь спустя восемь лет на альбоме “Беспечный русский бродяга”, Кормильцев с Сакмаровым начали разрабатывать еще в 97–98 годах.

...Весь вечер затворники с Нахимовского проспекта говорили исключительно о новом проекте. Было очевидно, что их колбасит. Колбасит от ощущения создания “другой реальности”. Показательно, что в их речи слова “Аквариум” и “Наутилус” не звучали как социальное табу. Правда, на перегородке в кухне, которую музыканты называли “стеной ненависти”, висел большой портрет Гребенщикова, превращенный ими в мишень.

Я сильно удивился подобному экстремизму, но этой деликатной темы решил не касаться. В тот момент будущее моих приятелей меня интересовало в гораздо большей степени, чем их прошлое или настоящее. Наслушавшись новой электронной музыки, мы решили поужинать и поговорить “за жизнь”.

Александр Кушнир: Самое приятное в истории с проектом “Чужие” – то, что Кормильцев с Сакмаровым вполне сознательно разрушают сложившиеся о себе в течение многих лет стереотипы. Расскажите, как ваша электронная эпопея рождалась и эволюционировала...

Илья Кормильцев: Все очень просто. К определенному моменту мы поняли, что нас не тащит от того, что мы делаем. И что если нас и дальше будет не тащить, то нас самих скоро оттащат.

Олег Сакмаров: Что мы можем заболеть.

И. К.: Что мы можем заболеть, и нас оттащат. А поскольку мы люди пожилые, мы поняли, что единственный способ продлить нашу жизнь – это стать моложе. Это была главная идея, которая за этим лежала. Мы поняли, что сделали в жизни лишь десять процентов того, что могли сделать. И вот эти девяносто процентов, которые мы не сделали, это и есть наша кажущаяся старость. Мы решили, что пора разрушать мифологему...

Я человек антиромантических убеждений, и для меня главным было разрушить идеи интуитивизма и харизмы, которые определяют лицо нашего рок-н-ролла. У нас с Сакмаровым постоянно происходят большие культурологические дискуссии. Я всегда говорил, что мой любимый поэт –

Иоганн Вольфганг Гёте, который прожил очень долгую жизнь, очень успешную, будучи премьер-министром небольшого, но государства. И при этом он никогда не позволял себе впасть в состояние мобильного телефона – потому что писал о том, что видел. О том, что пережил... Он все это обобщал в мудрость. Для меня это всегда очень важно.

Человек должен девяносто лет прожить так, как будто ему все время восемнадцать. И это не ложь. Не способ грим себе сделать, подтяжки и прочее. Это должна быть душа. Душа должна быть молодой, потому что душа человека бессмертна. Если только ее не отдавать на растерзание телу, деньгам и прочей хуйне. Душа всегда должна быть восемнадцатилетней. Я подумал, ну нам по сорок лет... А тем, кто сейчас ходит на дискотеки, на рэйвы, читает Пелевина, – им сейчас восемнадцать лет. Ну и что?

Мы слушаем ту же музыку, ходим на те же дискотеки, а уж по поводу того, как долбаться, мы каждого можем научить. Я посмотрел на неутомимого Шона Райдера из Harry Mondays, у которого сейчас Black Grape... Вообще для меня в концепции этой идеи было... Если не считать моих друзей, если не считать Сакмарова, получается, что в этой стране не было никого, кто бы меня толкал. В какой-то момент у меня появилась последовательность откровений, что нужно что-то делать совсем по-другому. Эта последовательность складывалась следующим образом: Шон Райдер – Underworld в лице обоих пидарасов – Бил Нельсон, как ни странно. Бил Нельсон показал мне пример карьеры, может, не очень удачной в каких-то отношениях, но это пример человека, который мастер, мессир. Который умеет работать с материалом. Вот эти три человека для меня были самыми важными из внешних людей.

...К сожалению, кроме друзей, мне в этой стране никто не дал ничего. Ни у кого не было возможности ничему научиться. Потому что все очень успешно идут к своим похоронам. И к своему некрологу. И как-то это все очень скучно. То есть это момент такой, неизбежный для каждого. Но его надо пережить как-то на лету, даже не заметив. Ну, хуячил ты музыку для людей, а потом для ангелов начал хуячить. Даже не заметив, что в руках лежала та же самая гитара. Я думаю, что вот так, наверное, Фрэнк Заппа перешел в мир иной, так и не поняв, чем его 49-й альбом, записанный на небесах, отличается от 48-го, записанного по эту сторону бытия.

А. К.: Вернемся к вашим экспериментам. С идеологией все понятно. А как технологически это все создавалось? И как в итоге та стадия, которую мы сейчас слышим, материализовалась в жизнь?

О. С.: Что касается технологии, то есть подключения проводов и набора программы, управления всей аппаратурой, это скорее вопрос к

Кормильцеву. Я в этом смысле лишь скромный подмастерье. А что касается того, как все это рождалось... Не совсем так, как Илья излагал, – у меня другой путь к этому был. В последние годы я просто лопался и взрывался изнутри. От переизбытка идей и совершенно очевидных вещей... Которые я знал, как надо делать, но не мог сделать там, где я занимался музыкой. И те ориентиры музыкальные и этические, которые я видел вокруг: Трики, Бэк, которые в какой-то момент меня смели просто... И я понял, что они отражают мое мироощущение. И я загрустил совсем сильно, что у меня нет никаких шансов в этом культурном пласте что-нибудь сделать. И я начинал уже перегорать. Внутри кипит, когда ты знаешь, что делать, а тебе не дают. Все как будто бы знают, что делать, но ничего не понимают...

И тут вдруг повезло, что мы с Кормильцевым, вроде перестав работать вместе в “Наутилусе”, уже несколько лет корешились по поводу общих психоделических впечатлений, жизненной философии... И этот период длиной в два-три года, он вдруг вызрел в идею, что мы можем работать вместе... И я, по крайней мере, могу все свои идеи неограниченно реализовать... Самые безумные. И на меня никто не будет показывать пальцем и говорить: “Ты что? Ты что придумал? Ты же песню убиваешь этим!” Гораздо проще, когда песня твоя. Хочешь – убиваешь, хочешь – не убиваешь. Вот ты слышал, убили ли мы свои песни? Нет, не убили. Они сами кого хочешь убьют, я думаю. Или оживят. И то, что мы сейчас делаем, это сегодня близко к пониманию творческой свободы. Свободы вылепливания в звуке своей картины мира – с одной стороны, и с другой стороны – такого ремесленного смирения. Когда полная свобода формализуется очень сложной технологией изготовления продукта.

И. К.: Я бы даже добавил слово “мучительной”.

О. С.: Меня это очень порадовало и показалось близким. Потому что я эту технологию в свои консерваторские годы хорошо представлял – как мучительно тяжело в музыке делается настоящее. А потом, попав в рок-н-рольную среду, я слышал много мнений о том, что весь этот труд не нужен... Это кропотливое обучение, образование и потом реализация того, чему ты научился, – все это не нужно. Мол, все идет от Бога. А музыкант – это всего лишь проводник. И ничего не надо делать. Мол, надо бухать, долбаться, набираться жизненных впечатлений, а потом выплескивать это в альбомах и на сцене. Это такая традиционная точка зрения. И в рок-н-ролле меня последние годы угнетало то, что по-русски называется “халявность”, “быстрота” и “спонтанность”...

У нас с Кормильцевым другой метод. Мы очень долго и кропотливо работаем, как все техно-музыканты в мире. Идеологи ORB несколько лет

делают свой альбом, тщательно возясь с каждым звуком, – это достойно уважения. И два полюса в моей жизни сомкнулись неожиданно – консерваторский и самый радикальный. Новый, электронно-авангардный какой-то, постмодернистский. И у меня не порвалась связь времен, а восстановилась. Я какую-то внутреннюю гармонию здесь нашел. И поэтому то, что мы сегодня слушаем, для меня это был вопрос какого-то гигантского наслаждения. Самое главное – получилось сделать то, что хотелось. И мы здесь отвечаем за каждую ноту, за каждое слово. И это счастье.

А. К.: Как вы дополняете друг друга?

И. К.: Прекрасно. Мы настоящие, нормальные солдаты во взводе. Мы в меру ругаемся, в меру прощаем друг друга. Порой посылаем на хуй – как полагается между двумя взрослыми мужчинами, которые уже не имеют особенных иллюзий по поводу этой жизни. Которые много чего повидали на своем веку... Главная проблема у нас сейчас – как и когда почистить зубы. И правильно ли с точки зрения стоматологии чистить зубы первый раз в восемь часов вечера? У нас две ключевые фразы при создании этого альбома: “Я иду чистить зубы” и “Где карандаш?”. Карандашом записывается в монтажные листы новое состояние треков. А зубы – это такая вечная проблема... Мы начинаем их чистить в десять часов утра и завершаем в восемь вечера. Потому что человек, который идет по дороге к зубочистительному центру, вдруг поворачивается и говорит: “Да, кстати, а неплохо бы здесь сделать корректуру звука”. “Как?” – спрашивает второй, сидящий за пультом. Первый возвращается в комнату: “Ну, вот так”. И после этого продолжает рассуждать: “Да, хорошо звучит. Ну, я пойду зубы почищу, пока ты это делаешь”. По дороге поворачивает назад и говорит: “Слушай, а неплохо бы вот этот сэмпл немного прибрать, потому что слишком жирно получается”. “Как?” – говорит тот, который сидит за пультом. “Ну, вот так. Ну ладно, ты делай... А я пойду почищу зубы”. И так происходит с десяти утра до восьми вечера.

А. К.: Каковы функции каждого в проекте “Чужие”?

И. К.: Я бы сказал, что в силу нашего образования Сакмаров больше ответственен за то, что называется “музыкой”. В узком смысле этого слова – то есть гармония, ноты и прочее. Я больше ответственен за то, что называется “звуком”, – в узком смысле этого слова. Сэмплы, подобранные звуки, звучание, обращение с аппаратурой. Но мы стараемся меняться функциями, как-то передавать их друг другу. И постепенно этот процесс инфильтрации происходит. И я начинаю играть, а Сакмаров начинает крутить ручки. Я думаю, что пройдет время, и мы будем друг другу

идентичны в этом смысле. Это – если брать технологическую сторону.

Если брать душевную сторону, то я, будучи человеком истеричным, темпераментным и требовательным к жизни, в каком-то смысле вношу во все это струю какого-то критицизма, энергии такой мужской. В свою очередь Олег вносит в это энергию душевности. Его основной вклад – в лиричность, в чувства, в эмоцию. В нежную сторону всего того, что мы делаем.

А. К.: Можно сказать, что вы начинали “Чужие” как дуэт композитора и музыкального коллекционера? А потом это куда-то начало смещаться?

О. С.: Музыкальный коллекционер – это Гребенщиков.

И. К.: Я скажу, что мы начинали как дуэт двух наркоманов и, в общем-то, надеемся оставаться в том же качестве.

О. С.: А я с ужасом представляю момент, когда Кормильцев начнет писать музыку, а я – стихи. Вот что тут будет...

И. К.: Если поставки травы и кислоты будут оставаться на прежнем уровне, я думаю, что мы будем наслаждаться тем, что делает каждый из нас. Сакмаров хочет меня научить гармонии, я хочу научить его писать стихи... И мы считаем, что это очень важно... По крайней мере, подписывать все мы собираемся творческим коллективом – по старой проверенной схеме Леннон—Маккартни. Потому что уже очень трудно сказать, кто что придумал. И если, например, Олег написал всего несколько строчек в композиции “Сумочка”, а я написал всего лишь несколько партий в той музыке, которую мы сделали... Это состояние – оно быстротекущее, потому что все может обернуться обратной стороной. И я очень буду счастлив, если мы будем совершенно универсальны и научим друг друга тому, что умеем.

О. С.: Я получаю колоссальное удовольствие от неожиданных хитросплетений нашего сюжета, нашего звука, наших идей вообще... Когда я с удивлением смотрю, как какая-то моя музыкальная идея в такую сторону выкруливается, что я даже сам себе представить не мог никогда. То, что называется коллективным творчеством, и чем многие рокеры щеголяют – мол, “у нас коллективное творчество”... И чего уже давно нет ни у кого из известных мне людей... Вот мне кажется, что у нас это получается. Что мы наслаждаемся совместной работой. Такой каскад интеллектуальный, все это забавно и остроумно иногда получается. Иногда грустно и трагично.

А. К.: Огласите названия основных композиций...

О. С.: Первая называется “Химический ангел”, есть вариант “Химическая женщина”. Вторая – “Сумочка”. Это пока рабочие названия. Третья называется “Свеча”, она же “Муха”. Четвертая – “Фармакология”, в

народе она называется “Моцарт”. И пятая называется “Не тащит”.

А. К.: Чем были обусловлены включения в ткань композиций индийских и тибетских мелодий?

О. С.: Ни одной индийской, слава богу, и тем более тибетской. Исключительно наши родные мусульманские мелодии. И немецкие. Больше ничего. Ну и там всякие африканские, но тоже мусульманские. Мы не склонны поддаваться экспансии восточных религий. Мы не думаем, что они должны завоевать мир, как они сами считают. У нас своя строгая немецко-татарская идеология и религия...

А. К.: Каковы ее основные постулаты?

О. С.: Джихад и много чего другого. Есть основополагающие труды классиков на эту тему, можете почитать. Различного рода Кораны. Немецкие... Кушнир хотел нас обидеть – “тибетские, индийские мелодии”...

И. К.: Буддизм – это главный объект нашей внутренней философской критики. Ты можешь посмотреть на “стену ненависти”, которая располагается на кухне.

А. К.: Вы можете приоткрыть секреты творческой кухни и продекларировать источники музыкальных цитат?

О. С.: Все сэмплы на альбоме мы честно укажем. Это даже не секрет творческой кухни, это обыкновенная порядочность. Когда мы берем кусок произведения Моцарта из записи татарских друзей, то, в общем, их и укажем. То, что огромный поток world music предоставляет нам, мы этим активно пользуемся. А Кормильцев у нас – неисчерпаемый источник мировых впечатлений.

И. К.: Если вас, к примеру, интересует текст, идущий на заднем плане в композиции “Не тащит”, то его перевод следующий: “Продолжаются свирепства исламских фундаменталистов в Алжире. В северо-западной части Алжира группа исламских фундаменталистов захватила деревню. После чего удерживала заложников в течение пяти дней”.

О. С.: Ну, и чего ты, Илья, сразу все рассказал?

А. К.: Не бойсь, Олег, в надежные руки это попало. А как это богатство будет реализовано на живом звуке? Сопоставление студийного и концертного звучания?

И. К.: У нас постоянно происходят всякие технологические находки, которые могут иметь применение на сцене. Мы, в принципе, пришли к выводу, что эту музыку можно играть живьем. Ее можно играть так же долго и нудно, как играли Led Zeppelin и Grateful Dead. Интересно играть звуками, играть мирами, объективными по отношению к тебе...

О. С.: Простор для импровизации сценической очень большой – словесный и музыкальный.

А. К.: Какие звуки и инструменты во время концерта будут звучать с пульта, а какие – идти со сцены?

И. К.: На самом деле все будет идти со сцены. Просто что-то будет идти от компьютера, что-то будет идти от человека. От компьютера будет идти в основном ритмическая подкладка. Потому что, как хорошо написано в последнем номере журнала Mojo, чем отличается drum box от ударника? Тем, что в drum box программу нужно внести только один раз. Необходимость в живом ударнике – это совершенно ложная вещь. Возможно, она в шоу хорошая. Может быть, мы когда-нибудь придумаем что-нибудь для перкуссионистов, если нам захочется этого для новых оттенков. Для того чтобы просто видеть живую обезьяну, которая стучит по бонгам, как поется в знаменитой песне группы Dire Straits. А в принципе компьютер – это сетка координат. Такая бывает у художников – нанесенная сеточка из координат, в которых они что-то строят. Это хорошо, что в электронной, технологической музыке эта сетка не живая. Она не человек, именно потому что она должна быть абсолютно надежной. Люди на этом фоне могут выебываться как угодно. Это живые люди – они отражают свои эмоции, душу...

Музыка, собственно говоря, это искусство времени в первую очередь. Даже прежде чем искусство звука. А время... Люди не считают время, у тебя есть часы для этого. Собственно говоря, компьютер – это те же самые часы для музыканта, которые носят на руке. И, когда нужно, на них смотрят. Зачем на них смотреть, когда не нужно на них смотреть? И в этом смысле появление компьютера как организующего темпа, ритмического элемента музыки – это огромный прогресс, который делает музыку намного более свободной. Хотя не все это понимают... Многие видят в этом какое-то рабство, какую-то механичность. Но музыка вся механична, размер в музыке – это железный канон. Когда человек отходит от музыкального размера, от темпа, это всегда служит проигрышу музыки. Если этот отход не предусмотрен, специально не задуман, это называется лажа. В этом смысле мы считаем, что в этой сетке можно делать очень живую, охуительно живую музыку. Не менее динамичную, не менее напористую, чем рок-н-ролл. Не меньше оставляющую простор для игры.

А. К.: Тексты у вас были первичными?

И. К.: Изначально – да. Но очень много поменялось в процессе работы над вещами... Под динамику, под содержание, под мысль.

А. К.: В тех композициях, которые я слышал, используется сильный

элемент ассоциативного мышления. Там присутствует пространство для импровизации восприятия. И композиции ваши, похоже, уже живут своей жизнью...

И. К.: Мы как-то особо не рефлекслируем на эту тему. Я вообще всегда считал, что текст – это некое высказывание. И это твоя проблема – как ты мое высказывание понимаешь. Для меня такого специального ассоциативного мышления, отдельного от всякого другого мышления, не существует. Когда люди собираются ассоциативно мыслить, это называется “трип”. Конечно – это полезно, музыку послушать в таком состоянии сознания... Но если ты не знаешь, что сказать, тебе ни одно состояние не поможет. Если ты не умеешь водить машину, ты не доедешь даже от станции “Нахимовский проспект” до станции “Таганская”. Если ты не знаешь, куда тебе ехать, ты можешь съесть все наркотики в мире, но в итоге никуда не приедешь.

6. В списках не значился

Русский интеллигент всегда страдает врожденным половым извращением: он любит свой народ. И он должен быть с народом. А если он над народом возносится и как-то отделяется от него в своей академической жизни, то чувствует себя неловко.

Илья Кормильцев

После завершения работы над проектом “Чужие” Кормильцев впал в очередное безвременье. Сотрудничество с Сакмаровым завершилось выходом альбома “Химический ангел”, который ситуацию в рок-музыке сильно не изменил. Да и не мог изменить.

Появление “Химического ангела” сопровождалось легким бредом. У Кормильцева альбом был издан в одной версии (под названием “Подполье”), у Сакмарова – в другой (под названием “Химический ангел”). И на другом лейбле. Концертов у “Чужих” не наблюдалось, что по-человечески было понятно – слишком далеко наши экспериментаторы оказались от народа...

Но прогрессивная рок-общественность не могла забыть своего героя еще долго. Вскоре после выхода “Химического ангела” Кормильцеву позвонил Макс Фадеев. Со свойственным ему напором предложил делать вместе с Ильей новый рок-проект. Как вы, наверное, уже догадались, речь шла про группу Total.

Илья съездил на несколько переговоров, но вместо текстов подсунул Фадееву... меня. В качестве пресс-поддержки. Сам же с фадеевского проекта как-то незаметно соскочил. То ли тексты не писались, то ли не захотел писать. Не знаю...

При этом Кормильцев не был бы Кормильцевым, если бы не отозвался на мое приглашение прийти на презентацию Total. У меня сохранилась видеOVERсия этой акции, на которой Илья задал музыкантам единственный вопрос: “Вот вы играете рок-музыку... Не чувствуете ли вы себя марионетками, исполняя чужие мелодии на чужие тексты?” Ответ Total интересовал Илью в последнюю очередь. Мне стало даже любопытно – уж не унылые ли лица музыкантов “Наутилуса” породили в свое время в гениальных мозгах Ильи Валерьевича подобный вопрос?

...После несостоявшегося альянса с Total мы с Кормильцевым встретились где-то через год. По-моему, без особого повода. Илья был бодр и весел, а на мой оригинальный вопрос: “Как дела?” – поведал прямо-таки анекдотичную историю. Для начала он положил на стол два модных диска: “Брат” и “Брат-2”. Как известно, в каждом из них были песни на стихи Кормильцева. Поэтому, увидев перед собой эти популярные в народе саундтреки, я не сильно удивился. “Ты что, хочешь мне эти диски подарить?” – без всякого энтузиазма спросил я. “Не-а, – радостно ответил Кормильцев и, подражая героям фильма “В августе 44-го”, сказал: – Морщи лоб, шевеля губами... Я как-то утром посмотрел на эти диски и подумал: „А вот если существуют фильмы “Брат” и “Брат-2”, и они успешно продаются, то почему на прилавках до сих пор нет диска с названием “Брат-1”?”“

Предчувствуя суперрассказ, я уже задышался от смеха. Но Илья меня не жалел. Бесчеловечным голосом он поведал мне повесть временных лет – историю о том, как в третьем тысячелетии можно стать миллионером за неделю. Вначале Кормильцев рассказал о том, как быстро слетал в Питер и подписал документы на смежные права с Бутусовым и Настей Полевой. Как убедил свою звукозаписывающую компанию издать диск с Сергеем Бодровым на обложке. Как подбирался шрифт надписи “Брат-1” – чтобы ничем не отличаться от своего диска-предшественника и диска-последователя.

“И как ты думаешь, каким тиражом продалась пластинка?” – спросил Илья. Я фактически не слышал вопроса, катаясь по дивану в приступках гомерического смеха. Хохотал так, что чуть гланды не выскочили. Второй раз судороги смеха смели меня, когда я спустился в метро. На самом видном месте в ларьке, торгующем компакт-дисками, стояли три пластинки: “Брат”, “Брат-1” и “Брат-2”. “Нет, все-таки Кормильцев определенно гений”, – в очередной раз подумал я. И мы опять потерялись на полгода.

...Илья появился так же внезапно, как и исчез. Позвонил мне на работу и сказал: “Через час буду у тебя в офисе. Можешь не объяснять дорогу – я уже по карте посмотрел. Сейчас сяду на велосипед и приеду”. “Не забудь взять компас”, – пытался пошутить я, но Кормильцев меня уже не слушал. По-моему, Илья в тот период вообще никого не слушал...

Он действительно приехал на велосипеде. Притаранил с собой кучу новых книг – преимущественно переводной прозы контркультурного плана. “Я редактирую и продюсирую выпуск серии книг под названием „Альтернатива“, – выпалил Кормильцев. – И еще сотрудничаю с журналом „Иностранная литература“”. Я даже не догадывался, что такой журнал еще

существует. Ну да ладно. Единственное, что я понял, вернее, почувствовал, – что Илья живет какой-то очередной, бог знает какой по счету, новой жизнью. Меня Кормильцев почему-то решил в нее пригласить. А точнее, в редакционный совет “Альтернативы” – вместе с Гребенщиковым, Лагутенко, Самойловым, Козыревым и Бухариным. Эти люди в преломленном сознании Ильи Валерьевича представляли лицо и совесть современной русской литературы...

“Что делать-то надо?” – уныло спросил я, отвечая на два звонка одновременно. “А ничего, – ответил поэт-переводчик. – Твоя фамилия будет стоять в списке редакционного совета, а я буду присылать тебе подарочные экземпляры новых книг”. “А, понятно, – сказал я. – Бизнес по-русски. Если тебе очень надо, то пиши. В принципе я не против”.

Илья подарил книги, сел на велосипед и уехал. Мы опять потерялись во времени. Периодически я видел его статьи в “ОМе” и рецензии на новые книги в Rolling Stone. Там все било не в бровь, а в глаз. Все по делу. Я готов был подписаться под каждым словом.

...Не помню, когда именно мне в голову пришла идея написать мемуары про тех неординарных людей – даже не людей, а эльфов, – с которыми мне довелось сотрудничать за последние пятнадцать лет. Составил предварительный список героев – Кормильцева там не было. Забыл. Недооценил. Не знаю. Короче, в списках не значился.

Я купил тетрадку в клеточку, провел в ней поля и сорвался в полумифическую страну Эль-Гуну – приводить в порядок память и делать первые заметки.

Когда была написана первая глава, я тут же вспомнил про Илью. Правда, не в роли персонажа “Хедлайнеров”, а в качестве суперэксперта. Я с нетерпением распечатал текст про Гребенщикова и направил лыжи в гости к Кормильцеву. Мы не виделись больше года, но это не имело никакого значения. Мне было дико интересно узнать его мнение о готовящейся книге.

Очередную съемную квартиру Кормильцева я нашел не без труда. Где-то на Сухаревке – аккурат между “Райффайзен Банком” и музеем Васнецова. Целый вечер мы на кухне гоняли чай и болтали обо всем на свете: о новых дисках, литературной интернет-полемике Ильи Валерьевича слукьяненко, о реинкарнации романсов Вертинского, творчестве братьев Самойловых. В конце беседы Кормильцев подарил мне автобиографию Майлса Дэвиса, выпущенную его издательством “Ультра. Культура”, и собственную книгу “Никто из ниоткуда”. Я поделился замыслом “Хедлайнеров”, попросив Илью внимательно прочитать главу про

Гребенщикова. Кормильцев пообещал позвонить на следующий день.

Перезвонил он минут через сорок – я даже не успел доехать до дома. “Ну как?” – с задержкой дыхания спросил я, на ходу вспоминая, что, помимо знания четырнадцати языков, полиглот Кормильцев всегда отличался быстрым чтением.

“Ты знаешь, в Европе такими книгами завалены целые этажи”, – начал монолог поэт “Наутилуса”. Такого поворота событий я не ожидал, но расстраиваться дальше мне просто не дали. “Но в России таких книг нет, – как-то жизнерадостно продолжил Кормильцев. – Давай действуй – ниша-то свободна... Мне интересно. Буду ждать продолжения. Потом можем напечатать ее в моем издательстве, если захочешь”.

Я жутко воодушевился и пообещал держать Илью в курсе событий. На следующее утро я почувствовал, как у меня за спиной словно выросли крылья. И с огромным энтузиазмом засел за главу про Макса Фадеева, с которым Илья меня, собственно говоря, и познакомил... В очередной раз подумал о том, как тесен мир.

Прошли месяцы, затем еще месяцы. Я с головой ушел в книгу и про обещание, данное Илье, по-московски быстро забыл. Наверное, текучка засосала.

Когда “Хедлайнеры” были практически написаны, Ильи Кормильцева не стало. Его памяти и посвящается эта книга.

notes

Notes